

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

III Минские криминалистические чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 15 декабря 2022 г.)

Минск
Академия МВД
2023

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *Р.М. Попов* (ответственный редактор);
кандидат юридических наук, доцент *И.А. Анищенко*;
кандидат юридических наук, доцент *В.А. Чванкин*;
кандидат юридических наук, доцент *В.М. Логвин*;
кандидат юридических наук, доцент *Г.А. Павловец*;
кандидат юридических наук, доцент *И.В. Пашута*;
кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Тукало*;
кандидат юридических наук, доцент *М.М. Якубель*

Рассматриваются наиболее актуальные вопросы уголовного процесса, криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности.

Издание рассчитано на преподавателей, научных работников, адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов, студентов, слушателей учреждений высшего образования юридического профиля, практических работников правоохранительных органов.

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023

УДК 343.98

Г.У. Ахмедова

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПО ДЕЛАМ О ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Во всем мире существует проблема торговли людьми. К 2020 г. более 170 стран, включая Узбекистан, приняли законы, криминализирующие траффинг. Еще в 2008 г. в Республике Узбекистан вступил в силу Закон «О противодействии торговле людьми», в соответствии с которым противодействие торговле людьми возложено на МВД, СГБ, МИД, дипломатические и консульские учреждения Узбекистана и Министерство здравоохранения [1].

Международные организации, национальные правительства и ННО инициировали целый ряд исследовательских инициатив и программ для выявления жертв и оказания помощи пострадавшим от траффинга. Тем не менее, согласно статистике ООН, число жертв и преступлений продолжает расти по всему миру [2]. В этой связи проблема торговли людьми угрожает национальной безопасности государства, его развитию, выводит из строя экономические основы, наносит серьезный вред правам и интересам человека. Борьба с торговлей людьми во всех странах остается одним из приоритетных направлений государственной политики.

Если говорить о конкретных аспектах тактики следственных действий при расследовании фактов торговли людьми, то одним из наиболее серьезных процессуальных действий является задержание. Для производства задержания работникам правоохранительных органов, задействованным в этом процессе, целесообразно разделить на две группы: первая задерживает жертв торговли людьми и работает с ними; вторая выполняет те же действия в отношении торговцев «живым товаром», а также содействовавших совершению данного преступления. Перед началом задержания необходимо убедиться в его организации [3].

Задерживая жертв торговли людьми, следует помнить о том, что они являются ценными свидетелями. При задержании сразу же нужно

осуществить мероприятия, направленные на немедленную изоляцию жертв. Это позволит ограничить возможность оказания негативного воздействия со стороны подозреваемых на пострадавших и даст сотрудникам оперативных и следственных подразделений больше времени на установление связи преступник – жертва, а также завоевания доверия.

Такие действия со стороны работников правоохранительных органов способствуют тому, что жертвы торговли людьми обретают уверенность в себе, успокаиваются, появляется стимул к установлению с ними психологического контакта, и самое важное – возникает вероятность дачи заявлений с их стороны о характере эксплуатации, которой они были подвержены.

При задержании жертв траффинга необходимо безотлагательно осуществить проверку их личности, документов, удостоверяющих личность, иных документов (дневники, листки учета работы, расписки и т. д.), что может явиться доказательством против торговца людьми. Факт отсутствия у жертвы документов, удостоверяющих личность, может быть положительным доказательством контроля над ней торговца, особенно если впоследствии эти документы будут обнаружены у подозреваемого лица.

Задержание подозреваемых и жертв должно сопровождаться видеозаписью. Это решает определенные задачи: фиксирование правильного и соответствующего всем нормам закона поведения сотрудников правоохранительных органов в процессе задержания, а также характера и условий содержания и эксплуатации жертв.

Одним из наиболее важных источников информации является **допрос**. Порядок и условия, при которых проводится данное следственное действие, вполне подробно регламентированы соответствующими статьями Уголовно-процессуального кодекса. Как и при проведении задержания, целесообразней подготовить две группы следователей, которые будут проводить допросы: одна допрашивает жертв, другая – подозреваемых.

Такой подход к организации проведения допросов подозреваемых и пострадавших объясняется прежде всего тем, что расследование торговли людьми не под силу одному следователю, так как это трудоемкий процесс, охватывающий немалое количество участников в уголовном деле (потерпевшие, свидетели, подозреваемые и т. д.). Две группы, осуществляющие допрос и работающие одновременно в тесной взаимосвязи друг с другом, позволят оперативно и безотлагательно использовать каждое доказательство, предоставленное потерпевшими, подозреваемыми лицами.

Поэтому с самого начала реализации оперативных материалов и до конца расследования возбужденного дела наличие созданных следственно-оперативной и следственной групп является необходимым условием эффективности и результативности следствия.

Условия допроса жертв весьма важны, если необходимо получить от них материал высокого качества. Основным здесь является следующее:

общепринятый формальный, авторитарный подход и окружающая обстановка при проведении данного следственного действия побуждают к покладистости, но не к доверию и полному сотрудничеству. Чем более неформальными являются окружение и атмосфера, тем выше шанс получить важные подробности о событии преступления;

когда позволяют обстоятельства или требует жертва, проводить допрос целесообразно в нейтральном месте в присутствии адвоката либо консультанта. Это, в свою очередь, ослабит подозрения жертвы и ее тревогу, а также поможет ей успокоиться;

если возможно, то сотрудник, проводящий допрос, должен быть того же пола, что и жертва, но при этом она должна иметь возможность сделать свой выбор, с которым надлежит считаться [4].

Для того чтобы способствовать предоставлению жертвами дополнительных источников доказательственных фактов против торговцев людьми и лиц, осуществляющих непосредственную эксплуатацию человека, во время работы с ними необходимо учитывать следующее:

жертвы нуждаются в гарантии безопасности не только их самих, но и близких им людей. Они знают тех лиц, которые их продали и эксплуатировали, и располагают сведениями о том, на что такие преступники способны. В связи с этим работники правоохранительных органов не должны производить на пострадавших впечатление людей, умаляющих риск либо бесцеремонно относящихся к вопросу их безопасности;

жертвы обеспокоены тем, что их отрезок жизни, проведенный в эксплуатации, будет обнародован в СМИ. Они будут неохотно говорить на эту тему и захотят знать, до какого предела им придется «раздаваться на публике», особенно при мысли о своих близких родственниках, друзьях и знакомых;

жертвы – это люди, которые серьезно травмированы, их необходимо будет подробно расспрашивать о болезненных и сугубо личных событиях;

жертвы относятся к той категории людей, которые неуверенны, недоверчивы и враждебно настроены по отношению к представителям власти, и следователи должны уделять особое внимание налаживанию необходимого взаимопонимания;

для достижения доверия очень важно, чтобы следователь был полностью открытым и честным с жертвами на каждой стадии процесса, следует не допускать проявлений предвзятого отношения к потерпевшим.

Это особенно важно в условиях, когда сама жертва не хочет быть «раскрыта», а наоборот старается по разным причинам скрыть свою ситуацию. Как показывают исследования, такие люди, во-первых, часто

запуганы и сами вовлечены в криминальную деятельность (от нелегальной миграции и использования поддельных документов до распространения наркотиков и т. д. Во-вторых, часто предпочитают оставаться в статусе жертвы, так как видят в ней единственную возможность защититься. Они не верят, что государство обеспечит им помощь и защиту, и, соответственно, не имеют достаточной заинтересованности в сотрудничестве со следствием.

Подготовку к допросу потерпевших следует проводить, учитывая психологические аспекты и все возможные варианты их поведения. Целесообразно разъяснить обстоятельства, связанные с обеспечением их прав (обеспечение безопасности, неразглашение сведений, порочащих их). Важную роль может сыграть разъяснение возможности освобождения от уголовной ответственности в случаях незаконного пересечения государственной границы, при условии предоставления помощи по разоблачению организаторов торговли людьми.

1. Закон Республики Узбекистан 2008 г. о противодействии торговле людьми повысит эффективность борьбы с трафиком людей [Электронный ресурс] // Портал Национального информационного агентства Узбекистана. – Режим доступа: <http://uza.uz/ru/society/zakon-o-protivodeistvii-torgovle-lyudmi-povysit-effektivnost-borby-s-trafikom-lyudei-16.05.2008-2995>. – Дата доступа: 07.07.2022.

2. Global Report on Trafficking in Persons. 2021 // UNODC [Electronic resource]. Mode of access: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2021/GLOTIP_2021_BOOK_web_small.pdf. – Data of access: 06.06.2022.

3. Посібник для співробітників правоохоронних органів з питань виявлення, розкриття та розслідування злочинів, пов'язаних з торгівлею новонародженими / [авт. Пол Холмс ; ред. Рада Ільковець Л.Б. (голова) та ін.]. – К. : Тютюкін, 2009. – С. 402.

4. Бродченко, О.И. Психологические особенности потерпевших по преступлениям, связанным с торговлей новорожденными / О.И. Бродченко // Приклад. юрид. психология. – 2009. – № 4.

УДК 343.98

А.Т. Ачилов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Политика Республики Узбекистан в области внешнеэкономической деятельности (ВЭД) за последние десятилетия претерпела коренные изменения. За первые годы независимости были приняты основные за-

конодательные акты, изданы указы Президента и правительственные решения, заложившие правовые основы расширения внешних связей, либерализации всей ВЭД, стимулирующие развитие экспортного потенциала республики. Это прежде всего законы Республики Узбекистан «О внешнеэкономической деятельности» [1], «О гарантиях и мерах защиты прав иностранных инвесторов» [2] и другие законодательные и нормативные акты, которые позволили сформировать основные рамочные условия для осуществления внешнеэкономических связей, заключения и исполнения международных договоров в области ВЭД, обеспечить защиту экономических интересов республики, юридических лиц и граждан Узбекистана за его пределами, установить правовые гарантии для деятельности иностранных инвесторов на территории республики.

На фоне обозначенных глобальных политических и экономических тенденций не только не утрачивает актуальности, но и приобретает новый исследовательский импульс изучение современных проблем преступности экономической направленности. Экономические преступления традиционно обладают высокой латентностью, обусловленной стабильным, организованным и серийным характером указанной разновидности криминальной деятельности. Кроме того, именно экономическая преступность наиболее гибко и быстро адаптируется синхронно изменяющейся социальной инфраструктуре и обуславливающим ее факторам, независимо от того, под действием конструктивных или деструктивных векторов происходит трансформация существующих общественных отношений [3, с. 104–106].

Изложенное стимулирует научный и практический интерес к исследованию современных проблем раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД.

Отношение законодателя к проблеме уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере ВЭД в последнее время заметно изменилось. Так, осуществлена криминализация новых деяний, представляющих серьезную угрозу для указанного правоохраняемого блага. В частности, в Уголовный кодекс Республики Узбекистан (далее – УК РУ) включены новые составы, охраняющие рассматриваемую сферу.

Действующее уголовное законодательство – Особенная часть Уголовного кодекса Республики Узбекистан 1994 г. – не выделяет ВЭД в качестве отдельного объекта преступления, под которым в теории понимается то, на что направлено общественно опасное деяние субъекта, то, чему преступление способно причинить вред, а именно – «охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым в результате преступного посягательства причиняется вред или создается реальная

угроза» [4, с. 41]. В целях наиболее эффективной борьбы с преступлениями в данной области, на наш взгляд, стоит выяснить, что представляют собой внешнеэкономические преступления и как они характеризуются. В юридической доктрине и судебно-следственной практике не сложилось единой позиции по решению этого вопроса. По мнению некоторых правоведов, преступления в сфере ВЭД не выделяются, данные преступные посягательства являются таможенными [5, 6].

В результате научного анализа преступлений, связанных с нарушением таможенного законодательства в сфере ВЭД, необходимости дальнейшего уточнения содержания научных категорий в рамках темы, а также теоретического анализа были разработаны авторские определения следующих понятий.

Преступления в таможенной сфере – это общественно опасные деяния, причиняющие вред экономическим основам государства, общественной безопасности и нормам нравственности, ответственность за которые предусмотрена соответствующими главами УК РУ в связи с нарушением таможенного законодательства.

Преступления, связанные с нарушением таможенного законодательства в сфере ВЭД, – это общественно опасные деяния, совершаемые умышленно в корыстных целях специальными способами трансграничного характера, за которые УК РУ предусмотрена ответственность за посягательство на порядок осуществления ВЭД [7, с. 44].

Однако в доктрине и в действующем законодательстве нет единого понимания таможенных преступлений, что вносит некоторую неопределенность в понятие внешнеэкономических преступлений.

Иной позиции придерживаются правоведы, выступающие против названия внешнеэкономических преступлений таможенными, аргументируя это тем, что таможенные органы являются своего рода инструментом для реализации внешнеэкономической политики государства, исходя из чего и деятельность таможенных органов сложно признать объектом анализируемых преступлений, поскольку их сущность заключается в направленности на общественные отношения более высокого порядка – отношения в сфере ВЭД, являющиеся компонентом общественных отношений в сфере экономической деятельности [8].

На наш взгляд, не следует отождествлять понятия «внешнеэкономические преступления» и «таможенные преступления», так как понятие преступлений в сфере ВЭД гораздо шире и может включать таможенные преступления как один из видов.

В условиях глобализации экономических отношений в мире наблюдается рост уровня криминализации в сфере ВЭД, в частности, увеличе-

ние фактов «контрабанды», «уклонения от уплаты налогов и пошлин», «отток капитала за рубеж», «теневой экономики» и «коррупции». Результаты исследований подтверждают, что во всем мире ежегодно происходит отток капитала за рубеж в размере 20–25 млрд долл., потери в размере 2,5 % ВВП из-за дисбаланса в налоговом и таможенном законодательстве стран, а также взятки должностным лицам всех уровней составляют до 10 % от суммы сделок [9, с. 30–31].

Криминологи отмечают, что ВЭД привлекает правонарушителей не только тем, что они могут получать прибыль незаконными способами, но и тем, что существует возможность для легализации доходов, полученных от преступной деятельности. Это, в свою очередь, негативный фактор общественного развития, широкое распространение которого представляет реальную угрозу финансовой системе и экономической безопасности государства.

Преступления в сфере ВЭД, как и другие экономические преступления, посягают на основы экономической безопасности страны. В современных условиях ее обеспечение приобретает первостепенное значение, поскольку экономическая глобализация означает качественно новую ступень в развитии международных экономических отношений и формировании единого экономического пространства.

Как известно, криминалистическая классификация, учитывая первоочередное значение уголовно-правовых признаков преступлений соответствующей группы, тем не менее часто не исчерпывается такими критериями, как общность родового или видового объекта преступного посягательства. Иными словами, если в рамках уголовно-правовых классификаций преступления чаще всего объединяются в соответствии с главами или разделами УК РУ, то с точки зрения криминалистики – первоочередное значение имеет совокупность деяний, образующая единый или сходный механизм совершения преступления.

Разумеется, системообразующей группой преступлений в сфере ВЭД представляются деяния, посягающие на установленный порядок перемещения товаров и иных ценностей через таможенную границу Республики Узбекистан (преступления в сфере таможенного контроля при перемещении товаров и иных ценностей через таможенную границу). К этой группе деяний относятся преступления, предусмотренные следующими статьями УК РУ: ст. 182 «Нарушение таможенного законодательства», ст. 184 «Уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей», ст. 246 «Контрабанда», а также ст. 130 «Изготовление, ввоз, распространение, рекламирование, демонстрация

порнографической продукции», ст. 130¹ «Изготовление, ввоз, распространение, рекламирование, демонстрация продукции, пропагандирующей культ насилия или жестокости», ст. 244³ «Незаконное изготовление, хранение, ввоз или распространение материалов религиозного содержания», ст. 244⁴ «Незаконный ввоз, сбыт, приобретение, хранение или использование беспилотных летательных аппаратов» и ст. 250¹ «Незаконный оборот пиротехнических изделий» в части нарушения таможенного законодательства.

Однако, в отличие от уголовно-правовой классификации, криминалистическая классификация не исчерпывается перечислением указанных выше категорий преступлений. Как известно, преступление в криминалистической науке рассматривается с позиции деятельностного подхода. Механизм преступления отражает динамический характер приготовления, совершения, сокрытия преступлений соответствующей категории. При этом и теоретические, и эмпирические источники свидетельствуют, что действия по приготовлению к совершению преступления или по сокрытию преступления могут: а) охватываться конструкцией основного состава; б) являться нейтральными в уголовно-правовом отношении; в) представлять собой самостоятельные составы преступления, в том числе входящие в иные разделы и главы УК РУ по отношению к основным составам.

Участники ВЭД чаще всего совершают преступления, связанные с уклонением от уплаты таможенных пошлин и налогов, незаконным вывозом иностранного капитала и нарушением других процедур при осуществлении внешнеторговых операций.

По мнению специалистов, в современном мире правонарушения в сфере внешней торговли становятся непредсказуемыми, на более высоком интеллектуальном уровне, более организованными, тщательно продуманными и приносящими большую прибыль, и тем самым приносят колоссальные убытки государству в экономическом плане.

Можно отметить также, что действиям участников ВЭД, противоречащим таможенному законодательству, сопутствует совершение правонарушений иного рода (экономические, связанные с выполнением своих служебных обязанностей, и др.). Самые распространенные из них можно разделить на три группы:

преступления в сфере экономики. К преступлениям в данной сфере можно отнести хищение (ст. 167–169 УК РУ и др.), преступления, направленные против основ экономики (ст. 175–178 УК РУ и др.), преступления, совершаемые в сфере хозяйственной деятельности (ст. 186, 186¹⁻³, 188 УК РУ и др.);

преступления, связанные с повышением должностных полномочий (ст. 205–212, 228 УК РУ). В данной категории к наиболее опасным следует отнести преступления, связанные с повышением должностных полномочий в таможенных органах;

другие преступления. Статистические данные показывают, что кроме вышеперечисленных преступлений, в таможенной сфере параллельно совершаются и преступления, связанные с посягательством на общественный порядок (гл. 17 УК РУ), с незаконным оборотом наркотиков (ст. 270–276 УК РУ) и других психотропных веществ, и т. п.

В ходе изучения материалов научно-методических источников, практики расследования всех видов преступлений, связанных с нарушением таможенного законодательства и порядка осуществления ВЭД, важно отметить наличие основания для выделения некоторых особенностей совершения преступлений в данной сфере [10, с. 161–166]:

1. Как утверждают ученые-криминалисты, основной проблемой борьбы с преступлениями, связанными с осуществлением ВЭД, является, в первую очередь, борьба с организованной преступностью. Важно отметить также, что данный вид коммерческой деятельности является объектом борьбы различных преступных группировок за сферы своего влияния. Часто такая борьба ведется насильственно и посредством различных методов экономического давления. Таким образом, организованная преступность является одним из основных факторов, способствующих совершению преступлений в сфере ВЭД.

2. При раскрытии преступлений, связанных с осуществлением ВЭД, присутствует тенденция наличия преступлений латентного характера. Такие преступления крайне редко выявляются при осуществлении торговых операций, а именно незаконного оборота товаров. Наиболее значимые, с точки зрения криминалистики, преступления, совершаемые организованными преступными группировками, остаются невыявленными уполномоченными органами. В случае же их выявления – к ответственности привлекаются только исполнители, а заказчики или руководители преступных группировок остаются безнаказанными.

3. Преступления, совершаемые в сфере ВЭД, ущемляют экономические интересы одновременно нескольких государств. Значительную долю лиц, совершающих преступления такого рода, составляют иностранцы. Причиной тому является то, что организованные преступные группировки вступают в контакт и сотрудничество с преступными формированиями иностранных государств в более краткие сроки, чем правоохранительные органы, и начинают действовать уже на междуна-

родном уровне. Для решения данной транснациональной проблемы необходимо объединение усилий заинтересованных государств.

4. Как было указано выше, совершению преступлений в сфере ВЭД сопутствует совершение ряда других преступлений, квалифицирующихся иным образом. К ним мы отнесли преступления в экономической сфере, преступления, связанные с повышением должностных полномочий, и т. п.

Анализ вышеперечисленных особенностей выявляет факт того, что преступления, совершаемые при осуществлении внешней торговли, тесно связаны с коррупцией в органах управления и уполномоченных ведомствах.

Специалисты утверждают, что наиболее организованные преступления в сфере ВЭД, будь то незаконный оборот товаров или уклонение от уплаты таможенных пошлин и налогов, совершались именно в сговоре с сотрудниками таможенных органов.

Статистика показывает, что значительный процент преступлений в сфере ВЭД связан с перемещением товаров, транспортных средств, активов и других материальных ценностей через таможенную границу вопреки установленному порядку.

При этом параллельно совершаются иные экономические и должностные преступления. Например, если преступное формирование специализируется на незаконном обороте сырья, создаются несколько однодневных фирм, т. е. они осуществляют свою деятельность до реализации одной контрабандной партии товаров. Контрабандные товары приобретаются различными незаконными способами (мошенничество, растрата, кража, перекупка ранее похищенных товаров). Для перемещения вышеуказанной незаконно приобретенной партии товаров через таможенные границы преступные формирования действуют в сговоре с уполномоченными сотрудниками таможенных служб, логистических компаний и т. д.

5. С развитием коммуникационных технологий совершенствуются и способы совершения экономических преступлений. Они становятся более продуманными и ухищренными, их сложнее выявлять. Вследствие утечки служебной информации, причиной чего может служить высокий уровень коррупции, преступные формирования мгновенно подстраиваются под периодически изменяемые законы и подзаконные акты, принятые на их основании, придумывают новые методы нарушения устанавливаемого порядка незаметно уполномоченным органам и быстро адаптируются к новым условиям. При этом учитываются даже отдельные специфические особенности деятельности правоохрани-

тельных органов, в частности их методы и служебные манеры. Организованные преступные формирования для достижения своей цели регулярно ведут анализ складывающегося положения на внутреннем и мировом рынках, учитывая спрос и предложения на товары, в частности товаров, запрещенных к ввозу и вывозу. С каждым годом преступные организации расширяют сферы своего влияния на всех рынках сбыта, в частности посредством расширения ассортимента своих товаров. Важно отметить, что преступные формирования значительно развили свои умения в незаконном обороте капитала, перемещении денежных средств в офшорные зоны, незаконном перемещении рабочей силы, мошенничестве с финансовыми средствами с использованием продвинутых коммуникационных технологий.

Несмотря на это, практический анализ показывает, что правоохранительные органы, целью которых является борьба с преступлениями, связанными с внешней торговлей, не акцентируют должного внимания на вышеперечисленных особенностях, не учитывают изменения, происходящие в преступном мире.

Резюмируя вышеизложенное, предлагается следующая структура криминалистической классификации преступлений в сфере ВЭД:

преступления, посягающие на установленный порядок перемещения товарно-материальных или иных ценностей через таможенную границу Республики Узбекистан (преступления в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных или иных ценностей через таможенную границу);

преступления экономической направленности предикатного характера (связанные с незаконным или с нарушением установленного порядка и технологий производством, приобретением и осуществлением иных операций с товарно-материальными или иными ценностями, подлежащими перемещению через таможенную границу);

преступления коррупционной и (или) служебной направленности, совершаемые сотрудниками таможенных и иных государственных органов, обеспечивающих организацию преступлений в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных ценностей);

преступления, обеспечивающие сокрытие преступлений в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных ценностей.

Таким образом, нами рассмотрены нормы уголовного законодательства, а также проанализированы доктринальные источники, материалы научно-методических источников, практики расследования преступлений, связанных с нарушением таможенного законодательства, которые

в совокупности помогли достичь нам поставленной цели – уяснения сущности и криминалистической классификации преступлений в сфере ВЭД, что является необходимым условием на пути совершенствования отношений в данной сфере.

В современном мире, в условиях интеграции в мировое экономическое сообщество, борьба правоохранительных органов с нарастающим количеством преступлений в сфере ВЭД является актуальнейшей проблемой в плане экономического развития Республики Узбекистан. В сложившейся ситуации необходимы совместные усилия всех уполномоченных органов, чтобы противодействовать коррупции в органах власти, распространению незаконных операций по внешней торговле и совершаемым параллельно с ними другим преступлениям, являющихся главнейшей угрозой, подрывающей не только экономику государства, но и национальную безопасность Республики Узбекистан.

1. Закон Республики Узбекистан «О внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lex.uz/acts/67238>. – Дата доступа: 07.07.2022.

2. Закон Республики Узбекистан «О гарантиях и мерах защиты прав иностранных инвесторов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lex.uz/acts/8522>. – Дата доступа: 07.07.2022.

3. Тузов, Л.Л. Транснациональная экономическая преступность в государствах – членах Таможенного союза / Л.Л. Тузов // Наука и практика. – 2015. – № 1 (62). – С. 104–106.

4. Рустамбаев, М.Х. Курс уголовного права Республики Узбекистан. Общая часть : учеб. для вузов / М.Х. Рустамбаев. – Т. : ТГЮИ, 2009. – Т. 1 : Учение о преступлении.

5. Жбанков, В.А. Таможенные преступления: сущность и проблемы выявления / В.А. Жбанков // Сиб. юрид. вестн. – 2004. – № 4.

6. Грачев, О.В. Понятие преступлений, посягающих на экономическую безопасность Российской Федерации в сфере таможенной интеграции / О.В. Грачев // Адвокат. практика. – 2012. – № 6.

7. Ачилов, А.Т. Совершенствование уголовно-правового регулирования преступлений, связанных с нарушением таможенного законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра филос. по юрид. наукам / А.Т. Ачилов. – Ташкент, 2020. – С. 44.

8. Dmitrienko, I.V. Foreign economic activity as the object of criminal law protection / I.V. Dmitrienko // Russian investigator. – 2008. – № 8.

9. Симанович, А.А. Институциональные корни коррупции / А.А. Симанович // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 3. – С. 30–31.

10. Ачилов, А.Т. Особенности уголовно-правовой, криминалистической классификации преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности / А.Т. Ачилов // Вестн. Рос. тамож. акад. (РФ). – 2020. – № 1. – С.161–166.

УДК 343.9

Д.Н. Белов

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН НА ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

В нынешних условиях, где информатизация затронула почти все сферы жизнедеятельности общества и государства, вопросы расследования и раскрытия такого преступления, как мошенничество, приобретают все большую актуальность. Это можно объяснить не только высоким интеллектуальным развитием лиц, его совершающих, но и появлением новых способов его совершения, к которым можно отнести, в том числе «скимминг», «шимминг», «фишинг», «вишинг» и другие, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

В свою очередь, это подразумевает необходимость корректировки как самих мероприятий, проводимых на первоначальном этапе расследования данного вида преступлений, так и традиционных подходов к пониманию таковых.

Во-первых, необходимо отметить, что сложившиеся в криминалистической науке возможные варианты типичных следственных ситуаций при расследовании мошенничеств существуют вне связи с практической деятельностью следователя. Так, остается спорным вопрос о целесообразности выделения таковых ввиду того, что в настоящее время при расследовании подавляющего большинства преступлений данного вида лицо, его совершившее, неизвестно вовсе либо информация о нем незначительна. В такой ситуации можно сказать, что имеющаяся в теории криминалистики структура (их система) типичных следственных ситуаций не может выполнять тех значимых целей, для реализации которых она была разработана и внедрена в практическую деятельность. К таким целям можно отнести: определение вектора работы следователя, алгоритма его деятельности, облегчение процесса планирования расследования и выдвижения общих и частных криминалистических версий, построение эффективной модели организации работы следователя с органами дознания, другими участниками процесса и т. д.

Во-вторых, существенным моментом, на который целесообразно обратить внимание, является построение общих и частных версий на первоначальном этапе расследования мошенничества. С учетом появления новых способов его совершения, в частности таких, которые пред-

полагают использование ИКТ, необходимо констатировать тот факт, что система возможных версий, выдвигаемых в целях облегчения процесса расследования данного вида преступлений, определения его верного направления, полностью «изжила себя», так как не отражает в себе той практической действительности, с которой сталкивается следователь. Это объясняется существованием многочисленных возможных вариантов как процесса совершения самого преступления, так и процесса расследования этого поведения, а также линий поведения лиц во время совершения преступления и после этого (например, при расследовании).

Так, при совершении мошенничества способами «фишинг» или «вишинг» можно констатировать тот факт, что лицо, его совершившее, неизвестно ни потерпевшему, так как не отсутствовал момент личного взаимодействия между ними, ни следователю, который на первоначальном этапе может получить информацию о мошеннике (возможно – их группе) только при допросе потерпевшего, а также в результате некоторых иных следственных и процессуальных действий (осмотры предметов (в частности компьютера), назначение экспертиз (компьютерно-технической и (или) иной), проведение оперативно-розыскных мероприятий и т. д.).

В-третьих, спорным моментом при расследовании мошенничества является построение работы следователя (алгоритма его действий) на основании существующих видов типичных следственных ситуаций, общих и частных версий, а также в принципе вопрос о целесообразности проведения тех или иных следственных действий.

Признавая несостоятельность подхода, при котором выделяются определенные типичные следственные ситуации и криминалистические версии, необходимо отметить, что и построение работы следователя на этой основе является необоснованным, так как это может привести не только к снижению эффективности его работы по расследованию конкретного преступления, но и даже к необоснованным выводам относительно виновности или невиновности лица, в дальнейшем и к прекращению производства по делу, постановлению оправдательного приговора со всеми вытекающими последствиями. В целях недопущения подобного алгоритм работы следователя должен выстраиваться на основании конкретных объективных данных, существующих на момент расследования, иными словами, на основании следов преступления (пусть и при полном отсутствии так называемых материальных следов), механизма следообразования, способа совершения преступления (конкретных действий по подготовке, совершению и возможному сокрытию преступления, обусловленными различными факторами (время, место, личность преступника и т. д.).

Сложным является и вопрос о необходимости проведения некоторых следственных действий. Так, осмотр места происшествия (ОМП) проводится на месте преступления, в том числе с целью установления обстоятельств происшедшего и обнаружения следов преступления. Однако для качественного проведения ОМП необходимо знать точное место совершения преступления, а также отчасти и то, ради чего он будет проводиться (для обнаружения тех или иных следов, подтверждающих факт совершения преступления, или дающих основание полагать, что преступление совершило конкретное лицо или группа лиц). В ситуации, когда мошенничество было совершено путем так называемого фишинга или вишинга, необходимо констатировать, что проведение ОМП нецелесообразно, так как уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие менее затратные способы обнаружения и закрепления следов преступления, например проведение осмотра мобильного устройства потерпевшего, по которому он общался с мошенником, или на котором он переходил на сайт по фишинговой ссылке.

Таким образом, для решения вышеназванных проблем целесообразно при планировании расследования и построении работы следователя (алгоритм его действий) определять вектор деятельности на основе имеющихся следов преступления, механизма их следообразования, а также конкретного способа совершения преступления (учитывая их многообразие, определенную неповторимость), что позволит более оперативно и эффективно осуществлять процесс раскрытия и расследования мошенничества.

УДК 343.985

Н.Н. Беломытцев

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Анализ состояния преступности в Республике Беларусь свидетельствует о том, что количество регистрируемых хищений имущества путем модификации компьютерной информации из года в год остается достаточно высоким. Причем многие из них остаются нераскрытыми, а производство предварительного следствия по этим уголовным делам приостанавливается в связи с отсутствием лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В ходе изучения архивных уголовных дел¹, предварительное следствие по которым было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, возбужденных по фактам хищений имущества путем модификации компьютерной информации, удалось установить, что в практической деятельности имеющиеся рекомендации в части планирования расследования фактов данных хищений используются не в полной мере. Так, во всех изученных уголовных делах имелись планы расследования преступлений. При этом их детальный анализ показал, что они носят формальный характер (в 88,1 % случаев), являются однотипными и шаблонными. В этой связи результаты анализа следственной практики позволяют выделить типичные ошибки, которые имели место при планировании расследования рассматриваемых преступлений:

1. При получении сведений о переводе похищенных сумм на счета, открытые в иностранных государствах, по 34,3 % изученных уголовных дел не планировались и не направлялись соответствующие международные запросы (поручения). Лишь по 9,8 % уголовных дел были установлены сведения о функционировании, принципах организации, работы программных и программно-технических средств участников платежной системы.

2. Процесс построения и проверки версий во многих случаях носил формальный характер. При их выдвижении не учитывались: сведения о личности предполагаемого подозреваемого; его местонахождении; о способе подготовки, совершения и сокрытия хищения; используемые при этом программно-технические средства. Так, в 75,5 % случаев планы составлялись без учета указанной информации, полученной на первоначальном и последующих этапах расследования. В большинстве изученных планов расследования (86 %) версии либо отсутствовали, либо их выдвижение носило формальный и шаблонный характер, при этом в 67,8 % случаев выдвинутые версии не проверялись в полном объеме.

3. Планируемые следственные действия и иные мероприятия проводились либо не в полном объеме, либо с серьезными ошибками, проявляющимися в несвоевременности принятия решений о порядке, сроках их проведения и составления соответствующих процессуальных документов. Так, например, было установлено, что по 75,8 % изученных уголовных дел осмотр места происшествия вообще не проводился, в 34,3 % случаев не допрашивались все установленные свидетели.

¹ Автором были изучены 143 уголовных дела, предварительное следствие по которым было приостановлено в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

4. Несвоевременное принятие решения о создании следственно-оперативной группы, некачественный ее состав и неверное распределение обязанностей между участниками группы. По 68,5 % изученных уголовных дел все следственные действия (в том числе осмотры, обыски, выемки и т. д.) производились одним следователем, в производстве которого находилось уголовное дело.

5. Ненадлежащий уровень взаимодействия следователя с иными правоохранительными органами, банковскими и иными организациями. Органы дознания предоставляли информацию следователю о результатах своей работы лишь по 67,8 % изученных уголовных дел, причем документы составлялись формально, в них не перечислялись конкретные результаты, полученные в ходе проведения соответствующих мероприятий.

6. В 36,4 % случаев в планах отсутствовали сведения об их утверждении руководством следственного подразделения, а также отсутствовала информация об их направлении в органы внутренних дел для исполнения. Лишь по 23,1 % изученных уголовных дел имелся дополнительный план расследования. При этом в 75,8 % случаев не были определены исполнители запланированных мероприятий и отсутствовали сведения о направлении копии плана в органы дознания.

По нашему мнению, имеющиеся проблемы вызваны: формальным подходом к составлению планов расследования; игнорированием имеющихся рекомендаций по расследованию рассматриваемых преступлений; несоблюдением рекомендаций по использованию специальных знаний; ненадлежащей подготовкой следователей по расследованию указанных хищений; большой нагрузкой на следователей; проблемами взаимодействия с иными правоохранительными органами и организациями; промедлением либо преждевременностью принятия процессуальных решений о производстве следственных действий и т. д.

На наш взгляд, устранение названных недостатков при осуществлении планирования возможно при условии соблюдения исходных положений (принципов) планирования и использования системы последовательных и взаимосвязанных между собой стадий (этапов) планирования расследования подобных преступлений: 1) анализ исходной информации; 2) построение следственных версий и определение задач расследования; 3) определение путей и способов решения поставленных задач (деятельность по проверке версий); 4) составление письменного плана (программы и иной документации) расследования, контроль хода исполнения и его корректировка.

На стадии анализа информации осуществляется комплексное исследование имеющейся информации о преступлении. Проводится анализ имеющихся сведений об элементах криминалистической характеристики: способе совершения преступления; лице, причастном к его совершению; преступном результате и причиненном вреде; времени, месте и других обстоятельствах. После чего следует перейти к мысленному моделированию происшедшего, выдвижению следственных версий о хищении имущества путем модификации компьютерной информации.

Как правило, источниками получения информации выступают процессуальные и иные документы, содержащиеся в материалах уголовного дела. Далее следует осуществить исследование информации, хранящейся на изъятых носителях электронно-цифровых данных, а также полученных в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий.

На второй стадии осуществляется построение следственных версий и определение задач расследования.

Под версией понимается обоснованное предположение о факте, явлении или группе фактов, явлений, имеющих или могущих иметь значение для дела.

Процесс построения следственных версий осуществляется следующим образом: первоначально происходит выдвижение общих версий о событии хищения. Общая версия является предположительным объяснением какого-либо факта, или расследуемого события в целом. Предположения относительно различных обстоятельств совершенного преступления принято называть частными версиями. Разновидностью названных версий являются так называемые типичные версии. В содержание этих версий входит предполагаемо-типичное объяснение сути фактов, их происхождение и причинно-следственные связи в конкретной ситуации.

Общими версиями по делам данной категории чаще всего выступают: 1) предположение о том, что хищение имущества путем модификации компьютерной информации имело место при обстоятельствах, указанных заявителем; 2) хищения не было, а действия виновного лица, приведшие к наступлению негативных последствий, должны повлечь лишь гражданско-правовую, административную, либо дисциплинарную ответственность; 3) имело место не хищение, а другое преступление (несанкционированный доступ к компьютерной информации, мошенничество, вымогательство и т. п.). В качестве частных версий выдвигаются предположения: а) о способе совершения преступления: 1) путем введения в компьютерную систему новой ложной информации (выдвигались

по 97,2 % изученных уголовных дел); 2) путем изменения имеющейся информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных (выдвигались по 2,8 % изученных уголовных дел); б) по доступу к информации об имуществе: не сопряженное, либо сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации (выдвигались по 98,6 % изученных уголовных дел); в) о количестве лиц, причастных к хищению: 1) конкретным лицом; 2) конкретным лицом совместно с неустановленными лицами.

Кроме этого могут выдвигаться версии о личности преступника; о распределении, путях и цепочке перевода имущества, полученного в результате совершения преступления; об обстоятельствах и способе совершения преступления.

На основании выдвинутых частных версий определяются задачи расследования. К данным задачам следует отнести: установление порядка и последовательности проведения следственных и иных процессуальных действий; определение условий, последовательности и момента задержания участников преступной группы; определение последовательности проведения допросов подозреваемых, свидетелей и потерпевших; определение первоочередности и последовательности проведения обысков и выемок; планирование мероприятий, направленных на установление иных эпизодов преступной деятельности, а также размера причиненного ущерба; оценку данных, полученных в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности, с точки зрения их полноты, объективности и допустимости в ходе следствия по уголовному делу. Указанный перечень не является исчерпывающим, каждую версию необходимо должным образом отработать в ходе проведения различных следственных, процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий.

На третьей стадии осуществляется определение способов и путей проверки выдвинутых следственных версий, а также решение поставленных ранее задач. Как правило, осуществляются: определение необходимости проведения конкретных следственных, иных процессуальных действий с целью подтверждения или опровержения ранее выдвинутых версий, а также решения поставленных задач в оптимальные сроки; определение и принятие решения о привлекаемых и используемых силах, средствах, сроках, исполнителях и иных ресурсах для расследования преступления; осуществление анализа и учета времени, необходимого для составления служебной документации; составление и уточнение: самого плана расследования, таблиц и схем к нему, составле-

ние справок, регистрационных карточек, постановлений о возбуждении уголовного дела, о создании следственной группы, признании гражданским истцом и представителем гражданского истца, о привлечении в качестве обвиняемого, уведомлениях и т. д.

На четвертой стадии осуществляется составление письменного плана (программы) дальнейшего расследования, фиксируются все решения по запланированным следственным и иным процессуальным действиям в их комплексе, выступая своеобразной инструкцией, а также компонентом контроля процедуры проведения следственных и иных процессуальных действий, этапов расследования, а также всего расследования в комплексе. Планирование также может строиться на нескольких отдельных планах, разработанных по каждому направлению, версии (эпизоду) и т. д. Данные части плана могут быть изменены в зависимости от складывающейся ситуации. Завершением является окончательно сформулированный план расследования преступления и его последующая корректировка. Важным элементом планирования является установление причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Таким образом, изучение практики планирования расследования хищений имущества путем модификации компьютерной информации позволило выявить ряд проблем, которые не способствуют реализации принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление. Полагаем, что устранение вышеназванных недостатков будет способствовать повышению эффективности расследования фактов хищений имущества путем модификации компьютерной информации.

УДК 343.985.7

Д.Г. Вильмак, М.В. Рудько

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Текущий курс развития жизни общества и государства предполагает собой стремительное развитие деятельности субъектов общественных отношений, направленное на соответствие новым тенденциям. Указанные обуславливают их обязательное внедрение в непосредственную деятельность в различных сферах, что отражается в модернизации финансово-хозяйственной деятельности организаций, стремящихся к достижению экономической выгоды, включая в себя рост прибыли.

В соответствие с отдельными положениями «Я – концепции», предполагающей в первостепенном формате дуалистическое отношение к определению устойчивости внешних поведенческих проявлений, а также детерминации направленности человека, в совокупности обуславливающих влияние на мотивацию субъекта. В этой связи автор формирует отношение к достижению поставленных целей [1, с. 74]. К. Роджерс определяет два направления:

первое, предполагающее собой функционирование субъекта социума в рамках правомерной модели поведения;

второе, сочетающее в себе использование любых методов и средств, не исключая противоречащих нормам морали и нормам права.

Так, предопределив возможные поведенческие установки субъектов общества, следует обратить внимание на их деятельность, основной целью является увеличение объема получаемой прибыли. К. Роджерс в рамках «Я-концепции» также выделяет несколько путей достижения поставленной цели. В первом случае введение инноваций в производственную деятельность, использование научного обеспечения труда, прогрессивных форм организации трудового коллектива (аутсорсинг и аутстаффинг), что соответствует правомерной модели поведения. Во втором – применение бестоварных торговых операций, занижения или сокрытия налоговой базы, а также расширения издержек производственной деятельности путем использования разного рода факультативных услуг, в том числе консалтинговых, сущность применения которых в рамках противоправного поведения будет рассмотрена далее.

Консалтинг – управленческое консультирование по широкому кругу вопросов в сфере финансовой, юридической, технологической, технической, экспертной деятельности, оказываемое внешними консультантами (субъектом хозяйствования) для решения проблемы, возникающей на предприятии в силу определенных причин, детерминированных отдельными обстоятельствами, возникающих как вне организации, так и в ее рамках [2, с. 632]. Учитывая ряд первопричин, сферу функционирования, а также особенности осуществления хозяйственной деятельности, крайне сложно прийти к однозначному итогу, обуславливающему тот факт, что явилось обстоятельством, в связи с которым возник проблемный аспект функционирования предприятия. Вместе с тем наряду с реальными причинами могут существовать и искусственные, которые возникают исходя из действий руководства организации.

Так, консалтинг является универсальным инструментом для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по реструктуризации

налоговой базы [3, с. 140]. При этом стоит отметить, что независимо от продуктивности применения консалтинговых услуг в рамках имеющегося договора субъектом хозяйствования будет уплачена определенная сумма денежных средств. Следовательно, налоговая база на прибыль в связи с указанной деятельностью уменьшается и применение данного вида услуг несет в себе «положительный» результат для заказчика консалтинговых услуг, который выражается в избежании уплаты указанного налога или уплаты в меньшем объеме. Вместе с тем, вступив в сговор с субъектом консалтинга, который использует систему единого налогообложения, т. е. уплачивает фиксированную ставку без необходимости уплаты иных налогов по финансово-хозяйственной деятельности, предоставляется возможность необоснованного завышения стоимости оказываемых услуг, предусмотренных договором, и тем самым исчерпать прибыль, не оставив налоговой базы. В результате это повлечет за собой оплату соответствующих услуг и получения в «обратный ход – реверс» денежные средства, тем самым сформировав наличные денежные средства для нужд субъектов преступного сговора.

Обращая внимание на искусственно возникшие проблемные вопросы организации-заказчика, являющиеся поводом для применения консалтинговых услуг, необходимо исследовать нижеперечисленные пункты:

в преобладающем количестве случаев отсутствует материальный результат, к которому относятся эскиз, бизнес-план и т. д.;

существует возможность привлечения субъекта-консалтинга в различных гражданско-правовых формах (договор возмездного оказания услуг, договор подряда и т. д.);

существует возможность взаимодействия с аффилированной организацией, а также с организацией, руководителем которой является доверенное лицо заказчика [4, с. 119];

наличие признака реальности осуществления услуг, указанных в договоре (заключив договор и исполнив платежные документы, не производя фактические действия по исполнению предмета договорных отношений);

возможно привлечение субъекта, не обладающего профильными или специальными знаниями в данной сфере деятельности.

Перечисленные действия позволяют обособлено или в совокупности выводить денежные средства организации-заказчика с банковского счета предприятия и использовать должностным лицом в личных целях, что в рамках уголовно-правового поля подпадает под действия ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Таким образом, указанные нами признаки дают возможность сотрудникам правоохранительных

органов определить направление по выявлению преступлений данной категории и определению алгоритма действий.

Таким образом, нами установлено, что использование консалтинговых услуг дает возможность юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям вносить изменения в налоговую базу, выводя и используя денежные активы предприятия в личных целях. В этой связи следует указать на наличие ряда пробелов в законодательстве, регулирующем договорные отношения данного типа, определения формы договора, субъекта консалтинга, требований предъявляемых к субъекту консалтинга, условиям, расширенной формы отчетности по указанной сфере деятельности, а также документов в виде протокола участия сторон в мероприятии и указания лиц, участвующих в нем.

1. Лебедев, И.Б. Я-концепция и психические датчики ее формирования / И.Б. Лебедев, А.К. Журавлева // Психология и педагогика служб. деятельности. – 2021. – № 4. – С. 74–80.

2. Чугунов, А.В. Консалтинг в России: современное состояние, проблемы и перспективы развития / А.В. Чугунов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 9-1 (86-1). – С. 631–636.

3. Соснина, Т.В. История возникновения и развития консалтинга / Т.В. Соснина // Управление образованием: теория и практика. – 2013. – № 2 (10). – С. 129–144.

4. Кучумов, А.В. Понятие «отмывание» (легализация) доходов: сущностные и правовые аспекты / А.В. Кучумов, Е.В. Печерица // ЭВ. – 2022. – № 3 (30). – С. 115–122.

УДК 343.3

О.П. Виноградова, Р.А. Дерюгин

ОБ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ

На современном этапе достижения криминалистической тактики и методики оказывают серьезное влияние на результативность процесса раскрытия и расследования преступлений. Наука постоянно находится в развитии, ученые анализируют состояние преступности и результаты практики предварительного расследования. На основе этого вырабатываются новые аспекты тактики и методики раскрытия и расследования преступлений. Следует выделить одно из перспективных направлений развития криминалистической тактики и методики – создание тактических и методических алгоритмов раскрытия и расследования преступлений.

Для удобного и быстрого обращения к криминалистической тактике и методике сегодня на практике разрабатываются единые пособия, в которых объединяются и систематизируются рекомендации разных авторов. Различные методики используются в практической деятельности, что доказывает судебная практика. Во всех судебных приговорах можно увидеть ссылку на криминалистическую методику. Например, в приговоре Дзержинского районного суда г. Ярославля сделана ссылка на методические рекомендации «Криминалистическое исследование героина», которые описывают необходимые действия экспертов по исследованию героина при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с наркотическими средствами [1]. Кроме того, например, Промышленный районный суд г. Ставрополя вернул прокурору уголовное дело для устранения допущенных нарушений, в том числе для назначения судебно-экономической экспертизы. Необходимость проведения такой экспертизы в постановлении объяснялась тем, что ее проведение в соответствии с криминалистической методикой расследования налоговых преступлений обязательно по данной категории уголовных дел [2]. Примеры судебной практики подчеркивают значимость криминалистической методики раскрытия и расследования преступлений. В связи с этим стоит отметить, что криминалистическая наука ведет активные исследования данной области, предлагая различные пути развития криминалистической методики.

При этом многие практики и ученые говорят о проблеме массовости методических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений, что препятствует их применению на практике. В связи с этим существует объективно отмечается необходимость их алгоритмизации. Полагаем, что для удобства использования таких алгоритмов необходимо создать специальную компьютерную или мобильную программу для субъектов правоприменения. Реализацией данной работы должна заниматься группа специалистов из различных сфер: ученые-криминалисты, правоприменители, программисты и т. д. [3].

Кроме того, С.Н. Чурилов пишет: «В прошлом в криминалистической науке имели место неоднократные попытки сконструировать такую универсальную схему расследования, которая была бы пригодна для раскрытия любого преступления независимо от его разновидности» [4]. Ю.П. Гармаев, говоря о базовой методике расследования преступлений, пишет: «Собирание, проверка и оценка минимальной совокупности доказательств, необходимых для оправдания уголовно-процессуальных решений, является основной функциональной целью базовой, а за ней и конкретных методик расследования» [5]. Данные ученые давно пишут в

своих работах о необходимости создания базовой криминалистической методики, которую можно использовать при расследовании любого вида преступления.

Некоторые исследователи также говорят о необходимости создания не только базовой методики, но и о разработке «опережающей частной методики». Ее значение для практической деятельности велико, так как она предполагает методологические рекомендации по расследованию преступлений, которые в настоящий момент не криминализованы, при этом перспективы имеются. Создание такой методики будет являться большим прорывом в криминалистической науке, так как это позволит решить проблему отсутствия научных рекомендаций при отсутствии практики применения новой нормы. Так, Н.А. Подольный отстаивает перспективы развития опережающей частной методики. В своих работах он пишет, что в процессе следственной деятельности рекомендации по расследованию новых видов преступлений должны увеличивать эффективность ее результатов. Он приводит также пример создания опережающей частной методики, в рамках которого говорит о том, что источником может являться первый удачный опыт раскрытия преступления, предусмотренного новой нормой. Такой опыт сегодня используется Следственным комитетом Республики Беларусь [6]. М.П. Шруб поддерживает точку зрения Н.А. Подольного и дополняет ее тем, что еще одним преимуществом данной методики является то, что на основе аккумулируемых в ней знаний достигаются профилактические цели [7].

Существуют также и противоположные точки зрения, в рамках которых ученые критикуют теорию создания общей методики раскрытия преступлений и опережающей частной методики. Р.С. Белкин относительно попыток создания единой методики расследования писал, что они «не могли увенчаться успехом, потому что такая степень обобщения неминуемо превращала подобные рекомендации в абстракцию, бесполезную для практики». М.В. Субботина пишет: «Мы считаем, что невозможно сформулировать единый метод расследования всех преступлений, он никогда не будет работать на практике» [8]. С позицией данных ученых соглашаются А.В. Варданян и О.П. Грибунов, которые говорят о том, что невозможно по одной методике расследовать преступления разных видов, так как они имеют индивидуальные особенности. В пример они приводят невозможность создания общей методики расследования кражи и преступлений прошлых лет [9].

Стоит отметить, что все позиции обоснованны, противоречия необходимы в любой науке. На данный момент в научных кругах все

чаще начинают развивать идею создания общей методики раскрытия преступлений и опережающей частной методики. Это, несомненно, приводит к развитию.

Проанализировав современные научные исследования в области криминалистической тактики и методики, следует отметить, что разнообразие научных исследований в данной области приводит к развитию тактики и методики раскрытия и расследования преступлений.

Таким образом, благодаря научно-техническому прогрессу, за последние десятилетия достижения криминалистической тактики качественным образом оказали влияние на достижение целей уголовного процесса, качественно определив процесс расследования преступлений.

Тактика и методика криминалистики позволяют упорядочить деятельность субъектов предварительного расследования, обеспечить их систематизированными знаниями о преступлении, а также принять решение об организации деятельности по эффективному расследованию преступлений. Разнообразие научных точек зрения приводит к прогрессу в области раскрытия и расследования преступлений. При этом многие практики и ученые говорят о проблеме массовости методических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений, что препятствует их применению на практике. В связи с этим существует необходимость алгоритмизации криминалистической тактики и методики. Одним из важных направлений развития основ криминалистической методики являются также современные научные исследования в области разработки «общей методики расследования преступлений» и «опережающей частной методики».

1. Приговор Дзержинского районного суда г. Ярославля от 3 июня 2019 г. № 1-172/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru>. (дата обращения: 14.10.2022).

2. Постановление Промышленного районного суда г. Ставрополя от 28 декабря 2017 г. № 1-163/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru>. (дата обращения: 14.10.2022).

3. Виноградова, О.П. К вопросу о криминалистических основаниях частных методик расследования преступлений / О.П. Виноградова, Р.А. Дерюгин // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2020. – № 3.

4. Чурилов, С.Н. Криминалистическая тактика : практ. пособие в вопр. и отв. / С.Н. Чурилов. – М. : Юстицинформ, 2011.

5. Гармаев, Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю.П. Гармаев ; Юрид. ин-т МВД РФ. – М., 2003.

6. Подольный, Н.А. Теоретические и практические основы раскрытия и расследования преступлений, совершенных молодежными организованными

группировками : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Подольный ; Юрид. ин-т МВД РФ. – М., 2008.

7. Шруб, М.П. Криминалистическая методика как научная основа следственной деятельности: перспективы развития / М.П. Шруб // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – 2021. – № 2 (50).

8. Субботина, М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / М.В. Субботина ; Волгогр. акад. – Волгоград, 2004.

9. Варданян, А.В. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А.В. Варданян, О.П. Грибунов // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та М-ва внутр. дел России. – 2017. – № 2 (81).

УДК 343.98

В.А. Вольский

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА КАК ОДНОГО ИЗ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Изучение личности преступника является одним из ключевых аспектов расследования преступлений, позволяющих не только точно установить виновность и степень ответственности лица, совершившего преступление, но и правильно определить меру его наказания. Отсутствие же информации о личности преступника или ее неполнота осложняет, в том числе, установление обстоятельств расследуемого события.

Значимость информации о личности преступника при расследовании уголовных дел определила необходимость ее выделения в отдельный элемент криминалистической характеристики преступлений, а также разработку целого комплекса методов, направленных на получение этой информации в ходе предварительного следствия. Данные методы обусловлены использованием совокупности приемов и действий, с помощью которых собирается, фиксируется и исследуется криминалистически значимая информация [1, с. 108–109].

Следует отметить, что необходимая информация о личности преступника может быть как материально отраженной, т. е. содержаться на каких-либо носителях, так и идеальной – содержаться в памяти свидетелей и очевидцев преступления. Соответственно, и методы ее получения разнятся.

В криминалистической науке выделяют следующие виды отраслевых методов изучения личности преступника. Техничко-криминалистические

методы – позволяют исследовать материальные носители информации о личности преступника, их подлинность и принадлежность. Тактико-криминалистические методы – направлены на получение такой информации от участников уголовного процесса в ходе подготовки и проведения следственных действий. Н.Т. Ведерников в своих работах выделяет сравнительно-аналитический метод изучения личности, сущностью которого он считает сравнение отдельной информации и фактов, полученных из разных источников, и формулирование выводов о свойствах личности [1, с. 110].

Криминалистическое изучение личности преступника предполагает также использование не только отраслевых (частнонаучных) методов, но и общенаучных методов, а также методов других наук. В частности, применяются общенаучные методы, которые включают философское понимание сущности, ее биологические, социальные, психологические и иные проявления свойств человека в его поведенческих реакциях. Необходимость использования данных методов связана с тем, что появляется необходимость обратиться к глубинам сознания преступника и понять мотивы совершенного им деяния.

Несмотря на достаточно большое внимание к данному вопросу и существенный прогресс в использовании соответствующих криминалистических методов, процесс изучения личности преступника в ходе расследования является достаточно сложным и затруднительным. Кроме этого изучение личности преступника и мотивации его деятельности характеризуется разнообразием подходов к этой проблеме по правовым, психологическим, социальным и другим критериям.

Широко известно также суждение о том, что для того, чтобы установить и изобличить лицо, совершившее деяние, необходимо понять побуждения, которыми оно руководствовалось. Это указывает на значимость исследования криминалистических аспектов мотивации противоправного поведения [2, с. 164–167].

Исследование проблематики изучения личности преступника в ходе предварительного следствия позволяет утверждать, что особенности мотивации совершенного преступления является одним из ведущих структурных элементов криминалистической характеристики преступлений. В качестве обоснования данного мнения можно привести, в том числе, определение уголовно-процессуальным законом мотива совершения преступлений как одного из обстоятельств, обязательно подлежащих доказыванию в ходе расследования. В связи с этим установление мотива действий преступника, как определяющего фактора формы его вины в совершении преступления, обязательно по каждому уголовному

делу, независимо от того, влияют ли такие мотивы на квалификацию действий преступника в исследуемом событии.

Изучение личности преступника – сложный и многогранный процесс, имеющий большое значение для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств совершенного преступления. Для правильной оценки обстоятельств исследуемого события личность преступника в ходе следствия должна изучаться глубже, чем личность правопослушного человека. Кроме этого можно с уверенностью говорить о том, что тщательность и скрупулезность при изучении этого вопроса в ходе расследования уголовных дел позволят более точно и правильно определять степень ответственности и меру заслуженного наказания преступника за совершенное противоправное деяние, что, в свою очередь, повысит в целом законность и качество осуществляемого правосудия.

1. Ведерников, Н.Т. Криминалистика : учеб. для студентов вузов / Н.Т. Ведерников ; под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 943 с.

2. Варданыан, А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве / А.В. Варданыан // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. – 2014. – № 3 (30). – С. 164–167.

УДК 343.985

Ю.Н. Гаркуша

СПОСОБЫ ХИЩЕНИЙ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Совершение экономических преступлений приносит огромный материальный ущерб, в том числе упущенную выгоду, и серьезный моральный вред обществу и государству. С целью эффективного противодействия экономической преступности со стороны правоохранительных органов и иных заинтересованных лиц (руководители предприятий, лица, ответственные за обеспечение экономической безопасности организации, и пр.) необходимо определить четкое понимание механизма совершения конкретно рассматриваемого вида преступления, начиная от возникновения умысла и заканчивая сокрытием следов совершенного преступления. При этом каждый из этапов в своем роде не менее важен предыдущего и имеет существенное значение в понимании генезиса совершения преступления.

Значительную часть преступлений в сфере экономики составляют кражи (6 %) горюче-смазочных материалов (ГСМ), хищения, совершенные путем присвоения или растраты (32 %), и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (2 %).

Для быстрого и эффективного раскрытия и расследования таких преступлений важно правильное определение способа вышеуказанных преступлений.

На современном этапе существует множество способов совершения хищений ГСМ. Но, прежде чем приступить к их перечислению, необходимо дать определение термину «способ преступления». Современные представления позволяют трактовать его как понятие междисциплинарного характера, рассматриваемое рядом юридических наук уголовно-правового цикла: уголовным правом, уголовным процессом, криминалистикой и др.

Ученые-криминалисты Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, И.А. Возгрин, И.Ф. Герасимов, В.К. Гавло, А.Е. Гучок, А.В. Дулов, В.Ф. Ермолович, Г.Г. Зуйков, В.М. Логвин, Г.Н. Мухин, Г.А. Шумак, Н.П. Яблоков и другие, изучая понятие «способ совершения преступления», рассматривали его как один из основных и наиболее значимых элементов криминалистической характеристики преступлений. Отметим, что основоположником учения о способе преступления по праву считают Г.Г. Зуйкова.

Под способом преступления Г.Г. Зуйков в диссертационном исследовании определяет систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, которые могут быть связаны с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени [1, с. 10].

По мнению Н.П. Яблокова, под способом совершения преступления в криминалистическом смысле целесообразно понимать объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совершения им преступления, оставляющую различного рода характерные следы во вне, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и, соответственно, определить наиболее оптимальные методы решения задач по раскрытию преступлений [2, с. 34].

Исходя из анализа вышеуказанных точек зрения, можно сделать вывод о том, что определения, приведенные вышеуказанными учеными, касаются способа совершения преступления в целом. Применительно к предмету исследования проблем хищений ГСМ под способом пре-

ступления следует понимать совокупность последовательных действий, детерминированных свойствами личности конкретного преступника, заключающихся в использовании приемов, методов и средств по подготовке, совершению и сокрытию преступления, направленных на достижение намеченной цели, с помощью заранее подготовленных предметов и средств, либо совершения подготовительных мероприятий.

Тщательно исследуя способ совершения преступления, возможно выявить сущность и содержание самого противоправного события, особенности его отражения в следовой информации, а также сущностные характеристики лица, совершившего рассматриваемые преступления.

Хищения ГСМ относятся к категории преступлений, которым предшествует тщательная подготовка. В этой связи для эффективной организации деятельности правоохранительных органов необходимо должным образом изучить особенности способов совершения данных преступлений [3, с. 126].

Способ совершения преступления подлежит установлению на первоначальном этапе выявления и раскрытия преступлений. Именно здесь и испытывают сложности сотрудники правоохранительных органов, так как многие из них не обладают умением быстро и верно определять способ совершения преступления ввиду незнания специфики работы транспортной инфраструктуры, а также деятельности предприятий топливно-энергетической сферы, что, в свою очередь, затрудняет правильное определение порядка действий по документированию и фиксации фактов правонарушений. Все это в совокупности приводит к потере следов преступления, и как следствие – доказательственной базы.

Способы совершения хищений ГСМ обладают спецификой и представляют собой физические действия преступников, проявляющиеся в окружающей действительности, которые лицо, производящее расследование, воспринимает путем изучения материальных и идеальных следов – последствий, произведенных этой деятельностью.

В случае с кражами ГСМ способ совершения представляет собой определенную последовательность действий, которая включает в себя непосредственное изъятие ГСМ из хранилища. Процесс изъятия при краже будет иметь ряд отличий от иных видов хищений (наиболее ярко это прослеживается при кражах, совершаемых путем несанкционированной «врезки» в нефтепродуктопроводы, а также при устройстве «отвода» для хищения ГСМ), в данном случае используются специфические материальные предметы (кран, средства сверления и пр.), без которых осуществить задуманное не представляется возможным, и изъятие которых – в последующем составит основание доказательной базы.

Структура способа совершения хищений может быть как трехзвенной (поведение субъекта до, во время и после совершения преступления), двухзвенной (в различных комбинациях), так и однозвенной (поведение субъекта в момент самого преступного деяния). В случаях хищения ГСМ структура способа является двухзвенной либо трехзвенной, так как его совершению всегда предшествует тщательная подготовка.

Способ совершения хищений ГСМ в трехзвенной структуре включает в себя три информационных блока, по которым можно судить о подготовке, совершении и сокрытии преступления:

а) данные, характеризующие подготовку к преступлению. Это информация о деятельности преступника, предшествующей совершению противоправного деяния, направленной на достижение преступного результата или создание условий, облегчающих его наступление. Действия могут выражаться в собирании сведений об объектах хранения и транспортировки нефтепродуктов, выяснении режима и условий их работы, приискании емкостей и инструментов для совершения хищения, установлении возможных мест реализации и потенциальных «покупателей»;

б) сведения о действиях, связанных с изъятием и (или) обращением предмета преступного посягательства (нефтепродуктов) в собственность указанных лиц. Эта противоправная деятельность заключается в проникновении к месту хранения (транспортировки) нефтепродуктов, способах вскрытия преграды (обеспечивающей доступ к предмету кражи) и изъятия нефтепродуктов из хранилища (трубопровода, цистерны, топливного танка). В случае присвоения и растраты, излишки, подготовленные ранее, вывозятся, как правило, либо сразу, либо частями;

в) информация о способе сокрытия преступления как совокупности действий, предпринятых преступниками для того, чтобы скрыть материальные, при возможности, и идеальные следы своей противоправной деятельности. Эта информация характеризуется изменениями, наступившими в результате деятельности преступников, направленной на уничтожение либо преобразование последствий в окружающей обстановке, связанной с транспортировкой, последующим хранением и реализацией похищенного.

Анализ правоприменительной практики, отказных материалов и архивных уголовных дел позволяет выделить следующие способы краж ГСМ:

- 1) хищение из топливных баков транспортных средств;
- 2) хищение емкостей, в которых хранятся нефтепродукты;
- 3) хищение нефтепродуктов вместе с хранилищем, в котором они транспортируются;
- 4) хищение нефти (нефтепродуктов) из мест их скопления.

Типичными способами хищений физическими лицами, которым вверены ГСМ, путем присвоения либо растраты являются:

- 1) подлог документов отчетности, содержащих сведения о поставке, транспортировке, хранении и списании ГСМ;
- 2) подлог документов отчетности, содержащих сведения о времени работы специальной техники;
- 3) увеличение показаний одометра, используемого для учета пройденного пути транспортным средством;
- 4) передача топливных карт в адрес третьих лиц, которые в последующем используют их для заправки личных транспортных средств;
- 5) участие в хищениях сотрудником автоматических заправочных станций, в части выдачи подложных чеков о произведенной заправке;
- 6) изменение стиля вождения, езда «накатом», что влечет за собой экономию/увеличение расхода ГСМ;
- 7) работа специальной техники на холостых оборотах.

При совершении хищений путем злоупотребления властью или служебными полномочиями необходимо наличие преступных указаний руководителя в адрес подчиненных работников на совершение тех или иных действий, направленных на присвоение не вверенных ему непосредственно ГСМ.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Под способом хищений ГСМ понимается совокупность последовательных действий, детерминированных свойствами личности конкретного преступника, заключающихся в использовании приемов, методов и средств по подготовке, совершению и сокрытию преступления, направленных на достижение намеченной цели, с помощью заранее подготовленных предметов и средств, либо совершения подготовительных мероприятий.

2. К способам подготовки относятся:

- создание и накопление излишков;
  - собираение сведений об объектах хранения и транспортировки нефтепродуктов;
  - выяснение режима и условий их работы;
  - приискание емкостей и инструментов для совершения хищения;
  - установление возможных мест реализации и потенциальных «покупателей»;
  - отыскание и установка устройства несанкционированной «врезки».
- К совершению хищений ГСМ относятся:
- изъятие предмета преступного посягательства;
  - обращение предмета преступного посягательства.

Среди способов сокрытия выделяются:
подлог отчетных документов (путевые листы, чеки продаж и др.);
искусственное физическое завышение остатков, путем уменьшения объемов емкости хранения ГСМ;
увеличение показаний счетных приборов транспортного средства;
буксировка прицепного оборудования, без фактической их работы.

1. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.Г. Зуйков. – М., 1970. – 30 с.

2. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учебник / Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – 303 с.

3. Малыхина, Е.А. Способ совершения преступлений как основной структурный элемент криминалистической характеристики хищений комплектующих деталей железнодорожного транспорта / Е.А. Малыхина // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 4. – С. 126–130.

УДК 343.98

Д.К. Гончаров

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ПРОВЕДЕНИЕМ АЗАРТНЫХ ИГР

Как известно, азартные игры привлекают их организаторов возможностью получения несоразмерных сумм прибыли вложениям, необходимым для организации и проведения азартных игр, в предельно короткие сроки. Ежемесячный уровень дохода одного игорного заведения может исчисляться миллионами рублей. В связи с принятием Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», ограничивающим проведение азартных игр на территории Российской Федерации [1], преимущественное большинство игорных заведений стали нелегальными. Санкции, предусмотренные ст. 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), запрещающей организацию и (или) проведение игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, средств связи, в том числе подвижной, либо без

полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, сопряженное с извлечением дохода в крупном и особо крупном размере, либо совершенные организованной группой [2], часто не останавливают организаторов азартных игр, ослепленных перспективой получения колоссальной прибыли.

С целью уклонения от уголовной ответственности и придания проводимым азартным играм вида легальной деятельности игорные заведения маскируются под интернет-кафе, компьютерные клубы и подобные заведения, в которых якобы осуществляется предоставление услуг по использованию компьютеров с возможностью выхода в сеть Интернет [3, с. 110].

В качестве примера можно рассмотреть преступную деятельность организованной группы лиц, незаконно проводивших азартные игры на территории Республики Крым и г. Севастополя, которые арендовали помещения, располагавшиеся в местах массового скопления людей, в районе автовокзалов и рынков, размещали на входе в помещения вывески с надписью «WebMoney, кибероплата», а в указанных помещениях фактически проводили азартные игры с использованием сети Интернет.

Вопросам выявления, раскрытия и расследования незаконных организации и проведения азартных игр посвящены труды современных ученых-криминалистов А.А. Литвина, Н.В. Машинской, О.В. Усенко, О.Ю. Антонова, А.Г. Себякина, О.П. Науменко и др.

Однако область криминалистического обеспечения противодействия незаконным азартным играм, по нашему мнению, требует дополнительного, более глубокого изучения, так как в настоящее время возникает ряд трудностей организационно-правового, криминалистического и методологического характера в сфере борьбы с данной категорией преступлений [4, с. 61].

Преступления, связанные с незаконным игорным бизнесом, носят достаточно высокий латентный характер. Как указывалось выше, организаторы незаконных игорных заведений всячески маскируют свою деятельность, обеспечивают ее безопасность установкой камер видеонаблюдения, электрических замков, использованием определенных паролей для входа игроков в помещения, при этом в преимущественном большинстве они не обходятся без помощи «не чистых на руку» сотрудников правоохранительных органов, которые заранее их предупреждают о планируемых проверках и помогают избежать уголовной ответственности, если такая проверка уже произошла.

В последнее время организаторы незаконных азартных игр часто используют обычные персональные компьютеры, подключаемые к сети

Интернет, а не специализированные игровые автоматы, что усложняет получение материальных следов совершенных преступных деяний после отключения от сети электропитания и изъятия такого оборудования. Кроме того, нередко возникают технические трудности установления местонахождения удаленных серверов, с использованием которых проводятся азартные игры [5, с. 99].

При проведении следственных действий во время расследования преступлений в сфере игровой деятельности особая роль отводится фиксации и изъятию электронных следов, которые приобщаются к уголовному делу в качестве доказательств. По мнению корифея криминалистики Р.С. Белкина, криминалистически значимая информация означает любую информацию, используемую для решения криминалистических задач [6, с. 237].

Как показывает практика расследования преступлений в рассматриваемой сфере, наиболее эффективным способом сохранения цифровой информации, которую можно будет использовать в качестве доказательства незаконного проведения азартных игр, является фиксация игрового процесса в момент непосредственного функционирования игрового оборудования в игровом зале.

Ввиду того что организаторы незаконных азартных игр, используя камеры видеонаблюдения, установленные как на входе, так и внутри помещений, в которых проводятся азартные игры, изображение с которых при помощи специальных приложений выводится на экран смартфона, могут наблюдать о происходящем в таких заведениях в онлайн-режиме и дистанционно руководить действиями администраторов, кассиров и иных лиц, обеспечивающих проведение азартных игр.

Так, например, при проведении осмотра одного из игровых заведений, расположенных в г. Керчи Республики Крым, организатор, находясь на территории г. Ялты, наблюдая за происходящим через специальное приложение, дал указание администратору отключить рубильник электропитания сети, к которой было подключено игровое оборудование. В дальнейшем, при проведении судебной компьютерно-технической экспертизы изъятых игровых устройств, установлено, что основная часть электронно-цифровых следов не сохранилась на жестких дисках компьютеров, что не позволило эксперту ответить на вопросы о том, является ли представленное оборудование игровым [7, с. 156].

В основу обвинения данного уголовного дела легло заключение судебной компьютерно-технической экспертизы, проведенной на основании видеофайлов с записью процесса азартных игр, проводимых в указанном игровом заведении, полученных заблаговременно до проведения

осмотра. Согласно заключению эксперта, программы, отображенные на видеофайлах, признаны игровыми и предназначенными для организации азартных игр с выплатой вознаграждения по результатам игры [8].

С целью максимального сохранения электронно-цифровых следов, подтверждающих проведение азартных игр, выход в сеть Интернет и подключение игрового оборудования к удаленным серверам, по нашему мнению, при планировании тактических комбинаций и подготовке к осмотру, целесообразно получить схему сети электропитания, план-схему помещения с расположением комнат и размещенным игровым оборудованием, установить предполагаемое местонахождение лиц, обеспечивающих проведение азартных игр, в целях возможности блокирования их передвижения и исключения возможного отключения игрового оборудования от сети электропитания.

Осмотр места происшествия, в ходе которого осуществляется изъятие игрового оборудования, средств связи, электронных носителей информации в незаконных игровых заведениях, необходимо проводить с участием специалиста в области компьютерных технологий, специальные знания которого помогут качественно и своевременно установить и зафиксировать электронно-цифровые следы, подтверждающие факты проведения азартных игр, а также получить статистические данные, позволяющие определить размер извлеченного дохода. При этом осмотр и изъятие игрового оборудования рекомендуется проводить во время его непосредственной эксплуатации при условии подключения к сети Интернет [9, с. 82].

Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, за незаконные организацию и проведение азартных игр на территории РФ в 2017 г. по ст. 171.2 УК РФ осуждено 1 378 лиц, в 2018 г. – 1 093, в 2019 г. – 1 067, в 2020 г. – 762, в 2021 г. – 946 [10].

Анализируя судебную практику в сфере игрового бизнеса, можно сделать вывод: в преимущественном большинстве выявленных фактов незаконных организации и проведения азартных игр в окружении их организаторов присутствуют представители правоохранительных органов, пытающихся различными способами оказать им содействие в уходе от уголовной ответственности за совершаемые преступные деяния.

Для обеспечения привлечения к уголовной ответственности организаторов незаконных азартных игр, имеющих так называемых покровителей, по нашему мнению, при планировании тактических комбинаций необходимо задействовать наиболее опытных, проверенных и добросовестных сотрудников, не допускать разглашения сведений о планируемых проверках лиц, не имеющих к ним отношения [11, с. 93].

Подводя итоги, констатируем такой вывод: в современных реалиях организаторы незаконных азартных игр постоянно совершенствуют способы уклонения от уголовной ответственности, используя возможности телекоммуникационных сетей, пробелы в законодательстве, а также услуги нерадивых сотрудников правоохранительных органов.

Для наиболее эффективной и бескомпромиссной борьбы с незаконными организацией и проведением азартных игр, по нашему мнению, необходимо на постоянной основе анализировать оперативную обстановку в данной сфере, обращая внимание на лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности за преступления данной категории, на предмет рецидива, совершенствовать тактические рекомендации и методики выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с игорным бизнесом, устанавливать всех причастных лиц для привлечения к уголовной ответственности каждого преступника.

1. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 29 дек. 2006 г., № 244-ФЗ : в ред. от 02.07.2021 г. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (дата обращения: 12.09.2022).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения: 14.09.2022).

3. Гончаров, Д.К. Криминалистические особенности противодействия незаконной деятельности по организации и проведению азартных игр в новых субъектах Российской Федерации / Д.К. Гончаров // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. – 2020. – № 9. – С. 108–112.

4. Литвин, А.А. Расследование преступлений, связанных с незаконной организацией азартных игр / А.А. Литвин // Законность. – 2010. – № 5. – С. 60–63.

5. Гончаров, Д.К. Роль компьютерно-технической экспертизы при расследовании незаконной организации и проведения азартных игр / Д.К. Гончаров // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 28 апр. 2022 г.) : в 2 ч. / Казан. ин-т (фил.) ВГУЮ. – Казань : ЮрЭксПрактик, 2022. – Ч. 1. – 306 с.

6. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Норма, 2001. – 240 с.

7. Гончаров, Д.К. Криминалистическая характеристика личности организатора незаконных азартных игр / Д.К. Гончаров // Вопр. рос. и междунар. права. – 2022. – Т. 12. – № 7А. – С. 151–162.

8. Официальный сайт Ялтинского городского суда [Электронный ресурс] URL: https://yalta--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=746788&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 31.10.2022).

9. Гончаров, Д.К. Взаимодействие следователя и специалиста в области компьютерных технологий при изъятии игорного оборудования в местах незаконного проведения азартных игр / Д.К. Гончаров // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. – 2021. – № 8. – С. 80–84.

10. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. – URL: <http://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 03.11.2022).

11. Гончаров, Д.К. Коррупция как угроза противодействию незаконным организации и проведению азартных игр / Д.К. Гончаров // Соврем. наука: актуал. проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2022. – № 9. – С. 90–94.

УДК 343.98

В.Л. Григорович, А.В. Ходасевич

ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В эпоху развития информационных технологий хищение имущества путем модификации компьютерной информации получило распространение и становится все более привлекательным для злоумышленников. При совершении указанного хищения предметом преступления может являться как само имущество, так и право на него. Однако при цифровизации процессов, происходящих в обществе и экономике, появляются предметы имущественного оборота, которые обладают ценностью, но в связи с особенностью их характеристик не получили должного правового регулирования. К таким предметам, в частности, можно отнести виртуальное игровое имущество – танки, оружие, снаряжение персонажей компьютерных игр: оно похищается у своих владельцев при совершении тех либо иных действий в аккаунте компьютерного игрока, а затем противоправно используется другими лицами. При рассмотрении заявлений граждан по фактам противоправного завладения виртуальным игровым имуществом нередко возникают вопросы, можно ли виртуальные игровые объекты отнести к понятию «имущество» и может ли такое «имущество» быть предметом хищения имущества путем

модификации компьютерной информации, можно ли квалифицировать так называемое противоправное «завладение» данными предметами по ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)?

Существование большого количества научных точек зрения и отсутствие законодательного закрепления понятий «имущество», «право на имущество» в примечании к гл. 24 УК, диспозиции ст. 212 УК становятся причиной возникающих споров при квалификации действий злоумышленника по аналогичным уголовным делам. В связи с этим считаем, что назрела необходимость системного анализа законодательства и имеющихся подходов для устранения существующих противоречий. С этой целью первоначально следует рассмотреть вопрос, какое именно содержание белорусский законодатель вкладывает в понятия «имущество», «право на имущество».

Так, в комментарии к УК для определения понятия «имущество» как предмета посягательства против собственности принято выделять три признака имущества: физический признак (включает в себя такую характеристику предмета, как материальность, т. е. вещи, деньги, ценные бумаги и иные предметы материального мира, не лишенные своей вещной субстанции), экономический признак (вещь должна иметь стоимостной эквивалент), юридический признак (имущество должно быть чужое – принадлежать иному лицу, которое, соответственно, приобрело его и является собственником). Под правом на имущество законодатель отражает полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом [1, с. 420–421].

Исходя из этого следует, что к категории «имущество» виртуальное игровое имущество не относимо в связи с отсутствием у него вещной составляющей, т. е. физического признака. Однако у собственника такого имущества есть как право владения, так и право пользования и распоряжения виртуальным игровым имуществом.

Гражданское право воспринимает имущество иначе. В ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав помимо вещей законодатель относит иное имущество, имущественные права, нематериальные блага [2]. Такой расширенный подход представляется нам более точным и направленным на защиту прав и законных интересов того либо иного собственника, в том числе собственника, владеющего виртуальным имуществом.

Данный подход (расширенное толкование понятия «имущество») нашел свое отражение у правоприменителей. Относительно квалификации подобного рода деяний в Республике Беларусь сложилась практика,

при которой ответственность злоумышленника за хищение виртуального игрового имущества путем модификации компьютерной информации наступает по ст. 212 УК. Так, например, во Фрунзенский (г. Минска) районный отдел Следственного комитета Республики Беларусь из органа дознания в марте 2022 г. поступил материал проверки для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В ходе изучения материала установлено, что у гражданина К. в компьютерной игре «Майнкрафт» имелся аккаунт с игроком и игровыми атрибутами – скинами. При этом часть игровых атрибутов приобреталась заявителем за собственные безналичные денежные средства. Гражданин К., с целью прохождения игрового уровня, передал реквизиты от имеющегося у последнего аккаунта неустановленному виртуальному пользователю (как впоследствии выяснилось – злоумышленнику). Злоумышленник, имея доступ к аккаунту гражданина К., без его разрешения, переслал имеющиеся денежные эквивалент игровые атрибуты персонажа заявителя персонажу другого аккаунта, т. е. своими действиями совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 212 УК (хищение имущества гражданина К. путем модификации компьютерной информации).

Данная практика, на наш взгляд, является верной в силу того, что виртуальное игровое имущество не может рассматриваться исключительно как средство развлечения, если приобретается усилиями пользователя и имеет реальный денежный эквивалент. Такое имущество обладает экономической ценностью и способно обращаться на рынке.

Однако такая практика существовала не всегда. Например, в 2016 г. житель Кобрина обратился в органы внутренних дел с заявлением, в котором сообщил о краже у него космического корабля, приобретенного в онлайн-игре. Стоимость имущества составила пять миллионов рублей (прим. – неденоминированных). По данному заявлению возбуждено уголовное дело по ст. 349 УК (по факту несанкционированного доступа к компьютерной информации, т. е. к аккаунту заявителя). Дополнительная правовая оценка действиям злоумышленника по факту хищения виртуального космического корабля не дана [3].

Существующий пробел в нормативном правовом регулировании имущественного оборота виртуальных объектов создает почву для нарушения интересов пользователя в обладании игровым атрибутом или в извлечении выгоды от его продажи [4].

Учитывая, что задача уголовного закона сводится к защите прав и свобод человека и гражданина, полагаем, что отсутствие законодательного закрепления статуса виртуального игрового имущества недопустимо. Очевидно, что расширение представлений о предмете преступного

посягательства в преступлениях против собственности социально обусловлено и необходимо не только с позиций защиты законных интересов граждан от посягательств на принадлежащие им блага (пусть даже и виртуальные) [5]. Таким образом, нами поддерживается позиция, согласно которой предметом преступлений как против собственности в целом, так и в частности предметом хищения имущества путем модификации компьютерной информации может быть любое благо, которое имеет экономическую ценность, признается объектом экономического оборота – принимает товарную форму и имеет стоимостное выражение. При этом под виртуальным имуществом следует понимать совокупность объектов виртуального мира, имеющих реальное стоимостное выражение, которые находятся в собственности какого-либо лица, а также права имущественного характера на такие объекты.

По нашему мнению, данное определение строится на наличии такого обязательного составляющего признака у понятия «виртуальное имущество», как стоимость. В том случае, когда виртуальный объект не будет иметь стоимостного выражения, он не будет признаваться предметом хищения.

Можно отметить, что законодатель и исследователи при определении понятия «имущество» не могли предвидеть саму возможность существования имущества в каком-то нематериальном, отличном от предметов внешнего мира виде. При этом все приведенные позиции, относительно сути определения «имущество», актуальны до настоящего времени, устарело только лишь содержание физического признака.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что законодателем не в полной мере учтена специфика предмета посягательства по делам о хищениях имущества, в том числе хищениях имущества путем модификации компьютерной информации, подверженного изменению вследствие развития компьютерных технологий. Существующий подход, который приравнивает понятия «имущество» и «вещь», не соответствует современным реалиям и требует внесения изменений, направленных в первую очередь на закрепление понятия «имущество» в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

Поскольку на сегодня в Республике Беларусь не определен статус виртуального имущества, что создает сложности при квалификации хищений вышеуказанных объектов, следует внести соответствующие изменения в примечание к гл. 24 УК, где необходимо конкретизировать такие понятия, как «имущество», «право на имущество». При этом под имуществом необходимо понимать любое благо, которое имеет экономическую ценность, признается объектом экономического оборота –

принимает товарную форму, имеет стоимостное выражение, может выражаться в электронном цифровом виде.

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Боевой космический корабль украли у мужчины из Кобрина // Вечерний Брест [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://vb.by/society/incidents/boevoj-kosmicheskij-korabl-ukrali-u-muzhchiny-iz-kobrina.html>. – Дата доступа: 04.10.2022.

4. Перепелкина, Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования [Электронный ресурс] / Я.А. Перепелкина // Журн. суда по интеллект. правам. – 2020. – № 3. – Режим доступа: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/virtual-gaming-property-prospects-for-legal-regulation>. – Дата доступа: 05.10.2022.

5. Барчуков, В.К. Предмет мошенничества в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс] / В.К. Барчуков // Бизнес в законе. Экон.-юрид. журн. – 2016. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-moshennichestva-v-sfere-kompyuternoy-informatsii>. – Дата доступа: 05.10.2022.

УДК 343.98

Т.Н. Данькова

СЛЕДОВАЯ КАРТИНА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Отображение следов совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями обусловлено общими закономерностями возникновения следов преступной деятельности с учетом особенностей совершения рассматриваемого преступного деяния. По уголовным делам исследуемой категории следовая картина представлена различного рода материальными и идеальными следами. Вместе с тем, на наш взгляд, исследование идеальных следов совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями (отражающихся в памяти участников и свидетелей преступной деятельности) представляется более оптимальным в ходе рассмотрения отдельного вопроса, посвященного тактиче-

ским аспектам процесса закрепления идеальных следов в ходе проведения отдельных следственных действий (допрос, проверка показаний на месте и т. д.). В связи с изложенным, в ходе рассмотрения следовой картины злоупотребления властью или служебными полномочиями нам представляется целесообразным исследовать материальные следы указанного преступного деяния.

В целом материальные следы преступного деяния являются наиболее устойчивыми, информативными и представлены различного рода объектами. Материальные следы совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями могут отображаться на следующих объектах: на рабочем месте должностного лица, в иных помещениях организации, на объектах, где осуществлялись работы либо оказывались услуги, на объектах (предметах), которые использовались в ходе совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями (например, на строительной технике) и др. На указанных объектах могут оставаться следы, различные по характеру: следы-отображения (например, отображение следов строительной техники), следы-предметы (например, документы) и следы-вещества (например, биологические следы работников организации, направленные должностным лицом в рабочее время на выполнение работ на дачном участке). На наш взгляд, наибольшую значимость для частной методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями представляет исследование следов преступной деятельности, отражающихся в различного рода документах, так как исследование иных следов в целом будет строиться на общих закономерностях механизма слеодообразования и работы со следами. При этом отметим, что документы, имеющие значение для расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями, наряду с теми, которые мы рассмотрим с позиции слеодообразования, будут включать в себя ряд иных документов, способствующих успешному расследованию преступления и установлению существенных обстоятельств дела, работа с которыми осуществляется в тактическом аспекте проведения отдельных следственных действий (выемки, обыска и т. д.) и в процессе их анализа в ходе расследования.

Так, рассматривая документы, в которых могут отражаться следы злоупотребления властью или служебными полномочиями, отметим, что в криминалистике имеется многообразие классификаций документов по различным критериям [1, с. 283]. При исследовании документов, в которых могут отображаться следы злоупотребления властью или служебными полномочиями, необходимо исходить из имеющейся классификации на официальные (которые по юридической природе могут быть как

подлинные, так и подложные) и частные документы (различного рода записи должностного лица в ежедневниках либо на иных объектах) [1, с. 283]. Остановившись подробнее на официальных документах организации, в которых могут отображаться следы злоупотребления властью или служебными полномочиями, отметим, что система документации организаций представлена многочисленными документами, которые различны по своему назначению и порядку формирования. На наш взгляд, документацию организации, в которой могут отображаться следы совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями (учитывая более узкий перечень документов, чем те, которые имеют значение для расследования уголовного дела), оптимальнее рассмотреть с учетом сформированных нами типичных способов совершения указанного преступного деяния (реализация либо приобретение товарно-материальных ценностей с различными нарушениями; привлечение работников и (или) техники в рабочее время на выполнение работ (оказание услуг) на объекты, принадлежащие должностному лицу либо близким ему лиц; заключение фиктивных договоров на оказание услуг, выполнение работ для фактического их оказания, выполнения работ вопреки интересам службы; совершение злоупотребления властью или служебными полномочиями в ходе сокрытия ненадлежащего исполнения должностных обязанностей, которые могут причинять ущерб либо существенный вред правам и законным интересам граждан; незаконное предоставление прав гражданам либо организациям, не имевшим на это оснований). В связи с ограниченным объемом доклада рассмотрим следовую картину совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями, отображающуюся в документации организации на примере некоторых способов совершения указанного преступного деяния.

Так, при совершении злоупотребления властью или служебными полномочиями в ходе реализации либо приобретения товарно-материальных ценностей следы преступной деятельности могут оставаться в производственных документах (производственных журналах, технологических картах и т. п. (например, при реализации товаров более высокого качества по заниженной стоимости под видом продукции низших марок), товарно-сопроводительных документах (например, товарно-транспортных накладных) и в договорных документах (непосредственно договорах и актах выполненных работ, при наличии процедур выбора – в документации этих процедур).

Далее, определяя документальную следовую картину злоупотребления властью или служебными полномочиями, совершенного при направлении работников и (или) техники на выполнение работ (оказа-

ние услуг) на объекты, принадлежащие должностному лицу либо близким ему лицам, отметим, что основными документами, отражающими следы преступной деятельности, будут являться табеля учета рабочего времени работников (как правило, они будут являться подложными), заявления на отгулы, отпуска за свой счет, а при привлечении техники – документы, обосновывающие ее использование (заказ-наряды, путевые листы и т. п., которые также, как правило, будут являться подложными). В указанном случае по учетам организации необходимо установить отсутствие документов, подтверждающих оплату (либо занижение стоимости) за выполнение работ (оказание услуг) работниками организации и (или) техники, принадлежащей ей.

При совершении злоупотребления властью или служебными полномочиями путем незаконного предоставления прав гражданам либо организациям, не имевшим на это оснований, документальные следы злоупотребления властью или служебными полномочиями отражаются непосредственно в документах, обосновывающих факт реализации прав (например, включение в состав жилищного кооператива), а также в документах, создаваемых в ходе подготовки к совершению преступления (например, в документах о постановке на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий для последующего включения в состав жилищного кооператива, которые, как правило, будут являться подложными).

Наряду с рассмотренными материальными следами, которые могут отображаться при совершении злоупотребления властью или служебными полномочиями, считаем необходимым отразить цифровые (виртуальные) следы совершения указанного преступного деяния и объекты, на которых они могут отображаться. Так, в ходе совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями цифровые (виртуальные) следы могут быть представлены: информацией о нахождении абонента в определенной зоне (соте) в определенный промежуток времени (например, информацией о нахождении абонентских номеров работников организации на дачном участке должностного лица в рабочее время); информацией, находящейся в памяти различных машин и техники (например, информацией о произведенной продукции с определенной характеристикой на станках с программным управлением либо информацией о навигации строительной техники); информацией, находящейся в памяти программного обеспечения, установленного на различных объектах (например, на флеш-накопителе с программным обеспечением («1С: Бухгалтерия», «1С: Склад», «1С: Комплексная автоматизация» и др.); информацией, находящейся в памяти (либо удаленном хранении)

рабочего, домашнего компьютера, ноутбука, планшета и иных гаджетов участника либо свидетеля преступной деятельности и др.

Подводя итог исследованию следов совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями, отметим, что следы рассматриваемого преступного деяния представлены различного рода материальными и идеальными следами. Наибольшую значимость для частной методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями представляет интерес исследование следов преступной деятельности, отражающихся в различного рода документах организации: приказах, распоряжениях, решениях, договорах, актах выполненных работ, товарных и товарно-транспортных накладных, докладных записках, различного рода протоколах, табелях учета рабочего времени, заявлениях на отгулы и отпуска за свой счет, заказ-нарядах, путевых листах, актах инвентаризации, различного рода отчетах и др. Вместе с тем отметим, что документальные следы совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями всегда рассматриваются в комплексе с иными следами, в том числе цифровыми (виртуальными) и идеальными, так как только комплексный подход позволит установить все обстоятельства совершенного преступного деяния.

1. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – М. : Норма, 2001. – 990 с.

УДК 343.985.2

О.Б. Дронова

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Полноценное информационно-аналитическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений нередко является ключевым фактором повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. Современные средства получения, обработки и анализа исходных данных предусматривают задействование различных информационных систем и аппаратно-программных комплексов. Следует отметить поэтапную трансформацию информационного обеспечения от систематизированных учетно-регистрационных сведений, предназначенных преимущественно для получения установочных данных справочного характера, к многоуровневой системе, позволяющей осуществ-

влять аналитическую обработку первичных данных, способствующих получению новой криминалистической и оперативно значимой информации. Вместе с тем следует констатировать, что несмотря на реализацию государственной концепции функционирования единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации до сих пор в полном объеме не решена проблема недостаточности полноценного сопровождения раскрытия и расследования преступлений.

Рассматривая информационно-аналитическое обеспечение расследования преступления как комплексное изучение обработанных документальных и фактографических сведений о совершенном преступлении, можно вести речь о том, что в целом его основной целью будет являться получение аналитического информационного продукта [1, с. 318]. Обработанная информация может содержать данные о структуре, иерархии и составе преступных групп, сведения о товарно-денежных потоках, осуществляемых физическими и юридическими лицами, их персональных данных, перемещениях, контактах, транспортных средствах, огнестрельном оружии, средствах мобильной связи, используемых участниками преступных групп и их контакты, а также иные, неустановленные ранее обстоятельства преступления [2, с. 209].

Информационно-аналитическое обеспечение предусматривает сбор разнородных данных из различных открытых и закрытых источников информации, их извлечение, преобразование, загрузку в систему, сохранение и анализ полученных сведений [3, с. 293]. Ключевым преимуществом аналитической обработки сведений с применением программно-аппаратных комплексов является возможность осуществления модельных расчетов исходных данных с целью получения новой выводной информации, которая может быть представлена в форме наглядных структурированных систем (многомерных схемах, графах связей фигурантов, объектов и следов). Производство полноценных аналитических мероприятий предусматривает наличие доступа к интегрированным информационным массивам; телекоммуникационной среды; инструментарию, позволяющему осуществлять аналитическую обработку данных.

К числу основных информационных ресурсов органов внутренних дел относится комплексная система криминалистической регистрации. Однако следует констатировать, что современное функционирование отдельных учетно-регистрационных массивов, не интегрированных в единую ведомственную систему не позволяют инициатору получения необходимых данных одновременно осуществить их поиск и системати-

зацию. В этой связи необходимо отметить, что наиболее перспективным способом повышения эффективности информационно-аналитического обеспечения является интеграция разнородной оперативной и криминалистически значимой информации в единую телекоммуникационную систему регистрации как основную платформу криминалистической регистрации [4, р. 124].

Рассматриваемая концепция предусматривает объединение значимых и востребованных сведений, дислоцированных в массивах разных подразделений правоохранительных органов, государственных организаций и негосударственных учреждений. При этом использование сведений, имеющих отношение исключительно к совершенным противоправным деяниям, не позволит произвести полноценный анализ фактографической информации, сформировавшейся в результате преступления. Полноценное информационно-аналитическое обеспечение предусматривает необходимость использования разнородных данных, расположенных на сетевых гражданских ресурсах, содержание которых не относится к криминальной деятельности. Современная предиктивная аналитика предусматривает использование автоматизированных алгоритмов обращения к ресурсам оперативно-справочного, розыскного и криминалистического назначения, обработку агентурных сообщений, оперативных сводок, а также разнообразной фоновой информации, размещенной в сетевых ресурсах и социальных телекоммуникационных сетях.

Существенное повышение ресурсного обеспечения единой телекоммуникационной системы криминалистической регистрации предусматривает необходимость внедрения в процесс информационно-аналитического обеспечения технологий мониторингового назначения. Получение и аналитическую обработку информации, имеющей геолокационный, пространственно-временной характер, целесообразно осуществлять с использованием системы транспондеров, датчиков спутниковой связи, унифицированных считывателей [5].

Совокупность перечисленных источников информации позволят существенно обогатить возможности последующего точечного обращения к массивам ссылок на информационные справочно-вспомогательные ресурсы (фото-, видеотеки, натурные коллекции, справочники), в которых систематизированы сведения о предметах и объектах, выступающих носителями криминалистически значимых данных.

Учитывая то обстоятельство, что использование ресурсов системы криминалистической регистрации отнесено к оперативно-розыскной

деятельности, для реализации ее возможностей целесообразным является внесение в учетно-регистрационные массивы данных о мобильных телекоммуникационных системах (устройствах радиочастотной идентификации, системах спутниковой навигации), которыми оснащены многие объекты регистрации. К данной категории могут быть отнесены: огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства промышленного изготовления, ряд лицензируемых объектов потребительского рынка, предметы, имеющие историческую и культурную ценность, а также другие объекты учетно-регистрационной деятельности.

Преимущества интегрированных учетно-регистрационных данных в совокупности с мобильными телекоммуникациями раскрываются при проведении аналитической обработки информационных массивов системы криминалистической регистрации. Применение методов кластерного анализа способствует установлению связей между несколькими событиями преступлений через общности следов, объектов преступного посягательства и фигурантов. Как только объекты интересующего кластера будут установлены в обстоятельствах других событий преступлений, автоматически создается связь между уголовными делами.

Перспективным направлением является использование системы криминалистической регистрации для профилирования кейсов. Характеристики конкретных ситуаций могут использоваться для группировки событий преступлений и выявления тенденций, таких как: вид посягательств, группа лиц, признаки преступлений, совершенных профессионально подготовленными личностями, стоимость похищенного имущества и т. д. Профилировщик выполняет поиск вариантов в соответствии с обстоятельствами и признаками события преступления. Каждый признак может быть учтен в соответствии с его коэффициентом значимости.

Наделение системы аналитическими функциями обеспечит возможность обнаружения взаимосвязей и совпадений между событиями и объектами [6, с. 21], занесенными в информационную систему. Например, номерные знаки транспортных средств и ДНК-профили, обнаруженные на различных местах преступления, автоматически могут быть связаны системой на основе совпадений иных объектов регистрации. Информация о подобных событиях может быть представлена на электронных картах местности, диаграммах или графах связей посредством таких приложений, как MS Visio или в блокноте IBM Analyst. На диаграммах могут отражаться связи между следами, объектами и подозреваемыми в рамках одного или нескольких уголовных дел. Данная обработка производится средствами интеллектуального анализа (Data mining), а ре-

зультат визуализируется, указывая неявную связь между событиями, объектами и лицами.

С помощью этого модуля статистическая информация может быть систематизирована и представлена на графике в ретроспективе. Система криминалистической регистрации может быть интегрирована с другими приложениями, позволяющими создавать статистические и аналитические отчеты, а также экспортировать информацию в различные типы программного обеспечения и системы межведомственного назначения. Результаты аналитической обработки направляются в оперативные подразделения, выступавшие инициаторами запросов, и являются основанием для проведения профилактических или превентивных мероприятий [7, с. 84]. Таким образом, технологии глобального машинного анализа способствуют планированию и проведению тактических операций, направленных на выявление и противодействие преступлениям.

Современный уровень технического развития общества свидетельствует о наличии всех условий для создания единой системы получения аналитической информации при использовании средств телекоммуникации, геоинформационных и навигационных систем, включая технологии защиты информации, технологии искусственного интеллекта.

1. Дронова, О.Б. Современные возможности информационного обеспечения процесса выявления и расследования преступлений в сфере потребительского рынка / О.Б. Дронова, А.А. Курин // Всерос. кримиол. журн. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 318–326.
2. Грибунов, О.П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма слеодообразования: философские и теоретические аспекты / О.П. Грибунов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 446. – С. 207–211.
3. Лахин, А.Н. Использование информационно-аналитических технологий в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий / А.Н. Лахин // Обществ. безопасность, законность и правопорядок в III тыс. – 2017. – № 3-3. – С. 290–294.
4. Dronova, O.B. Counteraction to e-commerce crimes committed with the use of online stores. Studies in Systems, Decision and Control / O.B. Dronova, B.P. Smaroginskiy, V.B. Yastrebov. – 2019. – Т. 181. – P. 121–131.
5. Information and analytical support for the detection and investigation of crimes / O.B. Dronova [et al.] // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum 'Law and Order in the Third Millennium'. – Kaliningrad, 2021.
6. Колосович, М.С. Транспарентность государственных органов: нормативная регламентация, понятие, содержание и средства обеспечения / М.С. Колосович // Государство и право. – 2019. – № 7. – С. 16–28.
7. Осипенко, А.Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности / А.Л. Осипенко // Общество и право. – 2018. – № 4 (66). – С. 80–87.

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА ЛИЧНОГО ОБЫСКА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

Опасность, которая возникает от потребления наркотиков, означает не только угрозу жизни и здоровью самого потребителя наркотических веществ, но может представлять общественную опасность другим членам общества в форме совершения наркоманами преступлений разной тяжести; вовлечению в наркотизм граждан любого возраста, особенно следует выделить молодежь, которая является наиболее уязвимой частью общества, подверженной пропаганде потребления наркотиков.

Транспортировка наркотических средств происходит с помощью воздушного, водного и наземного транспорта. Для этого лица, занимающиеся распространением наркотиков, могут создавать контейнеры или тайники при перевозке вещества через наземный транспорт, либо размещать наркотические средства на теле человека, с помощью создания специальных жилетов с карманами для помещения наркотических средств или с помощью обуви, карманов в одежде.

Так, согласно материалам уголовного дела, гражданин У. примерно в 20 часов 45 минут, имея умысел на незаконную перевозку без цели сбыта наркотических средств в значительном размере, поместил наркотическое средство себе в правый носок, надетый на нем. После чего гражданин У., примерно, в 21 часов 00 минут, следуя на въезд в Российскую Федерацию, в пешем порядке, прибыл на упрощенный пункт пропуска «Н. Ореховка (РФ) – Поповка (Украина)», где и был задержан сотрудниками ПУ ФСБ России [1].

Часто наркодилеры предлагают таксистам или сотрудникам железнодорожной службы передать посылку, обманывая человека, говоря, что посылка содержит подарок, скрывая реальное содержание посылки.

Стоит отметить, что транспортировка лицом на теле наркотических средств может производиться и нетрадиционным способом, т. е. через плотание упакованных наркотических средств или посредством помещения их (средств) во внутренние полости тела.

Личный обыск – это следственное действие, с которого начинается большинство расследований преступлений в области незаконного оборота наркотиков, так как оно связано с пресечением сбыта наркотических средств и их распространения.

В общем личный обыск лица, совершившего данное преступление, подразделяется на предварительный и детальный. Роль предварительного обыска заключается в том, чтобы обеспечить безопасность лица, производящего личный обыск, и сохранность вещественных доказательств. Иными словами, он направлен на обнаружение оружия, предметов, которые могут быть использованы против сотрудника полиции или в целях противодействия производству следственных действий. Детальная стадия личного обыска заключается в непосредственном обнаружении предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Личный обыск начинается сверху вниз, в ходе чего изымаются наркотические средства и курительные смеси или оставшаяся от них упаковка, проездные билеты, деньги, шприцы для инъекций, мобильные телефоны и иные средства связи (смартфон, планшетный компьютер) и т. п. [2].

Стоит понимать, что наркотические средства могут храниться в кошельках, чехлах для смартфонов, тайниках на одежде и сумках, женской косметике, обуви, книгах. Особое внимание необходимо уделить тем из них, от которых задержанный преступник может в первую очередь избавиться. Если в ходе производства данного следственного действия следователем было обнаружено наркотическое вещество синтетического происхождения в форме таблеток, ампул, крайне важно следить за тем, чтобы сбытчик не предпринял попытки их уничтожить путем раздавливания или проглатывания.

При производстве личного обыска следователю также нужно взять срез кармана, в котором хранилось наркотическое средство или предмет, который может быть данным средством. Целесообразно взять смывы с рук и срезы ногтевых пластин у преступника. Каждый ноготь следует упаковывать в отдельный пакет.

Важными для следствия особенностями обладает личный обыск лица, осуществляющего контрабанду наркотических средств. Так, при осуществлении перевозки наркотиков способы транспортировки наркотических средств в первую очередь зависят от вида наркотиков. Способы контрабанды наркотиков сводятся к следующим типам:

1) маскировка наркотических средств, что подразумевает сокрытие их от служб безопасности и правоохранительных органов на пунктах пропуска вокзалов, аэропортов и т. п.;

2) создание разного рода тайников, что подразумевает использование каких-либо полостей естественного или искусственного происхождения для транспортировки наркотических средств [3].

В связи с тем что на сегодня пропускной контроль в аэропортах, вокзалах и т. п. осуществляется достаточно всесторонне, что уменьшает шансы транспортировки наркотических средств, целесообразно крайне внимательно осматривать подкладки, швы, подошвы и стельки обуви. Подразумевается не просто их поверхностный осмотр, а также повреждение предметов в целях обнаружения наркотического средства.

Особое внимание стоит уделить одежде, так как она может быть пропитана наркотическим веществом.

Не стоит также оставлять без внимания тело преступника, если имеются основания подозревать, что лицо провозит наркотики на теле, а не с помощью внутренних полостей в теле (в этом случае производится освидетельствование). В данном случае контрабандисты провозят наркотики посредством их маскировки под одеждой, с помощью создания специальных жилетов с отсеками для помещения наркотического средства, «рукавов», «штанов», «шапки, которые прячутся под париком». В этом случае при движении преступника обычно можно услышать шелест, так как данные тайники в основном сделаны с помощью пакетов и клейкой ленты.

Следователь также должен обратить внимание на чемоданы, сумки и иную ручную кладь, оборудованных тайниками; на спортивные изделия (боксерские перчатки и груши и т. д.); на разного рода вещи (игрушки, предметы быта, сувениры и т. п.); на разного рода оборудование и т. д. Не являются исключением даже продукты питания (в овощах, фруктах, мясе, рыбе, молочной продукции, бутылках с напитками, консервах, кондитерских изделиях, шоколаде и т. д.). Например, преступники, занимающиеся преступлениями в области незаконного оборота наркотиков, вырезают внутреннее содержимое овощей (фруктов), создавая тем самым камеру для помещения пакетиков с наркотиком. Этот способ также помогает контрабандисту «перебить» запах, что приводит к нарушению восприятия следа при работе кинологической службы.

1. Приговор № 1-55/2021 от 12 июля 2021 г. по делу № 1-155/2021, Советский районный суд г. Воронеж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru. – Дата доступа: 21.10.2022.

2. Роганов, С.А. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : учеб. пособие / С.А. Роганов. – СПб., 2017.

3. Космодемьянская, Е.Е. Методика расследования контрабанды наркотиков : учеб. пособие / Е.Е. Космодемьянская, Н.В. Поляков, Н.Г. Прейс. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Государственная дактилоскопическая регистрация проводится в целях установления или подтверждения личности человека путем создания банка данных дактилоскопической информации о гражданах Республики Беларусь, иностранных гражданах, лицах без гражданства в случаях, предусмотренных действующим законодательством. Данная процедура проводится органами внутренних дел (ОВД) на основании Закона Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236-З «О государственной дактилоскопической регистрации» (далее – Закон «О государственной дактилоскопической регистрации») [1], с участием в качестве специалистов сотрудников, имеющих специальные звания, и гражданского персонала Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), которые, в свою очередь, оказывают сотрудникам ОВД помощь непосредственно в дактилоскопировании граждан. Анализ деятельности сотрудников обоих ведомств в данной сфере позволяет сделать вывод о наличии недостатков, порой существенных, в их взаимодействии при осуществлении государственной дактилоскопической регистрации.

Процедура прохождения дактилоскопической регистрации выглядит следующим образом: граждане Республики Беларусь, подлежащие дактилоскопической регистрации, обращаются в территориальный ОВД по месту жительства с полученным направлением о прохождении дактилоскопирования. В подразделениях ОВД данная процедура проводится либо сотрудником оперативно-дежурной службы, либо дежурным экспертом, в задачи которого входит не столько получение отпечатков пальцев, сколько участие в качестве специалиста при проведении осмотров мест происшествия и иных следственных действий. По данной причине дежурный эксперт не всегда находится по месту несения службы, что вынуждает сотрудника ОВД проводить процедуру обязательной государственной дактилоскопической регистрации без участия последнего.

Однако анализ качества дактилоскопической информации свидетельствует об отсутствии у сотрудников ОВД необходимого опыта, навыков, умений при дактилоскопировании граждан, что нередко является причиной неполноты прокатки пальцев, неравномерного распределения красящего вещества, отображения отпечатков пальцев рук и оттисков ладоней в виде мазков черного цвета и т. д.

Через критику в адрес сотрудников ОВД, осуществляющих дактилоскопирование со стороны должностных лиц ГКСЭ, вынуждает сотрудника ОВД (при отсутствии дежурного эксперта) отправлять гражданина в территориальное подразделение ГКСЭ, расположенное часто обособленно, по иному адресу, на значительном расстоянии от подразделения ОВД. При этом гражданину выдается бланк дактилоскопической карты установленного образца с заполненными должностным лицом ОВД анкетными данными.

Гражданин с полученным бланком дактилоскопической карты следует в подразделение ГКСЭ, где сотрудник осуществляет непосредственно процесс переноса дактилоскопической информации на бланк дактилоскопической карты установленного образца, имеющийся у гражданина.

В качестве подтверждения факта прохождения дактилоскопической регистрации гражданину необходимо получить соответствующую справку. Данную справку выдает сотрудник ОВД, принявший направление о прохождении дактилоскопирования. Основанием для выдачи справки является дактилоскопическая карта, в которой уже имеется дактилоскопическая информация, внесенная туда сотрудником ГКСЭ. По этой причине сотрудник ГКСЭ, проводивший дактилоскопирование, вынужден отдавать материальный носитель (дактилоскопическую карту) с заполненной дактилоскопической информацией гражданину для передачи в ОВД.

Описанный выше алгоритм прохождения государственной дактилоскопической регистрации способствует внесению в дактилоскопическую карту заведомо ложной информации, поскольку сотрудник ОВД, выдающий справку, не всегда убеждается в достоверности данной информации. Он не располагает данными о том, посетил ли гражданин подразделение ГКСЭ на самом деле, либо отпечатки пальцев были внесены на бланк дактилоскопической карты гражданином самостоятельно, или с чьей-либо помощью. В процессе перемещения гражданина из ОВД в ГКСЭ и обратно также возможны искажение полученной дактилоскопической информации, ее утрата, либо несанкционированный доступ к ней третьих лиц, что нарушает ст. 12 Закона «О государственной

дактилоскопической регистрации», в соответствии с которой условия хранения дактилоскопической информации должны исключать возможность ее утраты, искажения и несанкционированного доступа к ней.

Немаловажное значение имеет мнение граждан, сложившееся у них об ОВД после вышеописанного «путешествия». Безусловно, гражданину не понравится столь сложный и многоступенчатый процесс прохождения государственной дактилоскопической регистрации, что может явиться причиной негативного отношения как к самой процедуре, так и к ОВД в частности. Вместе с тем мнение гражданина об ОВД является одним из основных показателей эффективности работы правоохранительной системы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что существующий алгоритм взаимодействия ОВД и ГКСЭ при осуществлении государственной дактилоскопической регистрации не исключает возможности несанкционированного доступа, искажения и утраты дактилоскопической информации посторонними лицами.

Представляется, что изменение порядка выдачи справки о прохождении дактилоскопирования и возможное проведение дактилоскопической регистрации в установленное время в территориальных подразделениях ГКСЭ позволит повысить эффективность и качество прохождения государственной дактилоскопической регистрации, не допустить факты доступа граждан и третьих лиц к дактилоскопической информации, а также сохранить положительный имидж ОВД у населения.

1. О государственной дактилоскопической регистрации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 2003 г., № 236-З / КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.9

М.В. Жижина

ТЕХНОЛОГИЯ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ КАК ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Предмету криминалистики, его сущности, развитию, современному состоянию и перспективам дальнейшего совершенствования посвящены многочисленные исследования [1–4 и др.]. Со времени определения Г. Гроссом криминалистики как науки о расследовании преступлений [5] ее предмет и объекты претерпевали изменения, связанные с появле-

нием диктуемых судебной практикой новых объектов, развитием теории и методологии этой науки и сменой парадигм.

Наиболее существенными моментами на пути развития представлений об объектах и предмете криминалистики были: а) включение в предмет и круг объектов криминалистики судебного следствия; б) непосредственная связь криминалистической деятельности как компонента объекта криминалистики с доказыванием в уголовном судопроизводстве; в) зародившаяся тенденция увидеть в предмете и в числе объектов криминалистики правоприменительную деятельность независимо от вида судопроизводства, т. е. выйти за пределы уголовно-правовой сферы.

Однако, несмотря на общую правовую природу криминалистической деятельности на стадии предварительного расследования и судебном следствии и общность социальных задач борьбы с преступностью, субъекты и условия ее осуществления различны. Это послужило основанием для возражений со стороны ряда теоретиков [5, 6]. Акцентируя внимание на изначальной связи криминалистики с деятельностью следователя по раскрытию преступлений и определенной специфике этой деятельности, появление судебного следствия с его субъектами доказывания в составе объекта криминалистики они считают выходом за пределы предмета и компетенции криминалистической науки.

На наш взгляд, разделяющий мнение сторонников распространения криминалистической деятельности на судебное следствие, оппоненты этой позиции недостаточно учитывают объективные, изначальные связи криминалистики со своей правовой природой, что приводит к абсолютизации главного, но отнюдь не единственного ее объекта – предварительного расследования. Отсюда односторонность, которая не может не вести к ограничению продуктивности в развитии науки и эффективности использования ее положений на практике.

Если обратиться к истокам криминалистики, то не стоит забывать, что она продукт экстенсивного развития уголовно-процессуальной науки и ее отрасли – теории доказательств в уголовном процессе. Поскольку раскрытие (расследование) противоправной деятельности осуществляется в регламентированной законодательством процессуальной форме, криминалистика неразрывно связана с уголовным процессом. Создание криминалистической науки стало объективной необходимостью, так как проблемы борьбы с преступностью выходили далеко за рамки только правовых проблем.

Аналогичная потребность возникла в отношении стадии судебного разбирательства. Применение криминалистических средств в суде,

естественно, представляет собой усеченный вариант всех криминалистических возможностей, но, во-первых, нельзя отказать этому применению в существенности для судебного разбирательства, а во-вторых, в качественно ином их наполнении. Результаты современных специальных исследований криминалистов в этом направлении свидетельствуют о большой их практической актуальности и социальной значимости в борьбе с преступностью. Наглядным примером изложенного являются диссертационные и иные исследования последних лет, посвященные разработке криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам [7, 8 и др.]. Тактические и методические приемы, предназначенные для использования в суде, имеют свою специфику, но они все равно остаются не чем иным, как адаптированными к другим условиям, нежели расследование, криминалистическими средствами, порожденными общей методологией криминалистики. Таким образом, присутствие в предмете криминалистики судебного следствия в качестве ее объекта вполне правомерно и имеет основное значение для рассмотрения возможностей и форм применения разрабатываемых криминалистикой средств в других видах судебной правоприменительной деятельности.

Тенденция экстенсивного развития криминалистического обеспечения сказалась и на выходе научных разработок, востребованных практикой, за пределы уголовно-процессуального права и теории доказательств в уголовном процессе. В первую очередь это коснулось судебной экспертизы в связи с активной практикой ее назначения в гражданском судопроизводстве [9, 10 и мн. др.].

Общие закономерности судебного доказывания, имеющие интеграционный надотраслевой характер, при определении объекта криминалистической деятельности позволяют абстрагироваться от особенностей отраслевой процессуальной регламентации и говорить о возможности использования криминалистических средств в любом другом доказательственном процессе. Установление фактических данных, имеющих доказательственное значение, превращение сведений о них в судебные доказательства является предметом криминалистической деятельности в любом процессе с доказыванием. Однако процессуальная регламентация доказательственных действий в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности отраслевого правового значения. В связи с этим ученые, исследовавшие затронутую проблематику, подчеркивали творческий характер применения криминалистических возможностей в другой (не уголовно-правовой) доказательственной деятельности, необходимость разработки теоретических и практических основ пере-

носа криминалистических возможностей в другое правовое поле доказательственного процесса [11].

Бесспорно, каждая наука должна иметь четко очерченные границы. Однако развитие научных исследований предполагает зарождение в ее недрах новых творческих и перспективных направлений, связанных с исследованием новых объектов. При этом совершенно необязательно немедленное отражение этих объектов в определении предмета науки. История развития науки в целом изобилует появлением в рамках определенной науки нетипичных, выходящих за ее предмет объектов, исследование которых приводило к продуктивным результатам на уровне открытий новых направлений. Причем новое знание не может нести негативный заряд для «материнской» науки, если даже ведет к смене парадигмы, созданию новых интеграционных концепций, учений и т. п.

В нашем случае, разумеется, задачу применения криминалистических средств в суде нельзя считать главной при определении ее предмета. Она интегрируется с задачей уголовно-правовой сферы на более высоком уровне – оказание помощи и содействия научными средствами правосудию в целом. Именно такими соображениями руководствовались ученые-цивилисты, обращавшиеся к криминалистике как к науке, не только способной решать задачи борьбы с преступностью, которые для нее остаются основными и главными, но и как к источнику получения знаний о фактических данных в целях объективного и справедливого разбирательства спорных отношений, имеющих цивилистический характер.

Как нам представляется, создание в рамках криминалистики самостоятельной частной теории технологии судебного доказывания не приведет к «размыванию границ» и «разрушению» науки криминалистики. Оно не означает переориентации основной направленности на раскрытие и предупреждение преступлений, которая в условиях современных задач борьбы с противоправной деятельностью, несомненно, должна усиливаться и совершенствоваться. В данном случае речь может идти только о расширении функций и дополнении задач, которые можно решать на основе огромного теоретического и методологического багажа, накопленного криминалистикой, в целях оптимизации правосудия.

Снятие догматических рамок с предмета криминалистики и открытие горизонтов для решения общих теоретических и праксеологических проблем, а также разработки практических рекомендаций на правовой основе для других судопроизводств не может нанести науке вреда. Разумеется, в возможной перспективе разработка системы знаний о техно-

логии доказывания в судебном процессе в качестве самостоятельной научной области может и не называться криминалистикой, но останется именно ее отраслью в силу общности криминалистических «корней» и «материнской» роли.

В перспективе расширение применительной криминалистической функции – это начало развития криминалистики как надотраслевой науки, предполагающей в своей структуре наличие общей части (научных основ криминалистического обеспечения любого судопроизводства) и особенной (соответствующее обеспечение для каждого вида с учетом его особенностей).

1. Белкин, Р.С. Общая теория советской криминалистики / Р.С. Белкин. – Саратов, 1986.
2. Чельшева, О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики (теоретико-прикладное исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Чельшева. – СПб., 2003.
3. Жижина, М.В. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики / М.В. Жижина, Е.П. Ищенко // Б-ка криминалиста. – 2012. – № 3 (4).
4. Криминалистика. – М., 1950. – Ч. 1.
5. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. / Г. Гросс ; предисл. Н.П. Яблокова. – М. : ЛексЭст, 2002.
6. Лаврухин, С.В. Объекты и предмет криминалистики / С.В. Лаврухин, Ю.С. Комягина. – М. : Юрлитинформ, 2013.
7. Корма, В.Д. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла / В.Д. Корма, В.А. Образцов // Вестн. криминалистики. – 2013. – № 2 (46).
8. Хорошева, А.Е. Проблемы теории и практики криминалистической методики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Е. Хорошева. – Барнаул, 2011.
9. Кириллова, А.А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.А. Кириллова. – Улан-Удэ, 2013.
9. Жуков, Ю.М. Судебная экспертиза в советском гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.М. Жуков. – М., 1965.
10. Рожков, А.Ю. Криминалистическое обеспечение гражданского и арбитражного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Ю. Рожков. – Воронеж, 2003.
11. Жижина, М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / М.В. Жижина. – М., 2017.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОМПЬЮТЕРНОЙ СФЕРЕ

Преступления в компьютерной сфере являются довольно новым видом преступлений, расследование которых производится с 1991 г., когда традиционные виды преступлений имели место быть и до принятия нового уголовного законодательства. Преступления в компьютерной сфере являются наиболее актуальной темой современного общества и заслуживают внимания органов внутренних дел. Компьютерная сфера включает в себя многочисленные программы и сеть Интернет, которая, в свою очередь, из-за большого объема информации и большого количества пользователей является легкой наживой для преступных элементов. В профессиональной среде компьютерную сферу называют информационными технологиями (ИТ). Понятие «информационные технологии» пришло в обиходную среду людей довольно таки недавно, в XX в., когда процесс информатизации начал набирать обороты. ИТ возникли в связи с развитием науки «Информатика» [1, с. 66].

С развитием компьютерных технологий развивается и преступность, которая начала распространяться на такой объект общественных отношений, который направлен на защиту компьютерной информации.

В современном мире почти каждый человек, у которого имеется техническое устройство в виде персонального компьютера, ноутбука, смартфона, планшета и иных источников информационных технологий, в какой-либо мере имеет компьютерную информацию, которая может по-разному выражаться.

Информационные технологии закрепились в уже устоявшемся информационном обществе. Они помогают обществу развиваться и быстро получать нужную ему информацию.

Не секрет, что именно компьютерные преступления в современном обществе занимают одну из лидирующих позиций среди всех нарушений уголовного законодательства. Особенно это было распространено в период обострения эпидемиологической обстановки по COVID-19 во всем мире, в том числе и в России.

Люди были изолированными от общества в связи с введением ограниченного правового режима, при котором не были доступны многие сферы жизнедеятельности, в том числе остались без работы и средств для жизни. Для заработка многие начали использовать все возможности

информационных систем и средств заработка дистанционным путем, используя компьютер.

Уголовное законодательство Российской Федерации выделяет целую главу, посвященную компьютерным преступлениям, в которой закреплены следующие виды преступлений:

- 1) неправомерный доступ к компьютерной информации;
- 2) создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;
- 3) нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей;
- 4) неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации;
- 5) нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования [2].

Наиболее распространенным средством неправомерного использования компьютерной информации, ответственность за которую предусмотрена ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), является фишинг. Он не является самостоятельным преступлением, а лишь средством, которым достигается преступный результат для копирования чужой информации. Фишинг подразумевает собой кражу личных данных, например, логина и пароля от почтовых сервисов или социальных сетей, номеров телефона, и наиболее распространенным является кража данных банковских платежных карточек.

Хищение данных с банковских платежных карточек, как правило, является первоначальным этапом совершения такого преступления, ответственность за которое предусмотрена п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а именно: кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Денежные средства, хранящиеся на банковских платежных карточках, являются электронными. Подавляющее большинство населения в современном обществе имеет при себе как минимум одну банковскую платежную карточку. Организации выплачивают заработные платы, премии, проводят иные денежные операции в электронном виде, путем зачисления их на банковские платежные карточки сотрудников. Поэтому, даже если человек привык к традиционному способу оплаты наличными, он не защищен на 100 % от совершения в отношении его противо-

правных действий, поскольку периода, который будет проходить от момента зачисления заработной платы до снятия ее, переведя в наличные средства, хватит, чтобы осуществить факт кражи.

При расследовании данного вида преступления следует установить, в какое точное время было совершено в отношении их противоправное деяние, после каких действий это произошло (путем мошеннических звонков-сбросов или же СМС).

При создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ, которые были направлены на копирование, уничтожение, блокирование или модификацию компьютерной информации, либо же для взлома или уничтожения средств защиты этой информации, следует устанавливать, каким путем данные вредоносные программы попали на устройство потерпевшего.

Варианты попадания вредоносных программ на компьютер потерпевшего:

1) фишинговые сайты, на которых заведомо размещены файлы, содержащие в себе программы, предназначенные для совершения противоправных действий;

2) проверенные сайты, но по каким-либо причинам распространяющие файлы, содержащие в себе программы, предназначенные для совершения противоправных действий;

3) заведомая передача файлов по электронной почте, мессенджерам и иным средствам электронной передачи данных;

4) заражение компьютера путем физического воздействия на компьютер, которое выражается в непосредственном участии преступника, его действия, направленном на перенос файла с флеш-носителя, диска и иных портативных источников, на компьютер потерпевшего.

Вредоносные программы могут не только работать с компьютерной информацией, но и замедлять, а в некоторых случаях и полностью останавливать работу компьютера.

Поэтому при расследовании данного вида преступления следует устанавливать, на какие сайты в последнее время заходил потерпевший, скачивал ли он какие-либо файлы, получал ли сообщения от знакомых или незнакомых лиц посредством электронной почты или мессенджеров, кто имел, кроме него самого, доступ к компьютеру.

Преступления, совершаемые посредством нарушения правил эксплуатации средств обработки, хранения и передачи компьютерной информации, заключаются в самом деянии, вытекающем из ст. 274 УК РФ.

К средствам обработки, хранения и передачи компьютерной информации относят различные технические предметы: компьютеры, смартфоны, ноутбуки, банкоматы, флеш-носители, карты памяти и т. д.

Естественно, что лицо, нарушающее правила, должно быть ознакомлено с ними. Как правило, это указывается в должностной инструкции либо в договоре [3, с. 89].

Таким образом, при расследовании преступления данного вида следует в первую очередь установить лицо, которому был доверен носитель с компьютерной информацией, а после принимать меры к доказыванию его причастности к данной утере путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Под неправомерным воздействием на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации подразумевают такое воздействие, которое может нанести ущерб системам управления в стратегических отраслях экономики и государственного управления, которые осуществляют свою деятельность посредством использования информационных технологий.

Как правило, субъектом данного преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 274 УК РФ, являются государственные органы, предприятия, учреждения и индивидуальные предприниматели, которым вверена в управление компьютерная информация стратегического назначения.

Для расследования такого преступления органам, осуществляющим расследование, нужно установить лиц, которые на правах организации осуществляют деятельность по защите данной информации, а также лиц, которые имеют к ней доступ. Как правило, такими лицами является ИТ-персонал, деятельность которого непосредственно связана с обеспечением безопасности критической информации.

Под нарушением правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети понимаются преступления, тем или иным образом связанные с экстремизмом или терроризмом.

Для расследования подобного преступления требуется много усилий для собирания доказательств по факту противоправного деяния, установления субъекта и в дальнейшем для принятия мер по восстановлению причиненного вреда Российской Федерации.

Таким образом, можно подытожить, что расследование преступлений в компьютерной сфере отличается от расследования традиционных видов преступлений, поскольку работа идет с использованием ИТ и ИТ-сферы.

1. Володченко, В.С. Понятие и классификация информационных технологий / В.С. Володченко, Д.С. Ланцова, Т.А. Миронова // Достижения науки и образования. – 2020. – № 12. – С. 66.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : в ред. от 24.09.2022 г. / ЗАО «КонсультантПлюс». Россия. – М., 2022.

3. Стяжкина, С.А. Уголовно-правовые особенности квалификации нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (статья 274 УК РФ) / С.А. Стяжкина // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 3. – С. 89.

УДК 343.98

Я.А. Климова

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Приоритетной задачей на протяжении нескольких десятилетий является борьба с преступностью несовершеннолетних. Эта проблема вызывает серьезную обеспокоенность государства, общества и всех граждан в силу своей масштабности, комплексности и негативного характера социальных последствий. В течение длительного времени удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, остается на высоком уровне. Данная тенденция продолжает усиливаться, во многом приобретая новое качественное содержание.

В соответствии с законодательством Российской Федерации несовершеннолетним признается лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

Безусловно, широкий спектр преступлений, совершаемых несовершеннолетними, предопределяет определенную специфику расследования каждого из них. В этой связи ключевым элементом криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений является личность несовершеннолетнего преступника.

Анализ уголовных дел позволил выделить типичную психологическую черту, характерную для личности несовершеннолетнего преступника, – это агрессивность, чрезмерная жестокость, дерзость, садизм. Характерной чертой таких преступлений является то, что они сопровождаются бессмысленной жестокостью в отношении потерпевших (мно-

жественные телесные повреждения, вплоть до смертельных). Другим трендом современности стало фиксирование совершения насильственных преступлений посредством снятия видеоматериалов в прямом эфире («стримы»), либо путем дальнейшего их опубликования в социальных сетях или рассылку видео через мессенджеры.

В большинстве случаев это обусловливается тем, что формирование личности несовершеннолетнего происходило под влиянием негативных факторов, таких как неблагоприятный климат в семье и окружении, стрессовые ситуации в жизни, бытовое насилие.

Проблема бытового насилия в отношении несовершеннолетних существует на протяжении длительного времени. Об актуальности проблемы свидетельствует законодательное закрепление ответственности родителей (законных представителей). Так, ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации содержит правовую норму, согласно которой при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Кроме того, ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних.

Согласно анализу уголовных дел в 55 % случаев в отношении несовершеннолетнего применяются различные формы физического насилия. Кроме того, жестоким обращением с несовершеннолетними суды признают содержание детей в антисанитарных условиях (31 % случаев), плохое питание (52 % приговоров), отсутствие заботы о здоровье, обращение за медицинской помощью и ненадлежащий уход за больным ребенком (32 % приговоров), а также длительное оставление несовершеннолетнего без присмотра (22 % случаев) [1, 2].

Таким образом, на законодательном уровне выделяются три вида бытового насилия в отношении несовершеннолетних: физическое, эмоциональное, отсутствие заботы.

Согласимся с выводами исследования, проведенного А.А. Усачевым, Л.Н. Котляровой, согласно которым криминалистическая характеристика несовершеннолетнего преступника – жертвы бытового насилия, отражая основные черты общей характеристики несовершеннолетнего преступника, обладает при этом комплексом специфических черт, свойственных только ей: отставание по уровню образования, определенного формальным числом оконченных классов; большая

доля лиц, нигде не учащихся и не работающих; во всех семьях таких несовершеннолетних царил враждебные или безразличные отношения (применительно же к семьям всех несовершеннолетних преступников – лишь в каждой третьей); превышение в 2–2,5 раза доли лиц с психопатическими чертами личности по сравнению с аналогичным показателем в контрольной группе [3].

Таким образом, исследование ключевого элемента криминалистической характеристики – личности несовершеннолетнего преступника – позволяет сделать вывод, что бытовое насилие является негативным фактором, влияющим на формирование личности подростка, влечет повышенную опасность девиантного, деструктивного поведения несовершеннолетнего, совершение им насильственных преступлений. В связи с этим полагаем, что для эффективного расследования и предупреждения преступлений необходимо использовать расширенный подход к изучению личности несовершеннолетнего преступника.

1. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] / офиц. сайт. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 09.11.2022).

2. Генеральная прокуратура [Электронный ресурс] / офиц. сайт. – URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 08.11.2022).

3. Усачев, А.А. Особенности криминального поведения несовершеннолетнего преступника – жертвы семейного насилия / А.А. Усачев, Л.Н. Котлярова // Психологические проблемы современной семьи : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 3–6 окт. 2018 г. / Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : б. и., 2018. – С. 232–239.

УДК 343.98

А.Б. Кокушев

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ БАЗ ДАННЫХ, ВЕДУЩИХСЯ ОПЕРАТИВНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

К вопросам повышения эффективности учетно-регистрационной деятельности, осуществляемой правоохранительными органами всех стран, неоднократно обращались представители научных криминалистических сообществ и ведомственные специалисты. В ходе проведения коллегий МВД Республики Казахстан (РК) [1], служебных совещаний

различных подразделений всегда заслушиваются вопросы расширения спектра цифровизации внутренней деятельности государственных органов, а также результативность использования автоматизированных информационно-поисковых систем обработки и получения криминалистически значимой информации.

Отчеты о деятельности оперативно-криминалистических подразделений РК свидетельствуют об эффективном применении автоматизированных дактилоскопических систем, посредством которых за 2021 г. поставлено на учет более 120 тыс. подучетных лиц, при этом количество положительных результатов проверок приблизилось к 9 тыс., из которых более 4 тыс. способствовали раскрытию преступлений. Дополнительно следует отметить, что общее количество правонарушений, по которым следы рук были внесены в дактилоскопическую базу данных, превысило 30 тыс., из них более 16 тыс. дали положительный результат, который в более 6 тыс. случаев способствовал раскрытию преступлений. Помимо данной системы в информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений были эффективно использованы результаты проверок по фото-, видеочету, способствовавших более 4 тыс. [2]. Результативность остальных информационных массивов, формируемых оперативно-криминалистическими подразделениями РК, представлены не столь значительными цифрами и, следовательно, предусматривают необходимость разработки и принятия концептуальных мер, направленных на повышение результативности учетно-регистрационной деятельности.

В рамках такой деятельности требуется задействование организационно-управленческих, аналитических и методических мер, пересмотр технических и координационных ресурсов подразделений. Начальный этап данной работы предусматривает анализ эффективности осуществления учетно-регистрационной деятельности в иных странах и внедрение в работу оперативно-криминалистических подразделений РК наиболее перспективного опыта ведения ряда информационных массивов, средств и методов сбора, систематизации и предоставления инициаторам криминалистической регистрации необходимых данных.

Концепция перестроения подходов к учетно-регистрационной деятельности предусматривает:

пересмотр уровней ведения отдельных видов учетов;

интеграцию ряда данных, дислоцированных в разных учетах в единый информационный массив;

отказ от ряда устаревшего программного обеспечения и технических средств ввода, кодировки и систематизации первичной информации, ряд из которых не позволяет осуществить интеграцию типовой информации из учетов разных уровней ведения;

внедрение современных информационных коммуникационных технологий, обеспечивающих прослеживаемость полного цикла движения информации от момента получения из первичного источника (обнаружение и изъятие при производстве следственных действий), ее проверки по локальным и интегрированным системам до отождествления или снятия с учета;

дополнение сведений об объектах учета в информационной карте информацией о совокупности иных видов следовой информации, изъятой в рамках раскрытия и расследования уголовного дела и зарегистрированной в иных видах криминалистических учетов в установленном порядке;

проведение масштабных исследований по выявлению учетов, ведущихся разными подразделениями и ведомствами, имеющих общий объект и сходное функциональное предназначение.

Реализация данных направлений деятельности позволит осуществить:

1) внутреннюю и внешнюю интеграцию информации, дислоцированной в криминалистических учетах. В процессе внутренней интеграции предусматривается дополнение сведений одного информационного массива отсылочными данными на сведения, дислоцированными в другой информационной системе данного подразделения, который объединяет сведения о различных объектах учета, полученных в рамках раскрытия и расследования одного преступления. Внешняя интеграция предусматривает предоставление оперативно значимой информации из учетов оперативно-криминалистических подразделений в распоряжение подразделений, оперативных структур, осуществляющих аналитическую, розыскную, поисковую и иные виды деятельности, связанные с установлением местонахождения лиц, причастных к совершению преступлений, розыск похищенных предметов преступного посягательства, средств совершения преступлений и т. д.;

2) взаимное сопоставление сведений об объектах типовых учетов с осуществлением внутриведомственных и межведомственных проверок не только по информационным массивам, имеющих одинаковые натурные объекты исследования (пули, гильзы, дактокарты, следы рук), но и представленные в опосредованной форме – видеозаписи, фотографии, сканы, модели и т. д.;

3) разработку единого Государственного стандарта, регламентирующего межведомственное регулирование производства и использования систем автоматизированной идентификации основных видов объектов учетно-регистрационной деятельности (дактилоскопические, геномные, трасологические, видеотехнические и т. д.) в качестве основных средств обеспечения правопорядка и государственной безопасности РК.

В целях реализации данной концепции необходимо произвести предметный анализ проблемных аспектов функционирования масштабной информационной системы «Электронное дело», которая предусматривает интеграцию данных из самостоятельных подсистем «Электронное уголовное дело», «Единый реестр административных производств», «Единый реестр субъектов и объектов проверок», «Аналитический центр» и «Электронные обращения». Следует оценить наличие сквозной прослеживаемости работы со всеми видами материально фиксируемой информации, проходящей по уголовному делу, и выявить причины отсутствия результативности учетно-регистрационной работы оперативно-криминалистических подразделений. Именно недостаточность информационного обеспечения в условиях начального этапа расследования является основной причиной снижения показателей раскрываемости преступлений.

Необходимо отметить, что именно в процессе информационного обеспечения могут быть получены как сведения об обстоятельствах расследуемого преступления, так и ориентирующие данные о лицах, причастных к противоправному событию, качественно-количественных свойствах предметов преступного посягательства, виде и особенностях, характеризующих орудия совершения преступления и иных факторах [3, с. 19]. В этой связи мы поддерживаем точку зрения авторов, рекомендующих «с момента проведения первоначальных проверочных мероприятий, направленных на фиксацию противоправной деятельности, определять необходимый блок криминалистически значимых сведений, которые должны быть установлены, в том числе посредством использования возможностей информационного обеспечения» [4, с. 326]. Внедрение предлагаемых нами перспективных направлений трансформации подходов к организации учетно-регистрационной деятельности, осуществляемой оперативно-криминалистическими подразделениями РК, информация должна способствовать обеспечению субъектов раскрытия и расследования преступлений и быть достоверной, объективной, актуальной и полной.

1. Выступление министра внутренних дел Республики Казахстан Марата Ахметжанова на Коллегии Министерства внутренних дел [Электронный ресурс]. – URL: <https://polisia.kz/ru/vyvod-na-novyj-uroven-obespecheniya-bezopasnosti-v-strane-osnovnaya-zadacha-mvd> (дата обращения: 10.09.2022).

2. Работа по криминалистическим учетам ОКП за 12 месяцев 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim?lang=kk> (дата обращения: 20.09.2022).

3. Ким, Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций : монография / Д.В. Ким. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 196 с.

4. Дронова, О.Б. Современные возможности информационного обеспечения процесса выявления и расследования преступлений в сфере потребительского рынка / О.Б. Дронова, А.А. Курин // Всерос. криминол. журн. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 318–326.

УДК 343

К.А. Корсаков

ЗНАЧЕНИЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Все авторы, исследующие использование метода моделирования в криминалистике, признают его перспективность как метода научного познания и практической деятельности. Была сформирована теория криминалистического моделирования и начата разработка проблем моделирования во всех разделах криминалистики и в доказывании [1, с. 20], давшая мощный импульс к популяризации и широкому практическому применению данного метода, а также к активизации исследований в указанной проблематике. В то же время, несмотря на достаточно представительный уровень теоретико-прикладных исследований, осталось много нерешенных вопросов [2, с. 143].

При подробном рассмотрении «функций модели не учитывается необходимость раздельно изучать понятия „модель“ и „моделирование“. Вместе с тем данные понятия далеко не тождественны. Моделирование следует понимать, во-первых, как метод опосредованного познания, основная особенность которого – возможность познания исследуемого не самого объекта, а сходного с ним по избранным признакам другого объекта – модели; во-вторых, как метод создания и использования моделей для изучения их свойств, функций, связей при осуществлении научной или практической деятельности» [2, с. 146].

Соглашаясь с этим утверждением, остановимся лишь на функциях модели в уголовном судопроизводстве и кратко их рассмотрим. Это даст представление о значении метода моделирования и его инструмента для криминалистики и судопроизводства в целом.

Надо отметить, что, по нашему мнению, единственным примером адаптации моделирования в практической плоскости уголовного судопроизводства, включая технологию метода и инструментарий, является сформулированный Г.А. Густовым метод криминалистического моделирования [3].

Единого перечня функций модели в криминалистике, применительно к уголовному судопроизводству, не сложилось, поэтому мы ориентируемся на классическое, рассматривающее моделирование и модели в философском, гносеологическом аспекте [4]: иллюстративную, трансляционную, заместительно-эвристическую, аппроксимационную, экстраполяционно-прогностическую [5, с. 67], репрезентативную [6, с. 59].

Иллюстративная функция, т. е. способность представлять новую, еще непривычную информацию в уже известных и доступных для восприятия формах, предоставляет возможность передавать информацию другим субъектам познания.

Трансляционная функция, т. е. способность переносить информацию, полученную в одной, достаточно изученной сфере реальности, на другую, еще неизвестную сферу. Позволяет строить модель, восполняя еще неизвестные ее элементы, проверять достоверность модели. В частности, использовать криминалистическую характеристику, закономерности следообразования. В конечном итоге квалифицировать содеянное.

Заместительно-эвристическая функция, т. е. способность, являясь заменителем объекта в его изучении и обладая лишь какой-то степенью сходства, давать новые знания о самом объекте. Позволяет познать недоступный объект, каковым в уголовном судопроизводстве является объект познания, событие преступного посягательства и недоступно для непосредственного исследования. При таких условиях изучение события преступного посягательства возможно исключительно посредством его модели.

Аппроксимационная, т. е. способность упрощения объекта исследования в соответствии с возможностями и потребностями данного этапа познания. Позволяет исследовать отдельные элементы объекта.

Экстраполяционно-прогностическая заключается в том, что знания, полученные при изучении модели, будучи экстраполированными (перенесенными) на моделируемый объект, позволяют прогнозировать еще неизученные его свойства. Данная функция позволяет обнаруживать ранее не разысканные следы.

Репрезентативная, т. е. способность модели выступать в виде передаваемого знания как о самом объекте, так и о деятельности субъекта, связанной с получением этих знаний, возможностью использования в будущем как модели, так и знания о деятельности субъекта.

Данная функция имеет особое значение. Она и только она, во-первых, позволяет передавать знания о познаваемом объекте. Так, например, мысленная модель, сформировавшаяся в сознании следователя, фиксируется в описательной части обвинительного заключения, в сознании

судьи, судей – в описательной части приговора. Во-вторых, позволяет передать знания о деятельности участников судопроизводства, которая фиксируется в материалах уголовного дела, которое, в свою очередь, является моделью такой деятельности. Уголовное дело изучается каждым последующим субъектом как в целях определения правильности познания и создания достоверной модели события каждым предшествующим субъектом, так и в аспекте допустимости деятельности всех участников, субъектов, познавательно-доказательственной деятельности [7], осуществляемой в судопроизводстве.

Таким образом, метод моделирования является центральным основополагающим в уголовном судопроизводстве.

Все иные методы являются вспомогательными, их использование необходимо и обусловлено главной целью судопроизводства – познанием происшедшего в виде построения, создания его достоверной, соответствующей действительности модели.

Все иные цели и задачи судопроизводства, в частности, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания; отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, решаются на основе достигнутого результата – достоверной модели происшедшего.

Модель является как целью, так и инструментом метода моделирования, познания, в том числе в судопроизводстве.

Среди используемых в уголовном судопроизводстве методов необходимо выделить следующие:

факторного анализа [8], позволяющий определить элементы, составляющие систему модели и проверить наличие всех необходимых элементов в представленной модели;

комплексного подхода [9], использованием которого проверяется всесторонность и полнота построения модели, познается эволюция каждого элемента системы модели от его возникновения, значение в интересующем нас, центральном событии и до момента его исчезновения, стабилизации или существования в настоящее время; взаимосвязи между элементами и в конечном итоге достоверность модели.

Программно-целевой метод [10–13], являющийся методом планирования познавательной, как и всякой иной, деятельности.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать о необходимости для участников уголовного судопроизводства применять метод модели-

рования на основе его теоретического знания, а не только эмпирически, исходя из собственного жизненного и профессионального опыта.

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – С. 20.

2. Дулов, А.В. Проблемы развития моделирования в криминалистике / А.В. Дулов, Ж.В. Малинок // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. – 2009. – № 1 (25). – С. 143, 146.

3. Густов, Г.А. Моделирование в работе следователя / Г.А. Густов. – Л., 1980.

4. Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – М. : Л., 1966.

5. Штофф, В.А. Введение в методологию научного познания / В.А. Штофф. – Л., 1972.

6. Новик, И.Б. О моделировании сложных систем (философский очерк) / И.Б. Новик. – М., 1965. – С. 67.

7. Вартофский, М. Модели: репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М., 1988.

8. Корсаков, К.А. Методы научного познания в уголовном судопроизводстве : конспект лекций / К.А. Корсаков. – СПб., 2004.

9. Густов, Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации: факторный анализ : учеб. пособие : в 2 ч. / Г.А. Густов. – Л., 1985.

10. Густов, Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства / Г.А. Густов. – Л., 1988.

11. Густов, Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств : учеб. пособие / Г.А. Густов. – СПб., 1997.

12. Килессо, Е.Г. Расследование убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего. Первоначальный этап расследования : учеб. пособие / Е.Г. Килессо ; С.-Петербург. юрид. ин-т ГП РФ. – СПб., 2006.

13. Кузьмин, С.В. Расследование краж из помещений (программно-целевой метод) : учеб. пособие / С.В. Кузьмин. – СПб., 1995.

УДК 343.98

Р.В. Костевич, Н.Д. Вергей

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В РАСКРЫТИИ, РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последние годы видеонаблюдение, являющееся одним из видов информационных систем, все чаще используется для раскрытия и расследования преступлений. В простейшем виде это аппаратно-программная система, в которой компьютер оператора непрерывно получает видео-

изображения определенной области, доступ к которой осуществляется удаленно. Оператор может непрерывно наблюдать за этой зоной и просматривать видеоизображения. Современное развитие городов невозможно без обеспечения общественной безопасности, поддержания правопорядка, предотвращения преступлений, в том числе вандализма, терроризма и массовых беспорядков. Важной частью реализации таких мер признана организация видеонаблюдения. Системы видеонаблюдения активно используются для фиксации скоплений людей во время различных мероприятий и мониторинга дорожной обстановки.

Сама же система видеонаблюдения понимается как комплекс объединенных линиями связи технических средств, предназначенных для видеонаблюдения за состоянием охраняемого объекта (его части) и видеозаписи или подачи сигнала тревоги при изменении ситуации на нем [1].

Правовой основой для использования систем видеонаблюдения в охранной деятельности являются следующие нормативные правовые акты: Закон Республики Беларусь от 8 ноября 2006 г. № 175-З «Об охранной деятельности в Республике Беларусь», регулирующий организационные и правовые вопросы данной деятельности [2]; Указ Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» [3].

Исходя из сути этих нормативных правовых актов, можно понять, что основной задачей применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка является наблюдение за состоянием общественной безопасности в интересах обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления (раскрытия) и пресечения преступлений, других правонарушений, а также предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Системы видеонаблюдения сегодня широко используются в качестве мер безопасности в коммерческих и некоммерческих организациях (банки, торговые центры, развлекательные заведения и промышленные предприятия). Системы видеонаблюдения используются для быстрого реагирования на опасные ситуации, наблюдения за персоналом и посетителями, а также для контроля производственных процессов.

Так, на улицах городов Республики Беларусь круглосуточно работает большое количество видеокамер, объединенных в единую систему с выводом изображений на мониторы оперативно-дежурной службы РОВД и ГУВД.

Быстрое развитие систем видеонаблюдения и их влияние на криминальные ситуации и практику борьбы с преступностью указывают на

необходимость углубленного исследования потенциального использования систем видеозаписи для раскрытия и расследования преступлений.

Видеоматериал, полученный системами видеонаблюдения в вышеуказанных районах, может иметь как оперативное значение, так и являться доказательством по уголовным делам. Оперативные сотрудники органов внутренних дел с использованием систем видеофиксации могут устанавливать личность лица, подозреваемого в совершении административного правонарушения или преступления, осуществлять наблюдение за лицами, имеющими оперативное значение, и осуществлять иные оперативно-розыскные мероприятия.

В уголовном процессе видеоматериалы могут использоваться для возбуждения уголовного дела или в качестве доказательств. Они получают в соответствии со ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) и считаются иными носителями информации в соответствии с п. 2 ст. 88 УПК.

Такие материалы оцениваются с точки зрения относимости, достоверности и допустимости. Относимость доказательств определяется их способностью устанавливать наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 89 УПК). Доказательства, которые не устанавливают и не опровергают обстоятельства, подлежащие доказыванию, не имеют значения для уголовного дела. Доказательство признается достоверным, если оно подтверждается проверкой или осмотром. Допустимость доказательств (соответствие процессуальному законодательству) означает, что доказательства получены из источников, перечисленных в ст. 88 УПК, надлежащими предметами доказывания в соответствии с установленным законом порядком производства следственных действий и иными процессуальными актами в целях собирания доказательств.

Часто видеозаписи с камер наблюдения отправляются следователям на экспертизу и в дальнейшем могут быть использованы в различных исследованиях. Например, при дорожно-транспортных происшествиях, при автомобильно-технических осмотрах; в случаях возгорания и при взрывах. Во всех этих и других случаях видеозапись камер места происшествия, выступая объектом исследования, является важнейшим носителем значимой криминалистической информации. Изъятые видеозаписи могут также использоваться в различных криминалистических видеоучетах. В ходе рассмотрения уголовного дела в суде видеозапись с места события служит объектом пристального изучения и сторонами, и судом [4].

Таким образом, городские системы видеонаблюдения имеют огромный потенциал. Высокая скорость их реагирования дает возможность быстро получать информацию и при необходимости использовать ее

при производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Благодаря изображениям высокого качества системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц показывают свою эффективность в 85–90 % случаев [5]. Они легко распознают личность преступника или его местонахождение и маршрут передвижения. Кроме того, эти системы позволяют создавать базы данных (видео- и фотоархивы). Следует отметить, что их активно используют на массовых и спортивных мероприятиях, а в случае возбуждения уголовного дела записи, полученные с камер наблюдения, могут служить доказательствами. Нельзя отрицать также, что эти системы иногда оказывают профилактическое воздействие на людей, склонных к совершению преступлений, независимо от того, исправна камера или нет.

1. Охрана объектов и физических лиц. Термины и определения : СТБ 1250-2000 : введ. 1 апр. 2001 г. – Минск : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2000. – 16 с.

2. Об охранной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 нояб. 2006 г., № 175-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 нояб. 2013 г. № 527 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Смахин, Е.В. Некоторые вопросы использования систем видеонаблюдения в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений / Е.В. Смахин, С.В. Щербич // Рос. право: образование, практика, наука. – 2017. – № 6. – С. 77–82.

5. Как устроена система распознавания лиц в Москве [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 15.10.2022).

УДК 395.985

Д.В. Костюкевич

ФОРМЫ И ВИДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В научной и учебной литературе по криминалистике, уголовному процессу и теории оперативно-розыскной деятельности при рассмотрении вопросов взаимодействия субъектов доказывания, а именно следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел, обя-

зательно встречается термин «форма взаимодействия», который каждый из авторов определяет по своему.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению мнения отдельных ученых, касающихся термина «форма взаимодействия», следует определиться, что есть «форма» в общеправовом смысле. «Форма» представляет собой свойства и отношения определенных процессов, явлений, одинаковые (изоморфные) для них и не связанные однозначно с другими свойствами и отношениями этих предметов, процессов, явлений. Форма всегда фиксирует в предметах нечто общее, инвариантное, поэтому ее нахождение и описание является одной из главных задач науки [1, с. 283]. Таким образом, установление содержания такого явления, как взаимодействие следователя с подразделениями уголовного розыска, невозможно без описания его основных форм и их содержательных признаков, позволяющих обособить данный вид деятельности от иных видов человеческой активности.

Так, С.В. Бородин при определении формы взаимодействия следователя с оперативным работником рассматривал ее как способ, с помощью которого взаимодействующие субъекты контактируют, с целью решения стоящих перед ними задач [2, с. 24]. А.Н. Балашов рассматривал формы взаимодействия как «способы связи следователей и органов дознания при расследовании преступлений» [3, с. 30]. И.Ф. Герасимов под формой взаимодействия следователей с оперативными подразделениями понимал избираемый порядок связи между органами следствия и дознания, способы ее установления и поддержания, которые обеспечивают согласованность деятельности и оптимальное сочетание присущих каждому из этих органов полномочий, методов и средств работы [4, с. 132].

По мнению Р.С. Белкина, само взаимодействие субъектов доказывания (к которым относил следователя и оперативного сотрудника) уже является формой организации расследования, среди которых выделяется наиболее продуктивная форма расследования как следственно-оперативная группа [5, с. 25].

В разное время в криминалистической литературе поднимался вопрос о видах и формах взаимодействия следователя и сотрудников подразделений уголовного розыска. В то же время анализ научных источников показал, что большинство ученых различают взаимодействие лишь по формам (например, И.Ф. Герасимов [4, с. 132], И.М. Гуткин [6, с. 73], Н.А. Якубович [7, с. 48]), другие ученые рассматривают формы и виды взаимодействия как синонимы (например, А.А. Эксархопуло [8, с. 174]), третьи рассматривают только виды взаимодействия (например, Н.Г. Шурхнов [9, с. 437]), четвертые (Ю.М. Козлов [10, с. 60] А.И. Кривенко [11, с. 35–36]) рассматривают виды взаимодействия как первичный элемент классификационного процесса, а формы взаимодействия считают произво-

дными от вида, мотивируя это тем, что любая классификация предполагает установление видовых различий, а уже потом разделение на формы.

Однако, на наш взгляд, такие два термина, как «формы» и «виды» взаимодействия, подлежат разграничению, с целью более точного определения данных понятий и исключения их бессистемного использования. Представляется, что «форма взаимодействия» является более широким понятием, составляющим часть объема понятия «вид».

Под формами взаимодействия следует понимать совокупность способов взаимной согласованной деятельности следователя с подразделениями уголовного розыска, объединенных по общему признаку. Вид взаимодействия – это конкретный способ совместной согласованной деятельности следователя с сотрудником подразделения уголовного розыска.

Одним из основных признаков, признаваемым большинством ученых и позволяющим разделить взаимодействия на две большие группы (формы), являются особенности правового регулирования. В зависимости от закрепления способов взаимодействия в уголовно-процессуальном законодательстве их разделяют: на процессуальные и организационные (Н.Н. Гапанович и И.И. Мартинович [12, с. 31,] В.В. Нечаев, [13, с. 28]); правовые и организационные (Т.В. Аверьянова [14, с. 11–12]), процессуальные и организационно-тактические (В.И. Пархоменко [15, л. 49]).

А.Н. Балашов в качестве разграничения форм взаимодействия берет характер выполняемых действий участниками взаимодействия, если оба субъекта выполняют действия, регламентированные УПК, то взаимодействие является процессуальным, если один из субъектов не выполняет процессуальные действия, то такую форму следует отнести к непроцессуальной [16, л. 31]. Однако такой подход, на наш взгляд, является не совсем верным, поскольку уголовно-процессуальное законодательство, называя отдельные виды взаимодействия, изначально предполагает, что деятельность одного из субъектов будет непроцессуальной (например, поручение следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий).

Следующее основание для классификации было предложено А.С. Ооржаком в 1989 г., когда следственные и оперативные подразделения были рассредоточены в различных ведомствах. А.С. Ооржак классифицировал взаимодействие в зависимости от ведомственной принадлежности на межведомственное (следователи прокуратуры с оперативными подразделениями органов внутренних дел) и ведомственное (следователи и сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел) [17, л. 56].

Н.Г. Шурухнов, определяя виды взаимодействия, классифицировал его в зависимости от этапа расследования на предварительное, первоначальное, последующее и заключительное [9, с. 112].

Как полагает И.М. Гуткин, что помимо основных процессуальных форм взаимодействия, перечисленных в Уголовно-процессуальном кодексе, к ним можно отнести: рассмотрение органом дознания заявлений и сообщений о преступлениях, проверка наличия оснований к возбуждению уголовного дела; возбуждение органом дознания уголовного дела и производство по нему неотложных следственных действий и передача этих дел следователю; разрешение последним вопроса о возбуждении уголовного дела [6, с. 73–74]. Все перечисленные действия производятся органом дознания в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Однако они не могут рассматриваться как процессуальные формы взаимодействия, потому что взаимодействие предполагает определенную совместную деятельность, согласованную по целям, времени и месту. В данном случае, по нашему мнению, какая-либо совместная деятельность отсутствует. Так, орган дознания действует автономно, и следователь в большинстве своем не знает о наличии у органа дознания каких-либо рассматриваемых заявлений и сообщений о преступлениях, а также о возбужденных уголовных делах, до передачи ему таких материалов. Поэтому, как справедливо считает А.Ф. Осипов, что до тех пор, пока следователь не принял дело к своему производству, проведение органом дознания неотложных следственных действий не является юридическим фактом возникновения той или иной процессуальной формы взаимодействия [18, с. 32].

Таким образом, разделение взаимодействия по формам на процессуальную и непроцессуальную (организационно-тактическую) является наиболее обоснованным и общепринятым среди ученых, изучающих проблему взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска, поэтому следует остановиться на более подробном рассмотрении каждой из форм, описании их признаков и выделении основных видов в каждой из вышеприведенных форм взаимодействия и их классификации.

1. Лебедев, С.А. Философия науки: Словарь основных терминов / С.А. Лебедев. – М. : Акад. Проект, 2004. – 320 с.
2. Бородин, С.В. Некоторые вопросы взаимодействия оперативного работника и следователя органов охраны общественного порядка / С.В. Бородин. – М. : Тр. ВНИИОП, 1967. – № 9. – С. 20–29.
3. Балашов, А.Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений / А.Н. Балашов. – М. : Юрид. лит., 1979. – 110 с.
4. Герасимов, И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. – Свердловск : Сред.-Ур. кн. изд-во, 1975. – 184 с.
5. Белкин, Р.С. Криминалистика : учеб. сл.-справ. / Р.С. Белкин. – М. : Юристъ, 1999. – 266 с.
6. Гуткин, И.М. Правовые вопросы взаимодействия следователей и органов дознания в уголовном процессе (по материалам органов охраны общественного порядка) / И.М. Гуткин. – М. : МВШ МВД СССР, 1967. – 206 с.

7. Якубович, Н.А. Теоретические основы предварительного следствия : учеб. пособие / Н.А. Якубович. – М. : Юрид. лит., 1971. – 142 с.

8. Эксархопуло, А.А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях / А.А. Эксархопуло. – СПб., 2002. – 450 с.

9. Гаврилин, Ю. В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : курс лекций / Ю.В. Гаврилин, Н.Г. Шурухнов ; под ред. Н.Г. Шурухнова. – М. : Кн. мир, 2004. – 468 с.

10. Козлов, Ю.М. Координация в управлении народным хозяйством СССР / Ю.М. Козлов. – М. : МГУ, 1976. – 170 с.

11. Кривенко, А.И. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / А.И. Кривенко. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 240 с.

12. Гапанович, Н.Н. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений : [учеб. пособие для вузов] / Н.Н. Гапанович, И.И. Мартинович. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 104 с.

13. Нечаев, В.В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания / В.В. Нечаев. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 196 с.

14. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М. : Новый Юрист, 1997. – 400 с.

15. Пархоменко, В.И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистические и организационный аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.И. Пархоменко. – М., 2005. – 230 л.

16. Балашов, А.Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Балашов. – М., 1973.

17. Ооржак, А.С. Взаимодействие следователей прокуратуры с работниками органов дознания при расследовании умышленных убийств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Ооржак. – Казань, 1989. – 214 л.

18. Осипов, А.Ф. Вопросы соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / А.Ф. Осипов. – М. : Акад. МВД СССР, 1976. – 55 с.

УДК 343.9

Г.С. Краинская

СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Каждое преступление имеет определенные повторяющиеся черты, сведения, учет которых позволяет ускорить время, затрачиваемое на расследование данного общественно опасного деяния. Для учета дан-

ных сведений существует криминалистическая характеристика, содержание которой включает в себя определенную систему данных, предназначенных для организации расследования преступлений [1].

Значение этих данных заключается в том, что они позволяют следователю наметить круг обстоятельств, которые подлежат установлению для всесторонности и планомерности расследования. Что касается преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, то ее элементы помогают следователю обратить внимание на специфику данного вида преступлений.

Специфика элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков включает себя не только характеристику хранения сбыта или изготовления наркотического вещества, но и характеристику способов транспортировки наркотических средств. Отличительными особенностями слеодообразования являются следы изготовления, транспортировки, сбыта, хранения.

Данный вид преступления в основном представляет собой сеть, которая состоит из участников, каждый из которых выполняет свою роль, т. е. этот вид преступления имеет сложную организованную структуру, во главе которой стоят материально обеспеченные организации-производители и организации-дистрибьюторы, которые могут осуществлять свою деятельность, не ограничиваясь границами одного государства.

Это значит, что каждый способ совершения преступления и вид его реализации характеризуется определенным набором следов, на которые следователю необходимо обращать внимание.

Данные следы целесообразно квалифицировать на следующие виды:

- 1) следы, оставляемые при изготовлении наркотических средств;
- 2) следы, оставляемые при транспортировке, хранении и сбыте наркотических средств;
- 3) следы, оставляемые после потребления наркотиков;
- 4) идеальные следы.

К первой категории относятся:

1) сырье и его отходы от кустарного производства наркотических средств (стебли, листья, смеси и т. п.);

2) средства, применяемые преступниками при изготовлении наркотиков – инструменты, химические вещества, предметы быта, компоненты процесса синтеза и т. п. Следы могут сохраняться на шприцах, химической посуде, весах, различных химических приборах, в растворителях и реактивах для изготовления наркотических средств (психотропных веществ), посуде со следами экстрагирования и выпаривания;

3) созданный наркотический продукт;

4) разного рода запахи, свидетельствующие о нахождении на месте наркотических средств или об их изготовлении;

5) различные носители информации, которую лица использовали для создания наркотических средств (блокноты с формулами или необходимыми средствами для производства наркотиков, записи по синтезу веществ). Стоит также обращать внимание на носители цифровой информации – системные блоки, ноутбуки, смартфоны, диски, флэш-карты. При изъятии электронных носителей информации необходимо обращать внимание на историю браузеров, файлов, которые хранятся на ЭНИ, программы, содержимое электронной почты и социальных сетей. Данная информация чаще всего касается транспортировки, распространения наркотиков, поиска маршрута по автомобильным дорогам или железнодорожному транспорту в регионы произрастания наркотиков; записи телефонных номеров лиц с иностранными именами, самих номеров с использованием междугородних или международных кодов соединения; различную информацию на любых носителях, позволяющую судить о масштабах сбыта, поставщиках, покупателях партий наркотиков и т. п.

Так, 12 апреля 2021 г. не позднее 16 часов 24 минут гражданин П. совместно с гражданином А., действуя группой лиц по предварительному сговору, имея умысел, направленный на осуществление незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств, без цели дальнейшего сбыта, посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет осуществили заказ у неустановленного лица, находящегося на территории Канады, наркотических средств. После чего осуществили их оплату с помощью криптовалюты [2]. В ходе произведенных следственных действий у данных граждан были изъяты ноутбуки, смартфоны.

Ко второй категории относятся упаковка, специальные контейнеры, тайники в транспортных средствах, в одежде перевозчиков, следы самих наркотических веществ и др.

К третьей категории относятся следы инъекций, изменения в поведении наркомана, сужение (расширение) зрачков, бледность кожных покровов; дистрофия мышечной массы; наркотическое истощение (кохексия) и т. п.). Какая-то часть наркотического вещества в малом количестве может оставаться в виде наслоений на одежде, кухонных приборах, средствах личной гигиены.

Все обнаруженные вышеуказанные объекты фотографируют вначале на месте нахождения (узловые фотоснимки) и затем крупным планом (детальные фотоснимки). Для фиксации общего вида подпольных лабораторий и цехов по производству и переработке наркотических средств дополнительно изготавливаются обзорные фотографии, а для фиксации

посевов, запрещенных для возделывания культур, – панорамные. В последнем случае целесообразно использовать аэросъемку.

К четвертой категории относятся идеальные следы, т. е. те следы, которые представляют собой информацию, получаемую следователем в ходе допроса.

Стоит понимать, что следователем должны быть приняты все меры к обнаружению и фиксации следов, так как промедление с производством следственных действий влияет не только на ход расследования, но и на возможность возбуждения уголовного дела, отсутствие которой «играет на руку» преступникам и позволяет им избежать уголовной ответственности.

Анализ практики производства следственных действий дает возможность понять, что чаще всего лица, совершившие данный вид преступления, хранят наркотические средства в своем жилище, по месту работы, в гаражах и иных помещениях. При переносе наркотических средств они прячут их в ручной клади, карманах одежды и нижнем белье, в связи с чем наиболее часто обнаруживаются следы в виде микрочастиц наркотического вещества на одежде и в ручной клади, на руках преступника, упаковках от наркотического вещества. Отдельно стоит выделить также наиболее важные доказательства – ноутбуки, смартфоны, флэш-накопители и др., так как они содержат наибольшее количество информации, представляющей интерес для следствия.

1. Пупцева, А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовые и криминалистические аспекты : учеб. пособие / А.В. Пупцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2014. – 25 с.

2. Приговор № 1-751/2021 от 8 августа 2021 г. по делу № 1-751/2021, Кировский районный суд г. Астрахань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru>. – Дата доступа: 16.10.2022.

УДК 343.9

Ю.В. Кухарьков

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МЕДИЦИНСКИХ ВМЕШАТЕЛЬСТВ, ПОВЛЕКШИХ ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ У ПАЦИЕНТА

Статья 162 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) в ч. 1 предусматривает ответственность за причинение по неосторожности тяжких или менее тяжких телесных повреждений (ТП) пациенту при ненадлежащем исполнении медицинским работником профессиональ-

ных обязанностей. В качестве таковых в уголовно-правовых публикациях (например, [1]) практически исключительно выделяют медицинскую помощь (МП), когда при дефективном (ненадлежащем) ее оказании возникает преступное причинение вреда жизни и здоровью пациента. В публикациях, посвященных проведению проверок и предварительному расследованию такого рода преступлений (например, [2, 3]), отмечаются подлежащие установлению и доказыванию обстоятельства. Это обстоятельства, относящиеся к медицинскому работнику (стаж, специализация и т. п.), к пациенту (возраст, сопутствующие заболевания, соблюдение рекомендаций и т. п.), обстоятельства объективной стороны состава преступления, некоторые другие. Считаем возможным выделить обстоятельства, которые непосредственно относятся к медицинским вмешательствам, когда при дефектах МП возникают телесные повреждения.

В соответствии с определением ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» [4] «медицинское вмешательство – любое воздействие и (или) иная манипуляция, выполняемые медицинским работником при оказании медицинской помощи». В этой же правовой норме определяется понятие качества медицинской помощи: «совокупность характеристик медицинской помощи, отражающих ее способность удовлетворять потребности пациента, своевременность оказания медицинской помощи, степень ее соответствия клиническим протоколам и иным нормативным правовым актам в области здравоохранения, а также степень достижения запланированного результата оказания медицинской помощи».

Полагаем, что именно при медицинских вмешательствах (манипуляциях), выполняемых медицинским работником, пациенту может быть причинено ТП как преступный вред его здоровью; все другие обстоятельства приобретают криминалистическое значение только при этом условии.

Синонимом юридического термина «телесное повреждение» является медицинский термин «травма». Дефиниция «телесное повреждение» приводится в п. 2 Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений (далее – Инструкция): «под телесным повреждением понимаются возникшие в результате травмирующего воздействия физических, химических, биологических, психических и других факторов внешней среды объективно установленные нарушения анатомической целостности и (или) физиологических функций тканей, органов и (или) систем организма человека» [5]. Из определения выделяется, что ТП

могут проявляться в двух вариантах: как нарушение структуры тела (анатомические), кроме того, как нарушения физиологических функций (процессов обмена веществ и энергии в тканях и органах). Следует отметить, что ТП в виде нарушений физиологических функций и возникающие при этом угрожающие жизни состояния приведены в п. 24.1 Инструкции по исчерпывающему списку: «шок тяжелой (III–IV) степени ... гнойно-септическое состояние; синдром диссеминированного внутрисосудистого свертывания крови (стадия гипокоагуляции)» [5]. Факт причинения ТП определяется возникновением медицинских критериев (медицинских показателей), которые приведены в Инструкции. Медицинские критерии, в свою очередь, формируют признаки степени тяжести ТП, которые должны соответствовать терминам ч. 1 ст. 147, ч. 1 ст. 149, ст. 153 УК (опасность для жизни, длительность расстройства здоровья, потеря органа или утрата органом его функции, стойкая утрата общей трудоспособности и т. п.). В итоге имеет место последовательная взаимосвязь элементов: телесное повреждение – медицинский критерий – признак степени тяжести – степень тяжести ТП.

Понятие «телесные повреждения» следует дифференцировать с понятием «заболевание» – «расстройство здоровья человека, нарушение нормальной жизнедеятельности его организма, в том числе в результате травм, ранений, увечий, контузий, врожденных дефектов и неотложных состояний» [4]. По сути, заболевание – это реакция организма человека, в том числе и расстройство здоровья на возникшее телесное повреждение.

Оценка факта причинения ТП при дефектах МП имеет свою специфику. Это определяется тем, что медицинское вмешательство само по себе может являться травмирующим воздействием. Например, проведение хирургических операций может предусматривать рассечение тканей (образование хирургических ран); травмирующими воздействиями являются инъекции, прижигания и т. п. МП может осуществляться также по поводу уже имеющихся телесных повреждений или по поводу заболеваний. Само по себе нарушение целостности тканей не следует считать телесными повреждениями, если медицинское вмешательство осуществлялось в пределах необходимых медицинских манипуляций. Соответственно, возникает необходимость выделять повреждения при медицинском вмешательстве, необходимые для оказания МП, и дифференцировать их с ТП, возникших как дефект МП. В свою очередь, ТП, возникшие как дефект МП, необходимо отличать от ТП, по поводу которых оказывалась МП. Такие вопросы дифференцировки, как и определение степени тяжести ТП, причиненных при медицинских вмешательствах, осуществляется в производстве судебно-медицинской экс-

пертизы по материалам и делам о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей медицинскими работниками.

Учитывая все вышеизложенное, содержание понятий «медицинское вмешательство», «телесное повреждение», «заболевание», а также известные случаи ненадлежащей медицинской помощи, считаем возможным выделить некоторые подлежащие установлению и доказыванию обстоятельства ненадлежащей МП, когда у пациента при медицинском вмешательстве образуются ТП. Определение таких обстоятельств также следует из некоторых модельных ситуаций ненадлежащей МП, изложенных в наших предыдущих публикациях [6, 7].

1. При оказании медицинской помощи по поводу имеющегося заболевания пациенту выполняется медицинское вмешательство, при котором нарушение целостности тканей выходит за пределы, необходимые для оказания медицинской помощи, что формирует ТП. Например, при хирургической операции при аппендиците возникает повреждение кровеносного сосуда или органа, которые должны были остаться неповрежденными.

2. ТП в связи с ненадлежащей МП возникают в случаях, когда по поводу травмы у пациента проводятся какие-либо медицинские манипуляции, которые являются излишними. В таких случаях нарушение целостности тканей, даже в пределах, необходимых для данного вмешательства, формирует ТП. Например, у пациента с резаной раной спины хирурги, ошибочно полагая, что рана является проникающей в брюшную полость, не проводя каких-либо исследований для подтверждения этого (несмотря на то что имелись все возможности), провели операцию, раскрыв хирургическими разрезами брюшную полость для остановки предполагаемого внутрибрюшного кровотечения, в итоге выяснилось, что проникающего ранения нет.

3. При медицинском вмешательстве дефекты МП образуют нарушение физиологических функций, которые в соответствии с Инструкцией будут оцениваться как угрожающие жизни состояния и определять медицинский критерий признака опасности для жизни (тяжкие ТП). Например, при проведении хирургической операции нарушения при даче наркоза, его неправильное применение вызвало развитие асфиктического состояния (кислородное голодание головного мозга) и длительное коматозное состояние у пациента.

4. Неверное выполнение манипуляций при медицинском вмешательстве формирует самостоятельный признак ТП, который сам по себе будет определять степень тяжести ТП. Например, неверное наложение гипса при переломе лучевой кости (формально менее тяжкое ТП) привело к

развитию некроза (омертвения тканей) руки, что впоследствии привело к необходимости ее ампутации.

5. Медицинское вмешательство осуществляется без дефектов, однако совершаются не те действия, которые требуются для оказания МП конкретному пациенту. Например, при удалении камней из почек по ошибке врачей была прооперирована здоровая почка.

Таким образом, обстоятельствами ненадлежащей МП, когда у пациента образуются ТП, могут быть следующие факты:

нарушение целостности тканей при медицинских манипуляциях выходит за пределы, необходимые для оказания МП;

имеет место излишнее медицинское вмешательство;

дефекты оказания МП приводят к расстройству физиологических функций как угрожающих жизни состояний;

неверное выполнение манипуляций при медицинском вмешательстве формирует отдельный признак степени тяжести ТП;

совершаются не те действия, которые требуются для оказания МП конкретному пациенту.

Устанавливаются также обстоятельства, которые соотносятся с проведенным медицинским вмешательством:

заболевание или травма (ТП), по поводу которых оказывалась МП; степень тяжести такого ТП;

содержание оказанной МП и ее соответствие клиническим протоколам для данного заболевания или травмы.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019.

2. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений) : учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.М. Багмета. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

3. Пристансков, В.Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи : учеб. пособие / В.Д. Пристансков. – СПб. : С-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ, 2007.

4. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.12.2020 г. № 94-3 // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Инструкция о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений : утв. постановлением Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь 24 мая 2016 г. № 16 (в ред. от 13.11.2020 г.).

6. Кухарьков, Ю.В. Причинение телесных повреждений при ненадлежащей медицинской помощи / Ю.В. Кухарьков, Н.В. Харкевич // Законность и правопорядок. – 2017. – № 1 (41).

7. Кухарьков, Ю.В. Ситуационные модели ненадлежащей медицинской помощи в случае смерти пациента / Ю.В. Кухарьков, А.Е. Спирин // Предвар. исследование. – 2019. – № 5 (6).

УДК 343.9

Н.И. Лагун

МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 317 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В научной литературе понятие «механизм преступления» представляет собой важный аспект исследуемой проблемы, которой занимались многие известные ученые-криминалисты, давая свои определения исследуемому понятию. Так, В.А. Образцов определил механизм преступления как совокупность динамично развивающихся в определенной последовательности материальных систем и процессов, взаимодействующих между собой и обуславливающих возникновение информации о данном событии (преступлении) [1, с. 15].

По мнению А.М. Кустова, механизм преступления представляет собой последовательный (поэтапный) ряд процессов взаимодействия, в результате которых проявляются следы-отражения, содержащие криминалистически значимую информацию о самом преступлении и его участниках. Каждый отдельный процесс предполагает наличие других процессов или является их побудителем, придавая всей системе стройный, устойчивый и динамичный характер [2, с. 26–30].

В научных работах о механизме преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, ученые по-разному называют механизм преступления, предусмотренного ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), применяя при этом термины «механизм дорожно-транспортного преступления» и «механизм дорожно-транспортного происшествия».

Вместе с тем сокращенная форма «дорожно-транспортное происшествие» (ДТП) и «дорожно-транспортное преступление» также (ДТП) вносит определенную путаницу при восприятии содержания работ, посвященных данной проблематике.

В теории уголовного права понятие «дорожно-транспортное преступление» не получило законодательного определения. В УК гл. 28, содержащая нормы об ответственности за нарушения в сфере движения или эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного, автодорожного и магистрального трубопроводного транспорта, названа «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта».

Комментарий к ст. 317 «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» УК, постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 1 октября 2008 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317, 318, 321 УК)» при описании ключевых моментов содержания уголовного закона, анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел указанной категории также не содержат в своих текстах термина «дорожно-транспортное преступление». Законодатель оперирует дефиницией «преступление, предусмотренное ст. 317 УК». Видимо, будет более правильным и при криминалистическом исследовании преступлений указанной категории опираться на терминологию уголовного законодательства, обеспечивая единообразное понимание.

Кроме этого ведутся дискуссии по поводу того, какое понятие более широкое по своему содержанию. Так, С.Е. Ковалев пишет, что «механизм дорожно-транспортного преступления – понятие более широкое, включающее в свою структуру механизм дорожно-транспортного происшествия» [3, с. 61]. Данную позицию поддерживают отдельные исследователи [4, с. 301–304].

Некоторые авторы отмечают, что эти понятия не всегда дифференцируются, поскольку в любом случае в рамках частной криминалистической методики рассматриваются исключительно те нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которые повлекли последствия, подпадающие под признаки преступления [5, с. 162–166].

Понятие «дорожно-транспортное происшествие» (ДТП) содержится в п. 2.18 Правил дорожного движения – это происшествие, совершенное с участием хотя бы одного находившегося в движении механического транспортного средства, в результате которого причинен вред жизни или здоровью физического лица, его имуществу либо имуществу юридического лица.

Если произошло дорожно-транспортное происшествие, которое повлекло указанные в ст. 317 УК последствия, то возбуждается уголовное дело и проводится расследование для установления наличия причинной

связи между деянием (действие) или пассивном (бездействие) поведении лица, управляющего транспортным средством, и наступившими последствиями.

В связи с этим мы поддерживаем мнение о том, что эти понятия не могут дифференцироваться в рамках криминалистической методики расследования преступлений данной категории.

Под механизмом преступления, предусмотренного ст. 317 УК, ученые-криминалисты понимают «динамический процесс, представляющий определенное взаимодействие составляющих его элементов» [6, с. 641–654], «совокупность промежуточных процессов, которые, взаимодействуя между собой, формируют процесс развития нарушения Правил дорожного движения и определяют его последствия» [7, с. 8–9], «совокупность промежуточных состояний и процессов, формирующих последствия на взаимодействовавших объектах в материальном виде, на предаварийном, аварийном и послеаварийном этапах развития дорожно-транспортного происшествия» [8].

Исходя из перечисленных выше определений, под механизмом указанной категории преступлений понимается прежде всего процесс, в ходе которого происходит взаимодействие его элементов или объектов, результатом которого является формирование и наступление последствий, предусмотренных ст. 317 УК. В качестве элементов механизма указанного преступления исследователи называют действия водителя, автомобиль, состояние дороги и окружающей среды.

Нельзя не согласиться с мнением М.И. Замиховского, который считает, что главным для исследования является возможность изучения события ДТП как единого целого, системы, состоящей из взаимосвязанных элементов, и, учитывая решаемые задачи, выделение некоторой подсистемы с целью ее более глубокого изучения [9, с. 23].

На наш взгляд, задача криминалистического изучения механизма преступления, предусмотренного ст. 317 УК, состоит в познании закономерностей отражения данного механизма во внешней среде, получении объективной криминалистически значимой следовой информации о произошедшем событии, установлении характерных для него причинных связей, являющимися источниками доказательств по уголовному делу.

Следовая информация, отражающая специфику механизма преступления, предусмотренного ст. 317 УК, весьма разнообразна, многовариантна, имеет различный характер и носитель, что свидетельствует о необходимости ее классификации. В криминалистической литературе имеются различные подходы к классификации следовой информации.

Так, Э.Г. Хачатрян подразделил материальные следы ДТП на следы места происшествия, следы и повреждения на транспортном средстве, следы на одежде потерпевших от ДТП, следы на теле пострадавшего [10, с. 18]. В данной классификации за основу принят носитель следа. Однако помимо материальных следов важной криминалистически значимой информацией обладают идеальные следы преступления. К тому же следует учитывать особенности механизма преступления, предусмотренного ст. 317 УК, связанных с динамикой этого процесса, включающего законы механики движения транспортных средств, психофизическое восприятие и реакцию водителя на опасность в различных условиях дорожной ситуации.

В этой связи изучение следовой информации в системе единого целого события преступления, предусмотренного ст. 317 УК, на наш взгляд, следовало бы с учетом элементов его механизма, позволяющим путем анализа выявленных следов установить причинную связь между нарушением и наступившими уголовно наказуемыми последствиями.

К таким следам необходимо отнести информацию, характеризующую:

а) участников дорожного движения и их действия на всех стадиях развития происшествия. Для этого необходимо провести опрос (допрос) водителя, очевидцев, осмотр автомобильных видеофиксаторов, камер наружного наблюдения; изучить документы водителя, освидетельствовать его, осмотреть транспортное средство для установления его технического состояния и функциональных характеристик (тормозной системы, рулевого управления, внешних световых приборов, технического состояния колес и шин, стеклоочистителей и стеклоомывателей ветрового стекла);

б) дорожную обстановку и развитие аварийной ситуации при взаимодействии участников дорожного движения, которые выявляются в ходе осмотра места происшествия. В этих целях следует провести фиксацию:

условий, организации и характеристики дорожного движения, наличия участников и их взаимодействия на месте аварии, состояния погоды, освещенности;

следов транспортного средства (ТС) на дороге: колес (качения, торможения), следов его деталей на преградах, отделившихся от ТС частей, деталей, веществ (горюче-смазочных жидкостей, лакокрасочных покрытий, грузов и пр.);

следов, оставляемых потерпевшими (кровь, волосы, иные биологические объекты, личные вещи, следы волочения тела, обуви);

следов на потерпевших и водителе при контакте с транспортным средством и частями салона;

следов на транспортных средствах, возникающих при их столкновении, при наезде на пешеходов, неподвижных объектов, при опрокидывании.

Таким образом, по нашему мнению, механизм преступления, предусмотренного ст. 317 УК, представляет собой динамическую систему процесса взаимодействия его элементов, причин и условий, влияющих на возникновение, развитие и завершение дорожно-транспортного происшествия.

Механизм преступления закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах.

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории / Р.С. Белкин. – М., 1987. – 272 с.

2. Кустов, А.М. К вопросу о структуре механизма преступления / А.М. Кустов // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 5. – С. 26–30.

3. Ковалев, С.Е. Вопросы юридической техники в методике расследования дорожно-транспортных происшествий / С.Е. Ковалев // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – 823 с.

4. Латыпова, К.С. Механизм дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов / К.С. Латыпова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 301–304.

5. Дудченко, А.Н. Структура криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений, дискуссионные вопросы формирования / А.Н. Дудченко, В.А. Антонов // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2 (97). – С. 162–166.

6. Чучаев, А.И. Механизм транспортного преступления (понятие и общая характеристика) / А.И. Чучаев // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2013. – № 6. – С. 641–654.

7. Хачатрян, Э.Г. Применение специальных знаний при анализе и установлении причинно-следственных связей механизма ДТП / Э.Г. Хачатрян // Рос. следователь. – 2008. – № 1. – С. 8–9.

8. Рыжиков, С.Л. Правовые и технико-криминалистические аспекты использования средств объективного контроля за движением автомобиля в процессе совершения дорожно-транспортных происшествий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Л. Рыжиков. – Ростов н/Д, 2004. – 216 л.

9. Замиховский, М.И. Экспертная реконструкция механизма ДТП по его следам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.И. Замиховский. – М. : ВНИИСЭ, 1992. – С. 23.

10. Хачатрян, Э.Г. Проблемы экспертных исследований при расследовании нарушений правил дорожного движения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Э.Г. Хачатрян ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2012. – 24 с.

УДК 343.98

В.М. Логвин

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВУ

Допрос свидетелей имеет место при расследовании различных видов преступлений. Свидетель может быть допрошен о любых, относящихся к делу обстоятельствах, в том числе о личности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего о своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями.

Показания свидетелей имеют различное значение в процессе расследования преступлений: в соответствии с ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь они могут являться источником доказательств; в ряде случаев фактические данные, содержащиеся в показаниях свидетелей могут иметь значение прямых доказательств (свидетель в своих показаниях говорит о том, что обвиняемый ударил потерпевшего ножом в область живота и тот после этого упал на землю); достаточно часто свидетели дают показания относительно обстоятельств совершенного преступления, имеющих второстепенное (промежуточное) значение. В данном случае речь идет о косвенных доказательствах, которые в совокупности с другими, имеющимися по уголовному делу, позволяют установить или опровергнуть какой-либо факт (свидетель видел вблизи места совершения убийства обвиняемого, за несколько минут до того, как ему стало известно о совершенном преступлении); свидетель может давать показания относительно обстоятельств, которые наблюдал, воспринимал сам; в ряде случаев показания свидетеля касаются фактических данных, которые ему стали известны со слов других граждан; показания свидетелей могут иметь большое значение для характеристики личности подозреваемого (обвиняемого); допрос свидетелей является эффективным и доступным средством проверки, уточнения и дополнения, собранных по уголовному делу доказательств и т. д.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что чаще всего в ходе допроса свидетелей имеют место следующие типичные следственные ситуации: 1) свидетель дает правдивые показания, соответствующие собранным по уголовному делу доказательствам; 2) свидетель дает правдивые показания, однако заблуждается относительно ряда обстоятельств, подлежащих доказыванию; 3) свидетель умышленно искажает обстоятельства совершенного преступления (иными словами, дает ложные показания).

Из всех перечисленных типичных следственных ситуаций наиболее проблемной является третья, когда свидетель в силу тех или иных причин становится на путь лжесвидетельства. Мотивы подобного поведения свидетеля могут быть различными (корысть, месть, желание оказать таким образом помощь своим друзьям (знакомым), боязнь расправы со стороны подозреваемого (обвиняемого) или его родственников и т. п.).

Следует отметить, что борьба с ложью в рамках уголовного процесса и, в частности, при даче ложных показаний свидетелями имеет важнейшее значение. Ложные сведения, которые содержатся в показаниях свидетелей: препятствуют реализации принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление; негативно влияют на правосознание граждан, порождают у них иллюзию безнаказанности; препятствуют осуществлению правосудия; могут приводить к серьезным нарушениям законности и т. п.

В этой связи противодействие лжи в показаниях свидетелей, как и других участников уголовного процесса, необходимо вести с использованием всего потенциала криминалистических средств и методов, имеющихся в арсенале органов уголовного преследования, использования возможностей других юридических наук.

Рассмотрим отдельные вопросы, связанные с противодействием лжесвидетельству.

Важнейшее тактическое значение в плане предупреждения дачи потерпевшими и свидетелями ложных показаний имеет надлежащая подготовка к проведению допроса. С этой целью следователю необходимо: детально изучить материалы уголовного дела; изучить личность допрашиваемого свидетеля; спланировать время, место и способ вызова участника; определить иных участников этого следственного действия; принять решение об использовании в процессе следственного действия научно-технических средств; продумать и подготовить доказательства и иные материалы, которые он собирается предъявить в ходе проведения допроса; спланировать очередность допроса нескольких свидетелей по уголовному делу; предусмотреть иные меры, направленные на предупреждение и преодоление лжи в ходе допроса.

Тщательное выполнение названных мероприятий имеет важнейшее значение для предотвращения лжесвидетельства. Детальное изучение всех материалов уголовного дела, хорошо продуманный подбор доказательств для оперирования ими в процессе допроса позволяют сформировать у допрашиваемого лица мнение о следователе как о профессионале своего дела и, соответственно, убеждение в бессмысленности

вставать на путь лжесвидетельства, так как обстоятельства совершенного преступления будут установлены в любом случае.

Изучение личности свидетеля до начала его допроса позволяет следователю предположить, какова будет линия поведения допрашиваемого, выбрать правильную тактику проведения следственного действия. Характеристика личности свидетеля дает следователю возможность убедить недобросовестного участника в том, что ему известны все обстоятельства совершенного преступления и дача ложных показаний является делом бесперспективным. При этом следует иметь в виду, что изучение личности допрашиваемого должно осуществляться не только перед началом допроса, но и в процессе его осуществления. Исследованию подлежат его интересы, мотивы, которыми он руководствуется.

Установление мотивов поведения свидетеля и дачи им ложных показаний имеют важнейшее тактическое значение. Это достаточно сложная задача, поскольку «...мотивы допрашиваемого часто противоречат друг другу, между ними идет борьба, в ход которой должен вмешиваться следователь, обеспечивая победу именно тех из них, которые побуждают допрашиваемого говорить правду» [1, с. 150]. Такое вмешательство связано с применением различных тактических приемов в ходе допроса.

Сильное предупредительное воздействие на допрашиваемого имеет фиксация допроса с использованием видеозаписи. Ее применение оказывает психологическое воздействие на допрашиваемого и способствует тому, что свидетель нередко отказывается от задуманных намерений.

Одним из тактических условий предупреждения лжи при проведении допроса является установление психологического контакта с допрашиваемым, т. е. речь идет о создании такой атмосферы допроса, при которой допрашиваемый проникается уважением к следователю, пониманием его задач и обязанностей, осознает необходимость способствовать своими показаниями установлению обстоятельств совершенного преступления. Следователь, который пользуется авторитетом у допрашиваемого, может апеллировать к его совести, добрым чувствам. Вместе с тем психологический контакт следователя с допрашиваемым и проявляемая к нему гуманность должны быть проникнуты принципиальностью [1, с. 157]. Использование обмана, попытки загнать допрашиваемого в ловушку подрывают доверие к следователю, провоцируют обострение возникшей конфликтной ситуации.

Важное значение имеет тактически правильное применение нормы, сформулированной в ч. 1 ст. 220 УПК Республики Беларусь. Закон говорит о том, что потерпевшие и свидетели, вызванные по одному и тому

же делу, допрашиваются порознь и в отсутствие других потерпевших и свидетелей. Следователь, лицо, производящее дознание, принимают меры к тому, чтобы потерпевшие и свидетели по одному делу до допроса не могли общаться между собой. В этой ситуации при определении очередности допросов нужно руководствоваться следующими правилами: в первую очередь необходимо допрашивать тех, от кого можно ожидать правдивых показаний; допрашивать в первую очередь тех, кто лучше владеет информацией об обстоятельствах совершенного преступления; ранее других следует допрашивать свидетелей, которые могут сообщить важные сведения о личности обвиняемого, потерпевшего и других свидетелей и их взаимоотношениях; при прочих равных условиях в первую очередь необходимо допрашивать тех свидетелей, которые могут дать показания о более ранних обстоятельствах криминального события; ранее других допрашивать свидетелей, которые подчинены подозреваемому (обвиняемому) по работе, с тем, чтобы последний не успел повлиять на свидетеля.

Наиболее распространенными признаками лжи являются следующие: показания свидетеля противоречат собранным по уголовному делу доказательствам; в полученных показаниях свидетеля содержатся внутренние противоречия; воспроизведение событий, фактов во время допроса с детальной точностью; совпадение в мельчайших деталях показаний нескольких свидетелей; разное объяснение одних и тех же событий во время различных допросов одним и тем же свидетелем; неопределенность, неконкретность сведений, содержащихся в показаниях свидетеля; настойчивое, неоднократное повторение допрашиваемым по собственной инициативе каких-либо утверждений и др. [2, с. 128–130].

В следственной практике чаще всего используются следующие тактические приемы изобличения лжесвидетеля: детализация показаний свидетеля; разъяснение значения правдивых показаний; стимулирование положительных качеств допрашиваемого свидетеля; повторное напоминание свидетелю об уголовной ответственности за лжесвидетельство; выяснение контрольных данных, с помощью которых возможна проверка полученных показаний; использование возможностей свободного рассказа свидетеля; формирование убеждения у допрашиваемого о наличии у следователя доказательств, изобличающих его во лжи; предъявление доказательств; пресечение лжи; допущение легенды; изложение допрашиваемому вероятного хода событий; использование в ходе допроса данных, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности; повторный допрос по тем же вопросам и др. [2–4].

Резюмируя изложенное, представляется необходимым отметить, что знание следователем (лицом, производящим дознание) и использование в практической деятельности данных рекомендаций может в значительной степени способствовать повышению эффективности противодействия лжесвидетельству в процессе расследования преступлений.

1. Кертэс, И. Тактика и психологические основы допроса / И. Кертэс ; под общ. ред. А.И. Винберга. – М. : Юрид. лит., 1965. – 164 с.
2. Закатов, А.А. Ложь и борьба с нею / А.А. Закатов. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 192 с.
3. Васильев, А.Н. Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева. – М. : Юрид. лит., 1970. – 208 с.
4. Порубов, Н.И. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты : монография / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 304 с.

УДК 343.98

Д.Н. Лозовский

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

На протяжении вот уже нескольких десятилетий мы являемся очевидцами неуклонного технического прогресса. Сегодня невозможно представить себе жизнь без постоянного использования ресурсов глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет, средств мобильной связи, программ мгновенного обмена сообщениями – мессенджеров.

К сожалению, далеко не всегда результаты технического прогресса используются в законных целях и нередко случаи, когда новые возможности, предоставляемые современными информационными технологиями, используются при совершении преступлений.

Используемые в интернет-мессенджерах современные алгоритмы шифрования, применяемые в процессе координации противоправной деятельности, вытеснили устаревшие, слабо защищенные методы коммуникации («голосовая связь» и SMS-сообщения посредством GSM-сетей), основанные на доверии, договоренностях, личных контактах.

Так, применение в противоправной деятельности интернет-мессенджеров с функцией шифрования входящей и исходящей корреспонденции, скрытием номера телефона, на который зарегистрирован авторизованный аккаунт, «отмывание» незаконных доходов от сбыта наркотических средств посредством бирж криптовалют, а также бесконтактный, посредством тайников-«закладок», сбыт наркотиков, характеризуемый направлением координат, описания и ориентирующих фотографий с местонахождением тайника-«закладки», исключают какой-либо личный контакт не только между сбытчиками и потребителями наркотических средств, но и между соучастниками противоправной деятельности, которые, вступая в противоправный сговор и осуществляя противоправные действия в тесной координации, могут и не знать друг друга лично, идентифицируя членов группы исключительно посредством псевдонимов в мессенджерах, что исключает для правоохранительных органов возможность получения данных о лицах, участвующих в деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Однако подобный способ осуществления преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, подразумевает определенный уровень познаний в сфере информационных технологий и навыков работы со средствами мобильной связи, что, в свою очередь, определяет возрастную ценз лиц, обладающих перечисленными качествами, и вовлекаемых в совершение преступлений данной категории. Как правило, это молодые люди, в возрасте 18–30 лет, что показывает всплеск специфической преступности в молодежной среде нашего общества.

Особенности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, рассмотрим на примере одного из изученных уголовных дел.

В рамках исследования было установлено, что сбыт наркотических средств был организован бесконтактным способом через тайники-«закладки». Весь информационный обмен с приобретателями наркотиков и при вовлечении в противоправную деятельность новых членов осуществлялся анонимно, посредством мгновенного обмена сообщениями в мессенджере Telegram, при его использовании злоумышленниками у правоохранительных органов отсутствует возможность получения сведений, идентифицирующих их пользователей.

Так, вновь вовлекаемые в противоправную деятельность рядовые участники изначально инструктировались лицами, осуществлявшими

организацию и руководство противоправной деятельностью о необходимости использования средств мобильной связи с сим-картами, зарегистрированными на посторонних, не осведомленных о противоправной деятельности, лиц, установке программного обеспечения, маскирующего IP-адрес устройства в интернет-сессии (анонимайзеров – VPN и т. п.) мессенджера Telegram, разработчики которого не предоставляют правоохранительным органам сведений о личности пользователей, данных геолокации, других настроек программного обеспечения, что позволяет сотрудникам правоохранительных органов установить местонахождение и идентифицировать лиц, осуществляющих их использование.

«Куратор», выполняя возложенные на него функции, направленные на достижение общего преступного умысла на сбыт наркотических средств, фиксировал полученную от «курьеров» информацию о помещенных в тайники-«закладки» наркотических средствах в электронных таблицах формата Excel с целью учета подготовленных к сбыту, а также уже сбытых, наркотиков, после чего передавал данную информацию («адреса») «оператору» – лицу, осуществлявшему посредством мессенджера Telegram, либо иными способами посредством сети Интернет, также исключая личным контактом и обеспечивающими анонимность, непосредственное общение с наркозависимыми потребителями в целях сбыта наркотических средств.

«Оператор» направлял сообщения потенциальному покупателю с информацией о видах и количестве наркотических средств, находящихся в тайниках-«закладках» в районе нахождения покупателя и готовых к сбыту, номерах «КИВИ-кошельков», на которые потенциальный покупатель должен перечислить денежные средства в счет оплаты приобретаемого наркотика, и после поступления денежных средств – сообщение адреса местонахождения тайника-«закладки» с сокрытым в нем наркотическим средством, описание и ориентирующие фотографии, позволяющие покупателю самостоятельно обнаружить и забрать приобретенный наркотик.

Денежные средства за сбываемые наркотики поступали на «КИВИ-кошельки», счета которых открывались с использованием сим-карт, зарегистрированных на посторонних, не осведомленных о преступной деятельности, лиц, а впоследствии использовались для приобретения криптовалют на анонимных интернет-биржах, и далее вновь обменивались на денежные средства в официальных валютах.

«Отмытые» денежные средства, формально не ассоциируемые с доходами от сбыта наркотиков, использовались как для дальнейшего фи-

нансирования противоправной деятельности, так и для выплаты вознаграждений участникам ОПС.

Вышеперечисленные меры организации и конспирации противоправной деятельности определяют ряд характерных особенностей оперативно-розыскных мероприятий, направленных на ее пресечение и документирование, а также первоначальных следственных действий.

Так, при опосредованной, анонимной, посредством тайников-«закладок», передаче между соучастниками противоправной деятельности крупных, от 0,5 до нескольких килограммов, партий наркотических средств указанные тайники размещаются, как правило, за пределами населенных пунктов, в лесополосах и парках, что позволяет, в частности, избежать внимания случайных свидетелей, как при оборудовании, так и при снятии «закладки».

В случае выявления и изъятия таких «закладок» правоохранительными органами, указать точный адрес обнаружения «закладки», с целью установления места совершения противоправного деяния, традиционными способами, в соответствии с криминалистическими рекомендациями, с привязкой к двум неподвижным, индивидуально определенным объектам, становится затруднительным.

В этой связи в протоколе указываются географические координаты, широта и долгота, определяемые, как правило, при помощи находящихся в личном пользовании сотрудников оперативных и следственных подразделений средств мобильной связи. Однако точность отображения координат таким способом может зависеть от модели устройства и используемого программного обеспечения.

Во избежание утраты в последующем, в ходе судебного разбирательства, доказательного значения полученных в результате данных процессуальных действий сведений необходимо в обязательном порядке указывать в протоколе марку и модель используемого мобильного устройства, в целях обеспечения в последующем формальной возможности воспроизвести указанные действия впоследствии, в ходе судебного следствия.

Данное требование представляется очевидным, однако в ходе изучения материалов конкретных уголовных дел установлены не единичные случаи его игнорирования при проведении мероприятий, когда координаты указываются в разных форматах, «десятичном» или «градусы/угловые минуты/секунды», что, в свою очередь, осложняет восприятие полученной доказательной информации, а вот марка и модель устройства, посредством которого эти координаты определены, не приводятся, равно как и не приводится картографическое приложение, через которое получены соответствующие координаты.

Однако приходится признать, что дать однозначные рекомендации по порядку проведения конкретных следственных действий не представляется возможным, и в каждом отдельном случае необходимо учитывать фактические обстоятельства расследуемого преступного деяния, условия установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а потому необходимо подходить к планированию и осуществлению процесса расследования творчески, с учетом требований, принципов неукоснительного соблюдения норм права и профессиональной этики.

УДК 343.98

В.Г. Лосева

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ПУНКТАХ ПРОПУСКА ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статистика последних лет свидетельствует о непрекращающихся попытках незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь по подложным документам. Выявляемые при этом факты квалифицируются по ст. 380 «Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков» Уголовного кодекса Республики Беларусь и их расследование предполагает проведение определенных следственных действий. К числу первоочередных следственных действий, проводимых в пунктах пропуска через государственную границу, относится осмотр места происшествия.

Обязательность проведения данного следственного действия является неоспоримым, поскольку в ходе осмотра собирается вся необходимая первичная информация о совершенном преступлении и обнаруживаемых при этом следах. Осмотр места происшествия независимо от конкретного места совершения преступления должен проводиться по определенным правилам и с соблюдением определенных требований. Важное значение для методики проведения осмотра места происшествия в пункте пропуска имеет место и время его проведения.

Место совершения преступления (предъявления подложного документа в пункте пропуска при пересечении государственной границы) – пункт пропуска через Государственную границу Республики Беларусь, предопределяет определенные особенности в его проведении. Рассмотрим данные особенности.

Место проведения осмотра места происшествия применительно к выявляемым в пунктах пропуска подложным документам изначально

но ограничивается самим пунктом пропуска. В то же время весь пункт пропуска не является объектом осмотра места происшествия и видится целесообразным его территориально ограничивать тем местом, где подложный документ был выявлен. Поскольку в пунктах пропуска подложные документы выявляются в тех местах, где проверяются документы у физических лиц, пересекающих государственную границу, военнослужащими подразделений пограничного контроля, то и объектом осмотра места происшествия соответственно будет являться их рабочее место, т. е., как правило, кабина (модуль) паспортного контроля (в зависимости от технологических возможностей конкретного пункта пропуска, где был выявлен подложный документ). В то же время проведение осмотра места происшествия именно в той кабине (модуле) паспортного контроля, где непосредственно был выявлен подложный документ, является достаточно проблемным, поскольку процесс проверки документов в пункте пропуска не прекращается в течение суток. Данное обстоятельство наряду с отсутствием единого методологического подхода к проведению осмотров в пунктах пропуска через государственную границу может приводить к формализму в его проведении и допускаемым ошибкам. Все это предопределяет необходимость соблюдения следующих предлагаемых методических рекомендаций по проведению осмотра места происшествия в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь:

1) протокол осмотра места происшествия в обязательном порядке должен содержать прилагаемую к нему таблицу фотоснимков;

2) данная таблица фотоснимков должна содержать:
ориентирующую фотографию пункта пропуска. При этом на фотоснимке должно быть видно название пункта пропуска, в котором проводится осмотр места происшествия;

обзорную фотографию кабины (модуля) паспортного контроля или другого места выявления подложного документа снаружи;

минимум две обзорные фотографии обстановки внутри кабины (модуля) паспортного контроля, выполненные с противоположных сторон;

обзорную фотографию рабочего места контролера, где был выявлен подложный документ. При этом на данной фотографии должен просматриваться тот подложный документ, который был выявлен;

минимум два детальных, выполненных по правилам масштабной фотосъемки фотоснимка выявленного документа (общего вида обложки и страницы с установочными данными владельца документа);

3) проведение осмотра места происшествия должно выполняться при обязательном участии понятых и желательно при участии специалиста,

в качестве которого в пункте пропуска можно привлекать военнослужащего подразделения специальной проверки документов;

4) в протоколе осмотра места происшествия указываются те технические средства, которые непосредственно применялись в ходе осмотра. К ним обязательно относятся средства фотографирования (с указанием марки и модели фотоаппарата или телефона, а также карты-памяти, на которую осуществлялась запись) и измерения.

Следует обратить внимание на минимальный характер представленных методических рекомендаций, что предопределяет необходимость дальнейшей их разработки в целях повышения качества проводимых следственных действий в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь. Все вышеизложенное обусловлено важностью рассматриваемой проблемы в контексте оптимизации деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых на государственной границе белорусского государства.

УДК 343.9

А.В. Маилян

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Цифровизация всех сфер общественной жизни включает в себе как положительные, так и отрицательные аспекты. Компьютеризация жизнедеятельности населения сформировала перед правоохранительными органами совершенно новую категорию преступлений – преступлений в сфере IT-технологий. К ним мы можем отнести и преступления, совершенные в сфере компьютерной информации. Основная трудность расследования данных преступлений заключается в усложненном процессе сбора доказательств по уголовным делам. Этот этап выступает основополагающим в ходе раскрытия преступлений, так как вся деятельность следователя и дознавателя направлена на получение сведений, имеющих значение для уголовного дела.

На сегодня мы можем выделить ряд следующих проблемных вопросов, возникающих на стадии предварительного расследования:

1. Трудности в обнаружении лица, совершившего преступление.

Это связано с тем, что преступники применяют специальные средства, позволяющие скрыть местонахождение устройства, с которого осуществлялся вход в компьютерную систему. Сложность обнаружения

субъекта преступления. Однако, даже вычислив расположение устройства, правонарушитель может использовать серверы, с помощью которых будут скрыты все сведения, идентифицирующие его личность. В связи с этим установление и выявление виновного, а значит, и осуществление правосудия, становится достаточно трудной задачей.

2. Трудности в фиксации и обнаружении цифровых следов.

В связи с тем что цифровые следы имеют краткосрочный характер, зафиксировать их как признак преступления становится невозможным. Помимо этого различные современные технологии способствуют при их неправомерном применении устранению цифровых доказательств совершения противоправного деяния.

3. Отсутствует необходимость личного контакта преступника с объектом преступления.

Правонарушение может совершаться субъектом преступления дистанционно. Этот фактор исключает возможность личного обнаружения преступника, так как за время вычисления его местонахождения он может немедленно скрыться или навести на ложный след. Преступник может находиться на достаточном расстоянии от места.

4. Уровень подготовки специалистов и материально-техническое обеспечение подразделений уголовного розыска.

Под компьютерной же информацией понимаются сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Напомним, типичным преступлением, связанным с незаконным получением компьютерной информации, является преступное деяние, совершаемое сотрудниками кредитных учреждений и операторов мобильной связи.

В условиях распространения коронавирусной инфекции появились новые преступления, в том числе в сфере компьютерной информации. Так, Следственный департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации расследует уголовное дело в отношении медсестры Б. (эпизодов 13). Медсестра незаконно вошла в федеральный реестр вакцин против COVID-19, куда внесла ложную информацию об иммунитете людей, использующих вакцины для профилактики COVID-19.

Одной из ключевых проблем в борьбе с преступностью в области компьютерной информации является сговор злоумышленников с целью использования так называемых альтернативных средств реальных IP-адресов для осуществления преступной деятельности. Причиной этого преступления может быть недостаточный уровень информации

онной безопасности предприятия, возможность несанкционированного доступа к компьютерной информации или распространения вредоносных компьютерных программ, а также низкая квалификация и способности персонала, ответственного за безопасность компьютерной сети охраняемой законом организации.

В связи с этим для достижения цели предотвращения необходимо соблюдать меры по исключению доступа третьих лиц к гаджетам граждан.

Для предупреждения преступности и повышения технической грамотности населения можно рекомендовать принять ряд мер:

1) разработка руководств, в зависимости от различного уровня просвещенности в данной сфере каждого пользователя [4, с. 78–84];

2) путем использования различных брошюр, памяток, прямых эфиров, видеороликов, сети Интернет и ее ресурсов, а в особенности через сайты и аккаунты социальных сетей правоохранительных органов распространить выработанные рекомендации (руководства);

3) обратить особое внимание на обучающихся школ и вузов, проводить и организовывать с ними круглые столы, беседы, встречи и другие мероприятия;

4) агитировать к этому направлению сайты и интернет-ресурсы в сфере компьютерных информационных технологий, компании и организации, производящие и продающие свою продукцию в данной сфере.

Такие меры помогут сократить количество преступлений и их негативных последствий в сфере компьютерной информации.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем предложить следующий ряд мер, способствующих дальнейшему усовершенствованию методики раскрытия и расследования преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации:

1. Конкретизировать правовую регламентацию, закрепленную в уголовном законодательстве, в целях выделения конкретных категорий преступления. Устранить коллизии и ясно отобразить в содержании сущность преступлений данной категории.

2. Проанализировать практику расследования цифровых преступлений и систематизировать деятельность в единый алгоритм действий, направленный на раскрытие преступления [2, с. 92–95].

Таким образом, цифровизация экономики и информатизация общества представляют собой мировой интеграционный процесс, который сопровождается переводом информации в компьютерное пространство.

Эта тенденция приведет к повышению производительности экономики как страны, так и всего мира. Однако всему процессу будет сопутствовать криминализация ранее неизведанных отраслей деятельно-

сти, с чем столкнутся законодательные и правоохранительные органы. Помимо угроз личной безопасности назреет вопрос национальной безопасности [3, с. 22].

Таким образом, освоение данной сферы общественной жизни будущими специалистами и сотрудниками полиции должно стать первоначальной задачей образовательных организаций.

В результате проведенного исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Целесообразно повысить ответственность операторов связи и организаторов, распространяющих информацию в интернете, за нарушение требований законодательства, касающихся хранения, приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовых сообщений, письменных текстов, изображений, звуков, видео- или иной электронной информации пользователей сети Интернет или пользователей услуг связи, на территории Российской Федерации, а также информации о содержании самой передачи.

2. Совершенствовать преобразование подразделений, участвующих в борьбе с преступлениями, с использованием информационно-коммуникационных технологий, оснащения их современным программным обеспечением и электронным взаимодействием технологии [1, с. 90–95].

3. Повысить уровень квалификации специалистов, осуществляющих расследование преступлений в сфере компьютерных технологий.

4. Проводить оценку и мониторинг раскрытых и нераскрытых преступлений данной категории.

5. Структурировать и закрепить единую классификацию каждого направления современных преступлений в сфере компьютерных технологий.

6. Проанализировать общую характеристику и индивидуальные признаки преступлений в целях составления пособия по расследованию уголовных дел в области информационно-коммуникационных технологий.

1. Потапов, С.А. Совершенствование расследования и раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации / С.А. Потапов // Соц.-экон. явления и процессы. – 2016. – Т. 11. – № 10. – С. 90–95.

2. Ефремов, К.А. Личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации / К.А. Ефремов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 6. – С. 92–95.

3. Милашев, В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Милашев ; Моск. гос. ун-т им. М.Ю. Ломоносова. – М., 2020. – 22 с.

4. Маилян, А.В. Особенности проведения допроса при расследовании хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа / А.В. Маилян // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3 (15). – С. 78–84.

УДК 343.983.22

А.Н. Матлак

ДЕТАЛЬНЫЙ ОСМОТР ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Осмотр места происшествия является наиболее важным следственным действием, проводимым для обнаружения и первоначального исследования объектов-носителей криминалистически значимой информации.

Детальный осмотр огнестрельного оружия в ходе проведения осмотра места происшествия является основным элементом рабочего этапа указанного следственного действия и преследует следующие цели: осуществление необходимых измерений; обнаружение криминалистически значимой информации, включая следы рук, одежды, крови и т. п., на поверхности оружия; получение детальных фотоснимков оружия; определение конструктивных особенностей оружия (без разборки) с установлением наличия маркировочных обозначений и другой значимой для расследования преступления информации.

Детальный осмотр проводится только после приведения огнестрельного оружия в безопасное для участников следственного действия состояние (разряжание оружия либо разобщение его деталей и механизмов, препятствующее производству выстрела).

Для проведения детального осмотра оружия его кладут на чистую бумагу, обеспечивая при этом достаточную освещенность смотровой поверхности, чтобы исключить утрату любых отделившихся от оружия частиц.

Производство измерений является важным элементом фиксации огнестрельного оружия на месте происшествия, ведь для признания любого объекта вещественным доказательством и использования в дальнейшем по делу, в процессуальном документе (в данном случае в протоколе осмотра места происшествия) должны быть приведены исчерпывающие на первом этапе расследования данные об объекте, впоследствии только уточняющиеся при производстве судебной экспертизы. Для измерений необходимо использовать инструменты, прошедшие ежегодную государственную поверку в установленном законодательством порядке, чтобы исключить в дальнейшем возможные противоречия полученных

результатов с данными экспертных исследований, а также не допустить сомнений со стороны участников уголовного процесса в объективности, проведенных на осмотре места происшествия, действий. Основные размерные параметры, подлежащие фиксации при осмотре оружия, следующие: общая длина оружия и длина ствола, высота оружия, максимальная толщина (ширина), наружный и внутренний диаметр канала ствола у дульного и казенного срезов.

Следующим шагом при детальном осмотре оружия является поиск на его поверхности следов. Данные действия рекомендуется проводить именно после приведения оружия в безопасное состояние, когда появляется объективная возможность доступа ко всем узлам и механизмам оружия, поэтому нельзя согласиться с мнением В.С. Аханова и Б.М. Комаринца, которые отмечают, что поиск криминалистически значимой информации следует осуществлять до разряжения оружия [1, с. 45; 3, с. 44].

Видимые следы рук на поверхности огнестрельного оружия, образованные наслоением крови либо другого вещества, необходимо сфотографировать и изъять с объектом-носителем для дальнейшей работы с ними в лабораторных условиях. Для выявления невидимых следов рук необходимо использовать неразрушающие методы и в первую очередь дактилоскопические порошки. Указанные криминалистические средства не влекут внесения изменений в потожировое вещество с точки зрения его последующей пригодности для генетических исследований. Невидимые следы, выявленные с использованием дактилоскопических порошков, предпочтительно изъять прямо на месте происшествия путем копирования на липкие пленки, чтобы исключить их повреждение и утрату при упаковке и последующей транспортировке вещественного доказательства, а также для возможности оперативной проверки следов по криминалистическим учетам.

Прочие виды следов на оружии, различные по своей природе (волокна, объекты биологического происхождения и пр.), в случае легкого их отделения от поверхности ружья изымаются и помещаются в отдельные упаковки для дальнейшего экспертного исследования.

Все обнаруженные на поверхности оружия следы необходимо сфотографировать по правилам масштабной фотосъемки.

Детальное изучение огнестрельного оружия в ходе его осмотра на месте происшествия включает в себя: осмотр канала ствола; положение ударно-спускового и предохранительного механизмов или деталей, выполняющих их функции (для самодельного оружия); обнаружение маркировочных обозначений и повреждений на поверхности оружия; наличие явных следов ремонта в бытовых условиях; осуществление детальной фотосъемки и т. д.

Осмотр канала ствола необходимо проводить, используя мощный источник света для установления конструкции канала и фиксации в протоколе его состояния – имеются ли нарезки на стенках, кровь, волосы, оружейная смазка и любые загрязнения. Помимо этого требуется осуществить органолептическую пробу на наличие либо отсутствие резкого запаха, характерного для продуктов выстрела, и результаты отразить в протоколе осмотра [1, с. 45; 2, с. 256, 261].

Оценивая конструкцию оружия в целом, необходимо зафиксировать в протоколе осмотра наличие или отсутствие спускового крючка, курка, положение последнего – взведенное или спущенное, положение детали предохранительного механизма (рычага, флажка, кнопки) и сфотографировать. Если в процессе предшествующего детальному осмотру разряжения оружия детали ударно-спускового механизма изменили свое положение – данный факт указывается в протоколе, а первоначальное положение деталей – фотографируется. В протоколе осмотра в обязательном порядке указываются вид системы запирания оружия и ударно-спускового (стреляющего) механизма, реализованные в конструкции объекта изучения.

Параллельно с установлением конструктивных особенностей осуществляется поиск маркировочных обозначений и повреждений на поверхности оружия. Установление маркировочных обозначений (особенно серийного номера) позволит оперативно проверить оружие по учетам огнестрельного оружия, ведущимся органами внутренних дел, что может способствовать быстрому задержанию преступника и раскрытию преступления.

Обнаружение на поверхности деталей оружия повреждений в виде динамических следов (сколы, царапины, сдвиги металла и т. п.), а также расколов полимерных и деревянных деталей могут оказать помощь в выстраивании следователем первоначальных версий, особенно в случае имеющихся предположений о выстреле без нажатия на спусковой крючок, например, в результате падения и удара оружия о твердую поверхность [1, с. 44–45].

Все маркировочные обозначения и имеющиеся повреждения подлежат обязательной фиксации в протоколе и путем фотографирования.

Общепринятым считается мнение, согласно которому в заключительной части осмотра оружия необходимо зафиксировать на дульном срезе ствола колпачок из чистой хлопчатобумажной ткани для предотвращения выпадению из него несгоревших порошинок и других частиц, которые могут впоследствии стать объектами углубленного лабораторного анализа [2, с. 263].

Соблюдение приведенных рекомендаций по детальному осмотру огнестрельного оружия на месте происшествия позволит повысить уровень проводимых следственных действий и качество описания объектов, подлежащих предварительному изучению на первоначальном этапе расследования преступления.

1. Аханов, В.С. Криминалистическая экспертиза : вып. V / В.С. Аханов. – М. : ВШ МООН СССР, 1967. – 178 с.

2. Криминалистическое оружиеведение. Генезис современности / В.Я. Владимиров [и др.]. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. – 526 с.

3. Комаринец, Б.М. Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по стреляным гильзам / Б.М. Комаринец ; отв. ред. В.С. Митричев. – М. : НИИ криминалистики МВД СССР, 1955. – 386 с.

УДК 343.98

А.В. Матюк

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе экспертиза традиционно рассматривается как один из способов получения доказательств по уголовным делам. Однако в контексте противодействия раскрытию и расследованию преступлений такая форма использования специальных знаний выступает достаточно эффективным средством его выявления и преодоления. Кроме этого, в отличие от иных источников доказательств, в частности от показаний свидетелей и иных участников уголовного процесса, заключения эксперта в меньшей степени подвержены оспариванию, в первую очередь со стороны защиты.

Вместе с тем результаты исследований, проведенных российскими учеными-криминалистами, занимающимися проблемой противодействия раскрытию и расследованию преступлений и мерами по его выявлению и преодолению, показывают, что чаще всего «оппонируются» результаты почерковедческой, судебно-медицинской, судебно-психиатрической экспертизы, технического исследования документов, когда исследуются нетрадиционные объекты посредством использования так называемых авторских методик [1, л. 346].

Результаты изучения уголовных дел показывают, что в целях преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь преимущественно назначались следующие экспертизы:

а) по общеуголовным деяниям – видеотехническая, фоноскопическая, психологическая, психиатрическая и иные;

б) по экономическим преступлениям – бухгалтерская, налоговая, финансово-кредитная, инженерно-экономическая, финансово-аналитическая [2, с. 139].

Практика показывает, что значительное количество способов воздействия на электронные, а в отдельных случаях и на материально-отображаемые следы в целях противодействия раскрытию и расследованию преступлений сегодня связано с использованием информационных технологий, позволяющих фальсифицировать аудио- и видеоматериалы. Распространенные в быту, в том числе размещенные в свободном доступе в сети Интернет, программные продукты способны с высокой точностью производить монтаж видеоматериалов, микширование сигналов, используя различные средства манипуляции со звуковой информацией.

В этой связи в разы возросла необходимость в исследованиях, направленных на установление достоверности информации, зафиксированной на материальных носителях. Решение этой задачи возможно путем совершенствования имеющихся и разработки новых методик проведения фоноскопических и видеотехнических исследований, посредством которых выявляются признаки монтажа, стирания и иных изменений информации.

Судебно-психологическая экспертиза. Ее цель заключается в определении способности, в первую очередь свидетелей или потерпевших, воспринимать оказываемое на них со стороны подозреваемых (обвиняемых) или связанных с ними лиц воздействие и давать правдивые показания. Кроме этого судебно-психологическая экспертиза позволяет ответить на вопрос, имеются ли у указанных участников процесса какие-либо особенности, которые могут влиять на восприятие ими определенных обстоятельств. Здесь речь идет об индивидуально-психологических чертах личности, обусловленных влиянием посторонних раздражителей, вызывающих эмоциональное напряжение, состояние растерянности, страх и т. д.

При расследовании преступлений, совершенных группой лиц, судебно-психологическая экспертиза помогает в решении вопросов, связанных с установлением ее структуры. На основе данных о психологических особенностях личности участников возможно установить иерархию преступного формирования и определить в нем роль каждого из членов, выявить уязвимые звенья и выбрать эффективные способы воздействия на менее устойчивых из них.

Производство такой экспертизы, несмотря на вероятностный характер ее выводов, имеет важное значение как для процесса доказывания, так и для преодоления противодействия раскрытию расследованию преступлений, поскольку позволяет избрать соответствующую тактику действий с участниками уголовного процесса, сопоставить полученные выводы с иными собранными по делу доказательствами.

Судебно-психиатрическая экспертиза. Проведение судебно-психиатрической экспертизы в основном связано с фактом совершения лицом общественно опасного деяния. Это позволяет подойти к вопросу использования ее результатов не только как способу определения вменяемости лица в уголовно-правовом контексте, но и как меры преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, особенно в случаях, когда действия его субъектов связаны с симуляцией болезни или отдельных ее симптомов.

В ходе расследования уголовного дела № 16121090986, возбужденного по факту убийства, защитник обвиняемого с целью назначения последнему лечения сообщил следователю о том, что у подзащитного развилось психическое заболевание, предоставив в качестве подтверждения соответствующие документы. С целью опровержения такой информации была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, результаты которой позволили установить симуляцию обвиняемым психического заболевания [3].

Психофизиологическая экспертиза. Цель такого исследования – фиксация у субъектов противодействия раскрытию и расследованию преступлений психофизиологических признаков, свидетельствующих о намерении скрыть свою осведомленность об обстоятельствах преступного события. Такие экспертизы проводятся при наличии неустранимых противоречий в показаниях участников уголовного процесса (несовершеннолетних свидетелей или потерпевших, обвиняемых, подозреваемых), а также в случае противоречия между их показаниями и другими доказательствами по делу – обязательно с использованием полиграфа. Задача эксперта заключается в выявлении у исследуемого лица признаков скрываемой на уровне психофизиологических реакций информации об интересующих орган уголовного преследования событиях.

В случае проведения такой экспертизы в отношении несовершеннолетних потерпевших или свидетелей, подготовка к ней предусматривает их опрос психологом в специальных комнатах, оборудованных системой видеofиксации. Цель их использования – получение для качественного

проведения исследований дополнительных сведений о деталях преступления. Практика показывает, что таким способом можно получить гораздо больше значимой информации, чем в ходе допросов.

По преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности отмечается возрастающая роль в процессе доказывания и преодоления противодействия расследованию судебно-экономических экспертиз. В их числе наиболее востребованы следственной практикой судебно-бухгалтерские, судебно-налоговые, финансово-кредитные исследования.

Достаточно богатый практический опыт имеет судебно-бухгалтерская экспертиза. Ее предметом являются фактические данные (обстоятельства конкретного дела), относящиеся к осуществлению экономической деятельности, по поводу которых возникли вопросы, требующие проведения исследования на основе специальных знаний в области экономической науки и практики.

Кроме того что подозреваемыми (обвиняемыми) по таким видам преступлений принимаются меры к маскировке хищений материальных ценностей и денежных средств под осуществление законных сделок, не редки случаи уничтожения имущества и документации предприятия. Одной из основных задач судебно-бухгалтерской экспертизы в целях преодоления противодействия расследованию является изучение направления расходования конкретных сумм денежных средств. Это принципиально важно для квалификации хищений, легализации преступных доходов, нецелевого использования бюджетных или кредитных ресурсов и т. д. [4, с. 26–27].

Путем проведения судебно-бухгалтерской экспертизы удается выявить факты фальсификации результатов финансово-хозяйственной деятельности, искажения записей бухгалтерского учета, сокрытия сумм недостачи или излишков материальных ценностей и денежных средств, а также предоставления правоохранительным органам недостоверных сведений о финансовом состоянии субъекта хозяйствования, расходовании целевых средств и т. п.

Таким образом, использование в целях преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений такой формы специальных знаний, как судебные экспертизы, безусловно, повышает эффективность работы правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Совершенствование этого направления деятельности возможно за счет разработки новых методик исследования объектов, в первую очередь носителей вербальной доказательственной информации.

1. Тишутина, И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / И.В. Тишутина. – М., 2013. – 488 л.

2. Матюк, А.В. Взаимодействие правоохранительных органов Республики Беларусь в преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений против порядка осуществления экономической деятельности / А.В. Матюк // Аграр. и земел. право. – 2019. – № 4. – С. 136–140.

3. Архив суда Центрального района г. Минска за 2016 год. – Уголов. дело № 16121090986. – Арх. № 1-549/16.

4. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе : учеб. пособие для вузов / под ред. Э.Ф. Мусина. – М. : Юрайт, 2017. – 273 с.

УДК 343.98

Г.Ю. Миронов

ПРОБЛЕМЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КРАЖИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Развитие общественных отношений, переход их на новый, более современный, необходимый и отвечающий требованиям прогрессирующего общества, уровень, приводит к появлению новых форм частной собственности, например, таких как интеллектуальная собственность.

Появляются новые технологии, большинство из которых в настоящее время находится на таком надежном устройстве, как электронный носитель. Причем он может быть совершенно разным и, порой, настолько непохожим на исходный, проверенный вариант, как компьютер, что понять его работу невероятно трудно. Многие ученые, технологи, программисты и профессора, рассматривая современный мир через призму информационного общества, многократно уверялись в необходимости надежной защиты информации, содержащейся в сети Интернет. Именно в этом и заключается основная проблема – защита сети от кражи.

Известно множество случаев, когда система защиты, считавшейся самой верной, практичной и устойчивой, давала сбои или же хакеры, преступники в сфере компьютерных технологий, находили определенный код доступа, что позволяло им достать некогда засекреченную информацию. Так, в сентябре 2021 г. стало известно, что хакеры взломали компьютерную сеть ООН. После чего с сети Организации Объединенных Наций была похищена ценная информация, которая может быть использована в дальнейшем для атак ведомства в составе НАТО (<https://www.securitylab.ru/news/524272.php>). И это далеко не единственный случай взлома сети как

коммерческих, так и государственных организаций, в результате которых были понесены колоссальных размеров убытки, возместить которые, порой, преступнику не представляется возможным.

Современное состояние преступности в сфере информационных и компьютерных технологий свидетельствует о непрекращаемом росте правонарушений в данной сфере. Сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие непосредственную охрану прав частной, интеллектуальной и информационной собственности, порой не справляются с поставленной задачей. Несоответствие необходимым требованиям обусловливается неэффективностью расследования преступления в сфере информационной безопасности сотрудниками органов внутренних дел. Именно поэтому многие криминалисты, ученые и другие представители органов внутренних дел настаивают на разработке и введении определенной новой комплексной и полноценной методики расследования преступлений в сфере информационной безопасности.

Следует отметить, что правонарушители в своих противоправных действиях используют различные новые способы и средства, которые позволяют им наиболее незаметно совершать кражи компьютерной информации, мошенничество в сети Интернет и др. Именно поэтому российское законодательство максимально дифференцирует подход к определению уголовной ответственности за киберпреступления. Так, основные положения, в которых говорится об уголовной ответственности, содержатся в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.). Однако принятие подобных мер вызвало у многих правоприменителей возмущение.

При расследовании преступлений в сфере краж компьютерной информации сотрудники правоохранительных органов должны квалифицировать преступные деяния, а это означает, что сотрудники должны обладать специальными знаниями для более точного применения той или иной нормы права. Существует также множество нюансов, которые следует учитывать при проведении расследования. Например, изъятие носителя – особая процедура, которая является необходимой для дальнейшего расследования информационных преступлений. Но изъятие носителя должно проходить строго в соответствии с регламентом, который предусматривается в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 7 октября 2022 г.).

После возникает необходимость в проведении информационных и технологических экспертиз. Еще одной проблематичной особенностью расследования преступлений в подобной сфере является то, что чаще

всего кодификаторы уничтожают, зашифровывают программы, файлы, документы и другие носители информации, что ведет к потере улик.

Следователь при осмотре места происшествия должен быть предельно аккуратен, чтобы не навредить технике, ее работоспособности. Поэтому необходимо создание специальных инструкций, которые позволят эффективно разбираться в особенностях данного вида преступлений и дадут криминалистический анализ деяний. Таким образом, российским криминалистам еще предстоит подробно изучить киберпространство, разработать эффективные тактические подходы к выявлению и расследованию киберпреступлений, которые в условиях глобального масштабирования более чем актуальны.

Актуальность преступлений информационного характера обуславливается сразу несколькими факторами. Популярность глобальной компьютерной сети Интернет, простота в использовании, анонимность – один из самых простых и желанных способов незаконного заработка для преступников. Частные компании нередко пренебрегают покупкой дорогих устройств, защищающих информацию от третьих лиц, результатом чего нередко являются денежные потери и «утечка» информации. Единичные киберпреступления преобразовались всего лишь за несколько лет в транснациональную киберпреступность.

Еще одной проблемой при расследовании преступлений в сфере кражи компьютерной информации стало то, что нет определенного закрепления понятия «киберпреступность» в законодательстве или же на международном уровне. Это вызвано постоянно изменяющимися способами совершения преступления, что затрудняет квалификацию преступных деяний. Так, В.А. Дуленко (учебное пособие «Использование высоких технологий криминальной средой. Борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации», 2007), Р.Р. Мамлеев, В.А. Пестриков считают, что «киберпреступность» – это любое преступление, совершенное с помощью компьютерной сети, т. е. любое преступление, совершенное в электронной среде.

Раскрываемость преступлений в сфере компьютерной кражи на данный момент в России довольно низкая. Основной причиной такого показателя является неспособность правоохранительных органов качественно раскрыть преступления. Одним из факторов этой проблемы является то, что сотрудники органов внутренних дел с такими преступлениями встречаются очень редко, поэтому опыт работы практически отсутствует, либо полученных практических знаний оказывается недостаточно. В связи с этим разработка определенного плана расследования таких преступлений – необходимость.

О СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ПОТЕРПЕВШЕМ

В криминалистической науке взаимосвязь потерпевшего и подозреваемого при расследовании преступлений рассматривалась задолго до возникновения научно обоснованных данных в качестве направления для установления обстоятельств совершения преступления. Так, Г. Гросс отмечал, что «следователь не должен стесняться ни хорошей репутацией, ни положением «потерпевшего» в обществе, ни удачной обстановкой происшествия, ни вообще подобными условиями. В этих случаях важно не столько изобличение лживости жалобы, сколько ограждение невиновных, на которых может пасть подозрение благодаря таким недостойным проделкам» [1, с. 33]. Подобная позиция основоположника криминалистики является ярким свидетельством того, что он выступал за всестороннее изучение потерпевшего, в том числе, и при приеме заявлений о совершении преступлений, анализ которых позволяет получить представление о содержащихся в них сведениях (оценить их на предмет достоверности).

В криминалистической литературе длительное время внимание акцентировалось на таких аспектах личности потерпевшего, как его поведение, установление взаимосвязи с другими участниками преступления [2, с. 16–17], что и в настоящее время достаточно активно используется как при характеристике участников уголовного судопроизводства при расследовании конкретных преступлений, так и при формировании частных криминалистических учений, в том числе, и учения о жертве преступления.

Развивая данные постулаты, Е.Е. Центров полагает, что: «Криминалистическое учение о жертве преступления – это опирающаяся на положения уголовного и уголовно-процессуального закона динамическая система криминалистических теоретических построений и фактических знаний о жертве преступления, ее криминалистически значимых особенностях личности, поведения, связей, взаимодействия и взаимоотношений с лицом, совершившим преступление, и другими лицами и объектами, имеющая целью разработку и совершенствование технических средств, тактических приемов расследования и предупреждения преступлений» [3, с. 46]. В рассматриваемом определении автором

употреблен термин «жертва» преступления. Это во многом объясняется тем, что процедура признания лица потерпевшим обусловлена процессуальными особенностями, в том числе и возбуждением уголовного дела, тогда как термин «жертва» не требует соблюдения данной процедуры. Кроме того, если в результате совершения преступления наступила смерть человека, то «потерпевшим» от преступления является труп. В данной ситуации логично употреблять термин «жертва». Исходя из анализа определения, предложенного Е.Е. Центровым, можно сделать вывод, что структура криминалистического учения о жертве представлена в нем следующими элементами: 1) жертва преступления; 2) криминалистически значимые: 2.1. особенности: а) личности жертвы; б) ее поведения; 2.2. связи, взаимодействия, взаимоотношения: а) с лицом, совершившим преступление; б) с другими лицами; в) с объектами.

В.И. Шиканов определял предмет криминалистической виктимологии посредством «взаимосвязи, взаимозависимости, которые закономерно возникают между преступником и его жертвой (потерпевшим) и проявляют себя вовне, обуславливая генезис и последующую динамику правонарушения, а также действия, направленные на сокрытие преступления и его следов» [4, с. 76]. Таким образом, В.И. Шиканов в структуру криминалистической виктимологии включал: 1) взаимосвязи и взаимозависимости между преступником и жертвой (потерпевшим); 2) закономерности между ними; 3) их проявления вовне; 4) действия, направленные на сокрытие преступления и его следов. Определяющее значение при этом имеют закономерности взаимосвязей и взаимозависимостей между преступником и его жертвой.

Анализ данных определений позволяет сделать вывод, что авторы: 1) фактически отождествляют жертву и потерпевшего, и не проводят разграничений в криминалистическом аспекте между ними; 2) подчеркивают наличие взаимодействия, взаимосвязи между жертвой (потерпевшим); 3) отмечают отражение взаимодействия, взаимосвязи вовне; 4) предпринимают попытки структурирования учения о потерпевшем (жертве); 5) выделяют динамический характер данной системы. Эти понятия вносят существенный вклад в развитие криминалистического учения о потерпевшем и принципиально сходны по своей сути. Вместе с тем, отметим, что понятие, сформулированное Е.Е. Центровым, более точно отражает сущность частного криминалистического учения, включая в себя общие положения и детально структурированные частные положения криминалистического учения о жертве.

Изучая проблемы криминалистической виктимологии, Н.Е. Шинкевич детализирует структуру предмета криминалистической викти-

мологии, выделяя, наряду с обозначенными выше, конкретные характеристики жертв преступлений; влияние ситуационного фактора на взаимодействие потерпевшего с преступником; классификацию «жертв (потерпевших) применительно к отдельным видам (группам) преступлений в зависимости от их роли в событии преступления и особенностей поведения на стадии предварительного расследования и в суде; труп как источник информации о личности потерпевшего; возможности, способы возмещения причиненного преступлением вреда, в том числе физической и психологической реабилитации жертвы (потерпевшего)» [5, л. 49–50].

Анализ данной структуры позволяет сделать вывод, что в ней нарушены основополагающие подходы к формированию предмета учения, в качестве которых прежде всего необходимо рассматривать закономерности какого-либо процесса, явления. Кроме того, труп как источник информации о личности потерпевшего, на наш взгляд, нецелесообразно выделять в качестве самостоятельного объекта изучения, отделяя его фактически от потерпевшего. Живой человек и труп это два состояния тела человека. Кроме того, вопросы возмещения вреда выходят за пределы уголовного судопроизводства и регламентируются нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, поэтому полагаем, что включать их в систему криминалистического учения о потерпевшем не вполне обоснованно.

Помимо этого перечисление в понятии предмета криминалистической виктимологии элементов структуры, на наш взгляд, перегружает терминологически определение понятия, поэтому необходимо использовать общие положения, исходящие из предмета криминалистики, и закономерно связанные с объектом исследования криминалистической виктимологии.

В этой связи, полагаем, что предметом криминалистической виктимологии являются закономерности формирования свойств и состояний жертвы преступления, возникновения информации о них, и основанные на данных закономерностях средства, приемы и методы собирания, исследования, оценки и использования данной информации в целях выявления, расследования и предупреждения преступлений.

Объект криминалистической виктимологии двуедин и включает в себя, во-первых, жертву преступления (его свойства и состояния) и, во-вторых, деятельность уполномоченных органов по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации о жертве преступления (его свойствах и состояниях) в целях выявления, расследования и предупреждения преступлений.

Цель криминалистической виктимологии заключается в познании сущности закономерностей возникновения информации о жертве и закономерностей деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию полученной информации о ней, разработка на их основе теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на эффективную организацию и осуществление деятельности по установлению жертвы преступления.

Основные задачи криминалистической виктимологии предопределены ее целью. В качестве задач можно выделить:

1) познание сущности закономерностей возникновения информации о свойствах и состояниях жертвы преступления, которые базируются на научных положениях теории отражения и проявляются в следах (материальных, идеальных, виртуальных);

2) изучение закономерностей деятельности уполномоченных органов по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации в соответствии с типологизацией жертв преступлений;

3) разработка системы теоретических и практико-ориентированных положений, направленных на эффективную организацию и осуществление деятельности по установлению жертвы, характера взаимоотношений между ней и иными участниками преступного события, поведения жертвы до, в момент и после совершенного преступного деяния;

4) рассмотрение видов воздействия на жертву преступления со стороны заинтересованных лиц, формы противодействия расследованию, оказываемые жертвами преступлений.

Структуризация накопленных знаний, в том числе и криминалистических, обусловлена объективными предпосылками и носит методологический характер. Структура связана с определением логически связанных между собой компонентов, которые образуют ее содержание. Структурно криминалистическая виктимология может быть представлена общими положениями криминалистической виктимологии (исторические аспекты формирования криминалистической виктимологии; понятие, объект, предмет криминалистической виктимологии; понятие жертвы преступления, их типологизация; структура криминалистической виктимологии и ее место в системе криминалистики; цели, задачи, функции криминалистической виктимологии; методологические основы криминалистической виктимологии, связь криминалистической виктимологии с другими науками, частными криминалистическими учениями) и частными положениями криминалистической виктимологии (источники криминалистически значимой информации о жертве; методы и средства изучения; направления использования полученной информации в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений и др.).

1. Гросс, Г. Руководство для следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1046 с.

2. Мудьюгин, Г.Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего / Г.Н. Мудьюгин. – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1967. – 138 с.

3. Центров, Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем / Е.Е. Центров. – М. : МГУ, 1988. – 159 с.

4. Шиканов, В.И. О криминалистической виктимологии / В.И. Шиканов // Виктимология и профилактика правонарушений : сб. науч. тр. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1979. – С. 75–83.

5. Шинкевич, Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Е. Шинкевич. – Смоленск, 2004. – 237 л.

УДК 343.98

И.А. Мороз, В. Чжу

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Криминалистические технологии требуют постоянного обновления. Внедрение в криминалистическую практику достижений научно-технического прогресса представляет перманентную задачу для правоохранительных органов. В этой связи для государственных органов, осуществляющих предварительное следствие, дознание, судебно-экспертную деятельность, большое значение имеет научно-аналитическое сопровождение. В организационном плане такое сопровождение обычно осуществляется специализированными научными организациями, подразделениями или научно-консультативными советами – так называемыми мозговыми центрами. Органы предварительного следствия, дознания и судебной экспертизы в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике (КНР) не обходятся без собственных мозговых центров.

Наиболее ярко потребность в создании мозговых центров для решения задач технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений проявилась на рубеже XX–XXI вв., когда оказалось, что в экспертных подразделениях не оказалось специалистов, способных

на необходимом уровне работать с новейшими компьютерными системами. В этой связи В.А. Вольтинский полагал необходимым разделить экспертно-криминалистическую службу на собственно экспертную и научно-техническую, которая, в свою очередь, должна обеспечивать решение всех практических задач с использованием современных достижений науки и техники в раскрытии преступлений (кроме экспертизы) [1, с. 53–54]. При этом не ясно, каким образом новая служба справится с задачей, с которой оказались не способны справиться действующие экспертные подразделения. Очевидно, что исследование роли мозговых центров в научно-аналитическом сопровождении технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений является перспективным направлением исследований в криминалистике.

Термин «технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений» (ТКОРП) имеет различные определения, но наиболее полным и емким применительно к научно-аналитическому сопровождению деятельности правоохранительных органов является определение, данное В.А. Вольтинским: деятельность, направленная на решение организационных, правовых, научно-методических и сугубо технических проблем использования криминалистической техники в раскрытии и расследовании преступлений [2, с. 30]. В составе ТКОРП криминалистикой рассматриваются такие аспекты, как криминалистическая наука, криминалистическое образование, организация работы органов предварительного расследования, дознания и судебной экспертизы по применению технико-криминалистических средств, уголовно-процессуальные аспекты использования технико-криминалистических средств при расследовании преступлений.

Потребность в ТКОРП испытывают подразделения Государственного комитета судебных экспертиз, Следственного комитета, Комитета государственной безопасности, Государственного таможенного комитета, Государственного пограничного комитета Республики Беларусь. В КНР расследование преступлений осуществляется органами Министерства общественной безопасности, в структуре которого имеется центр исследования вещественных доказательств и его региональные судебно-экспертные подразделения. На эти подразделения приходится основной объем работы по применению технико-криминалистических средств.

Научно-аналитическое сопровождение деятельности государственных органов возникло одновременно с возникновением государства. Советники из числа ученых оказывали помощь правящим кругам в эпоху существования древних цивилизаций Месопотамии, Египта, Греции Рима. Со временем появилось понятие «мозговой центр», которое вве-

дено в оборот в конце 1940-х гг. и означает организацию, специализирующуюся на научно-аналитическом сопровождении деятельности государственных органов [3, с. 7–14].

Выделяют три типа центров: официальные (государственные), полуофициальные (академические) и частные (независимые) [4, с. 141–142]. Исследователь справедливо указывает на то, что независимость частных мозговых центров представляется условной [3, с. 24]. Их независимость является, скорее, маркетинговым ходом, указывающим на то, что они призваны формировать общественное мнение, опираясь на свой «независимый» от государства статус и вызывая тем самым доверие. Частные (независимые) мозговые центры нередко используются для лоббирования интересов отдельных корпораций, государственных структур или политических сил. Подобный тип мозговых центров не характерен для научно-аналитического сопровождения правоохранительных органов. В КНР и Республике Беларусь нами не выявлены мозговые центры данного типа, которые специализировались бы на ТКОРП.

К полуофициальным (академическим) центрам относятся научно-исследовательские центры, академические институты, кафедры учреждений высшего образования (не находящиеся в подчинении правоохранительных органов), которые участвуют в подготовке аналитических материалов, в разработке стратегий и долгосрочных программ. Нам представляется, что к такому типу мозговых центров следовало бы отнести и консультативные советы по образцу японского «сингикай». Сингикай – общественно-консультативный совет, в который включаются представители разных социальных групп и интересов. В Японии сингикай осуществляют исследования и готовят отчеты с предложениями по тем или иным вопросам. Считается, что данная структура гарантирует объективность решений [3, с. 17–18], что важно, например, в случае выработки планов технического оснащения подразделений криминалистической техникой. Данная форма работы не нова. В практике работы правоохранительных органов КНР и Республики Беларусь такие типы научно-аналитических центров используются. Известно, что научно-консультативные (научно-методические) советы функционируют при Следственном комитете, Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь, Министерстве общественной безопасности КНР. Они ограничены в возможностях подготовки решений, но обеспечивают высокий уровень их объективности и обоснованности.

Государственные мозговые центры представлены ведомственными и иными научными (исследовательскими, аналитическими) центрами (институтами, академиями). Их главное предназначение – поиск решения на-

учными инструментами. Как правило, научные исследования нуждаются в особой системе управления, финансирования, валидации полученных результатов. Ярко выраженная тенденция создания подобных учреждений в системе правоохранительных органов указывает на постоянную потребность в них. Последним примером указанной тенденции является образование в 2020 г. Института повышения квалификации и переподготовки кадров Следственного комитета Республики Беларусь, к основным функциям которого отнесено также и научное сопровождение следственной работы. Примечательно, что в качестве первоочередного научного проекта заявлен проект в области ТКОРП [5, с. 75].

В связи с объективной невозможностью сконцентрировать в ведомственном научном учреждении научно-производственную базу и специалистов во всех областях науки и техники широко практикуется выполнение совместных проектов с участием иных научных учреждений.

Обычно считается, что государственные органы выступают заказчиками научных исследований по актуальным проблемам. Однако взаимодействие заказчика и исполнителя напоминает взаимодействие судьи и судебного эксперта. Отсутствие специальных знаний у заказчика создает препятствия для эффективной постановки задачи и оценки полученных результатов. В этой связи образование Государственного комитета судебных экспертиз является примером эффективного решения указанной проблемы, так как данная система государственных органов располагает специалистами почти во всех областях науки и техники. Только за счет этого заметно повысился качественный уровень участия заказчика в подготовке и оценке результативности научных исследований по профилю судебной экспертизы. В системе Министерства общественной безопасности КНР центр исследования вещественных доказательств также обладает специалистами разного профиля, что позволяет использовать их во взаимодействии с исполнителем научных исследований.

Посредством использования метода контент-анализа публикаций китайских и белорусских ученых-криминалистов установлено, что на современном этапе органы предварительного следствия, как Республики Беларусь, так и КНР, в первую очередь заинтересованы в цифровизации криминалистических технологий. Это позволяет формировать ведомственные мозговые центры, ограничиваясь в основном учеными-специалистами в области криминалистики (юристы) и информационных технологий (инженеры-программисты).

Представляется интересным также опыт ведомственного правового регулирования порядка разработки, апробации и внедрения методик экспертного исследования в системе Государственного комитета судебных

экспертиз Республики Беларусь. Он отражает современные представления об этапах и условиях научно-аналитического сопровождения технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений.

В целом следует считать правильным вывод о том, что роль мозговых центров в ТКОРП изучена недостаточно. Предлагается признать актуальными исследования в данном направлении в рамках развития учения о ТКОРП.

1. Волынский, В.А. Технично-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений / В.А. Волынский. – М. : ВНИИ МВД РФ, 1994. – 79 с.

2. Волынский, В.А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники: исторический, гносеологический и социальный аспекты проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Волынский ; Юрид. ин-т МВД России. – М., 2001. – 40 с.

3. Кітайскі вопыт экспертна-аналітычнага суправаджэння дзейнасці органаў дзяржаўнага кіравання / Д.В. Прымышыц [і інш.] ; навук. рэд. С.Р. Голубеў; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т эканомікі. – Мінск : Беларус. навука, 2020. – 269 с.

4. Примшиц, Д.В. «Мозговые центры» как инструмент экспертно-аналитического обеспечения органов государственного управления: опыт Китая – в интересах Беларуси / Д.В. Примшиц // Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза : материалы Второго белорус.-кит. гуманитар. науч. форума (15–17 июня 2017 г., г. Минск) / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2017. – С. 139–149.

5. Сосновский, А.А. Институт Следственного комитета Республики Беларусь как научный и образовательный центр подготовки профессиональных следственных кадров / А.А. Сосновский, М.П. Шруб // Следственная деятельность : сб. науч. тр. / Ин-т повышения и переподготовки Следств. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Вып. 1. – С. 67–77.

УДК 004.9:343.98

А.Э. Набатова, Е.Ю. Горошко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ЦИФРОВОГО МИРА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В динамике преступности последних лет происходят глобальные изменения, обусловленные научно-техническим прогрессом, развитием цифровых технологий. Именно разработки в области IT-сферы активно используются преступниками, что обуславливает серьезные

трансформации в традиционном понимании таких криминалистических категорий, как время, место, способ, орудия, средства совершения преступления и т. д. Если отталкиваться от количественных показателей зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь, то наблюдаются следующие тенденции. В 2020 г. было зарегистрировано 95 478 преступлений, в 2021 г. – 87 696, за I полугодие 2022 г. – 42 667 преступлений [1, 2]. Количество же преступлений в сфере информационных технологий в 2020 г. составило 25 571, в 2021 г. – 15 503, за I квартал 2022 г. – 2 833 [3].

Помимо количественных показателей преступности, общей тенденцией является то, что все больше преступлений совершается с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, причем последний в некоторых случаях выступает как место, средство, орудие совершения преступлений при разжигании расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, реабилитации нацизма, экстремизме, склонении к самоубийству, развратных действиях, понуждении к действиям сексуального характера, клевете, незаконных действиях в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, хищении, путем модификации компьютерной информации, массовых беспорядках, заведомо ложном сообщении об опасности, пропаганде или публичном демонстрировании, изготовлении, распространении нацистской символики или атрибутики, изготовлении и распространении порнографических материалов или предметов порнографического характера, в том числе с участием несовершеннолетних, и т. д. Значительное распространение получили преступления, посягающие на компьютерную безопасность и связанные с модификацией компьютерной информации (ст. 349, 350, 352 УК), разработкой вредоносных и иных программ, используемых в преступных целях (ст. 354 УК), нарушением правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК).

Таким образом, можно утверждать, что преступления в информационной сфере заняли прочное место в динамике преступности, что неизбежно влечет пересмотр методических и тактических подходов к расследованию преступлений, разработку новых средств, методов и технологий в области криминалистической техники, тактике и методике. Как представляется, цифровая трансформация преступности требует от науки и практики активного применения технологий цифрового мира, их адаптации для нужд правоохранительной деятельности. На наш взгляд, наиболее перспективными для использования в за-

явленном контексте являются следующие из них: 1) большие данные; 2) искусственный интеллект.

Итак, большие данные (big data – англ.) – информационная технология цифрового мира, сформировавшаяся в конце 2000-х гг. как альтернатива традиционной система управления базами данных. В противодействии преступности она наиболее активно применяется в США, Великобритании, Германии, Нидерландах, Японии. Одним из лидеров в применении больших данных для нужд правоохранительной деятельности является Китай.

Большие данные – это серия подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов, эффективных в условиях непрерывного прироста, распределения по многочисленным узлам вычислительной сети. Говоря о больших данных в широком смысле, можно констатировать появление технологической возможности анализировать информацию в определенных проблемных областях в мировых масштабах данных для определенных целей (например, экология, экономика, национальная безопасность и т. д.). Характеризуя большие данные, выделяют «три V»: объем (volume – англ.) – величина физического объема данных; скорость (velocity – англ.) прироста данных, а также высокоскоростная обработка данных и получение результатов; многообразие (variety – англ.) – возможность одновременной обработки структурированных, полуструктурированных и неструктурированных данных.

Источниками больших данных выступают: социальные данные, генерируемые людьми в социальных сетях, глобальной компьютерной сети Интернет («Интернет вещей», «Бодинет»); GPS-данные о перемещениях; статистика о рождаемости, смертности, уровне жизни; иная информация, отражающая показатели жизни людей; сведения о банковских транзакциях; логистическая информация; веб мобильных приложений; данные систем слежения и информация, получаемая со спутников. В настоящее время разработан обширный инструментарий для обработки больших данных от интеллектуального анализа до искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – еще одна технология цифрового мира, получившая свое развитие с 2016 г., применяемая, в том числе, для реализации правоохранительной функции. Наиболее показательным является пример Китая, где данная технология используется в деятельности полиции, судов при отправлении уголовного правосудия [4]. США,

Великобритания, ОАЭ, Индия, Франция, Швеция, Россия, Беларусь не являются исключением (например, системы искусственного интеллекта используются в интеллектуальных системах наблюдения указанных стран при обеспечении безопасности в аэропортах, метро, пунктах пересечения государственной границы, на объектах с массовым пребыванием людей и т. д.).

Основа искусственного интеллекта – искусственная нейронная сеть – распределенный параллельный процессор, состоящий из элементарных единиц обработки информации, накапливающих экспериментальные знания и предоставляющий их для последующей обработки. Искусственная нейронная сеть – это математическая модель нервной системы человека и состоит из искусственных нейронов. Она функционирует по принципам, сходным с работой мозга. Информация, сведения поступают в искусственную нейронную сеть из окружающей среды (например, из больших данных), на основе которых происходит обучение сети, формируется память, накапливается опыт (данное свойство применяется в робототехнике). Таким образом, искусственная нейронная сеть проходит два этапа в своем жизненном цикле, благодаря чему формируется искусственный интеллект. Первый этап сопряжен с обучением – сеть учится выполнять задачи, для решения которых она была создана (например, распознавание лиц, речи, походки и т. д.). Второй этап – функционирование – сеть используется для выполнения задач и представляет результаты своей деятельности, при этом продолжая формировать память, накапливать опыт.

Описанная выше технология – это так называемый слабый искусственный интеллект, на основе которого создаются полностью автоматизированные системы, развивающиеся в последнее время очень интенсивно. «Слабый» искусственный интеллект не заменяет человека, а решает конкретные задачи, связанные с распознаванием, с установлением взаимосвязей на основе матричных и статистических методов и т. п. Однако специалисты в области IT-технологий стремятся к разработке универсального, «сильного» искусственного интеллекта, способного заменить человека. В настоящее время такая возможность исследуется, и перспективы создания «сильного» искусственного интеллекта не совсем ясны, так как возможности человеческого мозга с его огромным количеством нейронов и связей между ними не до конца изучены с научной точки зрения.

Подводя итог, отметим:

1. Как представляется, технология больших данных имеет серьезные перспективы применения в рамках криминалистической регистрации.

Есть все основания для рассмотрения вопроса об интеграции учетов Информационного центра Министерства внутренних дел, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и других ведомств в единую систему, позволяющую осуществлять интеллектуальный анализ разрозненной информации по запросу в процессе раскрытия и расследования преступлений.

2. Большие данные в совокупности с искусственным интеллектом способны усилить, с технологических позиций, методологию учения о криминалистической идентификации, криминалистическую трасологию, дактилоскопию, криминалистическую габитоскопию в части развития комплексных цифровых систем, способных в режиме реального времени проводить идентификацию граждан по биометрическим данным (отпечаткам пальцев и ладоней рук, изображениям лиц и радужной оболочки глаза, татуировкам, шрамам, голосу, походке и др.) или прогнозировать их поведение.

3. Указанные технологии могут быть успешно применены в рамках криминалистической тактики и методики и вывести на новый технологический уровень: планирование расследования; принятие управленческих решений; выдвижение и проверку версий; разработку профилактических, предупредительных мер и их реализации в целях предупреждения преступности; прогнозирование и разрешение следственных ситуаций; проведение следственных действий, путем анализа их результатов и устранения противоречий, в том числе по многоэпизодным уголовным делам; оценку достаточности собранных доказательств для предъявления обвинения и последующего расследования уголовного дела и т. д.

1. Численность лиц, совершивших преступления [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066>. – Дата доступа: 10.11.2022.

2. Количество зарегистрированных преступлений за I полугодие 2022 г. [Электронный ресурс] // МВД. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/statistika>. – Дата доступа: 10.11.2022.

3. Число киберпреступлений снизилось почти вдвое. Заместитель председателя СК о тенденциях в области IT-преступлений [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/chislo-kiberprestuplenij-snizilos-pochti-vdvoe-zampred-sk-o-tendentsijah-v-oblasti-it-prestuplenij-496880-2022/>. – Дата доступа: 10.11.2022.

4. Трошинский, П.В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования / П.В. Трошинский // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1 (11).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА ДЛЯ УЧАСТИЯ В ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Повышение эффективности противодействия преступности остается важной задачей правоохранительных органов в Республике Беларусь. Данное повышение эффективности предполагает совершенствование многих направлений в борьбе с преступностью: процессуальной стороны, методического обеспечения, организационных основ, подготовки и повышения квалификации кадров, совершенствование научно-технических средств и методов, преодоление правового нигилизма и др.

Одним из направлений совершенствования борьбы с преступностью является повышение эффективности взаимодействия отдельных субъектов, деятельность которых оказывает значительное влияние на раскрытие и расследование преступления. Данными субъектами являются следователь (представитель органа дознания), сотрудник оперативно-розыскного подразделения и специалист.

Общепризнанным является мнение, что следователь, сотрудник оперативно-розыскного подразделения и специалист составляют основу следственно-оперативной группы. Данное «трио» выезжает на осмотр места происшествия, проводит иные неотложные следственные действия, принимает меры к установлению лица, совершившего преступление, и т. д. В целом задачи следственно-оперативной группы весьма обширны. Однако действующее законодательство предусматривает, что следственно-оперативная группа состоит из следователя и сотрудника органа внутренних дел, а при необходимости в состав могут привлекаться представители иных правоохранительных или государственных органов [1]. Чаще всего под данную категорию попадает сотрудник Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), который играет роль специалиста на месте происшествия.

Привлечение сотрудника ГКСЭ для участия в проведении осмотра места происшествия и иных следственных действий является достаточно распространенной практикой и, несмотря на повышенное внимание к данной форме взаимодействия со стороны ученых и практических работников, рассматривается как нечто естественное, утвержденное, сложившееся и не требующее пояснений. Чего не скажешь о привлечении к участию в следственных действиях специалиста, не являющегося представителем правоохранительных органов.

Проведенный опрос сотрудников и работников следственных органов показывает, что почти каждое уголовное дело содержит результаты использования специальных знаний, реализованные в той или иной форме, начиная от участия специалиста в следственных действиях и заканчивая применением криминалистических учетов. Однако практика привлечения в качестве специалиста работников иных государственных органов, не относящихся к правоохранительной сфере, весьма скудна. В частности, лишь около 10 % опрошенных следователей привлекали для участия в осмотре места происшествия в качестве специалиста работников иных органов, министерств и ведомств, кроме ГКСЭ. При этом данные работники привлекались исключительно с целью оказания помощи в описании объектов, механизмов, процессов и т. д. Оказываемая ими помощь не была связана с задачей по поиску и изъятию следов, установлению лица, совершившего преступление, либо отдельных обстоятельств происшедшего.

Практика проведения осмотра места происшествия показывает, что привлечение специалиста не из числа сотрудников ГКСЭ не проводится в нерабочее или вечернее время, выходные или праздничные дни. Следователю гораздо проще и быстрее составить протокол, используя при этом свои собственные знания либо знания иных участников следственного действия. Объясняется это достаточно просто: с момента возникновения потребности в специалисте до момента его прибытия может пройти значительное время, что не позволяет следователю провести осмотр в кратчайшие сроки. Принимая во внимание тот факт, что присутствие такого специалиста необходимо лишь для оказания помощи в фиксации обстановки места происшествия, его присутствие отвергается следователем даже на первоначальном этапе осмотра.

Само лицо, специальные знания которого требуются следователю для проведения следственного действия, не всегда осознает данную потребность. Оказание помощи следственно-оперативной группе не входит в приоритетные обязанности гражданина. Гораздо легче отказаться от такого участия, мотивировав это отсутствием соответствующей компетенции, недостаточным уровнем специальных знаний, необходимых следователю.

До конца нерешенным остается вопрос о моменте возникновения у гражданина статуса «специалист». Часть ученых полагают, что такой процессуальный статус возникает с момента ознакомления лица с его правами и обязанностями, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. С другой стороны, согласно п. 1 ч. 2 ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь,

специалист имеет право знать цель своего вызова, т. е. специалистом лицо становится в момент сообщения ему цели его присутствия при проведении следственного действия. В ряде случаев изложение потенциальному «специалисту» цели и необходимости его присутствия сопровождается разъяснением отдельных обстоятельств произошедшего, что может противоречить политике государства, направленной на защиту персональных данных участников расследуемых событий, тайны следствия, недопущение распространения иной информации. Безусловно, п. 8 ч. 3 ст. 62 УПК Республики Беларусь запрещает специалисту разглашать сведения, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, однако данное требование не может применяться в случае проведения осмотра места происшествия на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку на тот момент речь об уголовном деле не идет.

Немаловажное значение имеет возможность специалиста отказаться от участия в проведении следственного действия, если не обладает специальными знаниями или навыками. В данном случае не совсем понятно, кто решает, обладает ли лицо специальными знаниями и навыками или нет? Следователь или само лицо? Данный вопрос также требует разъяснения.

Особое внимание следует уделить процессуальной фиксации участия специалиста в осмотре места происшествия. Если специалистом является сотрудник ГКСЭ, об этом есть соответствующая запись в протоколе осмотра, где ему также разъясняются права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Если специалистом является сотрудник (работник) иного государственного органа, запись о его участии в качестве специалиста, как правило, отсутствует. В лучшем случае, данное лицо указывается как «присутствующий», а его функции и работа на месте происшествия никак не зафиксированы. Нередко деятельность такого специалиста расценивается как консультирование, поэтому запись о его участии в осмотре места происшествия может вовсе отсутствовать в связи с тем, что получение консультации может иметь как письменную, так и устную форму.

Перечисленные нами актуальные вопросы привлечения к участию в проведении осмотра места происшествия специалиста носят далеко не исчерпывающий характер. Принимая во внимание распространенную практику привлечения лица, обладающего специальными знаниями, к расследованию уголовного дела, можно предположить, что когда-либо правоохранительная система столкнется с необходимостью пересмо-

тра уголовно-процессуальных, организационных и тактических основ участия данного лица. Именно поэтому считаем необходимым обратить внимание на данную сферу уже сегодня.

1. Инструкция о порядке взаимодействия подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь при выявлении (раскрытии) преступлений, утвержденная приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 3 января 2018 г. № 1.

УДК 343.985.7

Э.Д. Нугаева, З.И. Харисова

О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ «АКПД ДИСТАНТ»

В период всеобщей трансформации мирового сообщества в цифровое пространство все больше преобладают информационно-телекоммуникационные технологии, развивающиеся настолько стремительно, что в ряде случаев правоохранительные органы сталкиваются с проблемами в раскрытии профессионально организованных киберпреступлений. Развитие электронных систем платежей, повсеместное использование криптовалют, массовое внедрение умных устройств в жизнь человека, использование беспилотных и интеллектуальных систем, ежедневная передача значительных массивов пользовательских данных в сетях Интернет и блокчейн, а также переход в онлайн-режим работы многих сфер жизнедеятельности общества (в том числе в связи с пандемией) неизбежно привели к росту преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Соответственно, возникает острая необходимость в подготовке квалифицированных кадров, специализирующихся на борьбе с киберпреступностью, в целях эффективной фиксации, изъятия и использования цифровых доказательств. В настоящее время в образовательных организациях имеется возможность проводить практико-ориентированные занятия, направленные на приобретение обучающимися навыков обнаружения и фиксации цифровых артефактов в технических средствах, а также изъятия криминалистически важной для расследования информации на базе компьютерных классов с использованием свободно распространяемого программного обеспечения в области компьютерной криминалистики.

Методика преподавания дисциплин, связанных с приобретением навыков противодействия IT-преступности, как правило, направлена на отработку практических навыков [1, с. 48] в соответствии с выдаваемыми по тематикам практических занятий фабулами (кейс-метод обучения). При этом общий алгоритм ведения занятия следующий:

1. Преподаватель обозначает важность рассмотрения изучаемой темы, приводит конкретные примеры и ситуации, когда необходимо выявление криминалистически значимой информации в цифровом виде (например, определение перечня подключаемых к исследуемому техническому средству внешних устройств за заданный промежуток времени в качестве доказательства несанкционированного завладения защищаемой информацией путем копирования на определенный flash-носитель [2, с. 163] и т. п. задачи). Таким образом, моделируется конкретная ситуация, которая требует фиксации и изъятия того или иного цифрового доказательства.

2. Выдаются инструкция и алгоритм поиска интересующей информации, определяется путь к файлам и каталогам операционной системы исследуемого технического средства, путь доступа в редакторе реестра.

3. Обучающимся необходимо обработать задачу поиска цифрового артефакта на собственном ПК, подготовить отчет проводимого исследования.

4. Предлагается подготовить необходимый и достаточный пакет процессуальных документов.

5. Производится выборочный разбор сформированных отчетов по исследованию технических средств и пакетов документов, выявляются ошибки и замечания.

С целью автоматизированного оформления процессуального документа по фабуле задания обучающимся рекомендуется использовать программу ЭВМ «Алгоритмический комплекс процессуальных действий при дистанционном мошенничестве «АКПД ДИСТАНТ» авторского коллектива Уфимского УЮИ МВД России, которая представляет собой инструмент анализа преступлений, связанных с дистанционным мошенничеством, а также средство определения алгоритма действий следователя на первоначальном этапе расследования хищений с использованием мобильных средств связи. Обучающимся предоставляется инструкция по работе с программой, предлагается оформить необходимый комплект процессуальных документов в автоматизированном виде исходя из условий и обстоятельств совершения преступления.

В случае моделирования ситуации, связанной с дистанционным мошенничеством, в том числе связанного с электронными платежными си-

стемами [3, с. 256], обучающимся предлагается получить информацию, содержащую банковскую или иную охраняемую тайну (рис. 1), при этом в программе представлены рекомендации по определению наименования банка, оператора или провайдера услуг связи путем использования международных онлайн-сервисов в свободном доступе.

После получения информации о поставщиках услуг обучающимся необходимо подготовить процессуальные документы и экспортировать полученные данные по киберинциденту в файл в целях формирования сводных данных [4, с. 338] (рис. 1).

Действие	Примечание	Место нахождения	Дата совершения преступления
Выявление артефактов	Скриншоты документов	Москва	2019-10-10
Идентификация поставщика	Идентификация поставщика	Москва	2019-10-10
Идентификация поставщика	Идентификация поставщика	Москва	2019-10-10
Идентификация поставщика	Идентификация поставщика	Москва	2019-10-10
Идентификация поставщика	Идентификация поставщика	Москва	2019-10-10
Идентификация поставщика	Идентификация поставщика	Москва	2019-10-10

Страница 1

Рис. 1. Скриншот экспорта данных из программы «АКПД ДИСТАНТ»

Программа «АКПД ДИСТАНТ» применяется в ходе проведения учебных занятий по дисциплинам «Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации» для обучающихся очной формы обучения по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности».

В первой вкладке программы осуществляется подготовка комплекта процессуальных документов, проводимых с заявителем/потерпевшим. Заполняются обстоятельства дела, дата, время, место происшествия. При этом имеется возможность оформить документы в соответствии с алгоритмом, предложенным программой по пунктам. Переходя во вторую вкладку предоставляется возможность заполнения данных и последующего их экспортирования в файл для внесения сведений в интегрированный банк данных федерального уровня ПТК ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество». Переходя к третьей вкладке «Банковские данные», при условии, что они фигурируют в рассматриваемом деле по предложенной преподавателем фабуле, имеется возможность отработать практические навыки поиска наименования банка, наименование

оператора или регистратора провайдера данных, который предоставил ту или иную услуги телекоммуникационной связи путем использования открытых и общедоступных сервисов в сети Интернет. С учетом сведений по фабуле задания обучающиеся выбирают те или иные позиции для эффективного получения ответов на запросы поставщикам услуг. На конечном этапе работы с программой обучающиеся оформляют поручения необходимым службам, в случае необходимости готовят дополнительные запросы по предоставлению сведений.

Программа может быть использована в учебных и научно-исследовательских целях: в рамках подготовки процессуальных документов и определения сведений о поставщиках услуг и тактики расследования в целом [5, с. 80] при изучении учебных курсов, связанных с приобретением навыков противодействия IT-преступности, в том числе в дистанционном формате. Освоение программы может осуществляться также путем использования в качестве стендовой ЭВМ персонального компьютера, находящегося в личном распоряжении обучающегося без предварительной установки (в случае дистанционного формата обучения).

В целях отработки практических навыков поиска цифровых доказательств (артефактов, цифровых следов преступлений), сканирования носителей информации, а также образов накопителей, поиска системных файлов, анализа реестра и сетевых подключений и т. п. каждым обучающимся в отдельности целесообразно применение методики проведения занятий в компьютерном классе в концепции работы на криминалистическом полигоне. При этом предполагается демонстрация отработки навыков на стендовой ЭВМ с визуализацией на интерактивной доске. В данном случае отработка практических навыков обучающимися предполагает извлечение важных для следствия данных, таких как: список пользователей операционной системы, сведения о последнем входе, времени смены пароля и пр., параметры автозагрузки (USB, CD, DVD), имя компьютера, местоположение системного журнала, список устройств, когда-либо подключенных к системе, список подключенных устройств, последние файлы, открытые с помощью разных офисных приложений, и пр., сетевые карты, дата установки, версия операционной системы, сведения конфигурационных файлов, программы, которые запускаются при входе в систему, время последнего выключения компьютера, временная зона, профили беспроводных сетей и пр. Кроме того, для каждого обучающегося важна отработка навыков поиска по извлеченным данным со следующей функциональностью: поиск по слову или фразе, поиск по файлу ключевых слов, поиск по регулярному выражению, формирование отчета из полученных данных.

Таким образом, вышеуказанная методика проведения занятий по дисциплинам, связанным с приобретением навыков противодействия IT-преступности, позволят смоделировать максимально приближенные к реальным киберинцидентам условия, что даст возможность сформировать наиболее эффективную систему обучения и, соответственно, профессиональной адаптации к цифровой трансформации общества.

1. Нугаева, Э.Д. Деловая игра – одна из форм эффективного метода обучения / Э.Д. Нугаева, С.М. Куценко // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. – 2010. – № 3. – С. 48.

2. Харисова, З.И. Современные угрозы информационной безопасности в условиях глобализации информационного пространства / З.И. Харисова, Р.Р. Файзулова, Д.С. Дюсьмекеева // Актуальные проблемы кибербезопасности в сети Интернет : сб. науч. тр. Всерос. конф. – М., 2020. – С. 163–165.

3. Харисова, З.И. Международное сотрудничество в области противодействия экономическим преступлениям с использованием криптовалют / З.И. Харисова // Организация Объединенных Наций и глобальные проблемы человечества в XXI веке : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2019. – С. 256–263.

4. Системная модель интеллектуальной предметно-ориентированной профайлинг-системы / В.В. Антонов [и др.] // Онтология проектирования. – 2020. – Т. 10. – № 3 (37). – С. 338–350.

5. Нугаева, Э.Д. Алгоритмы следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенных дистанционным способом / Э.Д. Нугаева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Орел, 2018. – № 18-1. – С. 79–80.

УДК 343.98

А.А. Нурждин

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Процесс гуманизации уголовной политики, проводимый в России последние несколько лет, закономерно привел к снижению численности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Действительно, содержание лиц, совершивших преступление небольшой или средней тяжести, да еще впервые, не позволяет достичь целей уголовно-исполнительного (а иногда и уголовного) законодательства. Проводимая государством политика в данной области закономерно

привела к тому, что в учреждениях уголовно-исполнительной системы России снизилось количество подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Так, в 2012 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы России содержалось порядка 660 000 осужденных и лиц, заключенных под стражу, а в 2021 г. уже около 480 000 [1]. В местах лишения свободы стали концентрироваться ранее судимые лица, отбывающие наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений сроком более пяти лет, «качественный» состав подозреваемых, обвиняемых и осужденных резко ухудшился. Закономерно вырос уровень преступности и, как следствие, коэффициент (в расчете на 1 000 осужденных и лиц, заключенных под стражу, он вырос с 1,49 в 2012 г. до 2,78 в 2021 г. соответственно) [1].

Совершенно естественным явилось то обстоятельство, что деятельность по предупреждению пенитенциарных преступлений стала наиболее актуальна. Организация деятельности по предупреждению пенитенциарных преступлений регулируется большим количеством различных нормативных актов, где задействовано огромное число субъектов. Действующее законодательство (Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и иные нормативные акты) открывает широкие возможности как непосредственно для организации деятельности по предупреждению преступлений, так и в процессе ее осуществления. В широком смысле деятельность по предупреждению преступлений заключается в выявлении причин и условий, им способствовавших, с целью их последующего устранения. Наиболее полное число полномочий для успешной организации данной деятельности возникает именно в процессе расследования. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации позволяет (обязывает) в рамках реализации ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 как выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, так и устранять их.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что деятельность по предупреждению пенитенциарных преступлений носит более административный характер, присуща всем правоохранительным органам, в том числе и тем, кто не обладает уголовно-процессуальными компетенциями. Однако именно комплекс процессуальных методов и мер позволяет с максимальной эффективностью и в полном объеме выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. При расследовании пенитенциарных преступлений предупредительная функция органов предварительного расследования наиболее актуальна. Данное обстоятельство связано с тем, что пенитенциарные преступления до-

вольно однообразны и типичны. Структура преступности осужденных и лиц, заключенных под стражу, не столь обширна как «на свободе». Причины и условия, способствовавшие их совершению, характерны и свойственны для мест принудительного содержания, теоретической наукой достаточно полно раскрыты и классифицированы.

Как уже отмечалось, средств, приемов и методов предупреждения пенитенциарных преступлений существует множество: уголовно-правовое предупреждение, уголовно-процессуальное предупреждение, криминологическое предупреждение, уголовно-исполнительное предупреждение, криминалистическое предупреждение, оперативно-розыскное предупреждение. Подобная классификация предупредительной деятельности имеет больше теоретический характер [2, с. 92]. На практике средства, приемы и методы часто применяются вместе, а иногда являются тождественными по своей природе. Но все же теоретическая (научная) классификация предупредительных методов и мер необходима, так как позволяет более полно и системно рассмотреть, проанализировать и определить все ее возможности.

Криминалистика, как прикладная наука, способна удовлетворять потребностям общества и имеет в своем арсенале средства, приемы и методы предупреждения преступлений (в том числе пенитенциарных). Как справедливо отметил А.Ф. Вольнский, «криминалистика как прикладная наука изначально была призвана выступать и выступает проводником достижений науки и техники в практику борьбы с преступностью, в систему острейших, а потому жестко регулируемых законом публичных общественных отношений» [3, с. 91].

Предупреждение пенитенциарных преступлений средствами, приемами и методами криминалистики должно заключаться в деятельности сотрудников правоохранительных органов по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступных деяний, а также в деятельности по их последующему устранению. Речь идет о возможностях криминалистических средств, приемов и методов выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению пенитенциарных преступлений, при назначении и производстве экспертиз, в процессе проведения различных процессуальных действий, на основании материалов ранее расследованных преступлений и т. д.

Не вдаваясь в глубокое рассмотрение вопросов деятельности по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, следует отметить, что выявлению подлежит комплекс внешних (недостатки, просчеты в работе сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы; несоблюдение законодательства,

нарушения в работе инженерно-технических средств охраны и надзора; низкое качество проведения оперативно-режимных и воспитательных мероприятий; несовершенство нормативной базы и т. д.) и внутренних (социально значимые заболевания осужденных и лиц, заключенных под стражу; низкий образовательный уровень; влияние преступной среды; бытовая неустроенность и т. д.) причин и условий, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Решение задачи предупреждения пенитенциарных преступлений представляет собой комплексное воздействие, результативность которого зависит от обладания различной информацией заинтересованных должностных лиц [4, с. 191]. Вся указанная информация в полном объеме может быть получена в процессе расследования пенитенциарного преступления путем применения различных видов криминалистических средств, приемов и методов.

1. Статистические данные [Электронный ресурс] // ФСИН России : [сайт]. – URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 14.11.2022).

2. Гришин, Д.А. Предупреждение преступности. Разграничение используемой терминологии / Д.А. Гришин // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 91–94.

3. Вольнский, А.Ф. К вопросу о социальных функциях криминалистики и формах их реализации / А.Ф. Вольнский // Вестн. экон. безопасности. – 2009. № 2. – С. 91–95.

4. Комаров, И.М. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений / И.М. Комаров, Е.И. Ян // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та М-ва внутр. дел России. – 2019. – № 2 (89). – С. 182–192.

УДК 343.985.1

Е.П. Орехова

СОТРУДНИЧЕСТВО И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О КОНТРАБАНДЕ

Экономическая и общественная опасность контрабанды, а также трудности, с которыми часто связано ее раскрытие и расследование, требуют объединить усилия органов уголовного преследования, в том числе с правоохранительными органами зарубежных стран. Под объединением усилий понимается «не простое сложение сил, а взаимодействие должностных лиц с четким разграничением их прав и обязанностей,

предусмотренных законом» [1, л. 8]. Под взаимодействием понимают «взаимное согласование действий двух и более служб, отдельных, не подчиненных друг другу участников процесса управления, совместно решающих какую-либо общую задачу» [2, с. 176].

Процесс взаимодействия государственных органов при расследовании дел о контрабанде характеризуется следующими признаками: носит познавательный, организаторский, удостоверительный, конструктивный характер; нормативно-правовое регулирование совместной деятельности прокуратуры и органов дознания.

А.В. Дулов отмечает, что «познавательная деятельность – это не только мысленное оперирование определенной совокупностью фактов, но и установление, нахождение необходимых фактов» [3, с. 55]. Взаимодействие органов уголовного преследования при расследовании контрабанды является разновидностью специфического познания, направленного на предотвращение, раскрытие и расследование преступлений. Как и в познании в целом, органы уголовного преследования «в процессе совместной деятельности, направленной на борьбу с преступностью, идут от незнания к познанию события, которое имело место в прошлом или имеет место в настоящем» [2, с. 180].

Раскрытие и расследование преступлений является деятельностью группы сотрудников правоохранительных органов. Это раскрывает организаторский характер процесса взаимодействия органов уголовного преследования.

Удостоверительный характер проявляется в том, что взаимодействие правоохранительных органов во всех случаях «включает в себя действия, направленные на закрепление, удостоверение полученных в ходе познания фактов. Их установление необходимо для того, чтобы убедить других в совершении этих фактов, создать возможность их проверки. С этой целью итоги познания должны быть закреплены и сохранены для восприятия их другими лицами. При этом закрепляется не только конечный результат, но и весь ход их получения» [4, с. 64].

Конструктивный характер взаимодействия органов уголовного преследования при расследовании контрабанды заключается в предвидении конечных результатов деятельности, планировании действий для достижения цели и решения поставленных задач. Сотрудничество и взаимодействие правоохранительных органов направлены на преодоление противодействия расследованию контрабанды со стороны заинтересованных лиц.

В юридической литературе различают процессуальные и организационно-тактические формы взаимодействия органов уголовного преследования при расследовании контрабанды [4, с. 69–74].

Под процессуальными формами взаимодействия понимаются «закрепленные в уголовно-процессуальном и административном законодательстве способы сотрудничества различных правоохранительных ведомств либо специально уполномоченных сотрудников этих ведомств (следователя, начальника органа дознания или дознавателя, сотрудников оперативно-розыскных аппаратов)» [2, с. 187]. Организационно-тактические формы взаимодействия связаны «с наличием ведомственных нормативных актов, в которых закреплены различные способы согласованной деятельности указанных субъектов» [2, с. 187], являются «результатом передовой следственно-оперативной практики расследования преступлений» [4, с. 71].

По мнению И.О. Жук, наиболее целесообразными формами взаимодействия является «хорошо налаженная система обмена информацией об оперативной обстановке и ее характерных изменениях; о появлениях контрабандистов и возможных соучастников; их выезде в другие страны, перемещении контрабандного товара; о новых способах совершения преступлений; об ухищрениях и маскировке, применяемых контрабандистами и лицами, вовлеченными в эту преступную деятельность; надлежащее исполнение поступающих запросов и отдельных поручений о документировании фактов приобретения, изготовления, хищения, перемещения, хранения и сбыта предметов контрабанды; об установлении за разрабатываемыми субъектами наблюдения и опроса свидетелей; обмен источниками с маршрутными возможностями между оперативными аппаратами правоохранительных органов» [5, с. 21–22].

Стоит согласиться с В.М. Логвиным, что «именно организационно-тактическим формам принадлежит ведущая роль в совместной деятельности субъектов» [4, с. 70].

Сотрудничество и взаимодействие органов при расследовании контрабанды осуществляется не только на национальном уровне, но и на международном.

До изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) в 2016 г. предварительное следствие по делам о контрабанде производилось следователями органов государственной безопасности (ч. 2 ст. 182 УПК в ред. Закона от 5 января 2015 г.). В настоящее время на основании общих требований предварительное следствие по контрабанде производится следователями Следственного комитета Республики Беларусь. Дознание по делам о контрабанде проводится таможенными органами (п. 6 ч. 1 ст. 37 УПК). Таможенные органы проводят проверки с целью установления факта контрабанды, проводят необхо-

димые оперативно-розыскные мероприятия, неотложные следственные и другие процессуальные действия, призванные установить и закрепить следы преступления, а также имеют право возбуждать уголовное дело. Решение о возбуждении уголовного дела должно быть принято не позднее 10 суток при необходимости проведения проверки. Орган дознания не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела передает его следователю. До возбуждения уголовного дела по контрабанде могут быть получены объяснения, истребованы дополнительные документы, произведены осмотр места происшествия, местности, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании (ч. 2 ст. 173 УПК).

С момента принятия уголовного дела к производству только следователь – инициатор и организатор этого взаимодействия. Сообразуясь со сложившейся по делу следственной ситуацией, он определяет формы, способы и другие аспекты взаимодействия. Взаимодействие на этой стадии уголовного процесса осуществляется с учетом следующих принципов: 1) целесообразность привлечения органа дознания для участия в расследовании контрабанды в соответствии со ст. 186 УПК; 2) предварительное планирование и прогнозирование следователем процесса взаимодействия; 3) особая роль следователя, которая заключается в создании условий, обеспечивающих результативность взаимодействия; 4) неукоснительное соблюдение субъектами взаимодействия требований УПК; 5) четкое разграничение компетенции субъектов взаимодействия; 6) надлежащее выполнение каждым субъектом своих функций; 7) информационный обмен между субъектами взаимодействия; 8) координация действий участников обмена в пространстве и во времени; 9) соблюдение этико-правовых требований, предъявляемых к субъектам взаимодействия.

Необходимость сотрудничества и взаимодействия органов при расследовании контрабанды на международном уровне обусловлена тем, что в настоящее время существует немаловажная проблема, которая заключается в тенденции выхода национальных преступных группировок на международный уровень. Как результат – образование международных преступных организаций, охватывающих в своей деятельности несколько стран и даже регионов. Для Республики Беларусь сотрудничество и взаимодействие на международном уровне важно также в связи с ее особым географическим положением – государство между Западной и Восточной Европой, Азией.

В ряде случаев возникает необходимость в проведении некоторых процессуальных действий в иностранных государствах либо, наоборот,

у другой страны возникает необходимость проведения следственных действий на территории белорусского государства. В целях соблюдения сроков расследования уже на первоначальном этапе предварительного следствия необходимо направлять в эти государства ходатайства об оказании правовой помощи, руководствуясь требованиями международного законодательства. Если требуется провести процессуальные действия в странах Содружества Независимых Государств, то следует руководствоваться требованиями Кишиневской конвенции о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам; если в других иностранных государствах – двусторонними договорами по этому вопросу или на основании принципа взаимности, предусмотренного УПК. Эффективность взаимосогласованных действий национальных государственных органов друг с другом, с иностранными органами по выявлению и пресечению контрабанды наиболее очевидна, когда обнаруживается крупный «бесхозный» контрабандный товар на транспортных средствах межгосударственного сообщения. Для борьбы с такими фактами контрабанды, сбора доказательств, выявления виновных и применения к ним предусмотренных законом мер воздействия необходимы совместные усилия представителей правоохранительных органов различных государств в рамках существующих международных договоров об оказании правовой помощи.

Таким образом, специфика организации выявления, расследования и предупреждения контрабанды обуславливается ее трансграничным характером. Процесс взаимодействия государственных органов, осуществляющих уголовное преследование по делам о контрабанде, характеризуется рядом признаков и должен соответствовать сформулированным выше принципам.

1. Родина, Е.А. Проблемы расследования контрабанды биологических ресурсов и отдельных предметов (на материалах Дальневосточного региона) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.А. Родина. – Владивосток, 2003. – 174 л.

2. Игнатюк, А.З. Контрабанда и иные правонарушения во внешнеэкономической деятельности: теория и практика расследования / А.З. Игнатюк. – Минск : Амалфея, 2001. – 320 с.

3. Дулов, А.В. Судебная психология : учеб. пособие / А.В. Дулов. – Минск : Выш. шк., 1975. – 464 с.

4. Криминалистика : учебник : в 3 ч. – Ч. 3 : Криминалистическая методика / А.И. Габа [и др.] ; под ред. Г.Н. Мухина. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 295 с.

5. Жук, И.О. Контрабанда: проблемы выявления и раскрытия на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.О. Жук ; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2002. – 25 с.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ

К следственным действиям, направленным на установление истины по уголовному делу и изобличению виновных лиц, совершивших преступление, относится и обыск.

Однако анализ следственной практики и научных исследований [1; 2; 3, с. 916–920; 4, с. 95–96; 5, с. 35–51; 6; 7] позволяет выделить ряд недостатков, которые допускаются органом уголовного преследования в процессе подготовки и проведения этого следственного действия. В первую очередь к ним относятся: 1) следователи иногда игнорируют процесс тщательной подготовки обыска, что приводит к отсутствию его результативности; 2) не придавая большого значения или не веря в успех данного следственного действия, следователи перепоручают посредством отдельного поручения проведение обыска сотрудникам органа дознания, не обладающим полной информацией о расследуемом преступлении, не знают физических свойств, размеров искомых объектов, и как итог – проведенный ими обыск не достигает поставленной цели; 3) выезжая к месту обыска, следователи и иные сотрудники следственно-оперативной группы (СОГ) ограничиваются порой поверхностным исследованием участков местности без применения научно-технических средств, в том числе современных поисковых приборов; 4) не привлекаются специалисты, а понятые приглашаются только после обнаружения каких-либо вещей, при этом они не видят, в результате каких поисковых действий эти вещи были обнаружены и где, о чем заявляют впоследствии в судебном заседании, сводя к минимуму результаты обыска, и т. д. И это еще не весь перечень ошибок, промахов и упущений, допускаемых сотрудниками правоохранительных органов при подготовке и производстве обыска, в том числе и участков местности [2, с. 16; 6, л. 11; 7, л. 121–122].

Учитывая вышеизложенное, мы предлагаем следующий перечень действий по подготовке к проведению обыска участков местности.

Подготовительный этап такого обыска условно можно разделить на несколько стадий: действия сотрудников СОГ до выезда на место обыска, и их действия по прибытии на место, но до момента начала проведения следственного действия.

Перечень мероприятий на стадии до выезда на место обыска включает в себя: изучение и анализ материалов уголовного дела, предполагает тщательное исследование данных, содержащихся в протоколах различных следственных действий (осмотра места происшествия, допросов, очных ставок и др.); определение лиц, участков местности, подлежащих обыску (так, при обыске на местности необходимо знать ее характерные особенности, ориентиры, границы, пути подхода и др.); сбор информации об искомых объектах; сведения о личности обыскиваемого. На этой стадии выносятся постановления и получается санкция у прокурора [1, с. 12; 3, с. 918].

Определяется состав участников обыска: не менее двух понятых; лица, владельцы этого участка местности, представители администрации предприятий, учреждений, организаций, материально ответственные лица, в случае проведения обыска на принадлежащей им территории. Для проведения обыска могут привлекаться различные специалисты, оперативные работники органов внутренних дел, представители общественности.

Проводится подготовка и проверка технико-криминалистических средств; определяется время производства обыска с использованием фактора внезапности, намечаются мероприятия по обеспечению безопасности участников в процессе производства обыска; разрабатывается план проведения обыска.

План проведения обыска является заключительной фазой стадии подготовки к обыску. К составлению плана обыска необходимо подходить дифференцированно. Он составляется на основе анализа и оценки всей совокупности материалов, имеющихся и дополнительно собранных процессуальным и непроцессуальным путем. В этом плане, независимо от особенностей предстоящего обыска, как правило, должны найти отражение следующие моменты: объекты, подлежащие обыску, и их местонахождение; установление дня и часа начала его проведения и окончания; способ проникновения на обыскиваемую территорию и меры, предупреждающие вооруженное сопротивление; меры по охране места обыска; меры, исключающие связь обыскиваемого с иными лицами; состав и количество участников обыска с учетом предполагаемых условий; требующиеся специалисты и технические помощники (для вспомогательных работ по раскопке грунта, перемещении тяжестей и др.), а также технико-криминалистические и иные средства; распределение обязанностей между ними и детальный инструктаж; предполагаемые действия участников при осложнении обстановки; тактические приемы, которые целесообразно применить при обыске; способы лега-

лизации данных оперативно-розыскной деятельности, используемых в ходе обыска; меры по предотвращению возможного сокрытия или повреждения искомых объектов; последовательность и тактика поисковых действий на месте обыска; форма связи с органами внутренних дел и иными правоохранительными органами и др.; способ связи и транспортные средства [5, с. 38–40].

В зависимости от уровня сложности предстоящего обыска, его ситуационной обусловленности, реальных возможностей членов СОГ план обыска может быть устным или письменным, кратким или развернутым. План обыска может сопровождаться соответствующим графическим материалом (схемы помещения, планы входов и выходов из него, зарисовки местности и др.) [4, с. 95–96].

На подготовительном этапе следователь обязан четко уяснить, что и где он должен искать. Проанализировать, кому принадлежит обследуемая местность: частное владение, принадлежащее собственнику, – сад, огород, принадлежащие колхозу, совхозу, иному предприятию – поле, луг, собственность лесхозов, участки леса, лесопарковая зона, лесная поляна, берега водоема и т. д.

Выяснить рельеф местности, где будут проходить поисковые мероприятия: его подразделяют на равнинную, холмистую и горную. Наличие участков пересеченной местности, которая включает в себя: балки, реки, озера и другие естественные препятствия, ограничивающие свободу передвижения и маневра подразделений, участвующих в обыске. Такую местность подразделяют на слабопересеченную, среднепересеченную и сильнопересеченную. По условиям наблюдения за местностью, она подразделяется на открытую, полузакрытую и закрытую. Так, например, открытая местность представляет собой ровную или слегка всхолмленную безлесную территорию, до 75 % площади которой хорошо просматривается во всех направлениях с отдельных высот. Закрытая местность представляет собой территорию с горным, холмистым или равнинным рельефом, покрытую лесами, садами, кустарниками, с часто расположенными населенными пунктами.

Местность может подразделяться по такому основанию, как ее проходимость: легкопроходимая, проходимая, труднопроходимая и непроходимая. Кроме того местность может подразделяться: по характеру почвенно-растительного покрова – на лесную, болотистую, лесисто-болотистую, а в сочетании с рельефом – на горно-лесистую, равнинно-степную и т. д.

С учетом этих особенностей обследуемой местности на подготовительном этапе, как правило, применяется линейно-фронтальный метод.

Этот метод позволяет впоследствии избежать неоднократного исследования одних и тех же участков и оставления без исследования других площадей. В связи с применением этого метода на заранее подготовленном плане, схеме, чертежах территория делится на участки (секторы, квадраты, сегменты). Впоследствии при разбивке участков их границы определяются друг от друга вешками, лентами, кольшками, или естественными рубежами и ориентирами (например, края оврага, берега ручья или иного водоема и т. д.).

Длина участка намечается в пределах от 50 до 100 метров, чтобы при обследовании территории были видны действия участников обыска и просматривалось расположение объектов. Обыскивающие последовательно переходят с одного участка на другой после тщательного осмотра местности [2, с. 115].

На этом же этапе собирается и анализируется информация о местах вероятного сокрытия искомых объектов, сведений о конструкциях и наличии различных ограждений, охране, режиме пропуска, наличии отдельных строений.

Определяется состав участников следственной группы, в которую кроме следователя, специалистов, работников дознания, понятых, могут быть включены значительные силы в виде воинских формирований (ввиду большого участка местности), групп дружинников и т. д. В отдельных случаях их инструктируют до выезда к месту обыска, при этом им раздают фотографии с приметами искомых объектов, схемы и чертежи местности, в то же время им разъясняют, какие предметы они должны искать, как с ними обращаться в случае обнаружения. Если имеется информация, что на месте обыска могут находиться взрывные устройства, взрывчатые, легковоспламеняющиеся, ядовитые и другие опасные для жизни и здоровья вещества и материалы, то об этом сообщается при инструктаже участникам обыска, и затем на рабочем этапе в первую очередь проводятся действия по их обнаружению и обезвреживанию.

Подготавливаются различные научно-технические средства, которые могут быть использованы при исследовании большой территории: средства освещения, поисковые приборы (щупы, магнитоискатели, металлоискатели, аппаратура для отыскания взрывчатых, наркотических веществ, для регистрации гамма-излучения; дефектоскопы, фото-, видеоаппаратура, ультрафиолетовые осветители, инструменты для раскопок и вскрытия хранилищ, тралы, багры, буры, рентгеновская аппаратура, трупоиискатели, видеоэндоскопы и т. д.) [3, с. 917].

Проблемы, освещенные в данной статье, подлежат обдумыванию и решению до начала производства обыска участков местности, даже в

тех случаях, когда на подготовку к обыску остается мало времени. Полагаем, учитывая особенности подготовительного этапа производства обыска участков местности, можно достичь эффективного, положительного результата.

1. Луценко, О.А. Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение / О.А. Луценко. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 63 с.
2. Бедняков, Л.И. Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения / И.Л. Бедняков. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 176 с.
3. Корчагин, А.А. Особенности тактики проведения обыска по делам об убийствах / А.А. Корчагин // *Фундамент. исслед.* – 2013. – № 10-4. – С. 916–920.
4. Давыдов, В.И. Наиболее распространенные способы сокрытия ценностей, нажиты преступным путем : в кн. «Проблемы предварительного следствия» / В.И. Давыдов. – Волгоград, 1977. – Вып. 6. – С. 95–96.
5. Леви, А.А. Обыск. Справочник следователя / А.А. Леви, А.И. Михайлов. – М. : Юрид. лит., 1983. – С. 35–51.
6. Варданян, А.В. Тактико-психологические основы производства обыска : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Варданян. – Волгоград, 2008. – 224 л.
7. Бедняков, И.Л. Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.Л. Бедняков. – Самара, 2009. – 228 л.

УДК 343.985

И.В. Пацуца

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Классификация как способ систематизации объектов и явлений объективной действительности служит одним из средств познания в любой науке, в том числе и криминалистике. Многообразие цифровых следов также требует их определенного упорядочивания, исходя из целей и задач быстрого и эффективного раскрытия и расследования преступлений, тем или иным образом связанных с компьютерной техникой и компьютерной информацией. Классификация цифровых следов в криминалистическом аспекте означает прежде всего их дифференциацию с точки зрения таких критериев, которые в максимальной степени отвечают практическим потребностям субъектов выявления (раскрытия), расследования и предупреждения преступлений.

Анализ специальной литературы свидетельствует о наличии различных подходов относительно классификации цифровых следов [1, с. 159–160; 2, с. 44; 3, с. 17; 4, с. 103; 5, с. 53–56; 6, с. 44–45].

Исходя из потребностей правоприменительной практики, наиболее прикладной (адаптивной к нуждам деятельности органов уголовного преследования) представляется классификация цифровых следов по следующим основаниям.

В зависимости от места нахождения выделяются цифровые следы, обнаруживаемые на так называемых оконченных и промежуточных электронно-цифровых устройствах. К оконченным устройствам относятся компьютерная система (отдельный компьютер (ноутбук, планшет, смартфон) или совокупность компьютеров, взаимосвязанных и взаимодействующих как единое целое) и машинный носитель (материальные носители, используемые для записи и хранения информации). На таких устройствах цифровые следы могут быть обнаружены, например, на жестком диске (винчестере – HDD), твердотельном накопителе (SSD), гибком полимерном магнитном диске (дискете), магнитной ленте (стримере), жестком оптическом или магнитооптическом диске (CD, DVD), микроконтроллере – программном управляемом микроэлектронном устройстве (SIM-карты, карты памяти (флеш-карты), USB-драйверы и др.), в оперативных запоминающих устройствах (ОЗУ) компьютерной системы, а также периферийных компонентов (принтере, сканере и др.). А.Б. Смушкин указывает на следующие цифровые следы, отображаемые в памяти компьютера: а) включение, выключение, различные операции с содержимым памяти компьютера (отображаются в журналах администрирования, безопасности, приложений и т. д.); б) действия с наиболее важными для работы компьютера программами (установка, удаление и т. д.), отражаемые в реестре компьютера (reg-файлах); в) сведения о работе в сети Интернет, локальных и иных сетях, содержащихся в log-файлах, истории журналов браузеров пользователя; г) операции с файлами (отражаются в их свойствах, например, время создания, последнего открытия, изменения файла и др.) [6, с. 44].

Промежуточными устройствами являются компоненты сетевого оборудования, необходимые для функционирования локальных сетей или глобальной компьютерной сети Интернет. К цифровым следам на промежуточных электронно-цифровых устройствах относятся следы, которые могут быть обнаружены в коммутаторе (сведения о подключаемых устройствах, содержащихся в таблице MAC-адресов), маршрутизаторе (роутере) и межсетевом экране (сведения о передаваемых пакетных данных в локальных сетях или сети Интернет).

По мнению В.Е. Козлова, цифровые следы в зависимости от размещения следует дифференцировать на локальные и внешние файловые следы [7, с. 152].

Устанавливая место нахождения цифровых следов, следует иметь в виду, что они могут «состоять из большого количества отдельных информационных элементов, которые могут быть записаны как на одном, так и на нескольких электронных носителях информации, подключены как к одному, так и к нескольким (возможно территориально расположенным на значительных расстояниях) компьютерам, объединенным в информационную систему или информационно-телекоммуникационную сеть [8, с. 269]. Так, например, если документ распечатывается непосредственно с USB-накопителя (съёмного жесткого диска и т. п.), то искомые цифровые следы могут быть обнаружены в ОЗУ компьютера, ОЗУ периферийного устройства (принтера) и на самом накопителе.

По характеру происхождения цифровые следы могут быть оставлены лицом непосредственно (любые создаваемые файлы с какой-либо информацией: электронный договор, текстовый документ, сообщения в мессенджерах, записи в социальных сетях и др.) либо опосредованно (данные телеметрии, файлы регистрации, атрибуты создаваемых файлов). Следы первой группы могут быть исследованы в ходе производства следственных действий (например, в ходе осмотра компьютерной информации, компьютерной техники). Для исследования следов второй группы, как правило, требуется использование специальных знаний в форме компьютерно-технической и иных экспертиз [9].

В зависимости от формы представления цифровые следы могут быть в виде текста, графики (PNG-, JPEG-, GIF-изображения и многие др.) или мультимедиа (различное сочетание звука, анимированной компьютерной графики и видеоряда).

В зависимости от принадлежности оконченных (промежуточных) устройств цифровые следы подразделяются на физически находящиеся на компьютерных устройствах потерпевшего (например, функционирующее вредоносное программное обеспечение), подозреваемого или обвиняемого (например, исходный код вредоносного программного обеспечения, шаблоны для изготовления поддельных документов), иных лиц (например, электронная почта на сервере организации, предоставляющей подобные услуги). Следует отметить, что цифровые следы могут одновременно располагаться на устройствах, относящихся ко всем трем группам [9]. Такие следы могут быть обнаружены в таблице расширения файлов (FAT, NTFS или другой в зависимости от типа используемой операционной системы); системном реестре операционной системы; отдельных кластерах магнитного носителя (винчестера, дискеты), в которых записываются фрагменты исполняемых файлов (программ) и файлов конфигурации; файлах и каталогах (папках) хранения

входящей электронной почты и прикрепленных исполняемых файлах, конфигурации почтовой программы; файлах конфигурации программ удаленного соединения компьютера с информационной сетью [5].

По степени видимости цифровые следы бывают видимыми (электронные документы, записи в социальных сетях, электронной почты и др.), скрытыми (это составляющие файловой системы, которые не видны в фоновом (обычном) режиме) и зашифрованными (особый тип данных, кодируемых с помощью алгоритма из соображений конфиденциальности, для чего используются различные программы шифрования). Скрытые файлы создаются для того, чтобы ограничить доступ к определенной информации для других лиц, имеющих доступ к компьютерной системе. Зашифрованные файлы могут хранить важную информацию об интересующем лице: его персональные данные, сведения о паролях к электронной почте, социальным сетям, мессенджерам и т. д.

Таким образом, представленная классификация направлена на систематизацию знаний о цифровых следах, создающих основу для более глубокого понимания сущности изменений, происходящих в результате совершения преступлений, связанных с компьютерной техникой и компьютерной информацией. Это в целом способствует более эффективной и тактически грамотной деятельности органов уголовного преследования по собиранию, исследованию, оценке и использованию в процессе доказывания таких следов.

1. Волеводз, А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям : правовые основы международного сотрудничества / А.Г. Волеводз. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 496 с.

2. Вехов, В.Б. «Электронная криминалистика»: понятие и система / В.Б. Вехов // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д, 2017. – С. 40–46.

3. Краснова, Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.Б. Краснова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 24 с.

4. Мещеряков, В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В.А. Мещеряков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 407 с.

5. Семенов, А.Ю. Некоторые аспекты выявления, изъятия и исследования следов, возникающих при совершении преступлений в сфере компьютерной информации / А.Ю. Семенов // Сиб. юрид. вестн. – 2004. – № 1. – С. 53–56.

6. Смушкин, А.Б. Виртуальные следы в криминалистике / А.Б. Смушкин // Законность. – 2012. – № 8. – С. 43–45.

7. Козлов, В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью / В.Е. Козлов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2002. – 336 с.

8. Мещеряков, В.А. Следы преступлений в сфере высоких технологий / В.А. Мещеряков // Б-ка криминалиста. – 2013. – № 5. – С. 265–270.

9. Бахтеев, Д.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами [Электронный ресурс] / Д.В. Бахтеев, Е.В. Смахтин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.98

Н.Н. Пацута

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ»

Борьба с преступностью – сложная, многогранная деятельность, обусловленная межотраслевым характером и, как следствие, многообразием приемов, методов и средств, обеспечивающих эффективное осуществление данного процесса. Вместе с тем указанная деятельность тогда является эффективной, когда она надлежащим образом организована.

Анализируя различные точки зрения относительно содержания организации раскрытия и расследования преступлений, следует отметить, что оно включает в себя ряд элементов: уголовно-процессуальную, оперативно-розыскную, судебно-экспертную и криминалистическую деятельность. Последний вид деятельности, по мнению А.Ф. Волынского и И.В. Тишутиной, осуществляется в форме криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений [1, с. 27].

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что во многих случаях эти понятия смешивают, неверно трактуют. В этой связи представляется необходимым рассмотреть вопрос об их соотношении.

Впервые понятие «криминалистическая деятельность» было введено в научный оборот на рубеже 70-х гг. XX в. Р.Г. Домбровским, который, с одной стороны, различает ее как совокупность приемов и методов практического действия (практическое познание), а с другой – как совокупность методов научного познания (научная криминалистическая деятельность) [2, с. 10, 12].

Несколько позже В.Я. Колдин, рассматривая вопросы системно-деятельностного подхода в криминалистике, высказал мнение о том, что основным объектом криминалистического исследования является человеческая деятельность. С одной стороны, это поведение преступни-

ка, с другой – деятельность криминалиста, а предмет криминалистики – определенный аспект деятельности по борьбе с преступлениями, а именно информационно-познавательная структура деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [3, с. 9–10].

И.П. Можяева и В.В. Степанов отмечают, что криминалистическая деятельность представляет собой один из видов человеческой деятельности, специфической по форме, определяемой правовыми предписаниями, содержание которых составляют раскрытие, расследование и предупреждение преступлений с целью эффективного воздействия на негативные социальные явления [4, с. 22].

По мнению Н.П. Яблокова, криминалистическая деятельность – это антагонистическая преступной деятельности и порожденная последней, которая подразделяется на несколько иных видов в зависимости от специфики стоящих задач в борьбе с преступностью: экспертно-криминалистическую, профилактическую, оперативно-розыскную и научно-педагогическую деятельность [5, с. 16].

Р.Г. Аксёнов высказывает точку зрения, что криминалистическая деятельность является самостоятельным видом деятельности и рассматривает ее как вид юридической и иной деятельности, осуществляемой субъектами раскрытия, расследования, предупреждения и судебного исследования преступлений [6, с. 17].

Таким образом, подводя промежуточный итог, мы можем говорить о том, что «криминалистическая деятельность» – это разновидность юридической деятельности с ярко выраженным прикладным характером, включающая в себя криминалистические аспекты познавательной деятельности, суть которой, главным образом, сводится к решению частных задач криминалистики в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

В то же время в криминалистической науке постоянно встает вопрос о повышении результативности и социальной эффективности криминалистической деятельности, для достижения которой требуется комплексное изучение не только вопросов разработки, но и внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов криминалистических методов и средств выявления, собирания, исследования и использования криминалистически значимой информации для раскрытия и расследования преступлений. Так, прежде чем вооружить правоохранительные органы криминалистическим арсеналом, необходимо пройти этапы создания, освоения, внедрения и непосредственно эффективного применения криминалистических новшеств. Все вышеперечисленные вопросы принято относить к области криминалистического обеспече-

ния. Вместе с тем следует отметить, что на текущий момент в теории криминалистики нет единого мнения относительно сущности и содержания «криминалистического обеспечения» раскрытия и расследования преступлений.

Одни ученые (Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, В.Г. Коломацкий и др.) рассматривают криминалистическое обеспечение как решение прикладных задач криминалистики, состоящих в разработке и предоставлении правоохранительным органам криминалистических средств и методик получения, оценки и использования информации, необходимой для предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. Основной задачей указанной системы криминалистического обеспечения является повышение научного и технического уровня практической деятельности. Соответственно, авторы в этой системе выделяют три подсистемы: криминалистические знания, криминалистическое образование и криминалистическая техника. Другие ученые (А.Ф. Волынский, В.А. Волынский, В.П. Лавров и иные) представляют криминалистическое обеспечение как деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности (посредством решения правовых, организационных, научно-технических, научно-методических, учебно-методических и иных задач) к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию этой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений.

Словари трактуют термин «деятельность» как «работу, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области» (общественная, научная, педагогическая деятельность), «работа каких-либо органов» [7, 8]. В свою очередь, толкование термина «обеспечение» прежде всего означает «вооружение кого-либо определенным ресурсом, средствами и технологиями, позволяющими эффективно, качественно осуществить действие, операцию, деятельность», а также «сделать вполне возможным, действенным, реально выполнимым» [9]. Прилагательное «криминалистическая, криминалистическое» указывает на связь с наукой криминалистикой.

Попытаемся рассмотреть соотношение понятий «криминалистическая деятельность» и «криминалистическое обеспечение» на следующем примере. С целью раскрытия, расследования и предупреждения преступлений осуществляется профессиональная деятельность субъектов правоохранительных органов, которая включает в себя и криминалистическую деятельность. Вместе с тем выполнение криминалистических задач возможно только при должном обеспечении криминалистическими приемами, методами и средствами. Так, следователь (лицо,

производящее дознание), осуществляя деятельность, направленную на раскрытие и расследование преступлений, нуждается в криминалистических знаниях (элемент криминалистического обеспечения), которые как продукт криминалистической науки разрабатываются благодаря научной криминалистической деятельности. Передача следователю (лицу, производящему дознание) разработанной криминалистической научной продукции осуществляется через учебно-педагогическую криминалистическую деятельность, а соответственно, через получение криминалистического образования (элемент криминалистического обеспечения). В рамках данного обучения следователь (лицо, производящее дознание) получает новые знания и умения. Используя полученные знания и умения в ходе осуществления своей профессиональной криминалистической деятельности, следователь (лицо, производящее дознание) отрабатывает полученные знания, превращая их в навыки, а соответственно, приобретает практический опыт.

Подводя итог необходимо отметить, что «криминалистическая деятельность» и «криминалистическое обеспечение» это разнопорядковые, вместе с тем взаимосвязанные друг с другом понятия. Так, «криминалистическая деятельность» – это разновидность юридической деятельности, направленной на решение частных задач криминалистики в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В то же время, признавая факт существования указанной деятельности, считаем, что повышение ее эффективности и результативности достигается благодаря криминалистическому обеспечению, посредством решения правовых, организационных, учебно-методических, материально-технических и иных аспектов, осуществление которых невозможно без выполнения вышеуказанных видов криминалистической деятельности.

1. Вольнский, А.Ф. Об организационных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений / А.Ф. Вольнский, И.В. Тишутина // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 1. – С. 24–31.

2. Домбровский, Р.Г. Предмет криминалистики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.Г. Домбровский ; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Юрид. фак. – Л., 1974. – 22 с.

3. Криминалистика социалистических стран / В.Я. Колдин [и др.] ; под ред. В.Я. Колдина. – М. : Юрид. лит., 1986. – 517 с.

4. Можяева, И.П. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений / И.П. Можяева, В.В. Степанов. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 152 с.

5. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1999. – 718 с.

6. Аксёнов, Р.Г. Объект криминалистического обеспечения / Р.Г. Аксёнов // Вестн. Калинингр. юрид. ин-та МВД России. – 2010. – № 4. – С. 16–20.

7. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/47678?ysclid=la28vf8yqo180382839>. – Дата доступа: 04.11.2022.

8. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/788178>. – Дата доступа: 04.11.2022.

9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/130070?ysclid=la29616tae291571376>. – Дата доступа: 04.11.2022.

УДК 343.98

С.В. Петлицкий

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БЕЛОРУССКИХ СУБЪЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эффективность раскрытия и расследования преступлений во многом предопределяется надлежащей организационной работой по материалам и уголовным делам. Немаловажное место в этом отводится взаимодействию уполномоченных субъектов, в системе которых произошли некоторые преобразования. В результате проведенной реформы (2011–2013 гг.) белорусских правоохранительных органов, вместо действовавшей до того моносистемы была создана их полисистема. Статус самостоятельных ведомств приобрели Следственный комитет Республики Беларусь и Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь.

Так, была расширена система «сдержек и противовесов» в правоохранительной сфере. Вместе с тем появился ряд проблем, связанных с организацией их взаимодействия. Каждый из субъектов стал стремиться показать свою самостоятельность и исключительную значимость в решении задач по борьбе с преступностью, что в конечном итоге способствовало появлению разнородных по содержанию оценочных критериев эффективности их деятельности. Таким образом, вместо надлежащего взаимодействия между ними возникла своеобразная конкуренция.

На сегодня в процессуальной и криминалистической литературе не дается однозначная характеристика критериев оценки эффективности их совместной работы. Анализ белорусской судебной практики свиде-

тельствует, что в ряде случаев этот показатель сводится к вынесению судами обвинительных приговоров. При этом совместная деятельность оперативных служб и следственных подразделений Республики Беларусь не разграничивается, а в ее основу закладывается общее количество осужденных лиц либо процент раскрываемости преступлений от общего количества уголовных дел. В подтверждение изложенному приведем статистические данные. Так, судами общей юрисдикции в 2019 г. рассмотрено с вынесением приговора 36 157 уголовных дел, по которым осуждено 38 726 человека, оправдано – 114 (0,29 %). Годом позже на рассмотрение судов поступило 32 010 уголовных дел, количество осужденных составило 34 572 человека, в то время как количество оправданных – 93 (0,26 %). По итогам 2021 г. судами было рассмотрено с вынесением приговора 33 214 уголовных дел, осуждено 36 356 человек, из них оправдано 51 лицо (0,14 %) [1–3].

Приведенные статистические сведения ложатся в основу общей организационной оценки эффективности деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь, без их конкретизации по оперативно-розыскным и собственно следственным подразделениям. Такое положение нивелирует реальный вклад этих подразделений в раскрытие преступлений, а вместе с тем не способствует выявлению и объективной оценке упущений в их организационном и правовом обеспечении.

Особенно наглядно такие упущения проявляются на практике, в части оперативного сопровождения расследования уголовных дел, когда после установления подозреваемого лица, но при отсутствии достаточных доказательств его вины, данная деятельность становится менее активной, если не прекращается вообще. И наоборот, в ряде случаев из-за следственных ошибок производство по уголовным делам приостанавливается даже при наличии обвиняемого, что, естественно, не стимулирует работу оперативных сотрудников. После чего взаимодействие следственных подразделений и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), в основе своей начинает носить не конкретный характер и порой сводится к направлению формальных письменных поручений, и таких же ответов по ним.

Другими словами, организация раскрытия преступлений является составной частью ОРД и соотносится с организацией расследования преступлений так же, как соотносятся оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная виды деятельности. Нельзя результаты ОРД оценивать по результатам уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 249].

В этой связи представляется перспективным положительное решение вопроса о разработке ведущими правоведами и практиками отдельного

нормативного документа, регламентирующего единые критерии оценки работы по материалам и уголовным делам организационно обособленных субъектов раскрытия и расследования преступлений. Например, в Российской Федерации в 2005 г. был принят и продолжает действовать межведомственный приказ «О едином учете преступлений» [5].

Так, в нем был определен подход к раскрытию преступлений по горячим следам, который, на наш взгляд, позволяет оценивать эффективность деятельности следственных подразделений и оперативно-розыскных служб как по отдельности, так и в ходе их совместной работы. На основании этого в научной среде некоторыми учеными-криминалистами также была выдвинута гипотеза об оценочных показателях деятельности правоохранительных органов, которая включает в себя раскрытие преступления по горячим следам; предварительное раскрытие преступления; расследование преступления; и окончательное раскрытие преступления [4, с. 249].

Проецируя некоторые положения этой концепции применительно к работе белорусских субъектов раскрытия и расследования преступлений, полагаем оптимальным классифицировать такие оценочные критерии, опираясь прежде всего на постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 909, определившего порядок регистрации правонарушений [6]. Обобщив анализ практики и многолетние дискуссии ученых, дифференцируем их следующим образом.

1. Раскрытие преступления по горячим следам – считается раскрытым, когда в течение 24 часов с момента его регистрации возбуждается уголовное дело в отношении конкретного лица, однако на момент поступления такого заявления (сообщения) о преступлении в правоохранительный орган сведения о нем отсутствовали. При этом собранных по делу доказательств достаточно для предъявления в будущем этому лицу обвинения (выставлена карточка формы № 1-Л, в последующем форма № 3).

2. Под раскрытым преступлением следует понимать уголовное дело, по которому установлен подозреваемый субъект (выставлена карточка формы № 1-Л), предъявлено обвинение в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, и дело передано прокурору для направления в суд (выставлена карточка формы № 3). Либо же когда информация о таком лице известна, вина подтверждается собранными доказательствами, однако его местонахождение не установлено, и оно объявлено в розыск (выставлена карточка формы № 1-Л).

3. Полностью раскрытое и расследованное преступление – вынесен обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу (выставлена карточка формы № 6), или когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим обстоятельствам.

Подводя итог отметим, что в целях совершенствования организационно-правовой работы по материалам и уголовным делам оптимально в отечественном законодательстве, во-первых, конкретизировать момент окончания раскрытия преступления, во-вторых, разработать и закрепить в межведомственном нормативном документе единые оценочные критерии работы полисистемных (автономных) правоохранительных министерств и ведомств. Для этих целей может быть использована предложенная модельная классификация таких показателей. Полагаем, этим способом будут укреплены правовые основы взаимодействия оперативных служб и следственных подразделений.

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2019 год [Электронный ресурс] / Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/8186975d68124bb0.html. – Дата доступа: 29.10.2022.

2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2020 год [Электронный ресурс] / Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/95f97011a1cc4ba2.html. – Дата доступа: 29.10.2022.

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2021 год [Электронный ресурс] / Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/baa6161e8d3941a1.html. – Дата доступа: 29.10.2022.

4. Хамизов, В.Л. Соотношение понятий «раскрытие преступлений», «раскрытие преступлений по горячим следам» и «расследование преступлений» / В.Л. Хамизов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2019. – № 7. – С. 246–250.

5. О едином учете преступлений [Электронный ресурс] : приказ Генер. прокуратуры Рос. Федерации, М-ва внутр. дел Рос. Федерации, М-ва по чрезвычайн. ситуациям Рос. Федерации, М-ва юстиции Рос. Федерации, Федер. службы безопасности Рос. Федерации, М-ва экон. развития Рос. Федерации, Федер. службы по контролю за оборотом наркотиков Рос. Федерации от 29 дек. 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 (в ред. от 15.10.2019). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия» / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

6. О функционировании единой государственной системы регистрации и учета правонарушений [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 909 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 13.09.2021 г. № 523. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь» / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Несовершеннолетние, как одна из наиболее уязвимых групп населения, обладают особым правовым статусом и с учетом социальных, возрастных и психофизиологических особенностей нуждаются в повышенном внимании общества и государства. Именно поэтому надлежащая защита прав и интересов несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений в Республике Беларусь.

Так, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь семья и детство находятся под защитой государства (часть первая ст. 32), а государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (часть вторая ст. 59). Права несовершеннолетних также закреплены в Законе Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХП «О правах ребенка», а при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел в Уголовном кодексе Республики Беларусь и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК) предусмотрен ряд норм, устанавливающих особое положение детей. Перечисленные и иные нормативные правовые акты, в том числе международные договоры, ратифицированные Республикой Беларусь, гарантируют охрану права ребенка на личную свободу и защиту его прав при привлечении их к ответственности.

Реализация вышеуказанных положений обязывает правоохранительные органы обеспечивать защиту интересов несовершеннолетних в уголовном процессе, искать новые пути для совершенствования предварительного расследования в соответствии с потребностями воспитания.

Из вышеизложенного также следует, что ребенок, пострадавший от насилия (либо ставший свидетелем преступления), давая показания по поводу обстоятельств противоправного деяния, должен чувствовать себя полностью защищенным. При этом ситуация нахождения ребенка в уголовном процессе, ввиду своего психотравмирующего характера, должна быть сведена к необходимому минимуму.

Важным шагом на пути обеспечения прав детей в обозначенном направлении явились дополнения, внесенные в уголовно-процессуальное

законодательство Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», согласно которым допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы по возможности проводится в условиях дружественной детям комнаты для допроса (ч. 2¹ ст. 221 УПК).

Эта законодательная новелла представляется логичной, поскольку на протяжении длительного времени дружественные детям комнаты успешно используются органами уголовного преследования в ходе предварительного расследования, при этом их число постоянно растет. Предполагается, что для успешной реализации внесенных в УПК изменений необходимо принятие соответствующего нормативного правового акта, регламентирующего правовые основания, порядок деятельности таких комнат и специалистов, привлекаемых к работе в них, который в настоящее время отсутствует. Об этих и иных вопросах, связанных с получением показаний у несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, в своих работах отмечали С.Я. Аземша [1], Ю.Ф. Каменецкий, Г.В. Суздалева, Л.Н. Истомова [2], О.В. Петрова [3] и др.

Следует признать, что до настоящего времени широкого применения ч. 2¹ ст. 221 УПК в следственной практике не получила. Чаще всего по запросу следователя проводится опрос несовершеннолетнего в дружественной детям комнате специалистом-психологом (педагогом). В момент проведения опроса следователь и законный представитель размещаются в обзорной комнате и имеют возможность задать интересующие вопросы через специалиста-психолога (педагога) на определенном этапе – перерыве. Описанный порядок позволяет облегчить процесс установления психологического контакта и опроса ребенка главным образом за счет уменьшения количества присутствующих участников. В последующем диск с видеозаписью и стенограмма проведенного опроса направляются в орган уголовного преследования, где после его осмотра приобщается к материалам уголовного дела и признается вещественным доказательством. Решение о необходимости дальнейшего проведения либо непроведения следственных действий с несовершеннолетним свидетелем или потерпевшим принимается с учетом складывающейся следственной ситуации.

Однако, исходя из положений ч. 2¹ ст. 221 УПК, следует, что получение показаний от несовершеннолетнего об обстоятельствах расследуемого преступления осуществляется непосредственно следователем в

определенных условиях, т. е. в дружественной детям комнате, с участием специалиста-психолога (педагога) и законного представителя. Нередко такое количество участников воспринимается несовершеннолетними потерпевшими (свидетелями), особенно по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы, как негативный фактор, вследствие чего они чувствуют себя скованно, стесняются и высказывают нежелание давать показания в присутствии других участников (законного представителя, психолога (педагога)).

Как отмечено С.С. Кимом, в ситуации, когда нежелательно проводить допрос потерпевшего в присутствии участников процесса, их участие в судебном заседании возможно обеспечить путем использования технических средств, исключающих визуальное наблюдение со стороны потерпевшего. В таких случаях допрос производится путем передачи информации от участников процесса через находящегося рядом с ребенком педагога. Данный способ проведения допроса признан допустимым Европейским судом по правам человека по делу «Аккарди и другие против Италии» [4, с. 110].

Вышеуказанное дело заключалось в обвинении родителей двух малолетних детей и сожителя их матери в совершении в отношении этих детей развратных действий. По данному факту дети (возрастом шесть с половиной лет) были допрошены следственным судьей в присутствии специалиста – детского психолога, который задал им определенные вопросы. В это время подозреваемые, их адвокаты и представитель прокуратуры находились в другом помещении, отделенном от помещения, где проводился допрос, полупрозрачным зеркалом, и могли видеть и слышать данное следственное действие. С учетом того, что у одного ребенка возникли трудности при даче ответа на один из вопросов, следственный судья покинул помещение, где проводился допрос, и наблюдал завершающую часть следствия из-за полупрозрачного зеркала. Судом был постановлен обвинительный приговор, в обоснование которого, помимо прочего, положена аудиовизуальная запись допроса детей. В последующем осужденные обжаловали приговор и обратились с ходатайством о проведении повторного допроса потерпевших. Данное ходатайство было отклонено с указанием того, что осужденные и их адвокаты имели возможность наблюдать за ходом допроса и манерой поведения детей из отдельного помещения через полупрозрачное зеркало. Было также отмечено, что адвокаты имели возможность задавать детям через следственного судью любые вопросы, однако не воспользовались этим, что истолковано как косвенное одобрение тактики допроса. Ау-

диовизуальная запись этого процессуального действия была доступна для изучения всеми заинтересованными. Жалоба по данному пункту признана необоснованной [5].

Указанный способ допроса также находит свое отражение в исследовании, проведенном О.В. Петровой [3, с. 355–357]. В этой связи полагаем, что в случае нежелания несовершеннолетнего давать показания в присутствии иных лиц следователем может проводиться допрос в порядке ч. 2¹ ст. 221 УПК по аналогии с рассмотренным примером. При этом, по нашему мнению, имеющийся в нормах УПК термин «участие» не содержит запрета на нахождение или присутствие иных участников следственного действия в обзорной комнате и дистанционную постановку ими вопросов (ст. 192, 193, 215, 217–221 УПК).

Однако в указанном примере обращает на себя внимание проведение специалистом именно допроса, что в отдельных аспектах противоречит непосредственному проведению следователем следственных действий. Вместе с тем данный вопрос требует отдельного рассмотрения с учетом положительного результата в приведенном примере. Следует также констатировать: на данном этапе главенствующую роль в реализации ч. 2¹ ст. 221 УПК занимает следователь, имеющий знания и опыт работы с несовершеннолетними.

Таким образом, рассмотрение отдельных проблемных аспектов и практики допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей позволило прийти к выводу, что в целях минимизации вреда психическому здоровью несовершеннолетнего в случае его нежелания давать показания в присутствии иных участников следственного действия (педагога, законного представителя) и расширения практики применения ч. 2¹ ст. 221 УПК целесообразно проводить данный допрос в условиях, исключая прямое взаимное наблюдение между указанными участниками и осуществления видеозаписи в обоих помещениях (обзорном – с участниками и в помещении со следователем и несовершеннолетним).

1. Аземша, С.Я. Оптимизация участия психолога (педагога) на стадии досудебного уголовного производства / С.Я. Аземша // Формирование эффективной уголовной политики и оптимальной модели досудебного производства – приоритетная задача юридической науки и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 апр. 2019 г. / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С.Я. Аземша (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ЮрСпектр, 2019. – С. 312–315.

2. Каменецкий, Ю.Ф. Рекомендации по результатам исследования эффективности деятельности специализированных комнат опроса, дружественных детям. Пути совершенствования и перспективы дальнейшей популяризации : метод.

рек. / Ю.Ф. Каменецкий, Г.В. Суздалева, Л.Н. Истомова. – Минск : СтройМедиа-Проект, 2020. – 36 с.

3. Петрова, О.В. Дружественная детям комната для допроса как новелла уголовно-процессуального закона / О.В. Петрова // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С.К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 351–358.

4. Ким, С.С. Тактика допроса несовершеннолетнего потерпевшего при рассмотрении уголовных дел, связанных с преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних / С.С. Ким // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. – 2021. – № 4 (57). – С. 107–111.

5. Информация о Решении ЕСПЧ от 20.01.2005 по делу «Аккарди и другие (Accardi and others) против Италии» (жалоба № 30598/02) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-185671>. – Дата доступа: 14.11.2022.

УДК 343.9

Н.В. Попова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации позволяет выдвинуть одно из приоритетных направлений для правоохранительных органов страны – применение научно-технических средств и методов, которые оказывают существенное влияние на исход уголовного дела. Одним из видов доказательств являются показания участников уголовного судопроизводства, полученные в ходе производства допроса.

Однако не все участники процесса стремятся сотрудничать с правоохранительными органами, а наоборот, своими действиями вводят в заблуждение следователя по установлению истины по уголовному делу, давая ложные показания. Для качественного расследования уголовного дела по особо тяжким и тяжким преступлениям с целью получения достоверных показаний применяются современные технико-криминалистические средства, такие как полиграф.

Применение полиграфа при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений различной квалификации правоохранительными органами Российской Федерации прочно вошло в арсенал методов и средств борьбы с преступностью. Проверка на полиграфе наиболее востребована в ситуациях малого количества информации, необходимой для всестороннего и объективного расследования уголовного дела; для устра-

нения противоречий между показаниями участников процесса, а также для получения новых доказательств по уголовному делу.

Опрос на полиграфе как самостоятельное доказательство, которое может быть получено с помощью определенного следственного действия не находит свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ), а также в Федеральном законе Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Анализируя практическую составляющую расследования преступлений, отметим, что одним из немногих современных методов исследования идеальных следов преступления является метод психофизиологического исследования с использованием полиграфа. Этот вид исследования представлен в виде назначения судебной психофизиологической экспертизы, целью проведения которой является установление достоверности ранее данных показаний [1].

Представленный вид экспертизы носит доказательственное значение и данные, полученные в ходе ее проведения, будут наделены свойствами доказательств, полученных из надлежащего источника. В процессе проведения экспертизы возможно сделать определенный вывод или получить определенный результат на основе психофизиологических реакций обследуемого лица. В процессе проведения данной экспертизы возможно составление схем психофизиологических реакций, с описанием методов, а также реакции лица на задаваемые вопросы. В ходе проведения экспертизы особое внимание необходимо уделять формулировке вопросов, которые составляются заранее совместно со следователем.

До назначения судебной психофизиологической экспертизы иногда проводится судебно-медицинская экспертиза или судебно-психиатрическая экспертиза. По ее результатам можно определить целесообразность проведения допроса с использованием полиграфа. Получение признания не является основной целью экспертизы. Тем не менее проверка на полиграфе имеет мощное воздействие на человека, который совершил преступление. По статистике, в 2017 г. после проверок экспертами-полиграфологами Следственного комитета Российской Федерации признательные показания получены в 145 случаях, в 2018 г. – в 131, в 2019 г. – в 144 [1].

Экспертами отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области в 2019 г. с применением полиграфа проведено свыше 100 исследований [2]. Эксперты отдела криминалистики помогают следователям в

улучшении качества проведенного предварительного следствия, путем установления и привлечения к уголовной ответственности виновных лиц. Выезжая на место преступления, криминалисты оказывают практическую помощь в раскрытии наиболее сложных тяжких и особо тяжких преступлений, помогают следователям при обнаружении, фиксации, изъятии и исследовании вещественных доказательств, планировании и организации первоначальных следственных действий, назначении экспертных исследований [2].

Как справедливо отметил Р.С. Белкин, правильность выводов, сделанных на основе полиграфа, достигает очень высокой степени вероятности, и во многих случаях все выводы оказываются достоверными при использовании тактики полиграфа [3, с. 580].

Положительными моментами в применении полиграфа являются: возможность определить истинность или ложность показаний, данных лицом; установить причину несоответствия показаний разных участников уголовного процесса и найти соответствующие средства в их позициях; исключить и предотвратить возникновение судебно-следственных ошибок; а также позволяет установить объективную картину события. Данные обстоятельства говорят о необходимости использования полиграфа при расследовании уголовных дел.

Однако возникают и трудности применения полиграфа, например: отсутствие универсального, проверенного и научно обоснованного метода использования полиграфа; получение показаний с помощью полиграфа не всегда могут быть учтены и иметь доказательственное значение при вынесении обвинительного приговора. В свою очередь, выводы, полученные с применением таких технических средств, и их последующее использование в практической деятельности следователей приводят к нарушению принципа свободы оценки доказательств.

Так, К.В. Бубон говорит о том, что даже если полиграф дает 100%-ный результат, это вовсе не означает, что лицо, проходящее проверку на полиграфе, не ошибается. Кроме того, эта методология не позволяет сравнивать сообщаемую информацию с реальными обстоятельствами. Сложность заключается в том, что с помощью полиграфа фактически пытаются обойти волю обладателя информации.

В свою очередь, защитники применения полиграфа в уголовном судопроизводстве отмечают, что на сегодня имеются все правовые основания для проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа, поскольку, по сути, само исследование как отдельный вид доказательств в виде заключения эксперта (специалиста) предусмотрен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Психологическое обследование с применением полиграфа – это процедура применения специальных знаний, с использованием технических средств, не наносящих вреда жизни и здоровью человека и не наносящих вреда окружающей среде. В рамках психологического исследования проводится анализ и оценка динамики психологических реакций обследуемого в ответ на предъявляемые раздражители, которые выбираются и систематизируются в определенном порядке.

Применение полиграфа в борьбе с преступностью имеет позитивные перспективы. Потребность в психологических исследованиях умеренно оптимистична, так как, с одной стороны, компетентные специалисты (полиграфологи Следственного комитета Российской Федерации) имеют достаточный практический опыт в проведении подобного исследования, с другой стороны, это средство защиты прав человека возможными законными доступными средствами, а также возможность защиты от необоснованного обвинения.

В свою очередь, анализ положений законодательства, касающихся применения технических средств в целом для целей и задач деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, свидетельствует, что в настоящее время не существует законодательного запрета на использование полиграфа как в оперативно-розыскной, так и в экспертной деятельности. Полиграф не является одним из технических средств, которые способны нанести вред жизни и здоровью человека или же окружающей среде. Так, соответственно, наложение какого-либо прямого запрета на его применение, в обход норм отечественного законодательства, будет являться как минимум неправомерным [4].

1. Из опыта применения при раскрытии преступлений полиграфа («детектора лжи») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krk.sledcom.ru/folder/875930/item/875931>. – Дата доступа: 01.11.2022.

2. 9 октября сотрудники подразделений криминалистики в системе Следственного комитета России отмечают 65-летие со Дня образования службы криминалистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://voronezh.sledcom.ru/news/item/1401001>. – Дата доступа: 01.11.2022.

3. Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Закон и право, 2001. – 837 с.

4. Калиниченко, П.А. Проблемы применения полиграфа на этапе предварительного расследования [Электронный ресурс] / П.А. Калиниченко // Междунар. науч.-исслед. журн. «Аллея науки». – 2019. – № 6 (33). – URL: <https://alley-science.ru/> (дата обращения: 05.11.2022).

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ

Одним из эффективных направлений деятельности органов внутренних дел для борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы выступает надлежащим образом организованное взаимодействие участвующих в этом процессе должностных лиц и подразделений. Под таким взаимодействием в криминалистической литературе понимается «основанная на законодательных актах совместная, планируемая согласованная деятельность следователя с сотрудниками оперативных и экспертно-криминалистических служб, базирующаяся на специальных принципах и знаниях друг друга, и осуществляемая в целях успешного раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 253].

Обозначая значимость организации взаимодействия различных правоохранительных ведомств, В.А. Галанов совершенно справедливо отмечает, что, несмотря на персональную ответственность следователя за уголовное дело, которое находится в его производстве, успех раскрытия и расследования того либо иного преступления зависит от множества людей и служб, участвующих в этом процессе [2, л. 65]. Организованное должным образом взаимодействие позволяет согласованно и эффективно преодолевать различные формы и приемы противодействия расследованию, своевременно выявлять факты противоправного поведения подозреваемых лиц, получать и использовать доказательственную информацию [3, с. 38].

Определяя структуру организации взаимодействия правоохранительных органов, учитывая многогранный характер и множество направлений деятельности по раскрытию и расследованию половых преступлений, представляется возможным выделить два основных уровня:

1) межведомственный – на котором, на основе основополагающих законодательных актов, государственных концепций и программ осуществляется взаимодействие между государственными органами и учреждениями, в том числе правоохранительной системы, формируется их организационное, правовое, материально-техническое обеспечение, закрепляются базовые принципы совместной деятельности органов дозна-

ния, предварительного следствия и экспертно-криминалистических подразделений при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений;

2) организационно-тактический – формирующий комплекс конкретных организационных предписаний и тактических рекомендаций при взаимодействии субъектов расследования непосредственно в процессе проверки сообщения о преступлении, в ходе его раскрытия и расследования.

Несомненно, и тот, и другой уровни непосредственно взаимосвязаны между собой и имеют важное значение для организации процесса раскрытия и расследования данных видов преступлений. Однако, как в свое время отмечал Р.С. Белкин: «организация расследования есть именно организация конкретного акта расследования, расследование конкретного преступления» [4, с. 450]. Именно взаимодействие на организационно-тактическом уровне вследствие его эффективности детально регламентируется уголовно-процессуальным законом и ведомственными нормативными актами. Такой организационный порядок позволяет его участникам действовать системно, целенаправленно и согласованно, оперативно устанавливая достоверные обстоятельства совершенных преступлений и лиц, причастных к их совершению.

В соответствии с приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. № 92 «О преступлениях, подлежащих учету по направлениям деятельности органов внутренних дел» на организационно-тактическом уровне оперативно-розыскное сопровождение по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы осуществляют подразделения уголовного розыска (УР), а также наркоконтроля и противодействия торговли людьми (НиПТЛ). Так, если противоправные сексуальные действия совершены в отношении несовершеннолетних лиц (ч. 2 и ч. 3 ст. 166, 167, ст. 168, 169, ч. 2 ст. 170 УК), то их оперативно-розыскное сопровождение обеспечивается службой НиПТЛ, а если совершеннолетних лиц – подразделениями УР (ст. 166, 167, 170 УК).

Разделение деятельности оперативных служб органов дознания при выявлении, раскрытии и расследовании половых преступлений по признаку возраста потерпевших, по нашему мнению, представляется не совсем обоснованным, поскольку следователю наиболее практичнее наладить и организовать взаимодействие на постоянной основе с одними и теми же оперативными сотрудниками, как правило, ответственными за раскрытие этих видов преступлений. К тому же, представляется, что их будет проще подготовить и обучить специфике выявления, раскрытия и расследования таких преступлений. Об этом свидетельствует и практика организации деятельности оперативных подразделений по раскрытию и расследованию преступлений против половой непри-

косновенности и половой свободы в Российской Федерации, где их оперативно-розыскное сопровождение осуществляют только подразделения уголовного розыска.

Помимо этого при проведении проверки по сообщению о сексуальном посягательстве, особенно когда потерпевшим от него является несовершеннолетнее лицо, во многих случаях первоначально установить его исходную квалификацию не предоставляется возможным. Например, когда насильственные действия сексуального характера совершены в отношении несовершеннолетней либо развратные действия осуществлялись с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в социальной сети, то для квалификации признаков состава преступления требуется установить факт заведомой осведомленности виновного о таком возрасте его жертвы, что часто производится на последующем этапе расследования уголовного дела. Так, если при таких обстоятельствах будет установлено, что подозреваемый заведомо достоверно знал возраст потерпевшей, то оперативно-розыскное сопровождение должны осуществлять подразделения НиПТЛ, а если не знал – сотрудники УР. Соответственно, в такой ситуации невозможно определить, какое подразделение (УР или НиПТЛ) изначально должно оказывать оперативно-розыскное сопровождение и взаимодействовать со следственными органами при его раскрытии и расследовании.

Не определены в указанном нормативном правовом акте и положения о разграничении компетенций оперативных подразделений органов дознания, связанных с раскрытием и расследованием данных видов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – онлайн-, видеоплатформ (видеохостингов), социальных сетей и мессенджеров. Вполне логично, что оперативно-розыскное сопровождение при таком способе совершения сексуального посягательства должно осуществляться оперативными подразделениями по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий. Особенно актуально и важно использовать возможности данных подразделений в случаях, когда лицо, совершившее преступление, неизвестно и установить его представляется возможным только с помощью обнаружения и исследования компьютерной информации (цифровых следов преступления).

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что успех раскрытия и расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы во многом предопределяется тем, как организовано взаимодействие между следователем и сотрудниками оперативных подразделений органов дознания. Отсутствие четкой и грамотной правовой регламентации по распределению

их компетенций, особенно касающихся оперативно-розыскного сопровождения раскрытия и расследования данных видов преступлений, существенно усложняет процесс их взаимодействия и в целом снижает результативность их деятельности.

Для повышения эффективности организации взаимодействия субъектов расследования представляется целесообразным на организационно-тактическом уровне перераспределить компетенции по оперативно-розыскному сопровождению преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы и отнести их к одному оперативному подразделению – УР. При совершении таких преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – онлайн-, видеоплатформ (видеохостингов), социальных сетей и мессенджеров – их оперативно-розыскное сопровождение следует осуществлять совместно с подразделениями по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий.

1. Бурнашов, Н.А. Взаимодействие в ходе расследования преступлений / Н.А. Бурнашов // Криминалистика : учеб. для вузов МВД России. – Волгоград, 1994. – Т. 2. – 426 с.

2. Галанов, В.А. Взаимодействие органов следствия и дознания при расследовании уголовно наказуемых нарушений авторских прав в области распространения компьютерной информации, аудио- и видеопродукции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Галанов. – Саратов, 2003. – 220 л.

3. Образцов, В.А. Взаимодействие в структуре деятельности следователя / В.А. Образцов // Вопросы взаимодействия следователя и других участников расследования преступлений. – Свердловск, 1984. – С. 33–39.

4. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М. : Юрист, 1997. – Т. 2. – 464 с.

УДК 343.985

С.Н. Пшеничных

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

Сфера социального обеспечения и обеспечения различными социальными выплатами населения является одним из направлений деятельности государства. Судебно-следственная практика постоянно сталкивается с хищениями, совершаемыми в этой сфере. Данные деяния с

2012 г. квалифицируются по ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

В основе успешного расследования этого вида преступного посягательства лежат качественные методологические предпосылки, в качестве которых выступает система положений и сделанных на их основе рекомендаций практического характера. Реализация данных методологических основ в практической деятельности следователя (дознавателя) способствуют достижению целей предварительного расследования, а именно выяснению и документированию всех обстоятельств совершенного противоправного деяния.

В качестве методологических основ расследования мошенничества при получении выплат физическими лицами следует рассматривать криминалистическую характеристику такого вида мошенничества, которая обладает определенными особенностями (отличительными признаками, чертами), выявленными и описанными на основании изучения и обобщения достаточного массива уголовных дел данной категории.

Структурными элементами криминалистической характеристики мошенничества при получении выплат являются обстановка совершения преступления, предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, личности преступника, механизм следообразования, что в целом соответствует базовым элементам криминалистической характеристики мошенничества [1, с. 377].

Описание данных элементов, с использованием криминалистических методов, имеет существенное значение при формировании знаний о криминалистической характеристике мошенничества при получении выплат.

Наиболее значимым элементом криминалистической характеристики мошенничества при получении выплат, по нашему мнению, является обстановка совершения преступления. Как отметил И.Н. Якимов, изучение обстановки позволит отчетливо понять суть совершенного деяния, его внутренние связи [2, с. 105].

Справедливо утверждал В.К. Гавло, определив обстановку совершения преступления, как системы условий и обстоятельств, локализованных пространством и временем, материальной обстановкой места происшествия, объектом и субъектом преступления и иными компонентами, в которых осуществляется подготовка, совершение и сокрытие преступления [3, с. 181].

Описывая содержание обстановки совершения мошенничества при получении выплат физическими лицами, следует отметить, что изучение ее содержания позволяет создать модель события преступления, выдвигая

нуть обоснованные версии и планировать ход расследования по такому виду преступного посягательства. Данный элемент, по нашему мнению, является системообразующим, несущим каркасом [4, с. 49], изучение и знание которого дает ориентирующую информацию об остальных элементах криминалистической характеристики, а именно о предмете преступного посягательства, способе совершения преступления, личности вероятного преступника и механизме слепообразования.

Данный элемент криминалистической характеристики носит объективный характер, обусловленный сферой социального обеспечения, и формируется на основе нормативных правовых актов, регламентирующих эту сферу деятельности государственных органов. Анализ, как специальный криминалистический метод, выступает как первоначальный этап в формировании знаний о сущности обстановки совершения такого вида преступного посягательства. Проведя изучение и анализ, мы получаем информацию о действии нормативных правовых актов во времени, квалифицирующих признаках преступления и недостатках в механизме получения выплат, используемых лицами при совершении мошенничества.

В ходе изучения нормативной правовой базы мы также получаем данные о конкретных формах и видах документов, на основании которых была предоставлена соответствующая выплата. Необходимо отметить, что документы являются важнейшим средством доказывания по уголовным делам данной категории.

Анализ нормативных правовых актов позволяет получить первоначальную информацию о месте совершения преступления, которое определяется видом выплат, ставшим предметом хищения.

Местом совершения мошенничества при получении выплат, как правило, является место предоставления пакета документов для получения соответствующих выплат, и определено местом расположения соответствующего органа социального обеспечения, к которым относят: отделения Пенсионного фонда России, отделы социальной защиты населения, учреждения государственной службы медико-социальной экспертизы, другие государственные учреждения и организации, осуществляющие деятельность в области социальной защиты населения.

Временем совершения мошенничества при получении выплат являются часы работы организаций, осуществляющих предоставление соответствующих выплат. Более точный временной отрезок отражается в документах на оформление соответствующей выплаты.

Следующим значимым элементом является предмет преступного посягательства, в основе понимания которого большинство ученых ис-

пользуют уголовно-правовую характеристику предмета преступления. Так, в диспозиции ст. 159.2 УК РФ приведен перечень предмета мошенничества, к которому отнесены: пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты (понятия данных видов выплат в УК РФ не отражены, что требует от сотрудников правоохранительных органов умения пользоваться большим количеством нормативных правовых актов, закрепляющих соответствующие понятия). Социальные выплаты являются родовым понятием, которое включает в себя различные по своей природе выплаты, регламентированные нормами права социального обеспечения или трудового права. По результатам изучения вопроса о предмете преступного посягательства следует описать его черты, которые содержат большое количество доказательственной информации: цель выплат, источник финансирования, адресат получения.

При описании предмета преступного посягательства необходимо проведение анализа нормативных правовых актов, касающихся порядка назначения выплаты, выступающих наиболее типичными предметами в судебно-следственной практике. Данный анализ позволит установить корреляционные связи между соответствующим предметом и способом совершения преступления. Знание порядка назначения выплаты и его «слабых» мест позволит установить информацию, имеющую доказательственное значение, выдвинуть и проверить обоснованные версии о личности преступника.

При определении способа необходимо учитывать субъективные и объективные факторы. К субъективным факторам следует отнести свойства предмета преступного посягательства, его правовую регламентацию (порядок выплаты). Примером может служить способ, связанный с умолчанием о возникновении юридически значимых обстоятельств, влекущих прекращение выплат по безработице, когда преступник уведомлен об обязанности сообщить о наступлении факта трудоустройства или заключении договора подряда с третьими лицами, что является основанием для прекращения соответствующей выплаты. К объективным (относятся к личности преступника) – навыки и умения, специальные знания, цель и мотив совершения преступления, уровень образования.

Подводя итог, можно сделать вывод: для успешного расследования мошенничества при получении выплат необходимо использование соответствующих методологических основ, которые ориентированы не только на процесс расследования, но и на их выявление. С учетом этого должна формироваться методика расследования, целью которой выступает оптимизация процесса предварительного расследования.

Преступления, связанные с мошенничеством при получении выплат, обладает рядом особенностей, детерминирующих механизм преступного посягательства, что диалектически предопределяет специфику организации и расследования данных деяний. Соответственно, в целях повышения эффективности раскрытия и расследования обозначенного вида мошенничества, формирование криминалистических рекомендаций следует осуществлять с учетом знания закономерностей механизма совершения мошенничества при получении выплат.

Необходимо отметить, что описание выделенных элементов криминалистической характеристики, в их взаимосвязи, позволяют дать научно обоснованные рекомендации, имеющих первоочередное значение для повышения качества расследования мошенничества при получении выплат.

1. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. – М. : Спутник +, 2016. – С. 377.

2. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. – М. : ЛексЭст, 2003. – 496 с.

3. Гавло, В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В.К. Гавло. – Томск, 1985. – 194 с.

4. Кудряшова, О.А. Криминалистическое значение обстановки совершения преступления / О.А. Кудряшова // Вестн. Юж.-Ур. гос. ун-та. Серия «Право». – 2011. – № 27 (244). – С. 49–54.

УДК 343.98

Р.М. Ponom

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА МЕСТА ВЗРЫВА

Осмотры мест происшествий по фактам взрыва являются одними из наиболее трудоемких, что обусловлено разнообразием следовой картины, а также рядом специфических особенностей, незнание или пренебрежение которыми может повлечь безвозвратную утрату важной криминалистически значимой информации. Следует отметить, что в научно-методическом обеспечении отечественной практики правоприменения данный вопрос освещен фрагментарно, что не способствует повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений соответствующих групп и требует выработки конкретных, доступных и действенных криминалистических рекомендаций, их внедрения в практическую деятельность.

Залогом успешной и результативной работы на месте взрыва является соблюдение трех основных правил:

1. Безопасность осмотра. Приступать к любым действиям непосредственно на месте происшествия разрешается только после обследования его специалистами группы разминирования (саперно-пиротехнической службы) на предмет наличия других взрывных устройств (ВУ) или неразорвавшихся (несработавших) взрывоопасных элементов. Однако, даже убедившись в отсутствии опасности повторения взрыва, при работе на месте происшествия следует соблюдать повышенную осторожность, ввиду возможного обрушения строительных конструкций, наличия оголенных проводов электрооборудования и т. п.

2. «Бойся ровных часов!». Такая формулировка правила, с одной стороны, взаимосвязана с вышеуказанными требованиями безопасности, а с другой стороны, отражает особенности механизма совершения заранее спланированных террористических актов, предполагающих инициацию с определенной периодичностью нескольких (двух и более) ВУ. Такой преступный замысел направлен на максимальное поражение представителей власти и иных лиц, прибывших на место первоначального взрыва для оказания помощи пострадавшим и проведения первоочередных процессуальных мероприятий. Анализ данного вопроса однозначно свидетельствует о том, что последующие взрывы происходят в так называемые ровные часы (6.00, 12.00, 17.00 и т. д.), что обусловлено рядом организационно-тактических особенностей, характерных для совершения подобного рода преступлений. Данный аспект следует учитывать при организации работы на месте взрыва и прилегающей территории, особенно в условиях отсутствия категорической и достоверной уверенности в отсутствии возможных несработавших ВУ. В подобных ситуациях за несколько минут до и через несколько минут после «ровных часов» рекомендуется прекращать любые действия и находиться в безопасном месте (укрытии).

3. Тщательность и полнота осмотра. Данное правило предполагает четкое уяснение задач осмотра, знание тактики его проведения и особенностей работы со следами взрыва.

Основными задачами осмотра являются: уяснение и фиксация обстановки на месте взрыва; обнаружение, фиксация и изъятие следов, определяющих непосредственную причину взрыва и связанные с ним обстоятельства; обнаружение, фиксация и изъятие следов, указывающих на конкретных лиц, причастных к происшествию; выявление условий, которые способствовали возникновению взрыва (или возникли после него), угрожающих здоровью и жизни людей, для последующего приня-

тия мер к их устранению и др. При осмотре места взрыва сохраняются и общие требования, а именно: своевременность, объективность и полнота, четкая организация, планомерность и эффективное использование научно-технических средств и методов.

Следы взрыва могут быть разделены на следующие основные группы: остатки ВУ (осколки оболочки, крепежные и иные детали, поражающие элементы и пр.), собранные в достаточном количестве и позволяющие произвести реконструкцию ВУ; повреждения на окружающих объектах (пробоины, воронки, деформации, изломы, микроструктурные изменения, наслоения микрочастиц), которые характеризуются на основе бризантного (дробящего), осколочного, фугасного, теплового, акустического и светового воздействия; продукты взрыва взрывчатого вещества (ВВ), которые представляют собой совокупность газообразных и конденсированных (твердых) веществ, образующихся при взрыве.

Организуя работу по обнаружению, фиксации и изъятию следов взрыва, следует учитывать ряд особенностей: легкость следов ВВ, их неустойчивость к атмосферным осадкам; возможное уничтожение и видоизменение следов в результате проведения аварийно-спасательных работ; высокая трудоемкость осмотров за счет больших площадей разрушений, разлета осколков и фрагментов как ВУ, так и объектов окружающей обстановки.

Локализация следовой картины во многом обусловлена зонами следов взрыва:

1) первая пространственная зона – это сфера радиусом 2–5 метров. В ней сконцентрированы все признаки бризантного и термического воздействия взрыва;

2) вторая пространственная зона – сфера радиусом от 5 до 20 метров (до 30 радиусов центра взрыва). В этой зоне наблюдается фугасное действие взрыва в виде деформации, перемещения и частичного разрушения малопрочных и незакрепленных предметов;

3) третья пространственная зона – это сфера радиусом от 20 до 100 метров (до 100 радиусов центра взрыва), которая характеризует действие ударной волны и разлет осколков.

В ходе осмотра места происшествия для точного определения места обнаружения следов взрыва необходимо применить тактический прием радиальной системы координат. Ее сущность сводится к выбору одной базисной точки на местности, генерального направления (как правило, азимутального), с последующей фиксацией радиальных углов и расстояний до отдельных объектов. В качестве технических средств измерений могут быть использованы различные приборы: теодолит, буссоль,

компас, лазерный дальномер и пр. В целом при осмотре места взрыва используются как традиционные технические средства (фото-, видеокамеры, измерительные инструменты, оптические приборы и т. п.), применяемые в криминалистике при осмотре любого места происшествия, так и специальные, позволяющие обнаруживать пары взрывчатых веществ, собирать фрагменты взрывных устройств, осуществлять рентгеновский контроль устройств на предмет их принадлежности к ВУ или их частям, с целью предварительного изучения их конструкции.

Поиск следов и продуктов взрыва, как правило, начинается с определения места, где находилось ВУ, т. е. определения эпицентра взрыва.

На местности эпицентр взрыва определяется по следующим признакам: наличие воронки с взрыхленными стенками и валиком грунта (гребнем по краям); интенсивное окопчение грунта и поверхности предметов в местах, где находилось взрывное устройство; опаление растительности; остатки взрывного устройства. Эпицентр взрыва в помещении определяется: по характеру разрушений (наиболее сильные с интенсивным и мелким дроблением предметов вблизи от ВУ); следам действия ударной волны и высокой температуры на одежде и теле пострадавших (интенсивное опаление и ожоги, разрывы внутренних органов, переломы костей); наличию радиальных полос, которые образуются на плоскостях в результате окопчения и воздействия тепловой энергии взрыва.

Если в качестве основного заряда в ВУ использовались пиротехнические составы или порох со средством воспламенения, то на месте взрыва могут быть обнаружены непрореагировавшие частицы ВВ. Для мощных инициирующих и бризантных ВВ, используемых в ВУ со стандартными средствами детонирования, обнаружить отдельные частицы на месте взрыва, как правило, невозможно. В этом случае производят изъятие ацетоновых и водных смывов с объектов на месте взрыва, и их последующее исследование с помощью чувствительных инструментальных методов.

При детальном осмотре в эпицентре взрыва (первая пространственная зона) фиксируются форма и размеры воронки (углубления, отверстия разлома), выполняются раскопки и просеивание грунта с помощью сит, производится сбор пыли и мусора, обнаруживаются и извлекаются мельчайшие фрагменты ВУ, берутся пробы грунта, предметы или их части со следами бризантного и термического воздействия взрыва. Образцы (пробы) грунта берутся непосредственно из центра взрыва массой не менее 1 кг и в качестве образцов сравнения в нескольких точках вокруг него на достаточном отдалении, где отсутствуют следы взрыва. Обнару-

живаются и фиксируются также признаки бризантного и термического воздействия взрыва, следы разлета фрагментов ВУ, собираются части непрореагировавшего ВВ, фрагменты промышленной упаковки ВВ, обрывки бумаги и картона, мелкие фрагменты ВУ.

Во второй и третьей пространственных зонах на предметах обстановки обнаруживаются и фиксируются признаки фугасного и сейсмического воздействия взрыва, следы разлета фрагментов ВУ, берутся контрольные пробы грунта, штукатурки, а также образцы от предметов, имеющих общую родовую принадлежность с предметами-носителями микрочастиц и микроследов ВВ и неподвергавшихся действию взрыва (аналогичные обои, паркет, доски и другие предметы и материалы без следов взрыва).

Остатки и микрообъекты непрореагировавшего ВВ, конденсированные продукты взрыва, фрагменты оболочки ВУ, объекты-носители микрочастиц и микроследов ВВ изымаются в резиновых перчатках с применением пинцетов, игл, ножей, лопаток, тампонов и т. п. Обнаруженные объекты упаковываются отдельно, в герметичные стеклянные, полиэтиленовые бьюксы и коробки, либо при их отсутствии в герметичные полиэтиленовые пакеты. Бумажная упаковка крайне нежелательна, поскольку ВВ и продукты взрыва способны быстро улечиваться.

Таким образом, только тактически грамотные и организационно выверенные действия участников осмотра будут способствовать извлечению максимального объема криминалистически значимой информации из среды события преступления, характеризующейся расширенными пространственными аспектами и особыми правилами и условиями работы.

УДК 343.7

М.М. Савченко

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ

Современные тенденции увеличения количества денежных расчетов с использованием дистанционных банковских технологий одновременно обуславливают стремительный рост преступных посягательств на денежные средства граждан, размещенных на счетах и банковских платежных карточках. Рост количества таких преступлений ускорился в первые месяцы пандемии COVID-19 [1].

Для разработки мероприятий для предотвращения данных деяний, а также для разработки методик расследования преступлений необходимо провести систематизацию способов их совершения.

Проведем классификацию способов совершения преступлений указанной группы в зависимости от технологии обработки платежной информации [2]:

1. Неправомерное осуществление наличных расходных операций в кассе банка неуполномоченными лицами от имени клиента.

2. Постоянное или временное физическое завладение чужой банковской платежной карточкой и ее неправомерное использование для осуществления операций.

3. Копирование информации с банковской платежной карточки, ее электронной полосы, а также ее реквизитов, достаточных для осуществления расходных операций.

4. Неправомерное завладение кодами (из СМС-сообщений, таблиц разовых ключей и т. д.), являющимися аналогами электронной цифровой подписи, позволяющими совершить одну или несколько конкретных банковских операций.

5. Неправомерное завладение информацией, позволяющей использовать все возможности дистанционного банковского обслуживания от имени клиента.

6. Введение клиента банка в заблуждение с последующим побуждением к совершению безналичных расходных операций в пользу виновных лиц и их сообщников.

Следует отметить, что вышеуказанная классификация проведена в зависимости от путей завладения виновными лицами платежной информации, однако в рамках некоторых видов возможна уголовно-правовая квалификация деяний по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [3]. Основными нормами, предусматривающими ответственность за такие деяния, являются:

п. «г» ч. 3 ст. 158 «Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3)» УК РФ;

ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» УК РФ;

ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» УК РФ.

Разграничение данных составов между собой в некоторых случаях является сложной задачей [4–6]. В целях обеспечения единообразия судебной практики по рассматриваемой категории дел Верховным Судом

(ВС) РФ было принято соответствующее постановление от 30 ноября 2017 г. № 48 [7], однако постоянное совершенствование информационных технологий банковского обслуживания обуславливает появление новых способов совершения хищений в данной сфере, что ставит все новые вопросы в правоприменительной практике.

Пункт «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ является квалифицированным составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 «Кража – тайное хищение чужого имущества» УК РФ. Анализ диспозиции данной статьи позволяет сделать вывод, что под ее действия попадают исключительно случаи тайного хищения, что подтверждается практикой ВС РФ (п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [8]).

Как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или сторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них.

Хищение, совершенное с физическим использованием банковских платежных карточек, может быть квалифицировано в зависимости от способа реализации преступного замысла либо по п. «г» ч. 3 ст. 158, либо по ст. 159.3 УК РФ.

Преступник может завладеть банковской платежной карточкой различными способами: украсть, найти чужую, временно тайно завладеть чужой; получить путем удержания ее в фиктивном банкомате или специальном устройстве, устанавливаемом на настоящий банкомат.

В случае если лицо, завладевшее банковской платежной карточкой, тайно осуществляет расходную операцию в банкомате, получая наличные денежные средства либо перечисляя их безналичным платежом на свой счет, данное деяние следует рассматривать как кражу по соответствующей части ст. 158 УК РФ. Составом мошенничества не образует также ситуация, при которой злоумышленник обманом выясняет пинкод банковской платежной карточки. Данная позиция подтверждается п. 2 постановления ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48: «если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа».

Деяния, связанные с копированием банковских платежных карточек, получением информации о секретных кодах (CVV/CVC) или с магнитной полосой, подлежат юридической квалификации в зависимости от способа дальнейшего использования полученных данных. Квалификация осуществляется аналогично операциям с физической карточкой как

кража или мошенничество по ст. 159.3 либо ч. 3 ст. 159.6 УК РФ в зависимости от того, каким образом используется поддельная карточка – для получения наличных денег или оплаты товаров и услуг. «В случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя банковской карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карточки под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража».

В последнее время количество совершенных таким способом деяний сокращается, так карточки без чипа (только с магнитной полосой) российскими банками почти не выдаются, а копирование карточек с чипом технически невозможно. При использовании реквизитов банковской платежной карточки, в том числе секретных кодов, при оплате товаров, банками почти повсеместно используется дополнительная технология защиты 3dSecurity, а при ее отсутствии у владельца счета имеется возможность отмены операции.

Квалификация деяний, связанных с завладениями информацией и (или) кодами, являющимися аналогом простой неквалифицированной электронно-цифровой подписи, зависит от установления следующих обстоятельств:

каким способом получена вышеуказанная информация/коды;

каким образом использована эта информация/коды.

Коды для подтверждения операции могут быть получены следующими способами:

при использовании вредоносных компьютерных программ;

при использовании потерпевшим поддельных ссылок на страницы с формами оплаты товаров или услуг;

при неправомерном завладении абонентским устройством потерпевшего, в том числе при незаконном перевыпуске сим-карты;

простым подсматриванием кодов;

при введении в заблуждение потерпевшего относительно назначения кода (например, потерпевший думает, что это код, необходимый для получения денег на счет, либо код для отмены операции).

Проведенная в данной работе классификация способов совершения хищений с банковских счетов физических лиц может стать основой для планирования первоначальных следственных действий и определения источников получения доказательств при расследовании уголовных дел.

1. Сухаренко, А.Н. Криминальные вызовы пандемии COVID-19 в России : науч.-практ. пособие / А.Н. Сухаренко, М.М. Савченко, Ю.В. Трунцевский. – М. : Проспект, 2021. – 336 с.

2. Савченко, М.М. Проблемы уголовно-правовой защиты безопасности денежных средств физических лиц, размещенных на счетах в банках / М.М. Савченко // Юрид. образование и наука. – 2021. – № 4. – С. 34–40.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

4. Хисамова, З.И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики / З.И. Хисамова // Рос. следователь. – 2018. – № 9. – С. 43–47.

5. Яни, П. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П. Яни // Законность. – 2019. – № 5. – С. 25–28.

6. Савченко, М.М. Правовая природа безналичных и электронных денег как предмета преступных посягательств / М.М. Савченко // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 2 (55). – С. 118–124.

7. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 30 нояб. 2017 г., № 48 // СПС «КонсультантПлюс».

8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 27 дек. 2002 г., № 29 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.985

С.С. Сенькевич

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

С ежедневным расширением использования в различных сферах жизнедеятельности человека цифровых технологий, к сожалению, следует констатировать факт процесса использования того же инструментария в противоправной деятельности преступных элементов. Не остается в стороне и преступная деятельность, связанная с осуществлением незаконной охоты. Особый импульс развития информационные технологии получили в период пандемии COVID-19.

К сожалению, традиционные методы криминалистики, связанные с поиском и обнаружением следов преступной деятельности, в цифровом пространстве оказываются не всегда эффективными. В связи с чем в настоящее время получило бурное развитие отдельное направление – циф-

ровая криминалистика. По нашему мнению, к цифровым следам необходимо в первую очередь относить информацию, связанную с событием преступления, отраженную в материальной среде, которая возникла, обрабатывается, распространяется и хранится посредством использования в указанных процессах информационно-коммуникативных технологий. Специфика образования информации, ее распространение, хранение и модификация в первую очередь и определяют развитие новых форм поиска, обнаружения и фиксации, как имеющей доказательственное значение по уголовному делу, а также, в свою очередь, придают импульс в развитии соответствующей криминалистической техники.

Специфика работы с такими следами также связана с возможностью их модификации, удаления, со стороны преступников, соответственно, работа с ними сопряжена с привлечением специалиста, обладающего специальными знаниями в указанной области и соответствующего оборудования.

В настоящее время преступники, осуществляющие незаконную охоту, все чаще для достижения преступного результата используют радиосвязь, электронные, оптические и поисковые приборы, что, в свою очередь, не оставляет ни единого шанса животному. Современное состояние мобильных сетей обеспечивает покрытие Республики Беларусь почти по всей территории, общедоступность интернета и его достаточно быстрая скорость обеспечивают возможность связи между участниками незаконной охоты посредством социальных сетей, с использованием мессенджеров, с возможностью передачи не только текстовых, голосовых сообщений, но и видеофайлов, в режиме практически реального времени, что, в свою очередь, также определяет эффективность преступной деятельности.

Все большую популярность в настоящее время приобретают GPS-трекеры, использование которых в режиме реального времени позволяет на мобильном устройстве отследить местонахождение собаки, осуществляющей загон животного.

Особого внимания заслуживает использование квадрокоптера с целью отыскания зверя, а также с целью обеспечения «безопасности» осуществляемых противоправных действий, обнаружения представителей правоохранительных органов в районе совершения преступления, иных лиц, находящихся в непосредственной близости к месту совершения преступления.

Не является редкостью размещение преступниками в социальных сетях фотографий и видеоматериалов с незаконной охотой, либо законной охоты, но позволяющих по их метаданным определить, что в момент

совершения преступления определенный круг лиц находился в локации совершенного преступления и они могут являться как очевидцами совершенного преступления либо принимать самое непосредственное участие в его совершении.

При расследовании уголовных дел, связанных с незаконной охотой, у следователей сложилось ошибочное мнение о нехарактерности наличия по данному виду преступления цифровых следов. Однако в практической деятельности все чаще встречаются случаи неординарного подхода к расследованию уголовных дел указанной направленности, с положительным результатом. Отсутствие целенаправленной деятельности, связанной с поиском цифровых следов, способствует тому, что ежегодно значительная часть преступлений данного вида остается нераскрытой.

Процесс охоты тесно связан с транспортировкой как самих участников, так и добытой туши. По нашему мнению, отдельного внимания заслуживают современные ассистенты автомобиля, которые направлены на помощь собственнику при его эксплуатации, однако при соответствующем подходе могут явиться ценным источником криминалистически значимой информации. Так, в современных автомобилях заводом-изготовителем помещается SIM-карта автомобиля, обеспечивающая связь собственника с сервисными организациями и предоставляющая достаточно широкий круг возможностей. С криминалистической точки зрения интересен вопрос предоставления маршрута следования автомобиля, а также эксплуатационные характеристики в конкретный период времени, за такой информацией целесообразно обращаться в сервисные центры (например, BMW Real-Time Traffic Information, консьерж-сервис и т. д.). Работа указанных сервисов построена на получении информации об эксплуатируемом автомобиле, причем в режиме реального времени.

С момента появления и бурного развития цифровых технологий и использования их в противоправной деятельности криминалисты всего мира заинтересовались изучением возможности получения криминалистически значимой информации. За время внедрения и использования указанных технологий в повседневную жизнь в практическую деятельность правоохранительных органов также было внедрено значительное количество криминалистической техники, программно-аппаратных комплексов по работе с цифровыми следами (X-Ways Forensic Addition, Paraben, Forensic ToolKit (FTK), Linux DD, UFED (Universal Forensic Extraction Device), XRY, «Тарантула», «Мобильный Криминалист-Эксперт» и др.).

При проведении следственных действий по уголовным делам о незаконной охоте необходимо ориентироваться на поиск технических

средств, работа которых базируется на использовании цифровых технологий не только как источника цифровых следов, но также деятельность должна быть направлена на фиксацию самих следов. Для блокировки возможности дистанционного удаления имеющейся на устройстве информации в первую очередь необходимо использовать «Мешок Фарадея». Как справедливо отмечает А.И. Бастрыкин, «недалек тот момент, когда при совершении любого преступления будут оставаться цифровые следы» [1, с. 11].

Современному следователю необходимо ориентироваться не только в «классической» криминалистике, а проводить анализ факта совершенного преступления через призму поиска его следов, отобразившихся на материальных объектах, показаниях очевидцев, но также с позиции возможности образования цифровых следов, а соответственно, уметь определять алгоритм по их поиску, фиксации.

1. Бастрыкин, А.И. Цифровые технологии современной криминалистики / А.И. Бастрыкин // Вестн. Акад. Следств. ком. Рос. Федерации. – 2021. – № 2 (28). – С. 11–17.

УДК 343.98

А.Е. Серeda, И.И. Лузгин

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Передовые достижения науки и техники все чаще используются правоохранительными органами для принятия адекватных мер по предупреждению преступности, раскрытию и расследованию преступлений. Технологии позволяют сотрудникам правоохранительных органов собирать, обрабатывать, анализировать и выделять требуемые данные, в том числе осуществлять сбор и интерпретацию связей и закономерностей в таких сферах, как финансовые отчеты, геопространственные изображения, записи с камер наблюдения, данные из социальных сетей и метаданные, новостные ленты, репортажи и др. Особо значимое место, по состоянию на 2022 г., занимает искусственный интеллект (ИИ) как потенциальный инструмент, предоставляющий уникальные возможности в борьбе с преступностью.

Рассматриваемый как отрасль компьютерных наук ИИ относится к созданию «умных» компьютеров, способных выполнять человеческие задачи, обладать человеческими качествами, интеллектом, рассуждать

и делать выводы, но без прямого вмешательства человека. Сегодня ИИ следует разделять на три уровня: слабый, средний и сильный:

слабый ИИ («узконаправленный искусственный интеллект») представляет собой программную систему ИИ, которая направлена на выполнение единственной задачи или выполнение небольшой комбинации задач в узкой области знаний. Это означает, что ИИ считается узким, когда он ограничен одной конкретной областью [1]. Абсолютное большинство всех систем ИИ, используемых в 2022 г., считаются «слабыми», поскольку они ограничены фиксированным набором задач [1, 2];

средний ИИ («общий искусственный интеллект») – это когда компьютер способен воспринимать и понимать мир так, как это сделал бы любой человек, и способен на выполнение несколько различных задач. Как показывает практика, средний ИИ не существует в обществе 2022 г. [1, 2];

сильный ИИ («искусственный суперинтеллект») – компьютерный разум, способный превзойти человеческий интеллект во всех областях. ИИ данной категории также еще не был разработан [1, 2].

В общем ИИ можно рассматривать как обобщающий термин, охватывающий широкий спектр различных алгоритмов, приложений и программ. ИИ состоит из простых и сложных алгоритмов.

Машинное обучение – это подполе ИИ, в котором компьютеры учатся на основе данных без необходимости специального программирования человеком. Машинное обучение используется для различных наборов данных [3]. Методы данного вида обучения ИИ в первую очередь являются статистическими, его цель – выявление закономерностей в данных для дальнейшего принятия компьютером рационального решения.

Глубокое обучение подразумевает обучение искусственного «мозга» таким образом, чтобы он мог имитировать функции человеческого [3]. В то время как машинное обучение является одной из важнейших функций ИИ, глубокое обучение – подраздел машинного обучения. Глубокое обучение направлено на получение информации из неструктурированных данных.

Интеллектуальный анализ данных неразрывно связан с машинным обучением. В то время как машинное обучение ищет шаблоны (patterns, англ.) и извлекает выводы из выявленных шаблонов с целью адаптации к будущим инцидентам, интеллектуальный анализ данных используется в качестве источника информации для машинного обучения [3]. Данный процесс используется при извлечении значимой информации из большого набора необработанных данных, чтобы уже затем машинное обучение могло идентифицировать закономерности.

В отличие от глубокого обучения, интеллектуальный анализ данных опирается на вмешательство человека и принятие им решений. Глубокое обучение, с другой стороны, использует автоматический метод извлечения информации, как только в машинном «мозге» установлены правила функционирования алгоритма. Таким образом, глубокое обучение может работать без вмешательства человека, как только будут установлены вышеупомянутые правила. Термин, используемый для обозначения наборов данных, с которыми работает интеллектуальный анализ данных, называется Big Data, который обозначает как структурированные, так и неструктурированные данные – необъятное поле доступной информации [3].

Использование технологий ИИ в прогнозировании и предотвращении преступлений включает в себя в том числе:

1) прогнозирование времени и места будущей преступной деятельности путем проведения анализа данных [4]. Оно заключается в эффективном выявлении закономерностей и точном прогнозировании будущего преступного поведения. Этот процесс начинается с доступного ИИ объемного массива информации (Big Data, англ.), из которого различные методы ИИ используют информацию;

2) выявление потенциальных участников, прогнозирование времени и места будущей преступной деятельности путем проведения ИИ анализа данных медиаконтента на доступных пользователям интернет-платформах и социальных сетях;

3) вычисление потенциального преступника по внешним признакам на основе доступных ИИ баз данных или Big Data, содержащих внешние особенности и лицевые характеристики ранее судимых, осужденных или разыскиваемых преступников, личные данные (такие как наличие образования, история занятия единоборствами и др.), политические предпочтения и история интернет-поиска.

Благодаря использованию Big Data, которые в данном случае включают историю преступлений и иные доступные для исследования динамически изменяющиеся статистические параметры, различные методы ИИ способны выявлять закономерности с целью установления, где с наибольшей долей вероятности произойдет преступление, и, вероятно, когда или где уже происходит на протяжении определенного времени преступная деятельность, по какой статье Уголовного кодекса преступление наиболее вероятно может быть квалифицировано. Помимо этого ИИ способен предложить следователю потенциальный набор внешних характеристик, по которым может быть идентифицирован преступник, с целью предотвращения или пресечения противоправной деятельности.

ИИ используется для анализа видеоизображений с целью сокращения трудоемких задач и человеческих ошибок. Например, системы распознавания лиц с помощью ИИ способны установить личность и, в последующем, находясь в связке с имеющимися базами данных, установить местонахождение человека, что в значительной степени улучшает результаты оперативно-розыскных мероприятий. ИИ исследует в том числе одежду, структуру и движения тела (динамические признаки), чтобы обнаружить необычное, нехарактерное для ситуации, агрессивное или подозрительное поведение людей. ИИ также помогает в идентификации транспортных средств, поскольку программы ИИ учатся расшифровывать номерные знаки даже при плохом разрешении или слабом освещении. Значимая роль отводится ИИ при прогнозировании рецидивизма, фокусируясь на анализе множества уголовных дел, чтобы предвидеть вероятность совершения новых преступлений [4].

В Республике Беларусь создание, обучение нейронных сетей и иных алгоритмов в специализированных разделах искусственного интеллекта, а также реализация результатов данной деятельности стимулируются посредством льготного правового и налогового режима, предоставленного Парку высоких технологий (ПВТ). Такая деятельность, согласно п. 3 Положения о ПВТ от 22 сентября 2005 г. № 12 (в ред. Декрета от 21.12.2017 г. № 8), дает основание к регистрации лица в качестве резидента ПВТ со всеми вытекающими преференциями [5]. Формирование условий для развития ИИ, наряду с другими атрибутами цифровой экономики, определено в Беларуси как одна из государственных задач [6]. Вместе с тем правовое регулирование технологий ИИ пока не вполне отвечает уровню современной науки и техники.

В расследовании преступлений значимым направлением трансформации права, обусловленной развитием технологий ИИ, является проблема юридической ответственности за решения и действия, принимаемые такими системами. Так, ряд правовых проблем связан с применением технологий, самообучающихся на основании полученной из внешнего мира информации, например, технологий ИИ в беспилотном транспорте. Такие системы могут действовать независимо от воли их создателей, т. е. принимать самостоятельные решения исходя из собственного анализа текущей обстановки.

Например, в 2016 г. в Висконсине (США) на основе машинного алгоритма, оценивающего степень возможности рецидива преступления, судья приговорил гражданина к длительному сроку заключения. Подсудимый оспорил применение данного алгоритма, поскольку критерии, по которым машина оценивала возможность рецидива, не были пред-

ставлены в суде, – разработчик ссылался на коммерческую тайну. Тем не менее приговор был оставлен в силе [7].

Для Беларуси проблема является актуальной, среди прочего, в связи с формированием баз данных, содержащих различного рода информацию о трудовой деятельности, об административной и уголовной ответственности, о задолженности по гражданско-правовым обязательствам, о состоянии здоровья лиц и др. [8, с. 35].

Вопрос заключается в следующем: не станет ли использование этих баз данных препятствием к реализации конституционных прав граждан? Даже если конечной целью является профилактика противоправной деятельности отдельными лицами? Например, посредством применения алгоритмов, по которым технология ИИ сможет принимать решения о вероятности совершения тем или иным индивидом преступления, наступления рецидива или же точности распознавания лица преступника, правдивости его показаний и иных аспектах?

Подводя итог, следует констатировать необходимость обсуждения правовых проблем, обусловленных появлением в общественной жизни технологий ИИ. Исключительно важно привлекать к решению этих проблем широкие слои общества – от технических специалистов, сознающих возможности использования таких технологий, до студентов юридических факультетов, которые, не исключено, способны предложить нестандартные ответы для задач, не поддающихся решению в рамках традиционной юридической парадигмы.

1. Beginners Guide to Artificial Intelligence «AI» [Electronic resource] // Becoming Human: Artificial Intelligence Magazine. – Mode of access: <https://becominghuman.ai/beginners-guide-to-artificial-intelligence-ai-ec8a409b6424>. – Date of access: 07.11.2022.

2. Measuring trends in Artificial Intelligence [Electronic resource] // 2022 AI Index Report. – Mode of access: <https://aiindex.stanford.edu/report/>. – Date of access: 06.11.2022.

3. Machine Learning [Electronic resource] // IBM Cloud Learn Hub. – Mode of access: <https://www.ibm.com/cloud/learn/machine-learning>. – Date of access: 06.11.2022.

4. Artificial Intelligence and Crime [Electronic resource] // Social Science Research Network. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3407779. – Date of access: 08.11.2022.

5. О Парке высоких технологий [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=pd0500012>. – Дата доступа: 08.11.2022.

6. Послание белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента

Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorussskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059/. – Дата доступа: 05.11.2022.

7. In Wisconsin, a Backlash Against using data to foretell Defendants' futures [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/06/23/us/backlash-in-wisconsin-against-using-data-to-foretell-defendants-futures.html>. – Date of access: 06.11.2022.

8. Толочко, О.Н. Тенденции правового регулирования объектов и технологий, связанных с искусственным интеллектом / О.Н. Толочко // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 3. – С. 35–39.

УДК 343.982.35

П.А. Слесарева

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И ВИДАХ МЕХАНОГОМИЧЕСКИХ СЛЕДОВ ЧЕЛОВЕКА

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК) неоднократно используется термин «следы преступления». Так, например, в ст. 96 УПК под вещественными доказательствами признаются предметы, которые служили орудиями и средствами совершения преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, добытые преступным путем, и все другие предметы и документы, которые могут служить средствами по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого [1]. Однако нормативного определения термина «следы» и их видов в нем не дается и в современной юридической науке единая точка зрения на содержание этого термина отсутствует. Специалисты, как правило, исходя из толкования следа, разработанного трасологией (от фр. *la trace* – «след» и греч. Λύωσ – «учение») [2].

Еще в древнеиндийских законах Ману (II в. до н. э. – II в. н. э.), сборнике законодательных актов Франкского государства Салической правде (V–VI вв.), Польской правде (XIII в.) содержались первые упоминания о следах и их использовании при расследовании преступлений [3]. В юридической литературе XIX в. встречается описание уголовных дел, где следы человека использованы как доказательства, и анализируется значение таких следов. Русский процессуалист А.А. Квачевский писал: «Одним из лучших указателей на известное лицо служат следы его пре-

бывания на месте преступления, они бывают весьма разнообразны: следы ног, рук, пальцев, сапог, башмаков, лошадиных копыт, разных мелких вещей, принадлежащих известному лицу...» [4, с. 60].

Попытка сформулировать общее определение «следа» в его криминалистическом значении была предпринята И.Н. Якимовым, который предложил считать следом «отпечаток на чем-нибудь предмета, позволяющий судить об его форме или об его назначении» [5, с. 47].

Трасологи убеждены, что «знание механизма образования следов, их классификации позволяет судить о способе совершения определенных действий, результатом которых данные следы являются, и об особенностях объектов, образовавших эти следы» [6, с. 7], поэтому и предлагают определять понятие «след» в зависимости от классификации обнаруженных на месте преступления следов.

В криминалистике традиционно различают два понятия следа. В широком смысле это разнообразные последствия преступления: изменение обстановки на месте преступления, изменение свойств предметов, следы, возникшие от воздействия одного предмета на другой, объекты, оставленные преступником, объекты, унесенные с места преступления, части разрушенных предметов, запахи и т. д. [7, с. 5; 8, с. 115]. В узком смысле следы преступления определяются в пределах таких групп, как следы оружия на пулях и гильзах, оттиски печатей и штампов [7, с. 6; 9].

Анализ классификаций следов, обнаруживаемых на месте преступления, позволяет выделить несколько подходов. Так, согласно классификации И.Н. Якимова, выделяются две группы следов: следы человека, к которым автор относил следы ног, следы пальцев рук, следы зубов, следы ногтей, пятна крови и спермы, волосы, экскременты, и разные следы, к которым он относил следы животных, следы от оружия, следы подделок и др. [10, с. 117].

Среди трасологов наибольшее распространение получила классификация следов, которую в 1947 г. предложил и в 1975 г. усовершенствовал Б.И. Шевченко. С учетом механизма слеодообразования он подразделял следы на поверхностные, объемные, динамические, статические, периферические, локальные [11]. Не отрицая классификацию Б.И. Шевченко, В.И. Попов выдвинул тезис о том, что «для розыскных и следственных целей требуется иное деление, рассматривающее следы не только с точки зрения механики (давления, удара, скольжения, качения), но главным образом с точки зрения разнообразной деятельности преступника или потерпевшего на месте происшествия» и разделил следы на следы действия и следы перемещения [12, с. 45].

В 1958 г. Л.К. Литвиненко предложил свою классификацию следов, основанную на явлении, вызвавшем образование следа, и выделил следы механического, термического, химического и биологического воздействия [13].

Г.Л. Грановский считал, что при определении следов необходимо учитывать задачи трасологических исследований (обнаружение и фиксация следов; идентификация; установление механизма следообразования), собственные признаки самого следа и другие факторы (признаки образующего объекта; признаки, свидетельствующие о том, в каком виде отобразились свойства образующего объекта; признаки механизма следообразования) [14, с. 38–40]. Исходя из этого, автор предложил свою классификацию и выделил следы, в которых отражены непосредственно свойства человеческого тела или его отдельных частей – гомеоскопические; следы орудий и механизмов – механоскопические; следы животных и механохимические следы человека. К последним он относил следы «различных предметов, надетых на тело, или предметов, заменяющих части человеческого тела и выполняющих в определенной мере их функции» [14, с. 9]. Последние вызывают в настоящее время в криминалистической науке множество дискуссионных вопросов: определение термина «механохимические следы человека» дается в достаточно общем виде, а современных комплексных исследований в Республике Беларусь в этой области не проводилось.

Опираясь на классификацию, разработанную Г.Л. Грановским, мы предлагаем расширить классификацию механохимических следов. Поскольку механохимические следы, оставленные на месте преступления, являются одним из основных источников информации, ибо они содержат в себе такие сведения, которые нельзя получить из других каналов. Предлагаем к механохимическим следам относить 1) следы различных предметов, надетых на тело (следы, оставленные обувью; следы стоп, надетых в носки или чулки; следы, оставленные руками в перчатках), или 2) заменяющих части человеческого тела (следы, оставленные протезами, искусственными коронками, зубными протезами); 3) предметы, постоянно используемые человеком, отражающие физические особенности человека, его склонности и вкусы (трости, опорные палки, костыли, очки, слуховые аппараты); 4) личные вещи человека, выполняющие как диагностическую, так и идентификационную функцию (очки, ремни, наручные часы, авторучки, зажигалки, брелоки, запонки, броши, носовые платки, бумажники и др.); а также 5) следы примененных косметических средств (губной помады, парфюма и т. п.).

Данная классификация позволяет определить механохимические следы как отпечатки, оставленные на какой-либо поверхности различными

предметами, надетыми на тело или заменяющими части человеческого тела, предметами, постоянно используемыми человеком, отражающие его физические особенности, склонности и вкусы, а также личные вещи человека, оставленные им на месте преступления, и следы примененных косметических средств.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Юридическая энциклопедия / В.Т. Кабышев [и др.] ; под ред. Б.Н. Топорнина. – М. : Юрист, 2001. – 1267 с.

3. Давидович, А.М. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / А.М. Давидович, Э.Л. Розин ; под ред. В.М. Корецкого. – М. : Госюриздат, 1961. – 960 с.

4. Баев, О.Я. Основы криминалистики. Курс лекций / О.Я. Баев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2009. – 284 с.

5. Якимов, И.Н. Осмотр / И.Н. Якимов. – М. : Изд-во УРКМ г. Москвы, 1935. – 119 с.

6. Криминалистическая экспертиза: Трасология : учебник : вып. 6 / П.Н. Аленичев [и др.] ; под ред. Г.А. Самойлова. – М. : Изд-во ВШ МООП СССР, 1968. – 248 с.

7. Агафонов, В.В. Криминалистическая трасология : учеб.-метод. пособие / В.В. Агафонов, Н.П. Майлис, В.М. Плескачевский. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2013. – 72 с.

8. Криминалистика : учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов [и др.] ; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 2000. – 672 с.

9. Безруких, Е.С. Особенности взаимодействия следователя и оперативного работника на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.С. Безруких. – Калининград, 2003. – 219 л.

10. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. – М. : ЛексЭст, 2003. – 496 с.

11. Шевченко, Б.И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике / Б.И. Шевченко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 96 с.

12. Попов, В.И. Осмотр места происшествия / В.И. Попов. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – 226 с.

13. Литвиненко, Л.К. Понятие и классификация следов в трасологии / Л.К. Литвиненко. – Киев, 2001. – 224 с.

14. Грановский, Г.Л. Основы трасологии / Г.Л. Грановский. – 2-е изд. – М. : Наука, 2006. – 452 с.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Биометрические системы уже давно стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни: сканер отпечатка пальца в телефоне, фейс-айди, биометрическая идентификация при получении банковских услуг – наглядные примеры использования биометрики для идентификации в гражданской сфере.

В последние годы, благодаря развитию технологий машинного обучения, заметен существенный прогресс в развитии указанных систем идентификации. Все больше внимания к ним уделяется со стороны коммерческих и некоммерческих организаций, а также органов власти, включая федеральные министерства. Вопросы использования биометрии в решении социальных задач также находятся в фокусе внимания при формировании национальных программ, проектов.

Так, национальная программа «Цифровая экономика» в качестве одного из приоритетных направлений определяет создание и внедрение Единой биометрической системы (ЕБС). Ее воплощение можно проследить в реализации следующих пилотных проектов:

1. Осуществление контрольно-пропускного режима с помощью системы контроля и управления доступом с лета 2020 г. на территории московского правительственного комплекса.

2. Процесс интеграции ЕБС с сайтом госуслуг был начат в 2020 г. В пилотном режиме данные системы осуществляли идентификацию граждан для дистанционного участия в судебном процессе с использованием систем видео-конференц-связи.

3. В конце 2020 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации выступило с предложением применения ЕБС в рамках дистанционного процесса образования, в частности для идентификации личности при дистанционной сдаче экзаменов.

Переходя к вопросу применения аналогичных технологий в правоохранительной сфере, нельзя не отметить функционирующую в Москве сеть технического зрения. Интеллектуальная видеосистема включает более 189 тыс. камер, расположенных на разных объектах столицы, которые в автоматическом режиме осуществляют непрерывную иден-

тификацию граждан. Это позволяет в кратчайшие сроки получать информацию о пребывании на конкретной территории лиц, находящихся в розыске, и оперативно принимать соответствующие меры.

Так, в январе (новогодние праздники) 2020 г. удалось задержать 34 человека, находившихся в федеральном розыске. За первое полугодие того же года использование данных систем привело к раскрытию более 2 400 тяжких и особо тяжких преступлений [1, с. 182]. С 2021 г. в метро г. Москвы осуществляется также допуск пассажиров на территорию метрополитена по биометрике лиц.

Отмечая актуальность и практическую значимость данных технологий, высказываются мнения о необходимости расширения перечня идентифицирующих признаков, в частности, высказываются предположения, что в относительно близкой перспективе идентифицировать человека будет возможно даже по голосу и татуировкам [2].

Китайская компания Watrix разработала программное обеспечение, позволяющее идентифицировать человека на основе манеры ходьбы и телосложения. Анализируя в совокупности различные антропометрические характеристики и особенности походки, данная система оказывает существенную поддержку правоприменителя при невозможности идентификации «по лицу» [3].

По нашему мнению, перспективным направлением видится возможность интеграции в систему видеонаблюдения идентификации неодушевленных объектов. На основе принципов идентификации личности могут быть разработаны методики по распознаванию потенциально опасных объектов (в частности, огнестрельного и холодного оружия). После автоматического определения контура и геометрии объекта, дистанционного производства вычислений его размеров и сопоставления с эталонными значениями и изображениями, в случае обнаружения совпадения данная информация должна незамедлительно передаваться оператору с целью своевременного реагирования. На наш взгляд, такая система сможет оказать превентивное воздействие и снизить количество совершения таких преступлений, как, например, массовые убийства в общественных местах, аналогичные происшедшим в 2021 г. в Перми и Казани и в сентябре 2022 г. в Ижевске [4, с. 78].

Несмотря на очевидные преимущества систем идентификации личности, в некоторых странах к ним выработалось неоднозначное отношение. Так, летом 2020 г. в США властями нескольких городов в штатах Массачусетс и Калифорния были запрещены системы распознавания лиц.

11 августа 2020 г. Апелляционный суд Великобритании постановил, что полиция Южного Уэльса незаконно использовала технологии по

распознаванию лиц, что является нарушением Европейской конвенции по правам человека. Теперь полиции запрещено пользоваться этими технологиями.

В Китае после ряда утечек персональных данных в 2019 г. введены жесткие стандарты для приложений, осуществляющих сбор биометрических персональных данных. Так, пользователь должен давать активное согласие на обработку биометрических данных, а оператор должен уведомить субъекта о целях, методах и объеме сбора данных.

Анализируя эту проблематику, нельзя не отметить случаи фальсификации видеоизображений при помощи нейронных сетей. Подделанные таким способом видео обозначаются термином «дипфейк» (от англ. Deep fake). Для борьбы с данным явлением МВД России был заключен контракт, согласно условиям которого к концу 2022 г. ведомство получит программу «Зеркало», позволяющую выявлять признаки внутрикадрового монтажа видеоизображений, произведенного с помощью искусственных нейронных сетей, позволяющих синтезировать видеоизображения людей [5].

Еще одним перспективным направлением развития идентификации, на наш взгляд, является создание мультимодальных биометрических систем, которые могут включать как статические, так и динамические методы, позволяющие одновременно идентифицировать личность человека сразу по нескольким биометрическим параметрам. Например, в ФБР США с 2011 г. реализуется проект NGI (Next Generation Identification), который представляет собой автоматизированную модульную систему идентификации, позволяющую устанавливать тождество объектов. В настоящее время система способна осуществлять идентификацию по отпечаткам пальцев, сетчатке глаза и изображению лица [6, с. 19].

Развитие науки и техники открывает также новые возможности для совершенствования уже применяющихся методов идентификации. Например, Американской ассоциацией рентгенологов (ARRS) была предложена методика биометрической идентификации, которая способна формировать трехмерные модели внутренних слоев отпечатков пальцев, которые практически невозможно подделать. Данный метод открывает новые возможности в системе идентификации, в частности, дает возможность однозначно отличать папиллярный узор живого человека от умершего [7, с. 14].

Резюмируя вышеизложенное, стоит еще раз отметить значимость системы идентификации в различных сферах общественной жизни, особенно в правоохранительной. Помимо традиционных видов идентификации развитие науки и техники открывает возможности по разработке и внедрению новых технологий, существенным образом повышающих результативность исследований. Системы, которые еще

10–15 лет назад могли существовать исключительно в качестве проектов, в настоящее время применяются повсеместно и активно содействуют в решении стоящих перед правоприменителем задач.

1. Чаплыгина, В.Н. Применение лицевой биометрии для информационно-аналитической поддержки розыскных мероприятий / В.Н. Чаплыгина, А.А. Москвичев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – №1 (21). – С. 177–187.

2. МВД при помощи камер начнет искать преступников по татуировкам и походке [Электронный ресурс] / РБК. – Режим доступа: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/02/2020/5e4fb5af9a7947cfd5e1e3 (дата обращения: 14.10.2022).

3. Карамзанова, Ж.В. В Китае камеры начали определять личность людей по походке. Да, даже круче, чем в «Черном зеркале» [Электронный ресурс] / Ж.В. Карамзанова. – Режим доступа: URL: <https://medialeaks.ru/0811jkr-you-are-how-you-walk/> (дата обращения: 14.10.2022).

4. Сретенцев, А.Н. Некоторые особенности использования электронных отображений внешности человека в криминалистических целях и перспективы развития систем видеоидентификации / А.Н. Сретенцев // Науч. портал МВД России. – 2021. – № 4 (56). – С. 76–80.

5. МВД к концу 2022 года получит IT-разработку по распознаванию видео с заменой лиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/obschestvo/11307705> (дата обращения: 14.10.2022).

6. Сретенцев, А.Н. Возможности и перспективы внедрения систем автоматического распознавания лица человека в процесс раскрытия и расследования преступлений / А.Н. Сретенцев // Рос. следователь. – 2021. – № 1. – С. 17–20.

7. Писарев, Д.Ю. Проблемы применения биометрических систем в раскрытии преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.Ю. Писарев ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2012. – 19 с.

УДК 343.98

В.А. Талалаев, О.О. Лемешевский

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Образование в Республике Беларусь – это обучение и воспитание в интересах человека, общества, государства, направленное на формирование гармоничной и разносторонне развитой личности. Предметом гордости в Беларуси является система высшего образования, которая успешно функционирует.

С 2020 г. Республика Беларусь превратилась в арену больших геополитических противостояний крупных мировых политических игроков,

став объектом неприкрытого информационного, политического и экономического давления со стороны западных государств [1].

Следует обратить внимание, что обстановка в мире остается крайне напряженной. В связи с этим Президент Республики Беларусь на совещании по вопросам безопасности страны отметил, что «каждый должен заниматься на месте своим делом». Иными словами, дал понять, что необходимо самоотверженно трудиться всем государственным институтам.

Образование на современном этапе играет важную роль в укреплении государства, улучшении его благосостояния. От качества получаемых знаний зависит будущее интеллектуального, управленческого капитала страны. В конкурентоспособности национальных экономик осуществляет важную роль не только добыча природных ресурсов и физический труд, а также знания.

Совершенствование и оптимизация основных направлений подготовки высокопрофессиональных юридических кадров, в том числе для системы органов внутренних дел, обеспечение квалифицированной правовой защиты граждан, повышение правовой культуры общества – актуальные задачи для национальной системы образования Республики Беларусь. Этот факт, в свою очередь, формирует потребность в компетентных юристах, способных решать задачи по предназначению.

О значении проблемы оптимизации существующей системы подготовки и повышения квалификации специалистов юридического профиля свидетельствует тот факт, что Министром образования утверждена Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года, в которой отмечается, что одной из современных тенденций развития юридического образования является «информатизация юридического образования и усиление роли информационно-коммуникационных технологий в обеспечении процесса образования» [2].

Сущность изложенного выше сводится к тому, что в настоящее время актуально продолжение разработок и внедрения информационно-коммуникационных технологий для дальнейшего формирования специалиста, погруженного в будущую профессию. Обучающийся, находясь в отрыве от аудитории, может быть в контакте с преподавателем и иметь возможность в любое удобное время приступить к той или иной обучающей задаче. Такие приложения можно в определенной степени считать источниками литературы обучающегося и практического направления, объединив в себе несомненные достоинства традиционных учебников и возможности компьютерных технологий.

Образовательные мобильные приложения, например, криминалистической направленности, отличаются от приложений коммерческого типа.

Сфера оказания социальных услуг ушла вперед по сравнению с процессом цифровизации в юридическом образовании. Бытовая техника, продукты питания, автомобильные сервисы и т. п. давно имеют свои мобильные приложения с расширенным функционалом, возможностью доставки товара в любое удобное потребителю время. В случае необходимости мониторинга и приобретения последних редакций учебников, учебных пособий по юридическим дисциплинам, в большинстве случаев приходится прибегать к непосредственному посещению специальных книжных магазинов.

Кроме функции приобретения актуальной юридической литературы, приложения могут выполнять роль помощника обучающимся, при использовании в будущем – специалисту, и ориентированы на выполнение следующих перспективных задач:

помочь обучающемуся получать дополнительную информацию и знания, в том числе благодаря интерактивному взаимодействию с приложением;

ускорить обмен информацией, улучшить взаимодействие между преподавателем и подготавливаемым специалистом;

создавать образовательное сообщество, где каждый участник приносит свой вклад в его развитие;

упростить процесс оценки и контроля знаний;

модернизировать процесс обучения, привлекая максимально возможное количество участников, упростить понимание и усвоение полученной информации и др.

При этом процесс обучения становится интереснее, легче и доступнее, а систематизация базы знаний позволяет своевременно обновлять ее [3].

Примером такого приложения-помощника в рамках изучения учебной дисциплины «Криминалистика» может быть CrimeLib.info – энциклопедия и библиотека криминалистики и уголовного процесса, кроме того, Serious Games – интерактивные симуляторы, тренажеры для экспертно-криминалистической деятельности и т. д.

Справочник CrimeLib.info содержит сведения о различных тактико-технических особенностях производства следственного осмотра; алгоритмы описания отдельных объектов в протоколах следственных действий; перечень объектов, задач и типовых вопросов судебных экспертиз, системы типовых вопросов для допросов; методические рекомендации по расследованию преступлений различных категорий; проблемные вопросы квалификации различных составов преступлений; бланки и образцы заполнения основных процессуальных документов, составляемых следователем (дознавателем); компас и систему регистрации географических координат для ориентирования на местах происшествия, находящихся за чертой населенного пункта.

При условии разработки и размещения в свободном доступе на специализированных онлайн-магазинах (Google Play, App Store и др.) данные приложения вызовут обоснованный интерес той категории молодежи, которая готовится к поступлению в учреждения образования юридического профиля и изучает учебную дисциплину «Криминалистика». В этой связи посредством мобильных приложений могут быть с успехом решены отдельные задачи профориентационной работы, информационно-пропагандистской деятельности и иные.

Таким образом, в указанных условиях разработка, использование информационно-коммуникативных технологий, в том числе в виде мобильных приложений, специализированных компьютерных игр (тестов), способствуют более качественной подготовке юридического специалиста, повышению авторитета юридического образования и решению иных, связанных с указанными, задач.

1. О программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2021 г., № 773 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Концепция М-ва образования Респ. Беларусь, 31 авг. 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Непрерывное дополнительное образование в государствах – участниках СНГ: опыт, приоритеты и перспективы развития : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию ИПКиП, г. Могилев, 26–27 нояб. 2020 г. / под ред. В.А. Гайсенка, И.В. Шардыко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2021. – 352 с.

УДК 343.985.7

А.А. Точилкина

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ РЕАЛИЙ

Развитие современных технологий привносит в нашу жизнь как колоссальные возможности, так и новые угрозы. Преступления, совершаемые с использованием сети Интернет, – одна из серьезнейших проблем современного общества.

В условиях стремительного развития информационных технологий, широкое распространение получает новый вид преступной деятельно-

сти – киберпреступность, которая, несомненно, носит трансграничный характер. Киберпреступление – это правонарушение, которое совершено в электронной сфере, направлено на незаконное проникновение в работу компьютерных сетей, программ, устройств, с целью видоизменения данных, их изъятия или добавления ложной информации. Понятия «киберпреступление» и «киберпреступность» будут использоваться в данной статье, так как имеют один и тот же смысл с понятиями «преступление, совершаемое с использованием сети Интернет» и «преступность в сети Интернет» [1].

При расследовании преступлений указанной категории правоохранные органы сталкиваются с рядом проблем, отдельные из которых подлежат рассмотрению.

В связи с вышеизложенным в первую очередь справедливо отметить, что киберпространство принципиально трансгранично, здесь нет расстояния и часто верно определить местоположение источника кибератаки очень трудно, что приводит к активизации транснациональной киберпреступной деятельности. Из транснационального характера киберпреступлений вытекают трудности их расследования. Одна из трудностей заключается в том, что принцип суверенитета предполагает проведение расследований в определенном государстве только с согласия этого государства. Именно поэтому очень важно сотрудничество между государствами – от этого зависит раскрытие киберпреступлений. Другая трудность связана со временем – оно крайне ограничено (а для совершения киберпреступления часто достаточно нескольких секунд, и следы от киберпреступлений удаляются очень быстро). В связи с этим решающее значение имеет оперативное и своевременное взаимодействие между государствами.

Во-вторых, следует отметить, что в условиях современных социально-правовых реалий киберпреступления становятся все более совершенными, изощренными и скрытными, они наносят крупный экономический и политический ущерб. В связи с этим следует указать, что в киберпространстве действуют разнородные субъекты – и государства, и негосударственные субъекты, что вызывает сложности при разграничении преступной деятельности и политической деятельности государств в киберпространстве. Некоторые негосударственные субъекты могут превосходить кибервозможности государств и способны проводить кибероперации, которые глубоко затрагивают безопасность отдельных государств и международную безопасность. Следовательно, в киберпространстве сглаживаются различия между государством и негосударственными субъектами в отношении ресурсов и кибервозможностей. Распространено мнение, что лишь государства способны про-

дить мощные кибератаки, однако данное предположение представляется необоснованным, так как информационные технологии широко доступны, и ключевым фактором успеха кибероперации является технический талант, которым потенциально могут обладать как государственные (в лице специалистов), так и негосударственные субъекты.

Разнообразие субъектов злонамеренной деятельности в киберпространстве способствует возникновению такой проблемы, как сложности разграничения преступной деятельности и политической деятельности государств в киберпространстве. Грань между государственными кибероперациями и кибероперациями отдельных преступных группировок может быть крайне размытой. При этом критерий преследования политических целей не позволяет однозначно отделить государства от негосударственных субъектов в киберпространстве, потому как, во-первых, существуют такие негосударственные субъекты, как «хактивисты» – они продвигают политические идеи через несанкционированный доступ к компьютерным системам или осуществление иных киберопераций (например, масштабными DDoS-атаками), а во-вторых, потому что мотивы злоумышленников могут быть в принципе непонятны [2].

Проблема разграничения государства от негосударственных субъектов в киберпространстве также связана со способом совершения указанных преступлений:

для подготовки кибератаки не требуется, например, никаких материалов, которые доступны только государствам, нужен лишь компьютер и знания, потому как сети, образующие киберпространство, не являются монополией правительства и во многих случаях принадлежат частному сектору и управляются им. К тому же первые компьютерные взломы совершали именно негосударственные субъекты – «скупачи» компьютерщики хотели продемонстрировать свое мастерство. Кроме того, разнородность субъектов в киберпространстве усугубляется сложностью их идентификации, т. е. сложно установить действительный источник кибератаки с технической точки зрения, потому что киберпреступники умело заматают следы (очищают историю, стирают коды, могут запустить кибератаку из точки, которая не является местом их нахождения, и т. д.) [3].

доступность киберинструментов, которые могут быть приобретены в сети «Даркнет». «Покупка кибервозможностей» создает непредсказуемость и асимметрию среди субъектов совершения преступного деяния. Следует отметить, что использование в качестве способа совершения преступного деяния незащищенной сети передачи данных, связанных с внедрением злоумышленников в локальные сети при отсутствии защищенного с помощью сертифицированных программных средств сегмента сети и несоблюдении требований информационной

безопасности, свидетельствует о практически нулевой возможности раскрытия таких преступлений [4].

Следующий проблемный аспект при расследовании киберпреступлений – низкий уровень квалификации самих сотрудников правоохранительной системы, которые часто не относят многие правонарушения в сфере компьютерных технологий к категории преступлений и, как следствие, отказывают в возбуждении уголовного дела. Значительное число допускаемых в ходе расследования ошибок объясняется, как правило, недостаточной подготовленностью следователей в вопросах, связанных с функционированием глобальных компьютерных сетей.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу, что в деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений указанной категории необходимо идентифицировать источник кибератаки, а также разграничить преступную деятельность и политическую деятельность субъектов киберпространства. Проблему составляет и то, что нужно не просто установить источник запуска кибератаки, но и разобраться, управляли ли или нет компьютером удаленно при помощи вредоносного ПО и кто управлял кибератакой.

Успех в достоверном и оперативном установлении источника кибератак возможен только при эффективном взаимодействии правоохранительных органов государств и международной кооперации в расследовании.

При расследовании киберпреступлений возникают проблемы, порожаемые уникальными свойствами киберпространства (информационного пространства) глобальных компьютерных сетей. При этом специфика новых видов преступлений слабо учитывается практическими работниками при проведении следствия [5].

В связи с этим возрастает роль криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании киберпреступлений. Кроме того, помимо совершенствования материально-технического обеспечения деятельности следственных подразделений, необходимо расширить возможности привлечения к расследованию киберпреступлений специалистов/экспертов в области глобальных компьютерных сетей. Указанные меры позволят сотрудникам правоохранительных органов выявлять и правильно осуществлять осмотр, изъятие и исследование виртуальных следов, сбор, проверку и оценку доказательств, которые в конечном итоге будут признаны таковыми в силу своей достоверности и допустимости, что впоследствии повысит эффективность всего процесса расследования преступлений в киберпространстве.

1. Гончарова, С.В. Киберпреступления и преступления по телефону / С.В. Гончарова, Е.Н. Полунина // Балт. гуманитар. журн. – 2020. – № 3 (32). – С. 359–363.

2. Ресненко, А.В. Современный анализ киберпреступлений / А.В. Ресненко // Новые вопросы современной науки : материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. – М., 2019. – С. 151–153.

3. Зайцев, А.А. Следы киберпреступлений / А.А. Зайцев, А.В. Смолин // Проблемы правовой и техн. защиты информ. – 2020. – № 8. – С. 61–65.

4. Садыкова, К.А. Некоторые проблемы раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий / К.А. Садыкова, Д.Е. Жонина // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. – 2021. – № 12-4 (63). – С. 171–173.

5. Шевченко, Е.С. Тактика отдельных следственных действий при расследовании киберпреступлений / Е.С. Шевченко // Закон и право. – 2015. – № 8. – С. 128–138.

УДК 343.985

А.М. Трофименко

ПОДГОТОВКА К ДОПРОСУ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Общие правила проведения допроса закреплены в ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. При расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 162 Уголовного кодекса Республики Беларусь, указанное следственное действие является одним из наиболее значимых источников получения важной информации доказательственного характера. При этом с учетом сложности рассматриваемой категории уголовных дел, наличия специального субъекта преступления, корпоративной солидарности медицинских работников допрос имеет ряд специфических особенностей и требует тщательной, планомерной подготовки.

Обязательным условием является предварительное глубокое изучение личности медицинского работника, которое фактически должно быть начато с момента поступления заявления (сообщения) о совершенном ятрогенном преступлении. Кроме стандартной процедуры сбора характеризующих сведений различного рода (в том числе при допросе коллег по работе), запрашивается информация об образовании, повышении квалификации, наличии поощрений и фактов привлечения к ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, жалоб со стороны пациентов и их родственников.

Следователю важно четко определить объем возложенных на подозреваемого (обвиняемого) профессиональных обязанностей. В этой связи в полном объеме, по возможности в оригиналах, изымается вся

соответствующая документация (должностные инструкции, контракты, приказы о назначении на должность, возложении дополнительных обязанностей, замещении). В случае совмещения с исполнением непосредственных обязанностей еще и административных функций (руководство работой отделения больницы) изъятию и последующему анализу подлежат обе должностные инструкции.

Во избежание использования подозреваемым (обвиняемым) некомпетентности следователя в области медицинских знаний в качестве проработки методической базы предстоящего допроса следователем отбираются и изучаются нормативные правовые акты, определяющие организационные основы оказания медицинской помощи, особенности диагностики и лечения определенного заболевания (законы Республики Беларусь, клинические протоколы Министерства здравоохранения Республики Беларусь и др.).

Применительно к конкретной следственной ситуации с целью оперирования необходимой медицинской терминологией, получения базовых сведений об отдельных медицинских манипуляциях изучается медицинская литература, в том числе справочного характера. При необходимости соответствующие сведения могут быть получены также у квалифицированных узких специалистов-медиков путем проведения устной консультации, допроса в качестве свидетеля по интересующему кругу вопросов либо посредством истребования по официальному запросу следователя в профильном учреждении здравоохранения либо Министерстве здравоохранения Республики Беларусь.

Анализируются уже содержащиеся в материалах уголовного дела сведения об обстоятельствах оказания ненадлежащей медицинской помощи (протокол осмотра места происшествия, медицинская карта, протокол операции, заключение судебно-медицинской экспертизы либо результаты патологоанатомического исследования, видеозаписи врачебных манипуляций, справки служебных проверок Министерства здравоохранения и его структурных подразделений, сведения о результатах разбирательств на уровне учреждения здравоохранения). В данном случае медицинские документы выступают одним из главных и наиболее информативных источников доказательств причастности врача или врачей к ненадлежащему оказанию медицинской помощи.

После обработки полученной информации составляется план предстоящего допроса, формулируется перечень подлежащих выяснению вопросов. В плане допроса целесообразно предусмотреть возможные варианты защиты. С целью преодоления возможного противодействия со стороны подозреваемого (обвиняемого) готовятся материалы, подлежащие предъявлению ему на обозрение в ходе следственного действия, планируется тактика очередности их предъявления. Психологически

сильным аргументом при допросе является предъявление доказательств выявленных попыток противодействия следствию с целью сокрытия материальных следов преступления (установленный факт фальсификации медицинских документов).

Рассматриваемый примерный алгоритм действий следователя на подготовительном этапе проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) позволяет обеспечить максимальную результативность данного важнейшего следственного действия, надлежащим образом зафиксировать значимую информацию о совершенном преступлении.

Недооценка степени важности подготовительного этапа проведения допроса недопустима и может оказать негативное влияние на результаты расследования в целом.

УДК 343.98

А.М. Хлус

ПОЗНАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Методики расследования преступлений относятся к важнейшим средствам следственной деятельности, используемым в борьбе с преступностью. Отсутствие методики либо ее недостаточная разработанность составляют проблему на этапе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Существенный вклад в развитие криминалистической методики внесли белорусские ученые: И.И. Басецкий, В.И. Берестень, Г.И. Грамович, В.Л. Григорович, А.Е. Гучок, А.В. Дулов, В.Ф. Ермолович, Г.А. Зорин, Ю.Ф. Каменецкий, Е.И. Климова, А.В. Лапин, Н.А. Легенченко, А.Н. Лепехин, В.М. Логвин, О.В. Маркова, И.А. Мороз, Г.Н. Мухин, А.П. Пацкевич, Н.И. Порубов, С.Ю. Ревтова, А.С. Рубис, В.В. Хилюта, Г.В. Федоров, В.Б. Шабанов, В.П. Шиенок, М.П. Шруб, Г.А. Шумак, А.В. Яскевич и др.

Несмотря на достигнутый уровень имеющихся научных исследований проблем разработки частных методик расследования, еще рано говорить об успешном разрешении многих из них.

В основе построения частных методик расследования система сведений о соответствующем виде или группе преступлений. Эту систему преимущественно составляют отдельные уголовно-правовые и криминалогические данные о преступлении. По мнению разработчиков част-

ных методик расследования, эти данные пригодны в качестве теоретической основы для их формирования. Отсутствие единых требований к порядку методического построения приводит к тому, что частные методики расследования преступлений одного вида, описанные в монографиях и учебниках, содержат различные сведения. Например, для разработки методики расследования должностных преступлений используется следующая информация о (об): 1) понятии должностного лица, как основе криминалистической характеристики данных преступлений; 2) цели, умысле и мотивах их совершения; 3) правовых нормах, определяющих полномочия должностных лиц; 4) месте создания условий для их преступной деятельности; 5) особенностях обстановки, влияющих на механизм и способы совершения деяний; 6) последствиях преступления (имущественном, физическом и моральном вреде) [1, л. 31–69]. Авторы учебника под редакцией Р.С. Белкина, рассматривая методику расследования аналогичных преступлений, акцентируют внимание на общих элементах, относящихся к их составам: субъекты преступлений; предмет преступления; объективная сторона действий должностного лица; мотивы преступления [2, с. 853].

Приведенные примеры указывают на отсутствие единого подхода к построению частных методик расследования преступлений. В качестве основы их построения используются уголовно-правовые сведения об объекте и предмете преступления, мотиве, цели совершения деяния и форме вины. Криминалогические данные о типичной личности преступника и жертвы преступления, обстановке (времени, месте и условиях) совершения преступления также используются для формирования криминалистических методик. К информации, имеющей криминалистическое содержание, относятся сведения о типичных способах совершения и сокрытия данного вида или группы преступлений, а также сведения о типичном механизме образования следов в результате реализации способов преступной деятельности.

В итоге основу построения частных методик расследования составляют знания преимущественно уголовно-правовые и криминалогические и в меньшей степени собственно криминалистические, что не является верным. Дело в том, что в процессе расследования преступлений следователю приходится иметь дело с проявлениями «реальностей уголовного права» (Г. Гросс) в виде определенной системы следов, содержащих информацию о данных «реальностях». Одно из значений термина «реальность» указывает на объективно существующие явления, факты, которые существуют действительно и проявляются в виде материальных образований.

С точки зрения криминалистики то, что в уголовном праве представлено абстрактной моделью, называемой преступлением, в реальности

проявляется в виде системы материальных элементов, взаимосвязанных в момент совершения деяния.

Совокупность уголовно-правовых, криминологических и криминалистических данных ученые-криминалисты рассматривают в качестве криминалистической характеристики преступлений, которая вскоре была оценена как «абстрактная типовая модель преступления» [3, с. 243–244]. Она прочно заняла свое место в частных методиках расследования видов и групп преступлений и используется как теоретическая основа для их построения. Криминалистическая характеристика преступлений, которую ученые восприняли в качестве «основополагающей категории криминалистики» [4, с. 30–32] и предложили именовать типовой информационной моделью преступления [5, с. 128–144], получила широкое распространение как научная категория.

Но наиболее категорично о криминалистической характеристике высказался Р.С. Белкин, назвавший ее «криминалистическим пережитком» [6, с. 11–12] и «криминалистическим фантомом» [7, с. 223].

На сегодня сложилась тупиковая ситуация. С одной стороны, криминалистическая характеристика преступлений достигла такого уровня, когда ее дальнейшее развитие не способствует самосовершенствованию и, более того, создает проблемы для развития криминалистики как науки. С другой стороны, нельзя в один момент отказаться от криминалистической характеристики преступлений по причине ее глубокого укоренения в систему науки, практики и в сознании большинства ученых-криминалистов, придерживающихся мнения о нецелесообразности отказа от нее. Современные ученые должны приложить максимум усилий для совершенствования криминалистической характеристики преступлений.

Дискуссии в связи с криминалистической характеристикой преступлений повлекли за собой необходимость поиска нового подхода к познанию преступления. Такой подход был предложен. Его суть в том, что первоначально начинать теоретическое исследование, а равно практическую деятельность по расследованию, следует с определения общих материальных элементов, обязательно имеющих в наличии при совершении любого преступления. Затем необходимо криминалистическое описание отражательных возможностей каждого элемента и их связей с иными материальными элементами преступной структуры, т. е. необходима криминалистическая характеристика выявленных элементов материальной структуры преступления данного вида. Полнота информации, содержащаяся в следах-отражениях материальных элементов преступления, позволяет определить последовательность в изучении иных элементов системы преступления.

Анализ многообразия проявлений преступных деяний позволяет выделить в них следующие общие структурные элементы: субъект, совершивший преступление; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства и предмет преступления [8, с. 51]. Это максимально возможная разновидность элементов материальной структуры преступления.

Для типовой структуры конкретного вида преступлений характерно определенное сочетание элементов, выявляемое путем анализа конструкции уголовно-правового состава. Выявленные таким образом элементы материальной структуры имеют абстрактный характер. В дальнейшем, при совершении преступления данного вида, они проявляют себя в реальной действительности, вступая между собой в различные связи.

Преступления одного вида могут отличаться количеством одноименных элементов, т. е. субъекты совершения деяния составляют преступную группу, которая совершила посягательство на несколько объектов, и т. д.

Субъектом любого преступления может рассматриваться только человек. Его отличительная особенность в том, что он, будучи центральным связующим звеном преступной структуры, одновременно может проявлять себя, как следообразующий и следовоспринимающий элемент.

Объект преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике понимается по-разному. С точки зрения уголовного права объект преступления – это общественные отношения, абстрактный характер которых не способствует образованию криминалистической информации, содержащейся в следах. С позиции криминалистического понимания объект преступного посягательства материален и представляет собой «систему, на которую направлено преступное посягательство» [8, с. 51]. Перечень объектов преступного посягательства широк. В их числе можно назвать человека (причинение телесных повреждений и т. д.), транспортное средство (умышленное его повреждение), складское и иное помещение (криминальный взлом) и т. д.

Средства, используемые субъектом для совершения преступления, отражают значимую информацию об иных его структурных элементах. Можно выделить такие группы средств совершения преступлений: 1) орудия; 2) оружие; 3) транспортные средства; 4) документы; 5) вещества; 6) животные; 7) предприятия, учреждения, фирмы; 8) компьютерная техника и программное обеспечение [9, с. 30].

Предметом преступного посягательства является материальный объект, который определяет целевую направленность преступного посягательства. Как правило, такой целью является завладение этим предметом, без оказания на него воздействия в момент совершения преступления. Предметом преступного посягательства часто являются денежные средства и материальные ценности.

В материальной структуре предмет преступления играет самостоятельную роль. Данный элемент преступной структуры «отличается от других элементов тем, что в отношении него не совершается преступное посягательство, и он не используется как средство совершения преступления» [8, с. 53]. Предметом преступления в его криминалистическом понимании можно назвать деньги, используемые в качестве взятки должностному лицу, при условии их передачи взяткодателем по собственной инициативе.

Для научной дискуссии предлагаются следующие выводы:

1. Наличие элементов материальной структуры – это объективная реальность любого совершенного преступления.

2. Элементы материальной структуры преступления взаимосвязаны между собой, образуют систему противоправного деяния и служат основой для его криминалистического понимания и исследования.

3. Материальная структура преступления без описания его элементов, т. е. без их криминалистической характеристики, – бессодержательна.

4. Материальная структура преступления в сочетании с криминалистической характеристикой его элементов дает наиболее полное представление об информационной модели конкретного преступного деяния.

5. Предлагается в качестве теоретической базы для формирования новых и совершенствования имеющихся частных методик расследования использовать информационную модель преступного деяния, построенную на основе выделения элементов его материальной структуры, проанализированных и описанных (охарактеризованных) с точки зрения криминалистической науки.

1. Сергеев, А.Л. Криминалистические основы первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершенных в сфере деятельности органов местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.Л. Сергеев. – Уфа, 2016. – 234 л.

2. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. – М. : НОРМА-ИНФРА-М. – М., 1999. – 990 с.

3. Баянов, А.И. Криминалистическая характеристика – абстрактная, типовая модель преступления / А.И. Баянов // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. ст. / отв. ред. В.Д. Волович. – Томск : ТГУ, 1985. – С. 243–244.

4. Белокобыльская, О.И. Криминалистическая характеристика преступления как основополагающая категория криминалистики / О.И. Белокобыльская, Б.П. Смагоринский // Проблемы борьбы с преступностью: российский и международный опыт : сб. науч. тр. – Вып. 3. – Волгоград, 2013. – С. 30–32.

5. Ищенко, Е.П. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования / Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин // Правоведение. – 2006. – № 6. – С. 128–144.

6. Белкин, Р.С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» / Р.С. Белкин // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. – Тула : ТГУ, 2000. – С. 11–12.

7. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 240 с.

8. Гучок, А.Е. Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Минск : БГУ, 2007. – 151 с.

9. Хлус, А.М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры / А.М. Хлус // Рос. право: образование, практика, наука. – 2018. – № 1. – С. 30–36.

УДК 343.985.7

Е.В. Чиненов

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Результаты опросов, анализ складывающейся следственной практики позволяют показать наиболее значимые черты процессуальных форм использования специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Специальные знания следователя. Система специальных знаний следователя в выбранной области исследования представлена тремя группами знаний: знаниями в сфере общественных (социально-гуманитарных) наук; знаниями отраслей права и прикладных юридических наук; знаниями экономико-правовых прикладных наук и обобщений сведений о различных предметах и явлениях из отрасли железнодорожного транспорта.

Знания в сфере общественных (социально-гуманитарных) наук. В их ряду традиционные научные области, изучающие как общество в целом, так и его отдельные подсистемы: философию, социологию, политологию, историю, психологию, культурологию, экономику, педагогику и др. Рассматривая общественную жизнь с разных сторон, с определенных теоретических и мировоззренческих позиций, предлагая собственные специфические методы исследования, они формируют базовые профессиональные личностные качества следователя, являющегося частью современного «общества знания» [1].

Из перечисленных принципиальное значение для расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, несут знания экономики и психологии.

Запас сведений из экономики является основой расследования данной категории преступлений. Лица, их совершающие, в основном обладают определенными экономическими знаниями в той или иной степени, имеют достаточное представление о происходящих как в обществе, так и в отрасли социально-экономических и производственно-технологических процессах, а потому используют их для подготовки преступлений, реализации преступных замыслов, сокрытия оставляемых следов. Отмеченное обстоятельство налагает на субъект расследования (для квалифицированного решения ими стоящих задач) необходимость обладания экономическими знаниями.

По сравнению с экономическими знаниями применение знаний психологии более узко, так как главенствующую роль они играют при подготовке и производстве отдельных следственных действий (допросов, обысков, осмотров мест происшествий). Их качественная организация, проведение невозможны без знаний психологии личности допрашиваемого, обыскиваемого. Это объясняется относительной неопределенностью обстоятельств, возникающих при проведении следственных действий. Следователь, готовясь к их проведению, не может в полном объеме предугадать, с какими факторами и обстоятельствами ему предстоит столкнуться. Так, например, допрос должностного лица, обладающего большим чем у следователя объемом экономических знаний, влечет возникновение проблемной ситуации расследования. Ее разрешение невозможно без применения как определенных экономических знаний, так и психологических приемов, основывающихся на соответствующих знаниях.

Знания отраслей права и прикладных юридических наук. Для расследования преступлений выделенной категории особое значение имеет знание следующих материальных отраслей права: уголовное право; гражданское право; финансовое право; налоговое право. В перечне процессуальных отраслей бесспорны регулятивы уголовно-процессуального права, обеспечивающего уголовно-процессуальные функции следователя в стадиях уголовного судопроизводства.

Прикладные юридические науки, совокупность сведений которых используется при расследовании преступлений исследуемой категории, представлены криминалистикой, криминологией, юридической психологией. Превалирует в них криминалистика, обеспечивающая «... выработку умения использовать криминалистические знания, методы и средства для решения служебно-оперативных задач по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений» [2, с. 19].

В современных условиях особое внимание обращает на себя возрастание роли знаний цифровой и экономической криминалистики [3–6].

Экономико-правовые прикладные науки и обобщенные знания об отрасли железнодорожного транспорта. В числе первых – судебная бухгалтерия [7], судебная технология и товароведение [8], экономико-криминалистический анализ [9]. В числе вторых – прикладные экономические и инженерно-технические науки (экономика железнодорожного транспорта; бухгалтерский учет на железнодорожном транспорте; железнодорожный путь, изыскание и проектирование железных дорог; управление процессами железнодорожных перевозок; подвижной состав железных дорог, тяга поездов и электрификация и др.) [10–12].

Характер отмеченных знаний имеет выраженную специфику, а их использование является важнейшим и обязательным условием эффективного планирования, изучения и оценки фактических данных, определения задач расследования, построения версий, определения путей их проверки.

Участие специалиста в следственных действиях. Наиболее высоким тактическим потенциалом, достигаемым привлечением специалиста при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, обладают следующие следственные действия: следственный осмотр; обыск; выемка; допрос, назначение и производство судебной экспертизы¹. Привлечение специалистов к их производству обеспечивает: познание особенностей производственных отношений, понимание отраслевых правил, норм, инструкций, нормативных документов, их регулирующих; изучение и правильное терминологическое описание в процессуальных документах специфических материальных объектов и предметов; обнаружение, закрепление и изъятие предметов, документов, следов преступления, иных вещественных доказательств; направление материалов на экспертное исследование, постановка вопросов эксперту при назначении экспертизы; применение технических средств.

Каждое из отмеченных следственных действий отличается своей целью и задачами, которые следователь ставит перед специалистом, степенью участия последнего в их производстве. Вместе с тем общим для всех будет необходимость соблюдения организационных и тактических принципов: законности; объективности, всесторонности и полноты; соблюдения прав и свобод гражданина, норм профессиональной этики; независимости специалиста; своевременности и оперативности при-

¹ В 69,3 % случаев следователями к подготовке и проведению именно этих следственных действий привлекались сведущие лица. Установлено в результате изучения уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте.

влечения; целенаправленного и инициативного подхода специалиста к участию в следственном действии; эффективного взаимодействия со следователем; тайны следствия и др. [13, с. 47].

Производство экспертизы. Решение задач расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, в значительной степени зависит от проводимых экспертных исследований¹.

Многообразие проводимых исследований, обилие решаемых с их помощью задач предопределили необходимость их систематизации по признаку принадлежности к выделенным группам преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры в сфере экономики. Первая группа (преступления против собственности) – наибольшее распространение при расследовании преступлений, входящих в указанную группу, получило использование специальных знаний в форме следующих видов экспертиз: трасологические; дактилоскопические; биологические (исследования методом ДНК); товароведческие; бухгалтерские. Вторая группа (преступления в сфере экономической деятельности) – при расследовании преступлений, входящих в данную группу, доминируют технико-криминалистические экспертизы документов, бухгалтерские, компьютерные, строительно-технические, товароведческие, почерковедческие. Третья группа (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях) представлена почерковедческой, фоноскопической, бухгалтерской экспертизами.

Все представленные виды экспертиз, проводимые по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, совершаемым на железнодорожном транспорте, в той или иной мере обладают особенностями. Они обусловлены влиянием специфики железнодорожного транспорта на действующую практику раскрытия и расследования экономических преступлений, структуру и содержание специальных знаний, необходимых для назначения экспертиз, характер объектов исследований, оценку экспертных исследований. Их результативность зависит от своевременности назначения, всесторонности, комплексности изучения объектов экспертных

¹ Например, в 2021 г. на транспорте из общего объема проведенных судебных экспертиз (31 408) на долю экспертиз, проводимых по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, приходилось 25,6 %. В том числе: 1) традиционных экспертиз 17 675, из них проведено по преступлениям против собственности 6 669 (37,7 %); дактилоскопических 1 899 (39,7 % от общего их количества); трасологических 2 791 (66,9 %); почерковедческих 1 422 (38,1 %); ТКЭД 457 (15 %); 2) специальных экспертиз 13 733, включая бухгалтерские – 326 (2,4 %), компьютерные – 824 (6 %), строительно-технические – 15 (0,1 %), товароведческие – 50 (0,36 %), фоноскопические – 64 (0,47 %), экспертизы горюче-смазочных материалов и нефтепродуктов – 304 (2,2 %), лингвистические – 6 (0,04 %).

исследований, правильности определения видов, последовательности назначения в комплексе, верного формулирования задания экспертам.

Таковыми нам видятся наиболее значимые черты процессуальных форм специальных знаний, используемых в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

1. Климова, А.Б. От информационного общества – к обществу знания / А.Б. Климова // Дискуссия. – 2016. – № 7 (70). – С. 73–79.

2. Коломацкий, В.Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений / В.Г. Коломацкий // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью : информ. бюл. № 13 по материалам криминалист. чтений. – М., 2001. – С. 19–21.

3. Вехов, В.Б. Электронная криминалистика: понятие и система / В.Б. Вехов // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 г. – Ростов н/Д, 2017. – С. 40–46.

4. Россинская, Е.Р. К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации / Е.Р. Россинская // Юрид. вестн. Самар. ун-та. – 2019. – № 4. – С. 144–151.

5. Голубятников, С.П. Экономическая криминалистика: фантом или реальность / С.П. Голубятников // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 117–121.

6. Шумак, Г.А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки / Г.А. Шумак // Право и демократия : сб. науч. тр. – Минск : Изд-во БГУ, 2001. – Вып. 11. – С. 281–289.

7. Дубоносов, Е.С. Судебная бухгалтерия : учеб. и практикум для вузов / Е.С. Дубоносов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 332 с.

8. Судебная технология и товароведение : учебник / О.Д. Соловьев. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД РФ, 2012. – 413 с.

9. Звягин, С.А. Экономико-криминалистический анализ : курс лекций / С.А. Звягин. – Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2013. – 192 с.

10. Железнодорожные станции и узлы : учеб. для студентов вузов ж.-д. трансп. / В.Г. Шубко [и др.] ; под ред. В.Г. Шубко, Н.В. Правдина. – М. : УМК МПС России, 2002. – 191 с.

11. Экономика железнодорожного транспорта : учеб. для вузов ж.-д. транспорта / Н.П. Терёшина [и др.] ; под ред. Н.П. Терёшиной, Б.М. Лапидуса. – М. : УМЦ ЖДТ, 2008. – 996 с.

12. Бухгалтерский финансовый учет на железнодорожном транспорте : учеб. для бакалавриата и магистратуры / Е.З. Макеева [и др.] ; под общ. ред. Е.И. Харыбиной ; науч. ред. Г.В. Крафт. – Ч. 1, 2. – М. : Прометей, 2020. – 374 с.

13. Курзинер, Е.Э. Участие специалиста в следственных действиях / Е.Э. Курзинер // Вестн. ЮУрГУ. Серия «Право». – 2008. – № 2 (102). – С. 46–48.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современный период для должностных лиц органов пограничной службы (ОПС) все более актуальным становится использование цифровых следов при расследовании преступлений, создающих угрозу пограничной безопасности, в первую очередь по уголовным делам, возбуждаемым по признакам преступлений, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 371¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь), незаконным перемещением через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (ст. 328¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь), и некоторых других [1].

Вместе с тем за пределами научной проработки остались вопросы обнаружения, фиксации и изъятия необходимой компьютерной информации и технических средств ее обработки. Отсутствие рекомендаций по рассматриваемому вопросу в ОПС, несомненно, порождает возникновение все новых проблем при расследовании преступлений, сопряженных с использованием ресурсов сети Интернет, и фиксации доказательственной информации, хранящейся на электронных носителях и на ресурсах сети Интернет. Прежде всего это касается вопросов противоправного финансирования незаконного перемещения физических лиц, транспортных средств и товаров через Государственную границу Республики Беларусь. С учетом отсутствия прямых контактов участников таких преступлений используются дистанционные связи посредством сети Интернет. Изложенное обуславливает необходимость рассмотрения проблем обнаружения и фиксации цифровых следов, при производстве дознания по преступлениям, создающим угрозу пограничной безопасности.

Выявление преступлений, совершаемых посредством сети Интернет, требует технических (отраслевых), теоретических знаний по выявлению и фиксации цифровых следов, сформированных криминалистической наукой, и практических навыков, полученных в результате раскрытия, расследования преступлений и опыта работы в сетевом пространстве. При этом к цифровым следам следует относить данные о совершении действий в информационном пространстве технических устройств, их сетей и систем, такие как создание, включение, удаление, внесение изменений, активация, открывание.

Преступники, обладающие значительными знаниями в области работы интернет-технологий и интернет-систем, могут подставлять под уголовную ответственность не причастных лиц, зная десятки различных способов, самыми распространенными из которых являются подмены IP-адресов правонарушителя на адрес законопослушного гражданина. В связи с этим при сборе и фиксации доказательственной информации лицо, производящее дознание в ОПС, изначально должно понимать, что цифровые следы, отражающиеся в IP-адресе рассылки, впоследствии будут лежать в основе обвинения. Действия лиц, совершающих преступления и скрывающих их подобным образом, очень сложно доказать, что подтверждается многочисленной судебной практикой. Сущность описанной проблемы заключается в следующем: лица, совершающие преступления, производят все операции с подконтрольными им счетами и аккаунтами с использованием специализированного программного обеспечения, позволяющего производить обращение к ресурсам через серверы, расположенные за территорией Республики Беларусь. В таком случае операторы ресурса в сети Интернет фиксируют IP-адрес прокси-сервера, а не лица, отправившего конкретную команду. Выходом из подобной ситуации является направление запроса об оказании правовой помощи в страну, в которой зарегистрирован провайдер, с IP-адреса которого передана команда на проведение операции, с целью выяснения сведений об IP-адресе обращения к серверу, который может быть истинным адресом преступника.

Преступниками может быть осуществлена также подмена MAC-адреса, так как скрыть его наличие в сети Интернет невозможно, его с легкостью меняют как средствами операционных систем, например через реестр или настройки драйвера, так и с помощью специальных программных утилит. Целесообразно учитывать, что фактически MAC-адрес устройства не изменяется, потому что это физический адрес устройства; меняется так называемый программный физический адрес устройства, но для злоумышленников этого достаточно, чтобы стать анонимными в сети Интернет. Понять, использует злоумышленник настоящий или «фиктивный» MAC-адрес, можно непосредственно при осмотре устройства. С этой целью необходимо сравнить адрес, выводимый системой, и адрес, указанный на самом устройстве, или же воспользоваться любой утилитой для тестирования ПК, например Everest или Astra.

Указанная анонимность позволяет быть неизвестным пользователем сети Интернет и при совершении финансовых операций, и при обращении электронных денег. В последнее время все большее распространение и популярность в сетевом пространстве набирают системы хранения и передачи валют, это так называемые электронные деньги, которые можно перечислить на счета различных платежных систем.

В обобщенном виде подход зарубежного законодательства выглядит так, что, с одной стороны, электронные деньги представляют собой особые средства обращения традиционных и частных валют, которые используются для упрощения финансовых расчетов при оплате товаров и услуг в сети Интернет, с другой – обязательства эмитента, которые исполняются в традиционных, не электронных деньгах [2, с. 96–97].

Сеть Интернет представляет собой всемирную информационную компьютерную сеть, именуемую в повседневном общении – мировой паутиной. Она аккумулирует огромное количество компьютерных сетей, работающих по единым правилам, и включает пользователей почти из всех стран мира. Однако единство правил относится в значительной степени к технической составляющей, чем к правовой, поскольку по целому ряду правовых вопросов нет международного единства мнений. В связи с этим перед лицами, производящими дознание в ОПС, стоит задача: производить дознание по преступлениям, создающим угрозу пограничной безопасности, совершенным с использованием сети Интернет, опираясь на национальное законодательство, но в рамках международного взаимодействия учитывать и законодательство страны, с которой необходимо осуществлять международное сотрудничество, направленное на фиксацию доказательств в рамках расследования уголовного дела. Анализ уголовных дел по преступлениям данной категории свидетельствует о том, что преступления имеют межрегиональный и международный характер, что также негативно сказывается на результатах расследования уголовных дел по причине «запаздывания» производства следственных действий и их фиксации. При фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет, лицу, производящему дознание, необходимо учитывать уголовно-процессуальные нормы, общие криминалистические рекомендации, технические особенности работы компьютерных систем и сетевого интернет-пространства.

Фиксация доказательственной информации, содержащей цифровые следы, должна быть представлена в виде последовательной и полной цепи отраженных в процессуальных документах сведений, замкнутых по смыслу. В качестве таких процессуальных документов целесообразно рассматривать протоколы осмотра смартфонов, ноутбуков и других гаджетов.

В современный период при совершении преступлений, создающих угрозу пограничной безопасности, в первую очередь организация незаконной миграции, незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ

либо их прекурсоров или аналогов и других, лицами, совершающими данные преступные деяния, активно используются современные информационные технологии, позволяющие скрывать личность, а также следы совершаемых преступлений. Вместе с тем развитие криминалистической техники и тактики позволяет обнаруживать и фиксировать цифровые следы, которые остаются в данном случае. Вышеизложенное обуславливает активное использование лицами, производящими дознание в ОПС, положений нового раздела криминалистической техники, как «форензика» для решения задач при расследовании преступлений.

При расследовании преступлений, создающих угрозу пограничной безопасности, при совершении которых используются информационные технологии, чаще используется проведение такого следственного действия, как осмотр смартфонов, ноутбуков и других гаджетов. В процессе его осуществления с большой вероятностью может быть осуществлено обнаружение цифровых следов, с последующей их фиксацией, изъятием и использованием при расследовании по уголовным делам. Фиксация содержания цифровых следов предполагает отображение последовательной и полной цепи ее отражения в виде сведений, замкнутых по смыслу, в таких процессуальных документах, как протоколы осмотра смартфонов, ноутбуков и других гаджетов.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. № 165-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Колычева, А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.Н. Колычева ; Рос. гос. ун-т правосудия. – М., 2018. – 199 с.

УДК 343.985.7

Ю.М. Юбко

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО МАТЕРИАЛАМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Процессуально закрепленные следы являются носителями информации, позволяющей установить обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с требованиями ст. 89 и 90 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), так как данные нормы явля-

ются общими, то следователь (лицо, производящее дознание) обязан учитывать особенности конструкции ст. 349–355 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). При этом все обстоятельства (ст. 89 УПК) должны быть достоверно установлены совокупностью доказательств.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию применительно к рассматриваемым преступлениям, могут быть условно подразделены на две группы: общие и частные.

Почти для всех преступлений гл. 31 УК относительно доказывания «наличие общественно опасного деяния...» (п. 1 ч. 1 ст. 89 УПК) общим является предмет преступного посягательства – компьютерная информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, а также – носители этой информации: компьютерное оборудование, компьютерная система, сеть, машинные носители, компьютерные программы и т. п. Однако в случае совершения деяния, предусмотренного ст. 354 УК, о предмете преступного посягательства следует вести речь как о частном «обстоятельстве», так как в конструкции нормы законодатель говорит о вредоносных компьютерных программах или специальных программных или аппаратных средствах.

Проводя разграничение по другим признакам, характеризующим общественно опасное деяние как преступление против компьютерной безопасности, следует подчеркнуть, что могут иметь место как общие, так и в отдельных случаях частные особенности, характеризующие отдельные элементы способа, а в ряде ситуаций и их совокупность (пробные попытки вхождения в информационную сеть или систему; подбор пароля; использование вредоносных компьютерных программ; использование чужого имени (пароля); маскировка под законного пользователя и т. п.). Данные элементы способа характерны для преступных действий, предусмотренных ст. 349, 350, 352 УК.

Относительно доказывания элементов способа совершения преступлений, предусмотренных ст. 354, 355 УК, необходимо вести речь о группе частных обстоятельств, так как в уголовно-правовой конструкции имеются особенности в предмете преступного посягательства (ст. 354 УК) и в субъекте преступления (ст. 355 УК).

Применительно к конструкции ст. 354 УК, следует доказать одно (или совокупность) действие, осуществляемое субъектом с предметом преступления, – разработка; использование; распространение; сбыт компьютерной программы или специального программного или аппаратного средства [1, с. 178–180], заведомо предназначенных для нарушения системы защиты, несанкционированного доступа к компьютерной системе, сети или машинному носителю, несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации компьютерной информации или

неправомерного завладения компьютерной информацией либо нарушения работы компьютерной системы, сети или машинного носителя.

В ч. 1 ст. 355 УК законодатель констатирует, что субъектом преступления является лицо, имеющее доступ к компьютерной системе или сети, т. е. лицо, являющееся законным пользователем. С учетом этого способ совершения имеет частные особенности, обусловленные правами пользователя. Принимая во внимание отмеченное, должно быть доказано, что лицо совершило преступные действия путем нарушения (игнорирования) технических правил или запретов, установленных собственником (владельцем) системы или сети, которые повлекли наступление существенного вреда, выразившегося в причинении ущерба собственнику, владельцу, пользователю или третьим лицам (например, клиентам электронных платежных систем и т. п.).

Доказывание «места совершения преступления против компьютерной безопасности» обусловлено установлением как общих, так и частных обстоятельств: во-первых, связанных с подготовкой и началом совершения преступных действий в законном владении субъекта, учреждении или организации любой формы собственности, и т. п.; во-вторых, связанных с совершением преступных действий как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами; в-третьих, связанных с использованием подозреваемым существующих телекоммуникационных и компьютерных сетей. Понятие «место совершения преступления против компьютерной безопасности» содержит в своем смысловом выражении не только дефиницию «место подготовки и совершения данного вида преступления», но и «место наступления вредных последствий», т. е. конкретное юридическое или физическое лицо, которым причиняется преступными действиями вред (место фактического их нахождения).

Исследуя обстоятельства, подлежащие доказыванию, необходимо остановиться на рассмотрении такого из них, как орудие совершения преступления. В общедоступном понимании по делам рассматриваемой категории к «орудиям совершения преступления» следует отнести программно-технические средства (средства компьютерной техники (СКТ); программное обеспечение). Под термином программно-технические средства, следует понимать не только СКТ и различное программное обеспечение (вредоносные компьютерные программы и т. п.), а также технические средства, функциональные возможности которых позволяют получить доступ к информационной системе и (или) информационной сети для совершения преступления.

Пункт 2 ч. 1 ст. 89 УПК обязывает при производстве предварительного следствия доказывать виновность обвиняемого в совершении преступления, в связи с чем необходимо исследовать личность субъекта и субъективную

сторону совершенного преступления. Применительно к рассматриваемым деяниям субъектом является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Однако в конструкции ст. 355 УК законодатель ведет речь о специальном субъекте – лице, имеющем доступ к компьютерной системе или сети.

При исследовании субъективной стороны должен быть доказан характер вины обвиняемого, т. е. совершено деяние умышленно или по неосторожности. Преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 349, ч. 2 ст. 350, ст. 355 УК, являются неосторожными, ст. 354 УК предусматривает умышленное преступление. Совершение же деяний, указанных в ч. 1 ст. 350 и ст. 352 УК, возможно как умышленно, так и по неосторожности. При обвинении лица в совершении умышленного преступления необходимо доказать содержание умысла – мотив, цель, а при обвинении в неосторожном преступлении – в чем конкретно выразилась неосторожность. По некоторым деяниям мотив является необходимым признаком состава преступления, а по другим – он может быть обстоятельством, смягчающим или отягчающим ответственность. Цель совершения преступления устанавливается исходя из всей совокупности обстоятельств, характеризующих действия лица, включая подготовительные действия, способы и орудия преступления [2, с. 244–245].

В ч. 2 ст. 350, 352, 354 УК законодатель выделяет квалифицирующий признак «...совершенных группой лиц», поэтому, когда данные преступления совершены в соучастии, должны быть установлены все члены преступной группы, роль и степень индивидуального участия каждого из них.

Доказывание характера и размера вреда, причиненного рассматриваемыми деяниями, представляет собой довольно сложную задачу, так как вред редко выражается в виде прямых убытков [3, с. 122]. Используемые законодателем в нормах УК в этой связи отдельные термины носят оценочный характер. Так, «существенный вред» может выражаться в виде причиненного материального ущерба в одних ситуациях, а в других – он проявляется в виде создания препятствий для нормального функционирования государственных органов и иных организаций или нарушения конституционных прав граждан Республики Беларусь. Вместе с тем независимо от возникающих сложностей в практической деятельности при разрешении данного вопроса представляется, что характер и размер вреда необходимо определять в зависимости от квалификации преступных действий субъекта с учетом формирования его преступного умысла, цели, наступления вредных последствий в рамках процессуальной формы, определенной законодателем в гл. 17 УПК. Основопологающим критерием при этом является требование ч. 1 ст. 148 УПК о том, что преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Представляется целесообразным обратить внимание также на круг обстоятельств, подлежащих установлению в стадии возбуждения уголовного дела. В стадии возбуждения уголовного дела орган уголовного преследования устанавливает наличие или отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных гл. 31 УК. Если решение о возбуждении уголовного дела принимается органом дознания, то производство неотложных следственных и иных процессуальных действий направлено на установление и закрепление следов преступлений против компьютерной безопасности.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М.А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.

3. Организация расследования преступлений в сфере высоких технологий : учеб. пособие / П.В. Гридюшко [и др.] ; под общ. ред. И.Г. Мухина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017. – 139 с.

УДК 343.9

Н.В. Якимович

ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В последние годы проблемам раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, было уделено определенное внимание в монографиях, учебных пособиях и научных статьях отечественных авторов. Однако большая их часть посвящена в основном исследованию уголовно-правовых и криминологических аспектов, в то время как криминалистические аспекты указанной проблемы изучены в меньшей степени.

Под преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий, мы будем понимать преступления в сфере компьютерной безопасности (гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь), которые в большинстве случаев являются предикатными для со-

вершения или сокрытия других преступлений (в частности, хищений, мошенничества), а также другие преступления, которые совершаются с использованием информационных технологий (например, оборот порнографических материалов или предметов в сети Интернет; преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних; доведение с использованием сети Интернет до самоубийства или склонение к самоубийству; дистанционные хищения в финансово-банковской сфере; призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; сбыт наркотических средств, оружия).

Указанные преступления, в частности, посягающие на общественную нравственность и половую неприкосновенность или половую свободу несовершеннолетних, совершенные с использованием информационных технологий, к сожалению, как показывает опыт практической работы, являются латентными, и задача сотрудников правоохранительных органов выявить такие преступления. Как справедливо отметил А.С. Рубис: «Общество заинтересовано в том, чтобы научиться выявлять все преступления. Появилась новая, очень важная проблема – обеспечить выявление латентной преступности» [1, л. 14]. С точки зрения русского языка слово «выявить» означает «сделать явным, обнаружить, вскрыть» [2, с. 123].

Так, в ст. 3 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что задачами оперативно-розыскной деятельности являются предупреждение, выявление, пресечение преступлений, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Статьей 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» закреплено, что основными задачами органов внутренних дел являются профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией.

В ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» в качестве одной из основных задач органов государственной безопасности Республики Беларусь предусмотрено предупреждение, выявление и пресечение преступлений, дознание и предварительное следствие, по которым законодательными актами Республики Беларусь отнесены к ведению органов государственной безопасности.

Профилактика, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений в экономической сфере, в том числе коррупционных правонарушений, являются основными задачами органов

финансовых расследований в соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 414-З «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь».

Как мы видим, задача выявления преступлений законодательно закреплена в качестве одной из основных задач правоохранительных органов Республики Беларусь.

Таким образом, мы согласны с выводами А.С. Рубиса о том, что «выявление преступлений – это самостоятельный криминалистический этап в борьбе с преступностью, включающий в себя информационно-познавательную, удостоверительную и доказательственную деятельность уполномоченных на то субъектов, направленную на достижение достоверного знания об объективных признаках выявленного преступления, достаточного для осуществления начала уголовного преследования» [1, л. 26].

Анализ действующего законодательства и опыт практической деятельности позволяет сделать вывод о том, что выявление преступлений – неотъемлемая задача органов внутренних дел, которая выражается в поисково-познавательной деятельности уполномоченных на то субъектов, направленной на установление факта совершения преступления, а также поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. В то же время считаем целесообразным рассматривать разработку, изучение и совершенствование криминалистических средств и методов выявления преступлений в качестве специальной задачи науки криминалистики, и, как следствие, существования указанной специальной задачи криминалистики. Полагаем, возникает необходимость создания и разработки теории криминалистического обеспечения выявления преступлений.

Впервые понятие криминалистического обеспечения было предложено В.Г. Коломацким, который под криминалистическим обеспечением понимал «систему внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов криминалистических знаний» [3, с. 62].

Разработкой понятия криминалистического обеспечения и его содержания занимались такие ученые, как Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.Ф. Вольнский, Э.К. Горячев, В.А. Образцов, В.Ю. Сокол, А.Я. Эрекаев. В Республике Беларусь рассматривались вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в исследованиях А.Е. Гучка, В.М. Логвина, И.И. Лузгина, Г.Н. Мухина, А.П. Пацкевича, А.С. Рубиса, М.П. Шруба.

Г.Н. Мухин исследует криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений с двух сторон: как процесс и как научную категорию, понимая под последней систему научных положений и разрабатываемых на их основе научно-технических средств и рекомендаций по раскрытию преступлений [4, с. 6].

В.М. Логвин рассматривает криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как деятельность сотрудников и подразделений органов внутренних дел, характеризующуюся комплексным решением взаимосвязанных правовых, организационных, материально-технических и учебно-методических задач по раскрытию и расследованию преступлений [5, с. 4].

Под криминалистическим обеспечением деятельности органов внутренних дел в целом и криминальной милиции в особенности понимается система криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений их сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений [6, с. 64].

В соответствии с этим определением система криминалистического обеспечения состоит из трех подсистем:

- криминалистических знаний;
- криминалистического образования;
- криминалистической техники.

Полагаем, что все составляющие данной системы могут быть экстраполированы в теорию криминалистического обеспечения выявления преступлений в целом, а также преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.

Криминалистические знания и криминалистическое образование необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи. Безусловно, под третьим элементом криминалистического обеспечения понимается не категория криминалистической науки и не раздел учебной дисциплины «Криминалистика», а совокупность технико-криминалистических средств, умений и навыков по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию и использованию доказательственной информации для установления факта совершения преступления с использованием информационных технологий. Необходимо понимать, что в процессе выявления указанной группы преступлений используются не только технико-криминалистические средства, но и рекомендации по тактике проведения отдельных следственных действий, комплексу процессуальных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Таким образом, мы придерживаемся мнения, что для успешного выявления преступлений используются не только навыки применения криминалистической техники, но и тактическое, и методическое обеспечение. Ввиду этого, наряду с методическими рекомендациями по расследованию преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, необходима разработка методических рекомендаций или алгорит-

мов выявления латентных преступлений указанной группы, которые целесообразно рассматривать в рамках криминалистического обеспечения.

Исходя из вышеизложенного, криминалистическое обеспечение выявления преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, будем рассматривать как систему криминалистических знаний, умений и навыков по использованию криминалистических средств, методов и рекомендаций в целях обнаружения факта совершения преступления с использованием информационных технологий, и решения задач, необходимых для успешного установления поводов и оснований для возбуждения уголовного дела.

1. Рубис, А.С. Деятельность прокурора по выявлению преступлений (криминалистический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Рубис. – Минск, 2001. – 126 л.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
3. Коломацкий, В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений / В.Г. Коломацкий // Криминалистика : в 3 т. – Т. 1. – М. : Акад. МВД России, 1994. – 345 с.
4. Мухин, Г.Н. Раскрытие преступлений / Г.Н. Мухин. – Молодечно : Победа, 2000. – 221 с.
5. Логвин, В.М. Современные возможности криминалистического обеспечения органов уголовного преследования : лекция / В.М. Логвин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 52 с.
6. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. – М. : Новый юрист, 1997. – 400 с.

УДК 343.98

С.А. Яшков

ВЫЯВЛЕНИЕ И ДОКАЗЫВАНИЕ «ОПАСНОСТИ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

Для деятельности следователя любого государственного органа (Следственного комитета Российской Федерации (РФ), Федеральной службы безопасности РФ, Министерства внутренних дел РФ) нет ничего «страшнее», чем столкнуться при расследовании преступлений со ст. 221 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(УПК РФ), согласно которым уголовное дело может быть возвращено прокурором следователю или судом прокурору, а также с фактом прекращения уголовных дел самим следователем или судом по реабилитирующим обстоятельствам.

И дело здесь не в «качестве» расследования, собранных доказательствах, квалификации, произведенных экспертизах и их результатах, а в категории дел, которые представляют трудности в расследовании.

Среди них можно выделить такие, которые связаны с расследованием оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Особая сложность при расследовании данных преступлений заключается в том, что, как указано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», ст. 238 УК РФ предусмотрена ответственность за оказание услуг, если эти услуги являются опасными для жизни и здоровья человека.

Более того, ответственность по ч. 1 ст. 238 УК РФ или по п. «а», «б» ч. 2 этой же статьи может наступить не только, когда эти услуги являются опасными для жизни и здоровья человека, но и когда данная опасность является реальной (п. 2 этих же разъяснений высшего судебного органа страны).

С какими проблемами следствие сталкивается в процессе выявления этой опасности?

Так, при расследовании анализируемой категории преступлений следователями выявляются многочисленные нарушения, допущенные субъектами оказания данных услуг.

Например, если говорить об оказании услуг в сфере водного транспорта, то это может быть отсутствие документов, подтверждающих право управления водным транспортом, документов о техническом состоянии судна, спасательных кругов, жилетов и т. д. Здесь можно вести речь также и о нарушении требований нормативных документов, регламентирующих безопасность судоходства при планировании, подготовке и осуществлении рейса (грузоподъемность водного транспорта, пассажироместимость, выполнение требований об устойчивости и непотопляемости судна и др.).

Так, многим помнится крушение теплохода «Булгария», происшедшего 10 июня 2011 г. в Республике Татарстан, в результате которого погибло 122 человека. Одной из причин данной трагедии, как было установлено следствием, явилась, в том числе, перегруженность корабля.

Если вести речь об оказании услуг перевозки воздушным транспортом, то следователем здесь может быть также установлена масса нарушений – от отсутствия прав на управление конкретным типом воздушного судна до имеющихся повреждений конструкции и механизмов.

Например, одним из следственных органов Следственного комитета РФ расследовалось уголовное дело в отношении командира воздушного судна Boeing 737-300, который осуществил полет из России в Таиланд без второго пилота (в качестве второго пилота выступал пилот-стажер, который к тому же, по мнению следствия, не имел допуска к самостоятельным полетам на указанном типе самолета).

Представляется, что про автомобильный транспорт даже упоминать не следует, поскольку в этой сфере могут быть выявлены нарушения, которые действительно представляют опасность: начиная от тех, которые отражены в Основных положениях по допуску транспортных средств к эксплуатации, являющихся приложением к Правилам дорожного движения, утвержденным постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, заканчивая выявляемыми на практике фактами перевозки пассажиров по закрытым «зимникам».

Сталкиваясь с вышеприведенными нарушениями оказания услуг в сфере перевозок, следствие приходит к выводу, что они являются ничем иным, как доказательством того, что оказанная услуга не соответствовала требованиям безопасности.

Так, например, если в ходе расследования следователем устанавливается, что лицо не получило в предусмотренном законом порядке право управлять каким-либо видом транспорта, значит уровень его подготовки никем не подтвержден, знание норм безопасности и правил управления контрольными органами не проверены, что свидетельствует о том, что оказываемые им услуги по перевозке будут опасными. Или же, если следствием установлено, что воздушный или водный транспорт не прошел плановый технический осмотр, сертификацию контрольными органами, то это автоматически свидетельствует о том, что «потреблять» услуги перевозки на них небезопасно.

Понятно, что перечисленные нарушения действительно свидетельствуют о небезопасности оказываемых услуг. Вместе с тем следователю необходимо еще это доказать. В основном в данном случае речь идет о назначении экспертиз (хотя, исследования «сбрасывать со счетов» тоже не следует). В целях их проведения следователем максимум, что может быть предоставлено, – это фактические обстоятельства происшедшего и пояснения лиц, оказывающих услуги.

Думается, что этих данных эксперту недостаточно, чтобы установить, что оказанная услуга являлась небезопасной.

В результате экспертам ничего иного не приходится делать, кроме как «поднимать» нормативную базу по оказанию тех или иных услуг (в описанных выше ситуациях – услуг по перевозке) и со ссылками на соответствующие пункты давать заключения, что при нарушении требований нормативных документов услуга считается опасной для жизни и здоровья потребителя.

В итоге на практике расследования, связанные с оказанием услуг, не соответствующих требованиям безопасности, «развиваются» по одному из двух возможных сценариев.

В случаях когда уголовные дела возбуждались по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ или ч. 3 ст. 238 УК РФ, в которых речь идет о наступивших в результате оказания услуг последствиях, для прокуратуры и суда подобное доказывание опасности услуги может иметь значение и по подобным делам при наличии иных признаков состава преступления могут выноситься обвинительные приговоры.

В других случаях, когда в результате оказанной услуги каких-либо последствий не наступило, уголовное дело может привести к указанным выше ст. 221, 237 УПК РФ или даже прекращению уголовного дела по реабилитирующим обстоятельствам.

И в первом, и во втором случае объяснение одно – ссылка на нарушение требований безопасности, указанных в нормативно-правовых актах, свидетельствует только о потенциальной (гипотетической) опасности оказанной услуги, в особенности учитывая, что никаких последствий не наступило.

Таким образом, получается, что, несмотря на то что, например, ч. 1 ст. 238 УК РФ является формальным составом и для уголовной ответственности не требуется наступления каких-либо последствий, следствию не представляется возможным доказать, что оказанная услуга носила «реальный, а не возможный характер» [1, с. 158].

Кроме того, и прокуратура, и суды в описанной ситуации могут указывать на то, что допущенные субъектами нарушения подпадают под сферу действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), в котором имеются соответствующие нормы, предусматривающие ответственность за нарушения определенных правил. Например, речь может идти о ст. 11.5 «Нарушение правил безопасности эксплуатации воздушных судов», ст. 11.10 «Нарушение правил обеспечения безопасности пассажиров на судах водного транс-

порта, а также на маломерных судах», ст. 12.31.1 «Нарушение требований обеспечения безопасности перевозок пассажиров и багажа, грузов автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» и др.

Например, в приведенном выше примере о перелете из России в Таиланд органами прокуратуры было вынесено требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования, в котором было указано, что все вменное командиру воздушного судна касается нарушения актов, устанавливающих порядок (правила) осуществления полетов, ответственность за нарушение которых установлена ст. 11.5, 14.4 КоАП РФ.

Приведенный пример об опасности перевозок через закрытые контролирующими органами ледовые переправы также имел место в практике одного из следственных органов Следственного комитета РФ. В этом случае уголовное дело прокурор вернул, указав, что фигурантом совершено всего лишь административное правонарушение, предусмотренное ст. 12.31.1 КоАП РФ, поскольку само по себе осуществление перевозки пассажиров по закрытой переправе не является опасным.

1. Шеина, И.А. Продукция и товары, не отвечающие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, как обязательные признаки преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ / И.А. Шеина // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 8. – С. 158.

УДК 343.1

Н.В. Аврамчик

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ КАК ПЕРВИЧНОЕ ПРАВО СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Проблеме показаний свидетеля в уголовном процессе как одному из источников доказательств традиционно уделяется большое внимание. Причина этого кроется как в глубоких исторических корнях данного вида показаний, появившегося еще во времена римского права, так и в необходимости совершенствования института свидетельского иммунитета.

Нельзя не согласиться с И.С. Дикаревым, утверждающим, что дача свидетельских показаний об известных обстоятельствах уголовного дела является гражданским долгом и юридической обязанностью каждого гражданина [1, с. 76]. При этом белорусский законодатель идет по международному пути, отдавая предпочтение интересам личности перед интересами государства.

Так, ст. 27 Конституции Республики Беларусь гласит: «никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы». Конкретизируется данное положение и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК): «свидетель имеет право не свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников».

Нелишним будет процитировать законодателя в части определения понятия «свидетель». Согласно ст. 60 УПК им является лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что ему известны какие-либо обстоятельства по уголовному делу, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для дачи показаний, либо дающее показания. При этом если воспринимать данное утверждение буквально, то, по сути, абсолютно любое лицо, необходимость в допросе которого была определена органом уголовного преследования или судом, обязано сообщить все, что ему известно по уголовному делу.

Однако, как известно, не бывает правил без исключений. Белорусский законодатель, равно как и законодатели ближайших нам стран, прямо наделил возможностью свидетеля не свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников, процессуально закрепив институт свидетельского иммунитета.

Предоставление гражданам свидетельского иммунитета является прямым свидетельством того, что государство в лице законодательных органов стремится при осуществлении уголовного преследования и правосудия обеспечить реализацию семейных, морально-этических отношений между людьми. Кроме того, для самого государства предоставление данного права является в некоторой степени попыткой обезопасить себя от дачи заведомо ложных показаний со стороны граждан.

Представляется логичным анализ субъектов, наделяемых свидетельским иммунитетом. Если с возможностью не свидетельствовать против себя самого все предельно ясно, то трактовки «члены семьи» и «близкие родственники» требуют очередного обращения к уголовно-процессуальному законодательству. Часть 1 ст. 6 УПК гласит: «близкие родственники – родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, а также супруг (супруга)». Из данной нормы следует, что перечень лиц, отнесенных к близким родственникам, исчерпывающий и расширительному толкованию не подлежит. Понятие «члены семьи» также прямо закреплено в УПК. Согласно ч. 53 ст. 6 данного кодекса к таковым относятся близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство. Законодателем в данном случае предпринята попытка определить конкретные категории лиц, относящиеся к членам семьи участников уголовного процесса, однако, на наш взгляд, этот перечень несколько размыт. Речь идет о формулировке «иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство». По сути, к таковым можно отнести фактически любых лиц, отвечающих вышеназванным требованиям, на которых укажет вызванное для дачи показаний лицо [2, с. 48]. Закономерно возникает вопрос: «Способствует ли такая неясность единым подходам при осуществлении правоприменительной деятельности?»

Неясно также, какая должна быть продолжительность совместной жизни с участником уголовного процесса и ведения с ним общего хозяйства. Если предположить, что свидетель в ходе предварительного расследования дал показания в отношении определенного лица, а не-

зادолго до судебного разбирательства стал совместно с ним проживать, имеет ли он право отказаться от дачи показаний в судебном заседании? Фактически да, однако законодатель, предоставляя данным лицам такую возможность, не предусмотрел высокую вероятность злоупотребления с их стороны своим правом, в том числе путем заключения фиктивных браков с целью получения материальной выгоды.

Кроме того, заставляет задуматься тот факт, что показания свидетеля, данные им в ходе предварительного расследования, в случае последующего отказа от дачи показаний в ходе судебного разбирательства, не имеют юридической силы. Во-первых, данное правило, закрепленное в ч. 2 ст. 333 УПК, в некоторой степени перечеркивает работу органа уголовного преследования как по установлению свидетелей, с целью их дальнейшего участия в судебном разбирательстве, так и по получению от них показаний. Во-вторых, такая возможность опять же может быть использована недобросовестными участниками уголовного процесса в свою пользу, что, в свою очередь, негативно скажется на осуществлении правосудия. Стоит обратить внимание и отметить с положительной стороны российского законодателя, закрепившего абсолютно противоположную норму: «при согласии свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний». Представляется, что данное положение в большей степени соответствует смыслу уголовно-процессуальной деятельности и направлено на минимизацию всевозможных ухищрений со стороны граждан при отправлении правосудия.

Таким образом, институт свидетельского иммунитета, являющийся одним из важнейших гарантов обеспечения конституционного права гражданина на отказ от дачи показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников, нуждается в некотором переосмыслении и процессуальной корректировке. Представляется необходимым установить четкий перечень субъектов, в отношении которых используется свидетельский иммунитет, с целью минимизации вероятности его использования в личных целях, сохраняя при этом баланс с нравственными нормами о недопустимости причинения вреда человеком самому себе либо своим близким. Кроме того, целесообразно обратить внимание на подход российского законодателя в части определения формулировки первичного права свидетеля, дополнив норму, закрепленную в п. 1 ч. 3 УПК, следующим положением: «В случае согласия свидетеля давать показания, он должен быть предупрежден о том,

что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний».

1. Дикарев, И.С. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе / И.С. Дикарев // Журн. рос. права. – 2012. – № 3. – С. 76–81.

2. Вишневская, Т.А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе / Т.А. Вишневская // Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сб. Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26–27 сент. 2019 г. : в 2 т. / Полоцк. гос. ун-т ; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцк. гос. ун-т, 2019. – Т. 2. – С. 43–54.

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

О ДОКАЗЫВАНИИ НАЛИЧИЯ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В соответствии с ч. 1 ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) меры пресечения могут применяться органом, ведущим уголовный процесс, лишь в том случае, когда собранные по уголовному делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый могут скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора.

В правовой науке дискуссионным является вопрос, что входит в содержание понятия «основание применения мер пресечения».

В.М. Корнуков полагает, что в это понятие входят «фактические данные, указывающие на возможность противоправного поведения лица или наличие других обстоятельств, осложняющих уголовно-процессуальную деятельность и требующих соответствующего способа воздействия» [1, с. 15].

Исходя из этой точки зрения, можно сделать вывод о том, что основания применения мер пресечения имеют двухзвенную структуру, вклю-

чающую в себя два элемента: фактические данные (доказательства), которые имеются в уголовном деле и свидетельствуют о наличии второго элемента – обстоятельствах (ситуации, обстановке), при которых возможно применение этих мер уголовно-процессуального принуждения. Подобной точки зрения придерживаются многие ученые [2, с. 95; 3, с. 9; 4, с. 7; 5, с. 37–39; 6, л. 39].

Другой позицией является то, что фактические данные (доказательства) не входят в содержание исследуемого понятия [7, л. 284]. Выражая солидарность данной точке зрения, подчеркнем конструкцию ч. 1 ст. 117 УПК, в соответствии с которой меры пресечения могут применяться, когда собранные по уголовному делу доказательства дают основания полагать, что поведение подозреваемого, обвиняемого будет ненадлежащим либо есть таковое. Представляется, что доказательства, с помощью которых устанавливается ненадлежащее поведение с точки зрения уголовного процесса вышеуказанных лиц «...хотя и находятся по этой причине в тесной связи с основаниями применения принуждения, однако лежат за их пределами и к ним отнесены быть не могут» [7, л. 284]. Вышеуказанная норма лишь указывает на то, что возможность применения мер пресечения должна основываться на доказательствах наличия обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 117 УПК.

Л.Л. Зайцева правильно отмечает, что хотя в УПК прямо не указано, но на наличие оснований для применения мер пресечения распространяется процесс доказывания, аргументируя это тем, что любое постановление органа, ведущего уголовный процесс, должно быть обоснованным, законным и мотивированным [8, с. 107]. Отметим, что в соответствии с ч. 2 ст. 126 УПК в постановлении (определении) о применении заключения под стражу должны быть изложены не только основания, но и мотивы, в силу которых возникла необходимость такого процессуального решения. На наш взгляд, эта норма предполагает указание в данном документе доказательств, которые послужили побудительной причиной проведения указанного решения.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в содержание оснований для применения мер пресечения входят обстоятельства (ситуация, обстановка), свидетельствующих о возможности совершения либо совершении подозреваемым, обвиняемым ненадлежащих с точки зрения уголовного процесса действий. На эти обстоятельства должны указывать конкретные доказательства, собранные, проверенные, оцененные по уголовному делу, наличие которых является побудительной причиной для применения рассматриваемых мер принуждения.

Учитывая изложенное, полагаем актуальным является установление того, какие именно обстоятельства входят в содержание оснований для применения мер пресечения.

Многие процессуалисты предлагают относить к ним факт наличия доказательств, свидетельствующих о совершении лицом преступления, привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу [3, с. 46; 9, с. 95]. По нашему мнению, указанные обстоятельства нельзя неизбежно включать в содержание оснований применения мер пресечения [10, с. 16], так как это создаст «опасность того, что сам факт предъявления обвинения может быть расценен как достаточное основание для применения мер пресечения. В результате, к каждому обвиняемому, вопреки необходимости, будет применяться мера пресечения» [1, с. 66], во-вторых, «надо учитывать, что «подключение» обвинения к основаниям применения мер пресечения способно создать у следователя, суда определенное психологическое предубеждение, отрицательно сказывающееся при решении вопросов о доказанности виновности лица и назначении меры наказания» [7, л. 280].

В содержание оснований для применения мер пресечения включают также обстоятельства, свидетельствующие о наличии признаков преступления и развивающегося в связи с этим уголовно-правового отношения [2, с. 80]. На наш взгляд, их неуместно включать в содержание оснований применения мер пресечения, так как они «детерминируют необходимость всей уголовно-процессуальной деятельности, состоящей из различных действий, в том числе и принудительных» [7, л. 275].

Полагаем, в содержание оснований для применения мер пресечения должны включаться те обстоятельства, которые непосредственно указывают на возможность либо на факт ненадлежащего с точки зрения уголовного процесса поведения подозреваемого, обвиняемого. Перечень данных обстоятельств не может быть исчерпывающим. При оценке их наличия по каждому уголовному делу органу, ведущему уголовный процесс, следует подходить индивидуально на основе совокупности собранных, проверенных и оцененных доказательств по уголовному делу. По факту, оценка доказательств должна порождать субъективное мнение должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, о наличии риска (риск-фактора) совершения в будущем либо совершении ненадлежащих с точки зрения уголовного процесса действий подозреваемым, обвиняемым.

1. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 137 с.

2. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 175 с.

3. Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение (вопросы теории и практики) / З.З. Зинатуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 136 с.

4. Кудинов, Л.Д. Предварительное заключение под стражу в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.Д. Кудинов ; ВЮЗИ. – М., 1985. – 20 с.

5. Зайцева, Л.Л. Задержание в уголовном процессе / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс. – Минск : Харвест, 2011. – 224 с.

6. Савчук, Т.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.А. Савчук. – Минск, 2014. – 234 л.

7. Кудин, Ф.М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ф.М. Кудин. – Свердловск, 1987. – 442 л.

8. Зайцева, Л.Л. Заключение под стражу как мера пресечения: основания и порядок применения в Республике Беларусь / Л.Л. Зайцева // Меры пресечения в уголовном процессе по законодательству Украины, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Молдова : сб. науч. тр. / Нац. акад. прокуратуры Украины ; ред.: Т.И. Помазанова, З.В. Пономаренко. – Киев, 2018. – С. 102–114.

9. Конах, Е.И. Процессуальный статус и обеспечение прав подозреваемого / Е.И. Конах, М.В. Парфенова. – М. : Юрлитинформ, 2005. – 96 с.

10. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. – М. : Юрид. лит., 1964. – 138 с.

УДК 343.116

Е.В. Буравова

СРОК ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ПОРЯДКЕ СПЛОШНОЙ И ВЫБОРОЧНОЙ КАССАЦИИ

В уголовно-процессуальном праве одним из наиболее быстро развивающихся можно назвать институт кассационного производства. Кассационная форма пересмотра решений суда существовала в отечественном уголовном процессе с тех пор, как он выделился в самостоятельную отрасль. Вполне понятно, что за длительный период своего существования кассационная инстанция и порядок ее существования претерпевали изменения, которые отражали происходящие в государстве процессы.

В 2019 г. изменениям подверглась система судов кассационного уровня, в результате чего в структуре судебной системы появились кас-

сационные суды общей юрисдикции, что повлекло изменения в действовавшем ранее порядке кассационного производства и пересмотра приговоров по уголовным делам [1].

По мнению законодателя, изменения в системе должны были способствовать совершенствованию реализации принципов справедливости и законности, а также усилению конституционного права на защиту, которое гарантировано всем лицам, участвующим в производстве по уголовному делу. Этой же задаче должна служить и введенная процедура рассмотрения судебных решений судом кассационной инстанции без решения о передаче жалобы на приговор в кассационный суд, которая получила название сплошной кассации [2, с. 62].

Необходимо отметить, что весь период существования института кассационного обжалования итоговых решений суда законодатель регулировал срок, в течение которого возможна подача жалобы. В 2013 г. в результате изменений был установлен годичный срок для обжалования приговора, однако вскоре эта позиция была скорректирована и Федеральным законом Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ годичный срок подачи жалобы был отменен. По мнению авторов, законодательной инициативы и ряда исследователей, установление ограниченного срока для обжалования приговора в кассационном порядке недопустимо, поскольку ухудшает положение осужденного, никаким образом не способствует своевременному исправлению судебных ошибок и нарушает право осужденного на защиту [3, с. 145].

Противники такого срока обжалования отмечают, что подобное правило дает возможность для неоднократного рассмотрения итогового решения в случаях, когда имеется несколько осужденных лиц, а это приводит уже к злоупотреблению правом на защиту и создает ненужные проволочки, которые не способствуют установлению справедливости по уголовному делу [4, с. 25]. Что касается установления срока обжалования для сплошной кассации, мнения исследователей сходятся на том, что установление предельного срока никак не ограничивает право на защиту, не создает препятствий для обжалования, но вместе с тем делает саму процедуру подачи и рассмотрения жалобы более упорядоченной [5, с. 89]. Кроме того, годичный срок установлен в качестве ограничения, после которого не допускается обжалование с доводами, ухудшающими положение осужденного.

Федеральным законом Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 15-ФЗ установлено, что в порядке сплошной кассации жалоба или представление могут быть поданы в срок до 6 месяцев со дня вступления итогового решения суда в законную силу. Если по уважительной причи-

не этот срок был пропущен, он может быть восстановлен. В этом случае также возможна подача жалобы в порядке выборочной кассации.

Установление такого срока законодателем снова подняло волну дискуссий в научной среде. Некоторые авторы отмечают, что установление шестимесячного срока не решает проблему множественного пересмотра решений суда, поскольку для этого необходимо установление более сжатого срока, что позволит рассматривать все поступающие по решению жалобы в едином производстве, накопив их в установленный законом срок, а не пересматривать одно и то же решение по несколько раз при поступлении новых жалоб от иных участников процесса [6, с. 33].

Следует отметить и тот факт, что законодатель допускает возможность на подачу кассационных жалоб в одну и ту же судебную инстанцию неограниченное число раз, если основание, по которым приговор, по мнению стороны, должен быть изменен, меняется. Найти возможности для установления новых оснований не так сложно, что на практике приводит к необходимости одним судом несколько раз принимать решение по одному и тому же итоговому решению суда общей юрисдикции.

На наш взгляд, сам факт введения порядка сплошной кассации существенно разгружает судебные инстанции и способствует более упорядоченному рассмотрению жалоб на судебные решения. В настоящее время кассационная инстанция в порядке сплошной кассации может рассматривать жалобы на все итоговые решения суда, в то время как выборочная кассация остается инструментом рассмотрения промежуточных судебных актов.

Несомненно, отсутствие срока кассационного обжалования при выборочной кассации нарушает право на защиту и может создавать как злоупотребления со стороны заинтересованных лиц, так и лишнюю волокиту, а учитывая высокую загруженность судебной системы, это никак не может способствовать развитию справедливого правосудия в нашей стране.

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Рос. газета. – 2019. – № 206.

2. Непомнящих, Л.А. Срок кассационного обжалования как фактор эффективности правовой защиты / Л.А. Непомнящих // Сиб. уголов.-процес. и криминалист. чтения. – 2022. – № 1. – С. 61–66.

3. Добровлянина, О.В. Некоторые проблемы, возникающие в связи с кассационным обжалованием апелляционного определения краевого суда по уголовному делу / О.В. Добровлянина // Ex Jure. – 2021. – № 2. – С. 144–152.

4. Давыдов, В.А. Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК / В.А. Давыдов // Уголов. процесс. – 2020. – № 9. – С. 22–27.

5. Костанов, Ю.А. Пресекательный срок для сплошной кассации. Критический взгляд на предложение ВС РФ / Ю.А. Костанов // Уголов. процесс. – 2020. – № 7. – С. 88–93.

6. Головкин, Л.В. Институт сплошной кассации в уголовном процессе: позитивная инновация или очередная деформация? / Л.В. Головкин // Закон. – 2021. – № 7. – С. 32–43.

УДК 343.1

Б.Я. Гаврилов

РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО – СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ОНО СОВРЕМЕННЫМ РЕАЛИЯМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ?

Анализ современного уголовного судопроизводства автором рассматривается с точки зрения его соответствия реалиям борьбы с преступностью с учетом эффективности его отдельных процессуальных институтов как досудебного, так и судебного производства. Значимым в ее оценке является учет мнений как правоприменителей¹, так и представителей науки, поскольку сегодня содержание многих правовых норм и в целом уголовно-процессуальных институтов является более, чем дискуссионным. В определенной степени свидетельствует об этом и внесение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) за 20 лет его действия изменений 300-и федеральными законами, что не может свидетельствовать об идеальном законе и, соответственно, вызывает критику в его адрес со стороны представителей научного сообщества и правоприменителей.

Так, Л.В. Головкин, высказывая свою точку зрения относительно качества УПК РФ, отмечает, что данный кодекс «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его «размыл» и дестабилизировал...» [1, с. 3–5].

У автора настоящей статьи соглашаться с данным утверждением оснований фактически нет, хотя с отдельными критическими высказываниями следует согласиться.

¹ До 2007 г. Б.Я. Гаврилов занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, с 1997 г. входил в состав рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации по подготовке проекта и принятию УПК РФ.

Вместе с тем главная причина внесения в УПК РФ весьма большого количества изменений обуславливается, по мнению автора, стремительным развитием в условиях нынешней действительности правоотношений в сфере уголовного судопроизводства, а также возросшими потребностями правоохранительных и судебных органов в совершенствовании процедур предварительного расследования и судебного разбирательства, что вряд ли представляется возможным отрицать. Автору настоящей публикации не представляется возможным согласиться и с позицией Л.В. Головки относительно качества уголовно-процессуальной кодификации в целом, поскольку она пытается копировать априори не сочетаемые с российской системой права англо-американские подходы, представляющие уголовный процесс в виде рыночного «состояния» государства со своими гражданами [1, с. 3–5].

Оценивая количество и качество УПК РФ и внесенных в него изменений, автор указывает на невозможность создания идеального закона, обращаясь к точке зрения В.Т. Томина о невозможности появления юридического чуда – уголовного процесса, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности [2, с. 112].

К изложенному о многочисленности внесенных в УПК РФ поправок автор отмечает, что необходимость этого обуславливалась решениями Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека и потребностями, как отмечено выше, правоприменительной практики. Вместе с тем часть из них носила популистский характер, а отдельные из поправок, в том числе внесенных Верховным Судом РФ, носили характер контрреформ (например, о порядке изложения доказательств в обвинительном заключении, о расширении положений института возвращения уголовного дела прокурору [3, с. 22–28]. Способствовали этому и компромиссные решения законодателя в процессе принятия УПК РФ, например, принятие Федеральным законом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ переходных положений, в части сохранения за прокурором до 1 января 2004 г. права санкционирования заключения подозреваемых, обвиняемых под стражу [4], что, в свою очередь, обусловило принятие Конституционным Судом РФ постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П [5] о признании не соответствующими Конституции РФ данного положения, следствием чего стало внесение законодателем в УПК РФ Федеральным законом Российской Федерации от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ (до вступления в действие УПК) целого блока изменений [6].

Имел также место и отказ от реализации предложенных еще в тот период подготовки УПК РФ ко второму чтению мер по реформированию

отдельных процессуальных институтов, что законодатель был вынужден реализовывать в последующие годы [7, с. 4–14; 8, с. 74–82].

Анализируя необходимость и целесообразность внесения в УПК РФ столь значительного количества изменений, считаем возможным обратить внимание на то, что только в одну ст. 6¹ УПК, введенную в УПК РФ Федеральным законом Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ [9], были внесены изменения пятью федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков.

Говоря об обусловленности внесения в УПК РФ столь значительного количества изменений, следует обратить внимание и на то, что абсолютное большинство из них были обусловлены реалиями правоприменительной практики. Так, Федеральным законом Российской Федерации от 5 июля 2007 г. № 87-ФЗ [10] следователи были выведены из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ; руководителю следственного органа от прокурора были переданы полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием, о необходимости чего высказывалось как в научной среде, так и буквально накануне данной реформы непосредственно руководством Генеральной прокуратуры РФ, признававшей необходимость разграничения данных функций. О положительных изменениях наглядно свидетельствует многократное сокращение числа реабилитированных судом граждан, в том числе по делам следователей органов внутренних дел с 1 372 человек в 2006 г., из которых 524 подсудимых содержались под стражей, до 370 граждан в 2021 г., из которых 101 лицо содержалось под стражей. А по делам следователей прокуратуры (сегодня следователей Следственного комитета) это число в указанный период сократилось с 1 885 лиц, в том числе 954 содержащихся под стражей, до 630 подсудимых, из которых 241 лицо содержалось под стражей. Изменения коснулись института возбуждения уголовного дела и ряда других;

Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [11] значительно был расширен перечень процессуальных, включая следственные, действий в стадии возбуждения уголовного дела, что предоставляет органам предварительного расследования возможность собирания доказательств в этой стадии уголовного процесса. Этим же законом введена сокращенная форма дознания, предусматривающая возможность расследования в более сжатые сроки и собирания доказательств в объеме, достаточном для осуществления судопроизводства по уголовному делу;

Федеральным законом Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ [12] в УПК введена процессуальная фигура начальника подразделения дознания. Изменен и ряд других институтов.

Существенные изменения затронули и судебное производство: с 1 января 2013 г. апелляционный порядок пересмотра приговоров осуществляется не только на решения мировых судов, но и на приговоры и иные решения федеральных судов общей юрисдикции, с 1 июня 2018 г. суды присяжных введены в районных, городских, федеральных судах, а с 1 октября 2019 г. в систему судов общей юрисдикции включены пять апелляционных и девять кассационных судов, что призвано обеспечить право гражданина на пересмотр его дела вышестоящим судом.

Одновременно следует отметить, что в действующем УПК РФ не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР его заформализованность и забюрократизированность, что, наряду с другими факторами, обусловило его низкую эффективность, на что указывает, в частности, снижение количества направленных, например, следователями органов внутренних дел, в суд уголовных дел из числа возбужденных более чем на треть (с 36 % в 1991 г. до 23 % в 2021 г.) [13, с. 98–102; 14, с. 19–26].

Учитывая этот и ряд других факторов, существует настоятельная потребность в пересмотре отдельных процессуальных институтов, в том числе:

положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия, ограниченного лишь сроком давности уголовного преследования, что противоречит норме – принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать по уголовным делам четырех лет;

положений ч. 1 и ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ в части увеличения первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который сегодня входят от 10 до 30 суток, для утверждения прокурором обвинительного заключения по поступившему к нему уголовному делу (по УПК РФ в редакции 2001 г. – 5 суток) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) решения по поступившему к нему уголовному делу (ч. 1 ст. 227 УПК РФ);

процессуальных правил, регламентирующих институт предъявления обвинения, в том числе и в связи с участием адвоката-защитника с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении; а также с фактическим нивелированием различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования. Аргументом является и направление в суд за период действия УПК РФ 5 млн расследованных в форме дознания уголовных дел без «классического» предъявления обвинения [15, с. 65–73];

замену дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств сегодня почти ничем не отличается от дознания в общем порядке, протокольной формой расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния, с одновременным исключением процедуры возбуждения уголовного дела. Данная форма расследования должна предусматривать задержание лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства;

исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное снижение количества возбужденных уголовных дел (с 3,3 млн в 2006 г. до 1,7 млн в 2021 г.) и, соответственно, увеличение (с 4,5 млн до 5,7 млн) за этот период количества «отказных» материалов при фактической неизменности (10,7 млн в 2006 г. и 9,3 млн в 2021 г.) числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [16, с. 74–78].

Предложение автора статьи и других ученых-процессуалистов об исключении из УПК РФ его ст. 146 и 148 обусловлено и позициями Конституционного Суда РФ [17] и Верховного Суда РФ [18, с. 20–22] в части обязательного возбуждения уголовного дела по каждому вновь выявленному в рамках расследуемого дела факту преступления, а также при выявлении нового соучастника преступления, что противоречит сложившейся на протяжении более 60 лет практике возбуждения и расследования в подобных случаях единого уголовного дела.

В качестве вывода автор отмечает, что за 100 лет действия в России уголовно-процессуального законодательства содержание его основных процессуальных институтов как возбуждение уголовного дела, сроки расследования, предъявление обвинения и ряда других фактически остались неизменными, что обусловило потребность в разработке доктрины досудебного производства, призванной отразить происшедшие в жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше уголовно-процессуальных институтов, не позволяющих обеспечить эффективность современного уголовного судопроизводства.

1. Головкин, Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? / Л.В. Головкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 3–5.

2. Томин, В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается / В.Т. Томин. – Горький, 1989. – 112 с.

3. Гаврилов, Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2018. – № 1. – С. 22–28.

4. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 18 дек. 2001 г., № 177-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 4924.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалова».

6. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 29 мая 2002 г., № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.

7. Гаврилов, Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2021. – № 6. – С. 4–14.

8. Божьев, В.П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74–82.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : Федер. закон Рос. Федерации, 30 апр. 2010 г., № 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2145.

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федер. закон Рос. Федерации от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 28–30.

11. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 4 марта 2013 г., № 23-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. – 2013. – № 9. – С. 875.

12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 6 июля 2007 г., № 90-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2833.

13. Гаврилов, Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? / Б.Я. Гаврилов // Акад. мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 98–102.

14. Гаврилов, Б.Я. Эффективность досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Уголов. судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 19–26.

15. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика / Б.Я. Гаврилов // Актуальные вопросы производства предвари-

тельного следствия: теория и практика : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., 11 апр. 2019 г. – М. : Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 65–73.

16. Божьев, В.П. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 18 июля 2006 г., № 343-О. – Режим доступа: <http://sudbiblioteka.ru/ks>. – Дата доступа: 15.10.2022.

18. Кожокар, В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ / В.В. Кожокар // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–22.

УДК 343.12

В.А. Гончаров, Д.А. Дылевская

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В 2021 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) внесен ряд изменений и дополнений. Одной из значимых и существенных новелл послужило законодательное закрепление возможности применения медиации в уголовном процессе. В частности, ст. 6 УПК пополнилась такими понятиями, как «медиативное соглашение» (п. 14¹), «медиатор» (п. 14²) и «медиация» (п. 14³). Наряду с этим, УПК дополнился отдельной ст. 30¹, посредством которой закрепился процессуальный порядок примирения обвиняемого с потерпевшим.

Внедрение в отечественный уголовный процесс абсолютно нового, никогда ранее не применявшегося института, явилось подлинным инновационным прорывом в развитии уголовного судопроизводства. Разрешив применение медиации в уголовном процессе, законодатель, руководствуясь международным опытом, полагаем, тем самым стремился по отдельным категориям дел расширить практику применения процедуры примирения между обвиняемым и потерпевшим, с целью обеспечения возможности прекращения производства по делу с последующим освобождением лица от уголовной ответственности по данному основанию. Предполагалось, что это существенно упростит работу

следователей и суда, поможет снизить государственные затраты на процедуры предварительного расследования и судебного разбирательства, путем появления возможности скорейшего принятия окончательного решения по уголовному делу ввиду примирения. Немаловажная роль в этом отведена и медиатору, как лицу, не заинтересованному в исходе уголовного дела, который посредством своего участия в переговорах между обвиняемым и потерпевшим содействует их примирению. Иными словами, с данного момента в уголовном процессе появилась возможность осуществлять примирение сторон на «профессиональной» основе, с участием третьего, независимого лица – медиатора. Ранее, как известно, практика шла по такому пути, что организационными вопросами примирения вынужден был заниматься непосредственно орган, ведущий уголовный процесс.

В этой связи законодатель предъявил определенные, специальные требования к медиатору. Медиатором, в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации), может быть физическое лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившее свидетельство медиатора, выданное Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации [1].

Несмотря на то что уже прошло почти полтора года, как в УПК появилась возможность использования медиации, изучение практики ее применения показало, что этот процесс развивается весьма медленно, можно сказать вялотекуще. Например, в стране, за указанный период по уголовным делам проведено не более тридцати медиаций, где в большинстве случаев достигнуто примирение обвиняемого с потерпевшим. Однако по данному основанию ни одно уголовное дело не было прекращено.

Основными причинами, на наш взгляд, являются два обстоятельства. Первое и главное, мы связываем с административно-организационным фактором. Считаем, что в настоящее время органом, ведущим уголовный процесс, принимается недостаточно мер по популяризации медиации. В какой-то степени, следователи и суд не проявляют заинтересованности к данному процессу. Предпочитая работать «по старинке», отдельные должностные лица органов, ведущих уголовный процесс, считают, что незачем прибегать к услугам медиатора, поскольку при-

мириться обвиняемый с потерпевшим могут самостоятельно, либо при помощи следователя или судьи. Многие полагают, что примирение во все не должно являться основанием прекращения производства по делу и освобождения лица от уголовной ответственности.

В этой связи возлагаются надежды на сформированную в июне 2022 г. на площадке общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов» (далее – Союз юристов), рабочую группу, результатом работы которой будет подготовка рекомендаций для практической реализации института медиации в уголовном процессе и последующей выработки на их основе правовых инициатив. В состав рабочей группы вошли представители Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства юстиции, Белорусской республиканской коллегии адвокатов, Национального центра законодательства и правовых исследований, Института Следственного комитета, Академии Министерства внутренних дел, БГУ, Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, Центра «Медиация и право» и другие государственные органы и организации. В ходе подготовки рекомендаций рабочая группа будет учитывать практический опыт применения медиации при разрешении уголовно-правовых конфликтов, который сформирован путем проведения пилотного проекта, инициаторами которого выступили Союз юристов и учреждение образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь» [2].

Наряду с административно-организационным фактором, препятствующим развитию института медиации в уголовном судопроизводстве, имеется и ряд пробелов в законодательном регулировании данного вопроса.

Проанализировав нормы УПК, регламентирующие порядок проведения медиации, условно можно выделить два вида медиации. К первому следует отнести медиацию, проведение которой возможно при производстве по уголовным делам частного обвинения. Осуществление второго вида возможно при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства. Изучение норм УПК показывает, что при реализации как одного, так и другого вида возникает ряд законодательных проблемных аспектов.

Относительно проведения медиации при производстве по делам частного обвинения, следует отметить, что п. 14³ ст. 6 УПК под медиацией однозначно понимает переговоры обвиняемого с потерпевшим с участием медиатора в целях содействия их примирению. В этой связи

справедливо возникает вопрос, как возможно применить медиацию по данной категории дел, когда потерпевший не является участником рассматриваемого производства. При производстве данной категории дел участвует такой субъект, как частный обвинитель, в связи с чем, считаем необходимым п. 14¹, 14² и 14³ ст. 6 УПК дополнить дефиницией «частный обвинитель». Следует внести изменения и в ч. 4 ст. 427 УПК, обязывающую суд разъяснить сторонам возможность примирения, дополнив словами «в том числе с участием медиатора».

Как отмечено ранее, медиация возможна лишь между такими участниками, как обвиняемый и потерпевший. Однако, как показывает практика, по большинству уголовных дел, органы уголовного преследования уже на протяжении длительного периода решение о привлечении в качестве обвиняемого принимают лишь незадолго до окончания предварительного расследования, на чем регулярно, начиная с 60-х гг. прошлого столетия, акцентируется внимание в научной литературе [3, с. 151; 4, с. 32; 5, с. 114; 6, л. 63; 7, с. 97–98, 8, с. 22–23]. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев, лицом, в отношении которого на предварительном расследовании осуществляется уголовное преследование, является именно подозреваемый, а не обвиняемый. Однако подозреваемый в настоящее время не наделен правом примирения с потерпевшим. Таким образом, применение медиации на предварительном расследовании существенно ограничено. Мы установили, что ее использование возможно лишь с участием обвиняемого, а это значит, только на завершающем этапе предварительного следствия. С целью исправления проблемной ситуации видится возможным и правильным предусмотреть в УПК возможность примирения потерпевшего не только с обвиняемым, но и с подозреваемым, соответственно не только при производстве предварительного следствия, но и дознания.

Немаловажным и открытым остается вопрос о процессуальном статусе медиатора в уголовном процессе. По правовой сути медиатор является «косвенным, второстепенным» участником, однако законодатель не относит медиатора ни к одной из групп участников. В связи с чем, полагаем, можно предложить возможность отнесения медиатора к такой группе, как «иные участники уголовного процесса», предусмотренной гл. 7 УПК. Это позволит уточнить его правовой статус, определить перечень прав и обязанностей, что усовершенствует не только институт медиации, но и во многом упростит решение органом, ведущим уголовный процесс, стоящих перед ним задач.

Наряду с этим, необходимо определиться, следует ли конкретно обозначить категории дел о преступлениях, по которым возможно примене-

ние медиации в уголовном процессе. Одновременно требуется изучение вопроса о необходимости определения сроков проведения процедуры медиации при урегулировании уголовно-правового конфликта и возможность приостановления производства по уголовному делу на время медиации. В своих убеждениях мы придерживаемся той позиции, что в случае достижения примирения обвиняемого с потерпевшим по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, производство по уголовному делу должно подлежать прекращению, как это происходит в случаях с делами частного обвинения. Здесь же вполне возможно определиться с конкретным перечнем составов преступлений, относящихся к категории менее тяжких, по которым также, в случае примирения, производство по уголовному делу должно быть прекращено.

Все изложенное позволяет нам сделать вывод, что институт медиации в уголовном процессе обладает всеми предпосылками для своего развития. Полагаем, что слаженная работа всех заинтересованных лиц позволит устранить в данном направлении правовые пробелы и медиация достигнет значимых высот.

1. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300058>. – Дата доступа: 12.11.2022.
2. Круглый стол «Перспективы практической реализации института медиации в уголовном процессе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://union.by/события/новости/document-77983.html/>. – Дата доступа: 12.11.2022.
3. Стрёмовский, В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стрёмовский. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 260 с.
4. Шейфер, С.А. Следственные ошибки, влекущие за собой нарушение права обвиняемого на защиту / С.А. Шейфер, В.А. Лазарева // Актуальные проблемы охраны прав личности в советском уголовном судопроизводстве : межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т ; редкол.: И.Я. Дюрягин, В.М. Кобыков (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1989. – С. 29–35.
5. Шестакова, С.Д. Состязательность уголовного процесса / С.Д. Шестакова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 217 с.
6. Василевская, В.Л. Институт защиты в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Л. Василевская. – Минск, 2001. – 108 л.
7. Гончаров, В.А. Обвиняемый в уголовном процессе (досудебное производство) : монография / В.А. Гончаров. – Минск : Право и экономика, 2006. – 228 с.
8. Гончаров, В.А. Обвиняемый в стадии предварительного расследования: законодательное решение актуальных прикладных проблем / В.А. Гончаров // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні : навуц.-практ. і інфарм.-метад. часоп. / заснав.: Прыват. установа адукацыі «БІП – Ін-т правазнаўства». – 2022. – № 3. – С. 19–28.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Эффективность предварительного расследования напрямую зависит от обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в процессе расследования преступного деяния. Неслучайно вопрос о процессуальной самостоятельности следователя на протяжении ряда лет обсуждается в процессуальной литературе [1, с. 9; 2, с. 23].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), хотя и не использует термин «процессуальная самостоятельность следователя», раскрывает ее содержание как полномочие «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласие руководителя следственного органа» (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Подобные полномочия содержатся в ч. 3 ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь: «Все решения о производстве следственных и других процессуальных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора или письменного согласования решения органа уголовного преследования о задержании лица, и несет полную ответственность за их законное и своевременное исполнение».

Отличие доктринальной трактовки содержания процессуальной деятельности следователя состоит в том, что если в УПК РФ говорится о самостоятельности следователя в определении хода расследования и принятии решений, то в УПК Республики Беларусь внимание акцентируется на самостоятельности решения о производстве следственных действий.

Соответственно, можно сделать вывод, что процессуальная самостоятельность следователя выражается в самостоятельности принятия решения о производстве следственных действий и определении хода расследования, что не исключает процессуального руководства со стороны руководителя следственного органа.

При сравнении процессуальных полномочий следователя и дознавателя традиционно подчеркивается, что дознаватель, в отличие от сле-

дователя, не обладает процессуальной самостоятельностью, но если сопоставить п. 3 ч. 2 ст. 38 и п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, то очень сложно провести различие между понятиями «процессуальная самостоятельность следователя» и «процессуальная несамостоятельность дознавателя», так как последний также уполномочен самостоятельно проводить следственные действия и принимать процессуальные решения.

Изложенное предопределяет необходимость выделения дополнительных критериев процессуальной самостоятельности следователя, к которым, на наш взгляд, относится характер взаимоотношений следователя с прокурором, руководителем следственного органа и органом дознания. Правда, последнее потеряло свою актуальность с 2013 г. после появления у дознавателя полномочия давать органу дознания обязательные для исполнения поручения о производстве следственных действий и иных процессуальных действий, в том числе заключении под стражу (п. 1-1 ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

Если рассматривать современный прокурорский надзор через призму процессуальной самостоятельности следователя, то следует отметить:

- 1) прокурор не осуществляет процессуального руководства предварительным следствием, более того, реализовать уголовное преследование он может только в судебном разбирательстве;
- 2) полномочия прокурора по осуществлению надзора за законностью следствия весьма ограничены по сравнению с полномочиями по надзору за законностью осуществления дознания;
- 3) в случае несогласия с требованием прокурора об устранении нарушений федерального законодательства следователь обязан информировать об этом руководителя следственного органа, но при этом законодатель не указывает, должен ли следователь выполнять при этом требования прокурора;
- 4) следователь имеет право обжаловать решения прокурора по уголовному делу, поступившему для утверждения с обвинительным заключением, вышестоящему прокурору по целому ряду вопросов.

Таким образом, современные изменения уголовно-процессуального законодательства РФ фактически нивелировали эффективность прокурорского надзора за предварительным следствием. Изменение роли прокурорского надзора отнюдь не свидетельствует о полной процессуальной самостоятельности следователя, поскольку полномочия следователя блокированы полномочиями руководителя следственного органа.

Руководитель следственного органа может давать следователю обязательные указания о ходе и направлении расследования и производстве следственных действий. Принимать процессуальные решения сле-

ватель может, в большинстве случаев, только с согласия руководителя следственного органа или уведомляя последнего.

По справедливому замечанию Л.В. Головки: «Функция следователя в России оказалась существенно деформированной... Деформация зашла настолько далеко, что нынешний следователь является по своей сущности вовсе не классическим «судебным следователем», а фактически «квалифицированным дознавателем»...» [3, с. 248]. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что процессуальная самостоятельность следователя – это скорее теоретическая модель, которая доктринально не подтверждается, несмотря на судебную природу континентального предварительного следствия, что предполагает требование процессуальной самостоятельности следователя, близкой к независимости судьи.

1. Шейфер, С.А. Предварительное следствие. Общие условия и основные этапы производства / С.А. Шейфер. – Куйбышев, 2016. – 334 с.
2. Марфицын, П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) / П.Г. Марфицын. – Омск, 2015. – 260 с.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М. : Статут, 2021. – 700 с.

УДК 343.1

В.П. Зайцев

ОБ ОТМЕНЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 44 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует каждому право собственности, неприкосновенность собственности охраняется законом, принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом.

Наложение ареста на имущество в уголовном процессе выступает мерой принуждения, которая применяется в целях обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, специальной конфискации. Основания применения рассматриваемой меры указывают на временный характер ее действия и предполагает урегулированную уголовно-процессуальным законом соответствующую процедуру отмены наложения ареста на имущество. Указанная процедура служит процессуальной гарантией прав и закон-

ных интересов участников уголовного процесса, имущество которых подвергается аресту, однако, по нашему мнению, нуждается в научной и законодательной культивации.

Согласно действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) арест имущества отменяется постановлением (определением) органа, ведущего уголовный процесс, когда в этом отпадает необходимость (ч. 16 ст. 132 УПК). По такому правилу закона фактическим основанием отмены наложения ареста на имущество выступает минование необходимости в продолжении применения рассматриваемой меры принуждения, а юридическим – процессуальный документ отмены ареста имущества.

К условиям отмены наложения ареста на имущество следует отнести: неподтверждение фактической принадлежности имущества, находящегося в собственности других лиц, подозреваемому, обвиняемому или его отчуждения в целях сокрытия принадлежности или источников происхождения либо для финансирования преступной деятельности (ч. 4 ст. 132 УПК); приостановление предварительного следствия (ст. 246 УПК); прекращение производства по уголовному делу (ст. 29, 30, ст. 279, ст. 303 УПК), предварительного расследования или уголовного преследования (ст. 250 УПК); оправдание обвиняемого (ст. 363 УПК); отказ от гражданского иска (ст. 154 УПК); добровольные возмещение ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем; отказ судом в удовлетворении иска, либо оставление иска без рассмотрения (ст. 155 УПК); доказанность, что имущество не принадлежит лицам, несущим по закону материальную ответственность за деяния подозреваемого (обвиняемого); ошибочное описание имущества; стоимость арестованного имущества превышает сумму гражданского иска, других имущественных взысканий; наличие заявленных в порядке ч. 17, 18, 18¹ ст. 132 УПК ходатайств подозреваемого, обвиняемого, лиц, несущих по закону материальную ответственность за них, а также лиц, указанных в ч. 2 ст. 132 УПК [1, с. 54–55; 2, л. 123]. В отличие от условий применения ареста имущества, условия его отмены одновременного соблюдения их всех сразу не требуют, поэтому они самостоятельны и по отдельности.

Вместе с тем указанная в УПК регламентация процедуры отмены ареста имущества, как мы считаем, видится несколько неполной.

Согласно п. 8 ч. 1 ст. 361, а также п. 3, 4 ст. 363 УПК в резолютивных частях как обвинительного, так и оправдательного приговоров должны быть указаны: решение о мере пресечения и иной мере процессуального принуждения в отношении обвиняемого до вступления приговора в законную силу; решение об отмене меры пресечения и иной меры процес-

суального принуждения, если она была применена; решение об отмене мер обеспечения возмещения вреда и специальной конфискации имущества, если такие меры были приняты. Вне всякого сомнения, наложение ареста на имущество относится к указанным решениям по существу.

Приговор является самостоятельным процессуальным документом, в котором заключается решение суда первой инстанции по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого, о применении или неприменении к нему наказания, а также по иным вопросам, подлежащим разрешению (п. 30 ст. 6 УПК). Приговор может быть подготовлен вручную или с помощью технических средств одним из судей, участвующих в принятии такого судебного решения, после чего он должен быть подписан полным составом судей (ч. 2 ст. 358 УПК).

Подготовка дополнительных документов (постановлений, определений) об отмене наложенного ареста на имущество представляется действием излишним, дублирующим решение, указанное в приговоре, усложняющим форму уголовного процесса. В таком же ключе можно вести речь и про постановление о приостановлении предварительного следствия, а также про постановление о прекращении предварительного расследования или уголовного преследования. Согласно ч. 2 ст. 246 УПК, если в рамках уголовного дела наложен арест на имущество, резолютивная часть постановления о приостановлении предварительного следствия должна также содержать указание об отмене такого ареста. Актуальность этого постановления для отмены ареста имущества распространяется на случаи, предусмотренные ч. 2 ст. 132 УПК. Исходя из ч. 2 ст. 251 УПК, в резолютивной части постановления излагается решение следователя, прокурора о прекращении предварительного расследования либо уголовного преследования с обязательным указанием на отмену ареста, наложенного на имущество по уголовному делу.

Таким образом, наложение ареста на имущество может быть отменено не только постановлением (определением) органа, ведущего уголовный процесс, но и приговором суда. Полагаясь на изложенное заключение, предлагаем внести изменение в ч. 16 ст. 132 УПК и изложить ее в следующей редакции: «Наложение ареста на имущество отменяется постановлением (определением или приговором) органа, ведущего уголовный процесс, когда в этом отпадает необходимость. Отмена наложения ареста на имущество, примененного с санкции прокурора либо его заместителя, допускается лишь с согласия прокурора или его заместителя».

В постановлении (определении) или приговоре (выделено нами) должно быть точно указано, когда, чье, на какую сумму и какое иму-

щество было арестовано, основания отмены ареста, какое конкретно имущество подлежит освобождению от ареста. О принятом решении должны быть уведомлены все лица, имеющие в уголовном деле интересы имущественного характера. Отмена ареста имущества является юридическим фактом, который позволяет собственнику снова владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом или реализовать его под контролем органа дознания, следователя, прокурора или суда [3, с. 406].

Предлагаемые нами изменения действующего уголовно-процессуального закона направлены на повышение качества обеспечения законности, соблюдения конституционных прав и свобод человека, оптимизацию деятельности органов, ведущих уголовный процесс, рационализацию уголовно-процессуальной формы в целом.

1. Власенко, Н.В. Отмена наложения ареста на имущество в порядке уголовного судопроизводства / Н.В. Власенко, А.Н. Иванов // Рос. юстиция. – 2008. – № 4. – С. 54–56.

2. Соколова, М.В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.В. Соколова. – М., 2018. – 216 л.

3. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.

УДК 343.123

Ю.С. Климович

О ПРАВЕ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПРИОСТАНАВЛИВАТЬ ПРОВЕРКУ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Механизм приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении появился в УПК относительно недавно – в 2017 г., а уже через несколько лет претерпел законодательные изменения. Обозначенная новация не без проблем приживается на практике и вызывает определенные затруднения у субъектов применения права. В данной работе обратим внимание только на один дискуссионный аспект. Согласно ч. 2 ст. 427 УПК суд по уголовному делу частного обвинения до начала судебного разбирательства при необходимости получения объяснений, заключений специалистов и иных данных вправе направить принятое им заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения в орган дознания для проведения провер-

ки. В связи с этим отдельные правоприменители задаются вопросом о наличии у них права при наличии оснований, указанных в ст. 173³ УПК, приостанавливать проведение такой проверки. Полагаем, что указанное решение применяться не может. При этом исходим из следующего. Во-первых, необходимо учитывать статус производства по уголовным делам частного обвинения как особого производства в уголовном процессе, которое осуществляется по общим правилам, однако с учетом имеющихся изъятий. Таковые, например, присутствуют в ч. 2 ст. 427 УПК, которая императивно предусматривает, что проверка по заявлению о возбуждении уголовного дела частного обвинения, направленному судом в орган дознания, должна быть закончена в срок до 10 суток. Никаких других вариантов ни в части сроков проведения проверки, ни в части принятия альтернативных решений данная норма не предполагает. Во-вторых, следует обратить внимание на концептуальное различие природы проверки до возбуждения уголовного дела в рамках ст. 173 УПК и проверки по поручению суда по заявлению о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Во втором случае, хотя мы формально и видим слово «проверка», есть все основания считать, что имеет место производство по уголовному делу. Хотя сам по себе момент возбуждения уголовного дела частного обвинения в законе не конкретизирован, однако ч. 1 ст. 426 УПК говорит нам о том, что оно возбуждается подачей заявления пострадавшего, его представителя или представителя юридического лица в районный (городской) суд. С принятием судом заявления лицо, подавшее его, становится частным обвинителем, а лицо, в отношении которого оно подано, – обвиняемым (ч. 3 ст. 426 УПК). Следовательно, с указанного момента нужно вести речь об уголовном деле частного обвинения, так как данные участники процесса могут иметь место только при производстве по нему. «Хотя речь идет о проверке, проводимой органом дознания, а не о расследовании преступления, вместе с тем закономерно возникает вопрос: уголовное дело или заявление направляет судья в орган дознания? Поскольку в данном случае заявление не было возвращено заявителю для приведения его в соответствие с ч. 2 ст. 426 УПК и не было отказано в его принятии, постольку следует с очевидностью вывод, что судья принял заявление, что повлекло формирование на основании этого заявления уголовного дела», – совершенно верно по данному поводу считает Л.И. Кукреш [1]. Очевидно, что орган дознания не вправе ни приостанавливать, ни принимать иные промежуточные либо итоговые решения по уголовному делу частного обвинения, что относится к исключительной компетенции суда.

1. Кукреш, Л.И. Комментарий к главе 44 «Производство по делам частного обвинения» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Л.И. Кукреш // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.143.5

А.Ю. Левченкова

ОБ ОЦЕНКЕ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОСТРАДАВШЕГО, В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ДЕТЯМ КОМНАТЕ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА

Построение правового и социального государства в Республике Беларусь предполагает концентрацию усилий правотворителей и правоприменителей на защите прав и свобод граждан, проживающих на его территории. На современном этапе развития особое внимание уделяется несовершеннолетним гражданам нашего государства и защите не только их законных прав, но и психологического здоровья. Это реализуется при помощи особого, детально регламентированного, порядка участия лиц, не достигших 18-летнего возраста, в уголовном процессе на различных его стадиях.

Одной из новелл отечественного уголовного процесса в данном направлении стало дополнение ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) ч. 2¹, в которой законодательно закреплена возможность использования дружественных комнат опроса для допроса лиц, не достигших 16-летнего возраста по отдельным категориям преступлений. Преимущественно эта норма относится к уголовным делам, касающимся половой неприкосновенности или половой свободы. Целью данного нововведения стала минимизация вероятности повторной травматизации хрупкой психики несовершеннолетнего лица и так пострадавшего от совершенного преступления или ставшего его очевидцем.

Однако при применении вышеуказанной нормы сотрудники правоохранительных органов нередко сталкиваются с процессуальным требованием повторного получения от несовершеннолетнего участника его показаний, имеющих значение для уголовного дела. Часто по делам вышеуказанной категории еще на этапе проверки, проводимой в порядке ст. 173–174 УПК, возникает необходимость в получении сведений от несовершеннолетнего лица, пострадавшего от преступления либо осведомленного о нем, а также проверке достоверности полученной ин-

формации. В связи с этим сотрудниками органов внутренних дел иницируется проведение опроса данного лица в дружественной комнате специалистом, чьим профилем деятельности является работа с несовершеннолетними, получившими психологическую травму, и имеющим соответствующее образование. При подготовке к опросу сотрудниками органов внутренних дел, исходя из имеющихся на этот момент материалов, разрабатывается список вопросов, подлежащих выяснению, с учетом которых специалист выстраивает диалог с опрашиваемым лицом. Проведение подобного рода опросов предполагает наличие особой тактики ведения беседы с несовершеннолетним, в том числе ее начало с разъяснения данному гражданину необходимости рассказывать правду и ряда вопросов, подтверждающих осознание ребенком данного утверждения. При проведении подобного опроса осуществляется аудио- и видеозапись, после чего диск с зафиксированными на нем показаниями опрашиваемого лица предоставляется инициатору опроса. Практика демонстрирует, что в последующем, в случае подтверждения достоверности зафиксированных показаний несовершеннолетнего участника уголовного процесса, а также настолько полного и детального описания всех подробностей происшедшего в его показаниях, что не требуется никаких уточнений, данный участник может даже не быть допрошен. При этом вышеуказанный диск приобщается к материалам уголовного дела, подлежит осмотру и детальной фиксации содержащейся на нем аудио- и видеозаписи, после чего признается вещественным доказательством по данному уголовному делу.

Вместе с тем возникает некоторая коллизия при оценке доказательств в сложившейся следственной ситуации. В соответствии с положениями УПК доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, в свою очередь, источниками доказательств, помимо прочего, являются показания потерпевшего и свидетеля, в том числе несовершеннолетнего, а также их звуко- и видеозапись. Однако в ст. 93 и 94 УПК содержится уточнение о том, что показания указанных участников должны быть получены у них лишь в ходе допроса. При этом следует отметить, что методика проведения допроса несовершеннолетнего лица с использованием дружественной комнаты фактически дублирует алгоритм проведенного ранее опроса с той лишь разницей, что вопросы, подлежащие выяснению, в случае допроса составляет следователь.

Таким образом, фактически в уголовном деле имеются показания несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, однако они получены не в рамках допроса, в связи с чем не являются источниками доказа-

тельств, предусмотренных ст. 93 и 94 УПК. Диск с видеозаписью опроса в данной ситуации относится к иным источникам доказательств. Однако даже при наличии диска с видеозаписью опроса указанного участника с максимально подробным и детальным описанием происшедших событий, отсутствие протокола допроса несовершеннолетнего лица может быть истрактовано как нарушение положений ст. 18 УПК. При этом вред психическому здоровью указанного участника от одной необходимости явиться к следователю может быть весьма значительным, не говоря уже о требовании еще раз рассказать о происшедшем травмирующем событии. А задействование дружественной комнаты для повторного получения тех же показаний того же лица, с единственным отличием в лице инициатора его проведения без необходимости получения каких-то дополнительных деталей, имеющих значение для уголовного дела, видится нецелесообразным расходом бюджетных средств.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод о необходимости рассмотрения вопроса о более детальном изучении законодательства и дополнительном урегулировании порядка получения показаний у несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с использованием дружественных комнат опроса, а также пересмотра вопроса об оценке полученных в ходе первоначального опроса показаний с точки зрения их доказательственного значения. Решение данного вопроса имеет существенное значение, поскольку, наряду с основными задачами правоохранительных органов в виде установления истины по уголовному делу и собирания доказательств, немаловажной особенностью такого направления деятельности данных органов является минимизация вреда для психики указанных участников от совершенного преступления и последующего его расследования.

УДК 343.13

М.А. Макаренко

**РЕФОРМЫ ИНСТИТУТА
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА, КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА
В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В современных условиях актуальность взаимодействия и обмена опытом в рамках Содружества Независимых Государств значительно повышается в самых различных сферах, включая, конечно же, и уголов-

ное судопроизводство. Для российской уголовно-процессуальной науки особый интерес представляет обращение к законодательству Республики Беларусь, в результате реформирования которого так же, как и в России, претерпел существенные изменения институт процессуального руководства, контроля и надзора, а также был образован специализированный следственный орган.

В результате реформы, проведенной в Российской Федерации в 2007 г., был создан Следственный комитет при прокуратуре, который со вступлением в законную силу в январе 2011 г. Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации» (ФЗ РФ № 403) [1] был преобразован в самостоятельный федеральный орган государственной власти, подчиненный исключительно Президенту России [2].

Происшедшие в России преобразования явились решительным шагом в реализации идей о разделении функций расследования преступлений и прокурорского надзора, а также о создании единого следственного органа, нашедших отражение в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. [3]. До этого они высказывались в научных трудах ряда советских процессуалистов. Но в упомянутой Концепции предполагалось сохранение за прокурором функции процессуального руководства в досудебном уголовном судопроизводстве, а следственный аппарат предлагалось сформировать либо в Следственном комитете как службе обвинительной власти либо в судебной системе через введение института следственных судей.

Вместе с тем единый следственный орган в Российской Федерации до сих пор не образован и, наряду со Следственным комитетом России, следственный аппарат сохранен в органах внутренних дел, а также и в Федеральной службе безопасности. Прокурор же утратил возможность осуществления уголовного преследования в досудебном производстве, которое как прокурорскую функцию даже предлагается исключить из закона [4, с. 118], а также руководить процессуальной деятельностью следователей (но не дознавателей). Наряду с этим в 2007 г. произошло резкое сокращение и надзорных возможностей прокурора – их существенное секвестирование [5, с. 38]. Однако некоторые из них, такие как право отменять решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и приостановлении следствия, были возвращены ему ФЗ РФ № 403.

В Беларуси Концепция судебно-правовой реформы была утверждена Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. В ней отражалось намерение создать единый самостоятельный и независи-

мый следственный аппарат, но образуется он лишь Указом Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. [6] и несколько позже его статус определяется специальным законом [7]. В отличие от России, в Беларуси следственные подразделения упраздняются не только в системе прокуратуры, но и в органах внутренних дел, но остаются в органах госбезопасности.

Как следует из ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. [8] (далее – УПК Республики Беларусь), за прокурором сохраняется право возбуждать уголовные дела и отказывать в их возбуждении, расследовать их в полном объеме или поручать производство по ним органу следствия. Кроме того, в данной статье прямо указывается на то, что прокурорский надзор осуществляется за расследованием уголовных дел органами следствия и дознания, а процессуальное руководство и надзор – лишь за следствием, проводимым нижестоящими прокурорами. В связи с последним возникает вопрос о том, насколько возможен надзор вышестоящего за процессуальной деятельностью нижестоящего? Исходя из главных постулатов теории института прокуратуры, одной из важнейших черт прокурорского надзора является его внешний характер. К слову, в противоречие этому в 1928 г. в органах прокуратуры был образован следственный аппарат.

Другой вопрос возникает в связи с тем, что прокурор наделяется правом давать органам дознания обязательные для исполнения указания о производстве следственных и иных процессуальных действий, а оперативно-розыскным органам – оперативно-розыскных мероприятий. При этом не уточняется, по каким делам такие указания могут даваться – по любым или только тем, что находятся в его производстве. Соответственно, имеет место неопределенность в том, осуществляет в отношении данных органов он процессуальное руководство или нет.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Республике Беларусь функции органов дознания являются классическими, аналогичными тем, что были предусмотрены во второй половине XIX в., когда дознание означало «до следствия» и выступало в качестве стадии уголовного процесса. Они принимают, регистрируют и проверяют сообщения о преступлениях с принятием по ним решения, проводят оперативно-розыскные мероприятия, при необходимости до передачи возбужденного уголовного дела следователю производят неотложные следственные действия [9, с. 81]. Их процессуальная деятельность осуществляется под контролем начальника органа дознания и надзором прокурора.

Что же касается прокурорского надзора за следствием, то в результате проведенных реформ он претерпел существенные ограничения и

в России, и в Беларуси, уголовно-процессуальными законами которых установлены его пределы, но, сразу скажем, далеко не одинаковые. Как показывает анализ соответствующих правовых установлений последних, в обоих государствах не предусматривается процессуальное руководство прокурора за следственной деятельностью, и главное его средство – дача указаний состоит в арсенале руководителей (начальников) следственных органов (подразделений). Лишь в случае возвращения уголовных дел следователю прокурор вправе одновременно с этим давать следователю указания. Однако в целом полномочия белорусских прокуроров, позволяющие оказывать воздействие на его деятельность, значительно шире тех полномочий, которыми наделены российские прокуроры.

Согласно УПК Республики Беларусь при санкционировании мер пресечения прокуроры вправе лично производить отдельные следственные действия по уголовным делам, находящимся в производстве следователя. Он вправе отменять постановления следователей и начальников следственных подразделений, если признает их незаконными и (или) необоснованными. Есть только одно исключение, которое распространяется на постановления Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, которые выносятся взамен санкций прокурора на применение мер пресечения, производство следственных и иных процессуальных действий. В России же прокурор, как уже отмечалось выше, вправе отменять лишь несколько процессуальных решений следователя, а если быть точным – только четыре, хотя и самых важных в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

При выявлении других нарушений законности, не связанных с вынесением незаконного или необоснованного постановления, как белорусский, так и российский прокурор, применяют такой акт реагирования, как письменное требование об их устранении. По УПК Республики Беларусь они адресуются начальнику следственного подразделения или органа дознания и подлежат рассмотрению в месячный срок, если иной срок в нем не предусмотрен. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [10] (УПК РФ) они адресуются следователю, который может не согласиться с ними и представить свои возражения на разрешение руководителя следственного органа. В случаях солидарности с позицией следователя, последним выносятся постановления о несогласии с требованием прокурора, которое в течение пяти суток подлежит направлению в органы прокуратуры.

В Беларуси прокуроры санкционируют как применение мер пресечения, так и производство ряда следственных и иных процессуальных

действий. В России же с введением судебного контроля такое понятие, как «санкция прокурора», ушло в далекое прошлое. Следователи и дознаватели с согласованными в установленном порядке ходатайствами обращаются в суд, где в судебном заседании с участием прокурора рассматривается вопрос о применении мер принуждения или разрешении производства соответствующих следственных и иных процессуальных действий.

Российский руководитель следственного органа обладает широчайшими полномочиями по осуществлению, как процессуального руководства, так и контроля за подчиненными ему следователями. Однако УПК РФ лишь перечисляет его полномочия, но не определяет его функциональных обязанностей. Можно лишь предполагать, обращая на наименование и статус данного участника процесса, что основной его функцией выступает процессуальное руководство. В УПК Республики Беларусь прямо закрепляется обязанность начальника следственного подразделения осуществлять данную функцию, а также контролировать законность и своевременность действий следователей по расследованию преступлений, принимать меры к наиболее полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела. Но следует отметить, что его полномочия не столь обширны, как у коллег из России.

Таким образом, в России и Беларуси с менее чем двухлетним разрывом проводились реформы досудебного производства, в результате которых сформированы новые органы следственной власти, находящиеся в подчинении глав государств. В составе полномочий прокуроров сохранены в основном надзорные полномочия, а функция процессуального руководства передана руководителям следственных органов. Сложившиеся модели контроля и надзора в досудебном производстве во многом сходны, если подвергнуть их сравнению с моделями, функционирующими в других странах СНГ, но по своему внутреннему содержанию они отличаются, особенно в части правосубъектности прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса.

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12181539>. – Дата доступа: 28.10.2022.

2. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 15.06.2022) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с Положением о Следственном комитете Российской Федерации) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109295. – Дата доступа: 28.10.2022.

3. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верхов. Совета РСФСР, 24 окт. 1991 г., № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

4. Победкин, А.В. Модель взаимоотношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя (с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) / А.В. Победкин // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 117–122.

5. Цветков, Ю.А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России / Ю.А. Цветков // История государства и права. – 2015. – № 3. – С. 33–38.

6. Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 12 сент. 2011 г. № 409 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 104. – 1/12845.

7. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 года «О Следственном комитете Республики Беларусь» (ред. от 07.05.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31230185&pos=5;-106#pos=5;-106. – Дата доступа: 28.10.2022.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (ред. от 22.07.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 28.10.2022.

9. Бибило, В.Н. Историко-правовые аспекты организации и функционирования органов досудебного производства по уголовному делу в Беларуси / В.Н. Бибило // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2018. – № 2. – С. 78–83.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125178>. – Дата доступа: 28.10.2022.

УДК 343.142

Ю.А. Мартынов

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ТРЕБУЕТ ИЗМЕНЕНИЙ

После обретения независимости Республикой Беларусь началось активное формирование национального законодательства. В 1992 г. Верховным Советом Республики Беларусь была принята Концепция судебно-правовой реформы, в которой отмечалось, что действующие нормы, регламентирующие предварительное расследование, не способствуют обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса и требуется их совершенствование, в том числе модернизация форм расследования [1, с. 15].

После этого были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь (УК, УПК). Следует отметить, что первый

УПК незначительно отличался от УПК БССР. Поэтому в новый УПК, еще не вступивший в действие, уже с 11 мая 2000 г. стали вноситься изменения и дополнения. За прошедшие с момента принятия УПК 20 лет было принято 60 законов о внесении изменений и дополнений. Так, были введены нормы о досудебном соглашении с подозреваемым (обвиняемым), ускоренном производстве, апелляционном производстве. В УПК введены нормы, предусматривающие медиацию (ст. 30¹), проведение нового следственного действия «осмотр компьютерной информации», применение новой меры пресечения «запрет определенных действий». Было реформировано дознание. Кроме того, значительно изменилось ускоренное производство. Согласно ст. 459 УПК суд может постановить приговор без судебного разбирательства [2]. Внесены в УПК и другие изменения и дополнения, что способствовало всестороннему, полному и объективному производству по материалам и уголовным делам.

Вместе с тем основания и процессуальный порядок окончания предварительного расследования почти не претерпел изменений. По действующему УПК окончание предварительного расследования имеет следующую последовательность.

Во-первых, собранные по материалам и уголовному делу доказательства подлежат всесторонней, полной и объективной проверке следователем путем их анализа, сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Во-вторых, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования. В-третьих, собранные по делу документы (материалы) систематизируются, нумеруются, составляется их описание, после чего они сшиваются в определенной последовательности. В-четвертых, признав, что все следственные действия по уголовному делу выполнены, а собранные доказательства достаточны для передачи уголовного дела прокурору для направления в суд, следователь уведомляет об этом заинтересованных участников и разъясняет им право знакомиться с уголовным делом, а равно заявлять ходатайства о дополнении предварительного расследования (ст. 255 УПК) [5]. В-пятых, одновременно с уведомлением заинтересованных лиц, следователь назначает дату и время, в которое необходимо явиться для ознакомления с уголовным делом. В-шестых, ознакомление заинтересованных лиц с материалами уголовного дела. В-седьмых, разрешение заявленных участниками процесса ходатайств при ознакомлении с материалами уголовного дела.

В-восьмых, оформление результатов ознакомления с материалами уголовного дела, вынесение постановления о направлении дела прокурору для передачи в суд, составление списка лиц, вызываемых в суд и справки о результатах предварительного расследования.

Таким образом, в УПК установлен четкий порядок ознакомления заинтересованных участников с материалами уголовного дела. Вместе с тем на практике при ознакомлении с материалами уголовного дела иногда допускаются уголовно-процессуальные нарушения. Под такими нарушениями понимаются «выразившиеся в нарушении норм (нормы) уголовно-процессуального права, прямо закрепленные (не просто запрещенные) в законе, виновные, общественно вредоносные (или общественно опасные – для преступлений) деяния деликтоспособного субъекта, влекущие меры восстановления правопорядка, ретроспективную юридическую ответственность и применение негативных юридических санкций как уголовно-процессуальной, так и иной отраслевой принадлежности» [3].

Кратко приведем перечень наиболее часто допускаемых следователями и иными участниками уголовного процесса уголовно-процессуальных нарушений при окончании предварительного расследования.

Во-первых, это несвоевременное уведомление участников процесса (прежде всего потерпевших) об окончании предварительного расследования и поспешное направление дела прокурору для изучения.

Во-вторых, это формальное рассмотрение ходатайств, заявленных заинтересованными лицами в ходе ознакомления с материалами дела или после завершения ознакомления.

В-третьих, это запрет без каких-либо причин и пояснений выписывать из дела интересующие участника сведения, в том числе запрет копировать материалы дела.

В-четвертых, это предъявление участникам процесса неподшитых и (или) пронумерованных (а иногда и несистематизированных) материалов (листов дела) с последующим включением в дело новых документов, с которыми участник процесса не был ознакомлен.

В-пятых, это умышленное затягивание обвиняемым и (или) защитником ознакомления с материалами дела.

Исходя из традиционного научного подхода, следует отметить, что возможны по меньшей мере четыре классификации как всех уголовно-процессуальных правонарушений, так и допускаемых участниками процесса на этапе окончания предварительного расследования [3].

Критериями данных классификаций являются:

а) субъект правонарушения (нарушитель уголовно-процессуальной нормы);

б) объект правонарушения (каким правам, интересам, благам причиняется вред, т. е. что конкретно нарушается – право на ознакомление с материалами, доказательствами, право на подачу ходатайства и т. п.);

в) значительность (общественная опасность) нарушения [4, с. 11–26];

г) вид юридической ответственности, наступающей вследствие совершения данного правонарушения.

Полагаем, внедрение электронного документирования следственных и процессуальных действий (электронного делопроизводства) позволит свести к минимуму количество нарушений уголовно-процессуального закона, снизить нагрузку на следователя и наиболее полно реализовать право участников уголовного процесса на ознакомление с материалами уголовного дела. Как справедливо указывают О.А. Зайцев и П.С. Пастухов, «тенденция к упрощению и ускорению уголовного судопроизводства, стремление к достижению процессуальной экономии в условиях цифровой трансформации придали новый импульс дискуссии о процессуальной форме, ее требованиях. Такую дискуссию порождает главная проблема предварительного расследования – его письменный характер, что становится препятствием для быстрого и объективного расследования преступлений и уже «не вписывается» в цифровое поле эпохи цифровой трансформации всех остальных видов социально-экономической деятельности. Электронный документ должен заменить письменные процессуальные документы, иначе письменный документ становится причиной деформации нашего уголовного процесса» [5, с. 765].

Они же приходят к выводу о необходимости изменений подходов к процессуальной форме, в частности к изменению требований к фиксации доказательственной информации исключительно в протоколах. Следует полностью поддержать мнение данных ученых о том, что «протокол (процессуального действия – Ю.М.) должен иметь одинаковый статус с электронным документом, аудиозаписью, видеозаписью, сведениями из баз данных. Только через изменение процессуальной формы может быть сделан переход к новым технологиям накопления сторонами информации и передачи этой информации (суду)» [5, с. 766].

Как показало анкетирование следователей Следственного комитета Республики Беларусь, произведенное в начале 2017 г., подавляющее большинство следователей (95 %) изготавливали большинство процессуальных документов с помощью оргтехники, в отдельных файлах и папках сохраняя электронные копии всех процессуальных документов. В связи с этим логичным и последовательным шагом, полагаем, было бы внедрение в отечественную процедуру (легализация) электронной формы уголовно-процессуальных документов и постепенный полный переход к такой форме документов.

Такое же анкетирование, проведенное в начале 2022 г., подтвердило обозначенную тенденцию. При этом уже 100 % респондентов указали, что используют для составления процессуальных документов, помещаемых в уголовное дело, электронный шаблон (копию) такого же документа по иному делу.

В целях совершенствования института ознакомления участников уголовного процесса с материалами уголовного дела необходимо:

1. Законодательно закрепить и обеспечить участникам уголовного процесса на практике возможность дистанционного порядка подачи ходатайств.

2. Законодательно закрепить и обеспечить возможность дистанционного ознакомления заинтересованных лиц с материалами уголовного дела.

Эти нововведения исключают возможность ознакомления соучастников преступления с протоколами (результатами) ознакомления с делом других обвиняемых и позволят суду при назначении наказания учесть степень раскаяния каждого, осуществить принцип справедливости ответственности (ч. 6 ст. 3 УК).

В связи с изложенным предлагаем:

а) дополнить ст. 257 УПК частью 1¹ следующего содержания: «В случае неявки обвиняемого, надлежаще извещенного об окончании предварительного расследования, для ознакомления с уголовным делом, следователь направляет такому лицу повторное уведомление с разъяснением возможности заявить ходатайство о дистанционном ознакомлении с электронной копией материалов уголовного дела. При поступлении такого ходатайства следователь направляет обвиняемому электронную копию материалов уголовного дела, за исключением случаев, когда в деле имеются сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну.

При непоступлении в течение месяца от обвиняемого, надлежаще извещенного о возможности дистанционного ознакомления с делом, соответствующего ходатайства, орган уголовного преследования направляет дело прокурору для передачи в суд»;

б) дополнить ч. 2 ст. 256 и ч. 4 ст. 257 УПК предложением следующего содержания: «В случае предоставления возможности участнику уголовного процесса получить электронную копию материалов уголовного дела орган, ведущий уголовный процесс, направляет материалы дела прокурору для передачи в суд».

Полагаем, что реализация данных предложений будет способствовать всестороннему, полному и объективному расследованию, защите прав и интересов участников уголовного процесса.

1. Концепция судебной реформы // Судебно-правовая реформа: концепция и пути ее реализации в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., 26–28 февр. 1992 г. / Верхов. Совет Респ. Беларусь, Совет Министров Респ. Беларусь, Верхов. Суд Респ. Беларусь ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск, 1992. – С. 6–34.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295>. – Дата доступа: 01.11.2022.

3. Ольков, С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.Г. Ольков. – Тюмень, 1995. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-protsessualnye-pravonarusheniya-v-rossiiskom-sudoproizvodstve>. – Дата доступа: 02.11.2022.

4. Ольков, С.Г. Ответственность следователя за уголовно-процессуальные правонарушения / С.Г. Ольков // Актуал. проблемы уголов. процесса. – Тюмень, 1994. – С. 41–46.

5. Зайцев, О.А. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации / О.А. Зайцев, П.С. Пастухов // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2019. – Вып. 46. – С. 752–777.

УДК 343.13

В.И. Масюк, М.И. Масюк

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Развитие информационных технологий и внедрение их в различные сферы правоотношений предопределяет направления научных исследований, среди которых особую актуальность приобретают труды по изучению проблем информатизации уголовно-процессуальной деятельности, в том числе вопросов внедрения электронного судопроизводства и работы с компьютерной информацией. Авторы (например, О.А. Адамович, Н.А. Бушкевич, И.А. Рокач, О.В. Качалова) рассматривают организационные, социально-экономические, технические и правовые процессы информатизации уголовно-процессуальной деятельности, констатируя неизбежность внедрения информационных технологий в уголовный процесс и отмечая преимущества этого [1, с. 3–9; 2, с. 43–51; 3, с. 178–183; 4, с. 95–101]. Подтверждая такие выводы, обратим внимание на отдельные сопутствующие процессам информатизации проблемы, возникающие при совершенствовании уголовно-процессуального

закона. Исследователи, в частности Н.А. Андреева, И.Н. Дудко, А.И. Зазулин, указывают на уникальные свойства компьютерной информации, заключающиеся в порядке и особенностях ее формирования, хранения, копирования, передачи, обработки, а также восприятия ее человеком только с помощью программно-технических средств, с учетом чего сформулировали выводы о необходимости внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство [5, с. 11–15; 6, с. 303–304; 7, с. 131–133]. Эти особенности учтены в белорусском законодательстве. На основании норм Закона Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» словами «компьютерная информация» дополнены ч. 2 ст. 173 и ст. 203 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), а также путем внесения дополнений в ст. 204 и 210 УПК установлен порядок копирования (фиксации) компьютерной информации при проведении осмотра, обыска, выемки [8, 9]. На основании норм Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь дополнена определением понятия «компьютерная информация», изменена редакция ч. 2 ст. 173 УПК и указанный кодекс дополнен ст. 204¹, регламентирующей порядок проведения осмотра компьютерной информации. Названными изменениями и дополнениями дифференцированы компьютерная информация, предметы и документы; отделены письменная (бумажная) форма от электронной (компьютерной), а компьютерная информация от предметов-носителей такой информации [9–11].

Из содержания новой редакции ч. 2 ст. 173 УПК следует, что до возбуждения уголовного дела помимо проведения прочих процессуальных действий допускается истребовать лишь дополнительные документы, при этом проводить осмотр не только документов, но и предметов, компьютерной информации [9]. Представляется, что указание в данной норме на возможность истребования именно дополнительных документов обусловлено тем, что первоначальными документами являются те, которые содержат повод для начала уголовного процесса (рапорт, заявление, сообщение о преступлении). Однако в практической деятельности часто возникает необходимость в получении до возбуждения уголовного дела сведений о телефонных соединениях абонентов, движении денежных средств по счетам, для чего в адрес операторов связи и банков направляются запросы о предоставлении соответствующих сведений, которые в зависимости от объемов направляются в орган уголовного преследования в форме документов либо на носителях с компьютер-

ной информацией. Отдельные банки используют для предоставления ответов систему межведомственного документооборота, электронную почту. Представляются спорными требования ч. 2 ст. 173 УПК, отделивающей документы от компьютерной информации, согласно которой идентичные по содержанию сведения, истребованные до возбуждения уголовного дела, в случае представления их в бумажной форме (в виде документа) будут являться допустимыми, а в случае представления в электронной форме (в виде компьютерной информации) – недопустимыми. Подобные новеллы в законодательстве приводят к увеличению бумажного документооборота.

Учитывая изложенное, предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 173 УПК, наделив орган уголовного преследования правом на истребование до возбуждения уголовного дела не только дополнительных документов, но также компьютерной информации, в том числе с ее носителями.

Внесенные в УПК изменения, касающиеся правового регулирования работы с компьютерной информацией, не затронули деятельность по заявлению, рассмотрению и разрешению ходатайств и жалоб в уголовном процессе. Согласно ч. 1 ст. 136 и ч. 5 ст. 139 УПК ходатайства и жалобы могут быть заявлены и поданы только в письменной либо устной формах [9]. С учетом содержания указанных норм и проведенного выше анализа законодательства заявление ходатайств и подача жалоб в электронной форме не допускается в уголовном процессе, что нашло отражение в п. 26 Инструкции о порядке организации работы с обращениями граждан и юридических лиц в Следственном комитете, утвержденной приказом Председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 30 марта 2015 г. № 53 [12]. С одной стороны, предоставление участникам уголовного процесса, а также иным физическим и юридическим лицам, чьи интересы затронуты уголовным процессом, права на заявление ходатайств и подачу жалоб в электронной форме способствует цифровизации уголовного процесса, доступу к правосудию, ускоряет проведение и вынесение необходимых процессуальных действий и решений, восстановление нарушенных прав, тем более что Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц», регулирующим сходные общественные отношения, но не распространяющим свое действие на отношения в уголовно-процессуальной сфере, предусмотрена подача обращений не только в письменной и устной, но и электронной форме [13]. С другой стороны, есть ряд препятствий для внедрения в уголовный процесс электронной формы заявления ходатайств и подачи жалоб. Во-первых, производство ведется и материалы уголовных дел формируются в бумажном виде, в связи с чем для рассмотрения элек-

тронных ходатайств и жалоб необходимо готовить письменный ответ, после чего сканировать и отправлять его в электронном виде лицу, обратившемуся с ходатайством или жалобой, а распечатки ходатайства или жалобы с приложениями и письменные ответы приобщать к материалам дела. В таком случае к материалам дела приобщаются копии, а не оригиналы документов. При этом, если жалоба или ходатайство направлены в рамках участия лица в процессе доказывания в порядке, предусмотренном ст. 103 УПК, то в целях проверки и оценки предоставляемых доказательств орган, ведущий уголовный процесс, должен получить оригиналы документов и сопоставить их поступившими вместе с электронными ходатайствами или жалобой копиями. Такой порядок работы с электронными ходатайствами и жалобами не может обеспечить оптимизацию уголовно-процессуальной деятельности и процессуальную экономию. Во-вторых, круг субъектов, имеющих право на заявление ходатайств, подачу жалоб в уголовном процессе, ограничен. Электронная форма существенно затрудняет установление личности отправителя ходатайства или жалобы. Как верно указывает Т.А. Савчук, электронные документы в уголовном процессе должны содержать идентификационные реквизиты в виде электронной цифровой подписи, позволяющей установить источник происхождения документа, его подлинность, а также отправителя [14, с. 453]. Однако в ходе расследования уголовных дел нередко выясняется, что носитель с электронной цифровой подписью используется не владельцем, а иными лицами. В-третьих, существенное значение имеет местонахождение лица, заявившего ходатайство или подавшего жалобу. Порядок заявления ходатайств и подачи жалоб в электронной форме должен обеспечивать возможность установления не только отправителя, но и фактического адреса их отправления. Согласно ст. 3 УПК действие данного кодекса распространяется на всю территорию Республики Беларусь, а также территории ее дипломатических представительств и консульских учреждений в иностранных государствах, на воздушные, морские, речные суда, находящиеся вне пределов Республики Беларусь под флагом или с опознавательными знаками Беларуси, если они приписаны к портам Республики Беларусь [9]. Любое субъективное право должно основываться на законе, имеющем юридическую силу, которая ограничивается пределами времени, пространства и круга лиц. Подобно тому, как нельзя применять утратившие юридическую силу нормативные правовые акты или акты, адресатом которых не является лицо, руководствующееся ими, так и недопустимо реализовывать нормы УПК там, где данный кодекс не действует, т. е. за пределами установленного ст. 3 УПК пространства. Лицо, находящееся вне пределов пространства, в котором

действует белорусский УПК, не только не должно нести предусмотренные данным кодексом обязанности, но и не может иметь установленные им права, в том числе права на заявление ходатайств и подачу жалоб. Помимо этого деятельность по заявлению, рассмотрению и разрешению ходатайств и жалоб должна вестись в условиях, обеспечивающих недопустимость разглашения данных предварительного расследования, что не может быть соблюдено при направлении ответов заявителям на электронную почту ввиду отсутствия у органа, ведущего уголовный процесс, данных о том, кто помимо заявителя имеет к ней доступ.

Всеми перечисленными обстоятельствами нельзя пренебречь ради информатизации уголовного процесса и упрощения порядка заявления ходатайств и подачи жалоб, необходимо внимательно подходить к вопросам совершенствования УПК. При существующей форме ведения уголовного процесса и отсутствии специализированных программных и технических средств, обеспечивающих возможность заявления ходатайств и подачи жалоб в пределах пространства действия УПК, идентификацию лиц, их подающих, а также неразглашение данных предварительного расследования, нормативное закрепление права на заявление ходатайств и подачу жалоб в электронной форме видится недопустимым.

1. Адамович, О.А. Перспективы внедрения в уголовный процесс элементов электронного уголовного дела / О.А. Адамович // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 3–9.

2. Бушкевич, Н.С. Перспективы развития уголовного процесса в условиях глобальной цифровизации белорусского общества / Н.С. Бушкевич // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12–13 апр. 2018 г.) / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С.Я. Аземша [и др.]. – Минск : Ред. журн. «Пром.-торг. право», 2018. – С. 43–51.

3. Рокач, И.А. Перспективы внедрения электронного судопроизводства в Республике Беларусь на примере зарубежных стран / И.А. Рокач // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 178–183.

4. Качалова, О.В. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О.В. Качалова, Ю.А. Цветков // Рос. правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.

5. Андреева, Н.А. Правовая регламентация работы с электронными доказательствами в ходе досудебного уголовного производства / Н.А. Андреева // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12–13 апр. 2018 г.) / Следств.

ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С.Я. Аземша [и др.]. – Минск : Ред. журн. «Пром.-торг. право», 2018. – С. 11–15.

6. Дудко, И.Н. Копирование компьютерной информации / И.Н. Дудко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 февр. 2017 г. : тез. докл. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 303–304.

7. Зазулин, А.И. Компьютерная информация в уголовном процессе: сущность и способы закрепления в качестве доказательства по уголовному делу / А.И. Зазулин // Бизнес в законе. – 2015. – № 6. – С. 130–133.

8. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 85-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 июля 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

12. Об утверждении Инструкции о порядке организации работы с обращениями граждан и юридических лиц в Следственном комитете [Электронный ресурс] : приказ Пред. Следств. ком. Респ. Беларусь, 30 марта 2015 г., № 53 : в ред. приказа Пред. Следств. ком. Респ. Беларусь от 27.12.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

13. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

14. Савчук, Т.А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности: предпосылки и проблемы внедрения / Т.А. Савчук // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 25 марта 2016 г.) : в 2 ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Ю.П. Шаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2016. – Ч. 1. – С. 451–454.

УДК 343.1

В.В. Мелешко

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Систему мер пресечения в Республике Беларусь можно рассматривать как динамически развивающуюся, способную оперативно реагировать на изменение структуры и динамики преступности, появление новых видов и способов совершения преступлений. Внесение корректировки в эту систему обусловливается тем, что существующие и ранее применявшиеся с учетом имевшихся в них ограничений и запретов меры пресечения стали менее эффективными, а также требуют существенных затрат при их применении. Так, в январе 2021 г. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) был дополнен ст. 123¹ «Запрет определенных действий». Были скорректированы меры пресечения залог и домашний арест.

Первоначально к запрету определенных действий со стороны практических работников наблюдалась определенная настороженность, но затем эта ситуация изменилась и уже на протяжении более полутора лет запрет определенных действий достаточно часто и эффективно применяется в отношении подозреваемых и обвиняемых, являясь альтернативой таким мерам пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, домашний арест и заключение под стражу. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Российской Федерации, где эта мера пресечения была введена в уголовно-процессуальное законодательство несколькими годами ранее.

Анализ содержания рассматриваемой меры пресечения в виде запретов и обязанностей, налагаемых на подозреваемого, обвиняемого позволяют сделать вывод о том, что эта мера пресечения в определенной степени может быть рассмотрена как гибридная, сочетающая элементы как других мер пресечения (домашний арест), так и иных мер принуждения (временное отстранение от должности).

Запрет определенных действий по своему содержанию заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого, органом, ведущим уголовный процесс, обязанности соблюдать возлагаемые на них одного или нескольких запретов, перечисленных в ч. 3 ст. 123¹ УПК, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на них запретов. В основе применения запрета определенных действий лежит исключение возможности со стороны подозреваемого или обвиняемого выполнять определенные действия, которые могут негативно отразиться на производстве предварительного расследования по уголовному делу и

рассмотрению его в суде путем установления одного или нескольких запретов. Применение этой меры пресечения преследует исключение возможности подозреваемым или обвиняемым препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде; заниматься преступной деятельностью; обеспечение явки этих участников по вызовам органа, ведущего уголовный процесс.

По своему содержанию и наличию применяемых запретов запрет определенных действий сходен с домашним арестом, являясь более мягкой мерой пресечения. В отличие от последнего он не предусматривает обязательную полную или частичную изоляцию подозреваемого или обвиняемого от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Указанные отграничения двух мер пресечения не значительные, но существенные, которые призваны обеспечивать органы предварительного расследования правовым средством по соблюдению конституционных прав подозреваемых и обвиняемых при применении к ним таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий.

Представляется, что применение этой меры пресечения призвано сократить государственные расходы на содержание обвиняемых и подозреваемых под стражей, а также возможную выплату возмещения вреда лицам в связи с нарушением их прав при задержании или заключении под стражу. Кроме того, наличие такой меры позволяет органам, ведущим уголовный процесс, более индивидуально и гибко подойти к вопросу ограничения прав подозреваемого и обвиняемого.

В ч. 3 ст. 123¹ УПК перечислены следующие виды запретов, которые могут быть применены с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела: находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться совместной собственностью – для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи либо бывшего члена семьи; предпринимать попытки выяснить место пребывания потерпевшего, иных участников уголовного процесса (выделенные запреты были введены в статью Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»); общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет; управлять транспортным средством – если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных

средств. По нашему мнению, такие запреты касаются и преступлений, связанных с управлением маломерного судна или легкомоторного самолета, поезда, дорожных и строительных машин, а также иных транспортных средств. Это связано с тем, что в различных отраслях права имеются существенные различия в понятии «транспортное средство».

Если на подозреваемого или обвиняемого возложен запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством, то органом, ведущим уголовный процесс, должно быть изъято и приобщено к материалам уголовного дела не только водительское, как указано в УПК, но и иное удостоверение на право управления соответствующим транспортным средством. Представляется, что эта информация о наличии такого запрета на право управления автомобилем должна направляться в Министерство внутренних дел Республики Беларусь для внесения ее в соответствующие базы данных. О запрете управления иным средством, о которых шла речь выше, сведения должны быть направлены в соответствующие компетентные органы, выдавшие разрешение на право управления такими средствами.

Как нам представляется, при принятии судом решения о лишении права заниматься определенной деятельностью – управления транспортным средством – должен учитываться срок применения рассматриваемой меры пресечения при наличии такого запрета.

Наряду с перечисленными запретами содержание данной меры пресечения составляют обязанности, возлагаемые на подозреваемого или обвиняемого, а также применение мер контроля, перечисленных в ч. 2 ст. 123¹ УПК:

возложением обязанности носить при себе электронные средства контроля, а также обслуживать их работу. Порядок применения, ношения и обслуживания этих средств устанавливается Министерством внутренних дел Республики Беларусь;

возложением обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля, звонить по телефону или лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за поведением подозреваемого или обвиняемого;

установлением наблюдения за подозреваемым или обвиняемым или его жилищем, а также охраной его жилища или отведенного ему в жилище помещения;

другими подобными мерами, обеспечивающими надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого и выполнение ими условий применения меры пресечения.

При производстве предварительного расследования запрет определенных действий как мера пресечения может применяться органом до-

знания, следователем, с санкции прокурора или его заместителя, прокурором или его заместителем. При этом орган дознания или следователь обязаны серьезно подходить к определению конкретных запретов, связанных, в том числе, с ограничением конституционных прав и свобод подозреваемого или обвиняемого, обосновывая их необходимость. Кроме этого действующая редакция ст. 123¹ УПК не предусматривает возможности последующей корректировки ограничений, как, например, в Российской Федерации (ст. 105.1 УПК РФ). В России предусмотрена обязанность продления данной меры пресечения и определен срок ее применения в зависимости от тяжести совершенного преступления.

Правом применения запрета определенных действий без санкционирования своего постановления прокурором при производстве предварительного расследования наделены Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности. На стадии назначения и подготовки судебного разбирательства – судья, а на стадии судебного разбирательства – судья или суд.

Орган, ведущий уголовный процесс, может устанавливает запрет совершать как одно определенное действие, так и одновременно несколько действий.

В связи с этим возникает вопрос: а что делать в том случае, если отпали основания применения не всех, а только некоторых запретов, или, наоборот, возникла необходимость применить еще один или несколько? Закон запрещает это делать, так как в соответствии со ст. 119 УПК возможно либо изменить меру пресечения на другую или отменить ее. Представляется, что решение данной проблемы возможно путем внесения в УПК дополнения в ст. 123¹, в соответствии с которым срок применения запрета определенных действий подлежит продлению по правилам, предусмотренным относительно заключению под стражу и домашнему аресту. В отличие от перечисленных мер пресечения, максимальный срок применения которых установлен в УПК, такое правило не должно распространяться на запрет определенных действий. И при очередном продлении у надзирающего прокурора срока применения данной меры пресечения возможна корректировка соответствующих видов запретов и обязанностей.

В постановлении (определении) о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий указываются конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов (места, их адреса или расположение), запрещенные для посещения, данные о состоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, лицам, с которыми запрещено общаться, способы связи со следова-

телем, органом дознания или другим органом, осуществляющим контроль за поведением подозреваемого или обвиняемого, другие условия), а также обязанность подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться по вызовам следователя, органа дознания или суда (ч. 5 ст. 123¹ УПК).

Вместе с тем подозреваемый или обвиняемый не могут быть ограничены в праве использования средств связи для вызова скорой медицинской помощи, как для себя, так и иных людей, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Но о каждом таком звонке в случае установления соответствующего запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый обязаны незамедлительно информировать орган, осуществляющий надзор за поведением подозреваемого или обвиняемого, наиболее доступным для них способом. Подозреваемому или обвиняемому должно быть разъяснено, что в случае нарушения ими возложенных на них запретов, отказа от применения к ним электронных средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения ими иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к ним электронных средств контроля, эта мера пресечения может быть изменена на более строгую в виде домашнего ареста или заключения под стражу. Подозреваемому или обвиняемому также должно быть сообщено, какой орган дознания будет осуществлять контроль за соблюдением ими запретов.

В связи с тем что в ч. 6 ст. 119 УПК закреплена обязанность органов дознания исполнять постановление (определение) о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий, копия постановления об этом должна быть не позднее 24 часов направлена в соответствующий орган дознания. В свою очередь, этот орган дознания обязан незамедлительно уведомить орган, ведущий уголовный процесс, о каждом случае нарушения подозреваемым или обвиняемым рассматриваемой меры пресечения.

Анализ содержания данной меры пресечения с точки зрения содержащихся в ней запретов и обязанностей позволяет поставить вопрос о возможности (обязательности) зачета срока ее применения в срок того или иного вида наказания, применяемого по приговору суда.

Представленные рассуждения автора не претендуют на истину в последней инстанции, но, как нам представляется, дают почву для размышлений о некотором несовершенстве уголовно-процессуального законодательства относительно рассматриваемой меры пресечения – запрета определенных действий в уголовном процессе Республики Беларусь – и свидетельствуют о необходимости проведения дополнительных научных исследований.

О «ПОКАЗАНИЯХ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА ОБ ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛА ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ»

Доктринальное толкование норм права – это интеллектуально-волевой процесс, направленный на уяснение и разъяснение содержания норм права и иных связанных с ними правовых явлений, который осуществляется учеными и их коллективами вследствие научно-теоретического поиска, результаты которого отражаются в интерпретационных актах официального и неофициального характера [1].

В юридической науке преобладает мнение, что доктринальное толкование норм права во всех случаях является неофициальным и может иметь только рекомендательный характер. Вместе с тем отметим, что истина в науке определяется не количеством сторонников той или иной позиции, а наличием убедительных доводов (доказательств), приводимых в ее подтверждение.

Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 219 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) изложена в новой редакции, которая вызвала трудности в применении на практике.

В соответствии с п. 6 ч. 5 ст. 219 УПК в протоколе допроса с применением звуко- и видеозаписи указываются показания от первого лица об имеющих значение для дела обстоятельствах со ссылкой на время записи.

Для уяснения смысла, правильного понимания «показаний от первого лица об имеющих значение для дела обстоятельствах со ссылкой на время записи» необходимо иметь в виду цель изменений и дополнений в ст. 219 УПК (замысел законодателя), а также использовать системный метод толкования.

1. Что касается цели, которую преследовал законодатель (авторы законопроекта), то их, как нам представляется, не одна, а две.

Во-первых, проблема ускорения, а попутно и удешевления уголовного процесса, давно стоит перед правоприменителями многих государств. Не может находиться в стороне от данных процессов и отечественный законодатель. Общеизвестно, что до последнего времени недостаточно широкое применение звуко- и видеозаписи при допросе в ходе досудебного производства было обусловлено как отсутствием технических средств, так и «удвоением» времени (соответственно, и трудозатрат), затрачиваемого на допрос с применением звуко- и видеозаписи. В на-

стоящее время воспроизведение допрашиваемому звуко- и видеозаписи полностью осуществляется по его ходатайству. Предполагается, что подобные ходатайства будут носить единичный характер.

В этой связи считаем, что аналогичные изменения следует внести и в статьи, регламентирующие проведение очной ставки, предъявления для опознания, проверку показаний на месте. Для этого в каждом органе уголовного преследования должны быть оборудованы помещения для допросов и других действий (таким образом, чтобы а) исключить необходимость участия в проведении действия специалиста и б) имелась техническая возможность воспроизведения звуко- и видеозаписи допрашиваемому (при заявлении ходатайства) без участия должностных лиц, проводящих следственное действие). Проведение таких действий целесообразно оформлять справкой (уж если итоговый документ расследования именуется справкой, то почему бы данное понятие не использовать при проведении отдельных действий) с минимумом информации, в том числе с подписью о предупреждении свидетелей и потерпевших об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Впрочем, и от этого следует отказываться, поскольку это имеется на носителе звуко- и видеозаписи: в ст. 400 «Заведомо ложный донос» Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) и ст. 401 «Заведомо ложное показание» УК не сказано, что предупреждение должно быть письменным.

Во-вторых, применение звуко- и видеозаписи имеет очевидные преимущества перед письменной фиксацией показаний. При подобной фиксации можно наблюдать реакцию допрашиваемого лица на события и лиц, о которых он дает показания, его эмоциональное состояние, мимику, артикуляцию, жесты и др. Это очень важно при оценке показаний судьями, в том числе непрофессиональными, и, в первую очередь, присяжными заседателями. Часто важно, как человек говорит, а не что говорит.

Когда речь идет о применении звуко- и видеозаписи показаний в ходе досудебного производства, имеется в виду, что такие показания могут воспроизводиться (и воспроизводятся) в ходе судебного следствия (ст. 333 УПК). Как известно, потерпевшие вообще, а несовершеннолетние и малолетние особенно, в уголовном процессе подвергаются вторичной виктимизации. Избежать этого сложно. Применение звуко- и видеозаписи показаний потерпевших не только предотвращает ее – вторичную виктимизацию (п. 2¹ ч. 1 ст. 333 УПК), но и свидетельствует о подлинной заботе государства о лицах, которые уже пострадали вследствие совершения преступления.

2. В формулировке «показания от первого лица об имеющих значение для дела обстоятельствах со ссылкой на время записи» ключевыми являются «обстоятельства, имеющее значение для дела».

В словарях слово «обстоятельства» определяется через «совокупность условий, в которых что-либо происходит; обстановка, сложившаяся ситуация»; в другом значении – «обстановка, ситуация, условие». Законодатель данное словосочетание использует многократно, в ряде случаев с некоторыми вариациями (п. 2 ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 88, ст. 89, ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 92, ч. 2 ст. 93, ч. 2 ст. 94, ч. 2 ст. 102, ст. 135, ст. 203, ч. 6 ст. 204, ч. 1 ст. 207 УПК и др.).

Ядро уголовного процесса – установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 89 УПК). Все они являются «обстоятельствами, имеющими значение для дела». Данные обстоятельства детализированы в справке о результатах проведенного по делу предварительного расследования (ч. 2 ст. 262 УПК) и приговоре (ст. 352–364 УПК).

Насколько полно (дословно) от первого лица должны воспроизводиться показания «об имеющих значение для дела обстоятельствах» в протоколе допроса?

В ходе допроса участников процесса почти всегда имеется информация, не относящаяся к делу, и, соответственно, не имеющая доказательственного значения. По делу могут быть допрошены свидетели, которые не сообщили сведений, имеющих значение для дела. В таких случаях (если применялась звуко- и видеозапись) в протоколе (справке) следует указывать лишь, кто допрошен, и то, что доказательств в показаниях не содержится в третьем лице (при внесении соответствующих изменений).

Подозреваемый и обвиняемый в настоящее время не несут ответственности за отказ от дачи показаний, т. е. дача показаний право, а не обязанность. На момент привлечения лица в качестве обвиняемого личность обвиняемого установлена. Согласно ч. 1 ст. 243 УПК следователь обязан допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения. Однако в случае отказа обвиняемого от дачи показаний, об этом делается отметка в протоколе его допроса. В начале допроса следователь должен выяснить у обвиняемого, желает ли он сообщить свое отношение к предъявленному обвинению, признает ли его полностью или частично либо отрицает свою вину в предъявленном ему обвинении, о чем делается запись в протоколе допроса (ч. 5 ст. 244 УПК). Представляется, отношение к предъявленному обвинению и желание давать (не давать) показания следует отражать в постановлении о привлечении в качестве

обвиняемого. Лишь при изъявлении желания – давать показания – проводить допрос (а не имитировать его в случае отказа от дачи показаний).

В ч. 4 ст. 110 УПК нет оговорки о том, что подозреваемый допрашивается лишь в случае возбуждения уголовного дела. Следует внести дополнение в указанную часть либо ч. 2 ст. 173 УПК дополнить допросом подозреваемого: уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний не несет. В ст. 221 «Особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля» УПК нет отсылки к ч. 5 ст. 219 УПК. Такой подход авторов законопроекта не является бесспорным.

Если показания содержат сведения об имеющих значение для дела обстоятельствах (ст. 89 и ч. 2 ст. 443 УПК), то в протоколе они должны излагаться предельно лаконично, с учетом конкретного состава преступления и складывающейся ситуации по расследуемому уголовному делу. Заранее установить перечень сведений, которые имеют значение для дела, невозможно. В каждом конкретном деле данный перечень определяет должностное лицо, осуществившее допрос.

Представляется, прокурору, осуществляющему надзор за исполнением законов в ходе предварительного расследования, государственному обвинителю, суду удобнее иметь максимально полное отображение в протоколе показаний, имеющих значение для дела. Однако необходимо иметь в виду цель анализируемых изменений в законодательстве.

Изучение отдельных справок о результатах проведенного по делу предварительного расследования показало избыточность в них показаний допрошенных лиц (полное воспроизведение показаний из протоколов допросов), без их должного анализа и оценки. Ранее Законом Республики Беларусь от 17 июля 2020 г. № 45-3 «Об изменении кодексов» ст. 308 изложена в новой редакции (Фиксирование хода судебного заседания с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола судебного заседания), при этом кодекс дополнен ст. 308¹ (Фиксирование хода судебного заседания составлением протокола судебного заседания). Ход каждого судебного заседания суда первой инстанции фиксируется с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола судебного заседания в письменной форме (ч. 1 ст. 308 УПК). В кратком протоколе судебного заседания указываются время начала и окончания (а не показания об обстоятельствах, имеющих значение для дела) допросов лиц, вызванных в судебное заседание, в том порядке, в каком они имели место (п. 9 ч. 2 ст. 308 УПК). Как видим, изложения показаний допрошенных лиц не требуется. Это обусловлено непосредственностью и устностью судеб-

ного разбирательства (ст. 286 УПК). Вместе с тем судьям вышестоящих судебных инстанций при проверке доводов, содержащихся в жалобах либо протестах, необходимо воспроизводить звуко- и видеозапись допрошенных лиц.

В завершение отметим, что «надлежит законы и указы писать явно, чтоб их не перетолковать».

1. Надежин, Г.Н. Доктринальное толкование норм права [Электронный ресурс] / Г.Н. Надежин. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/doktrinalnoe-tolkovanie-norm-prava/read>. – Дата доступа: 11.11.2022.

УДК 343

М.В. Новикова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Анализируя содержание положений ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в практике правоприменения, возникает ряд вопросов. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения. При этом ч. 1.2 данной нормы указывает на возможность использования полученных сведений в качестве доказательств, при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Исходя из изложенного, можно сделать вывод: объяснение также отнесено к доказательствам. В то же время в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, где делается указание на перечень недопустимых доказательств, а также условия их получения, нет никаких указаний на объяснение как вид доказательства.

Согласно ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, являются недопустимыми. Возникает вопрос по поводу требований. Собираение доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Перечень следственных действий закреплен законодателем в гл. 24–27 УПК РФ, где закреплены требования к процедуре и условиям производства следственных действий, соблюдение которых является обязательным. Однако в указанных главах ничего не говорится о каких-либо требованиях относительно объяснения, как действия, на которое есть указание в уголовно-процессуальном законодательстве.

По-видимому, объяснение, как действие, оговоренное в законе, следует относить к процессуальным действиям.

В то же время в ст. 226⁵ УПК РФ, регламентирующей процедуру доказания при производстве дознания в сокращенной форме, в п. 2 ч. 3 данной нормы говорится о том, что дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых при проверке сообщения были получены объяснения, если не требуется установить дополнительные сведения. Таким образом, можно сделать вывод: закон позволяет использовать информацию, зафиксированную в объяснении в качестве доказательства. В таком случае, к какому виду доказательств следует отнести объяснение?

Исходя из ч. 2 ст. 74 УПК РФ, думается, что объяснение можно отнести к иным документам. Если говорить точнее (согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ), к иным носителям информации, полученным в порядке ст. 86 УПК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства. Не прибегая к анализу правовых возможностей защитника согласно данной нормы, следует отметить, что в ч. 1 этой статьи законодатель перечисляет круг участников, обладающих правом сбора доказательств, и защитник там не указан. Кроме того, перечень действий, делегированных защитнику, не имеет никакого отношения к следственным действиям, посредством которых и осуществляется сбор доказательств.

Таким образом, использование объяснения как средства получения доказательства является проблематичным с точки зрения придания юридической силы информации, полученной в рамках опроса.

В сложившейся ситуации, полагаем, уместно предложить собственное видение устранения существующих противоречий, связанных с использованием результатов опроса как доказательства, обладающего юридической силой.

Думается, что прежде всего необходимо предусмотреть соответствующие дополнения в правовые нормы, делающие ссылки на объяснение как вид доказательства. Во-первых, в ч. 2 ст. 74 УПК РФ указать объяснение как вид доказательства. Во-вторых, в ч. 2 ст. 84 УПК РФ указать объяснение как иной носитель информации. Однако данные дополнения предполагают наличие соответствующих правовых норм в уголовно-процессуальном законодательстве.

В частности, необходимо предусмотреть норму, регулиющую порядок и условия получения объяснения. Мы предлагаем следующую редакцию:

Статья 80.1. Особенности получения объяснения

1. Объяснение – это информация, полученная в ходе опроса дознавателем, следователем, прокурором, судом, защитником, и которая может

быть использована в качестве доказательства при условии, что она заверена нотариально.

В связи с этим необходимо дополнить и круг участников уголовного судопроизводства таким участником, как нотариус. Предлагаем следующее содержание нормы, регулирующей правовой статус нотариуса в уголовном процессе.

Статья 60.1. Нотариус

Нотариус – это незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое следователем, дознавателем, судом, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, защитником, гражданским истцом, гражданским ответчиком для подтверждения достоверности факта выполненных действий указанными лицами.

Нотариус вправе:

- свидетельствовать верность копий документов и выписок из них;
- свидетельствовать подлинность подписи на документах;
- удостоверять факт нахождения гражданина в определенном месте;
- обеспечивать доказательства;
- удостоверять равнозначность электронного документа документу на бумажном носителе;
- удостоверять тождественность собственноручной подписи инвалида по зрению с факсимильным воспроизведением его собственноручной подписи.

Законодательными актами Российской Федерации могут быть предусмотрены и иные нотариальные действия.

Нотариус не вправе:

- осуществлять действия, прямо предусмотренные ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

7. Внести дополнение в п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ указав там, после фразы, «...а также адвокату...» и нотариусу.

Думается, что это может создать определенные гарантии, связанные с сохранением не только самой информации, но и ее юридической силы.

УДК 343.143

А.С. Орлова

«ТАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ» КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Анонимность участников уголовного судопроизводства, а точнее возможность такой анонимности в случае необходимости, закреплена

в ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [6]. Согласно названной статье в отношении потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также близких родственников перечисленных лиц могут быть применены меры защиты, в случае наличия достаточных данных, подтверждающих, что такая защита необходима.

Существуют три основания, позволяющие судить о том, что применение такой меры защиты обоснованно:

- 1) угроза убийством, применением насилия;
- 2) угроза уничтожением или повреждением имущества;
- 3) угроза иными противоправными деяниями [1, с. 124].

При наличии одного из названных оснований применяется ч. 9 ст. 166 УПК РФ, согласно которой, при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, следователь, дознаватель вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности [6]. В таком случае вместо имени используется псевдоним.

Анонимность свидетеля имеет свои правовые проблемы и нюансы. С одной стороны, такая мера защиты по отношению к свидетелю, как и по отношению к другим участникам уголовного судопроизводства, направлена на то, чтобы обеспечить его безопасность, и при этом способствовать даче им показаний, с другой же – ставит под сомнение качество таких показаний, самым непосредственным образом ограничивает право обвиняемого на защиту.

Очевидно, что, несмотря на разность статуса потерпевшего и обвиняемого, права последнего должны соблюдаться в полной мере, в то время как невозможность стороны защиты удостовериться в личности свидетеля, убедиться в истинности его показаний, в состоянии поставить под удар всю линию защиты. В частности, напрямую ущемляется право стороны защиты на допрос свидетелей обвинения, и, как следствие, лишает их возможности показания этих свидетелей оспаривать, исходя из их личности. Многие исследователи данного вопроса склоняются также к тому, что анонимность свидетелей противоречит и такому принципу уголовного процесса, как непосредственность, что препятствует полноценному соблюдению права обвиняемого на защиту [3, с. 59].

О реализации права обвиняемого и его защитника задавать вопросы свидетелю обвинения говорит, например, М.В. Собчук, который указывает на то, что в ходе предварительного расследования могут воз-

никнуть ситуации, когда оглашение в судебном заседании протокола допроса свидетеля обвинения, составленного в полном соответствии с требованиями ч. 2 ст. 11 УПК РФ, станет невозможным. С учетом складывающейся судебной практики такие ситуации неминуемо возникнут, если на досудебной стадии либо в суде обвиняемому не была предоставлена возможность задать вопросы свидетелю обвинения [5, с. 56–57].

В то же время многие исследователи считают возможность анонимной дачи показаний, пусть отчасти и ущемляющей право обвиняемого на защиту, но в то же время обоснованной, если под вопросом безопасность самого свидетеля. Некоторые исследователи, впрочем, полагают, что ущемление прав обвиняемого в таких ситуациях и вовсе отсутствует.

Так, Е.О. Зайцев отмечает, что анонимность свидетеля не препятствует праву стороны защиты на исследование доказательств, а значит, основания для нарушения принципов состязательности и обеспечения права на защиту отсутствуют. Данное мнение подтверждается и многолетней, в том числе зарубежной практикой [2, с. 181].

На деле же нужно понимать, что те или иные правовые коллизии, а также научные споры неизбежны по поводу любого вопроса правоприменения. Да, вопрос участия анонимных свидетелей в уголовном процессе может вызывать недовольство, в том числе обоснованное со стороны защиты, но нельзя забывать о том, что основная цель такой меры – защита самого свидетеля от реальной угрозы его жизни, здоровью, имуществу.

Так, Новгородский областной суд 30 июля 2020 г. вынес приговор по делу № 02-8/2020 о незаконном обороте наркотиков, в том числе полагаясь на показания анонимных свидетелей. Нелегальный бизнес, связанный с оборотом наркотиков, тем более если идет речь о крупном разmere, практически всегда сопряжен с другими видами преступной, или криминальной, деятельности. Возможность дать показания анонимно, с одной стороны, уберегла свидетеля от посягательств на его жизнь и здоровье, а с другой – позволила подкрепить позицию обвинения доказательствами [4].

Таким образом, необходимо сделать вывод, что такая мера безопасности, как обеспечение полной анонимности свидетеля, является оправданной, так как сама эта анонимность в какой-то мере лишь уступка, необходимая для того, чтобы свидетель в принципе был готов давать показания, не опасаясь за свои жизнь и здоровье и за своих близких, что, в свою очередь, самым прямым образом влияет на раскрываемость преступлений. Обеспечение права обвиняемого на защи-

ту при этом – вопрос совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

1. Дикусар, Е.А. Проблемы правовой регламентации оснований и условий получения и использования показаний анонимных свидетелей / Е.А. Дикусар // Юрид. вестн. Дагест. гос. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 123–127.

2. Зайцев, Е.О. Институт анонимного свидетеля и основные принципы уголовного процесса / Е.О. Зайцев // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 180–184.

3. Маркова, Е.А. Совершенствование оснований и порядка получения и использования показаний анонимных свидетелей в целях реализации права обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения / Е.А. Маркова, Ф.Д. Шестакова // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2014. – № 4. – С. 59–62.

4. Приговор Новгородского областного суда г. Великого Новгорода № 02-8/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 02-8/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2a86AgAZeIUT/> (дата обращения: 06.11.2022).

5. Собчук, М.В. Реализация права обвиняемого на допрос свидетелей обвинения / М.В. Собчук // Законность. – 2014. – № 2. – С. 55–57.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.10.2022) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 02.11.2022).

УДК 343.98

Г.А. Павловец

КТО ЯВЛЯЕТСЯ СУБЪЕКТОМ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Так, когда речь идет о доказывании, под ним подразумевается деятельность, т. е. специфическая человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. В известном смысле – это прежде всего физическая деятельность, система действий, а не чисто мыслительная процедура запоминания каких-то фактов, явлений, процессов, поэтому в структуре ее допустимо различать такие взаимосвязанные элементы, как субъект, объект, цель, средство, сам процесс и результат [1, с. 180]. Для того чтобы раскрыть сущность процесса доказывания, в случае необходимости сформулировать ее определение, следует проанализировать все составляющие компоненты данной деятельности. Полагаем, необходимо прежде всего остановиться на одном из элементов – на субъекте.

В самом широком смысле субъектами доказывания можно именовать всех лиц, участвующих в этом процессе. Однако такой подход не дает представления об их правах и обязанностях относительно собирания доказательств и в целом формированию доказательственной базы. В таком аспекте субъекты доказывания традиционно в специальной литературе подразделяют на две группы: лиц, для которых доказывание является обязанностью, и лиц, для которых доказывание является правом [2, с. 54]. К первой группе относятся прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, и орган дознания; ко второй – подозреваемый, обвиняемый, защитник, законный представитель подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также представители умершего обвиняемого.

Т.С. Дегтярь предлагает расширенную классификацию и под субъектами доказывания понимает все государственные органы, всех должностных лиц и граждан, наделенных процессуальными правами и обязанностями, позволяющими им на законных основаниях принимать участие в процессе доказывания. Исходя из объема и характера предоставленных им полномочий, она делит данных субъектов на несколько групп. К первой группе относит органы и лиц, обязанных по закону осуществлять процесс доказывания и принимать решения по его итогам (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд). Вторая группа – это участники процесса доказывания, наделенные правом участия в нем и заинтересованные в его результатах: обвиняемый, его защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Свидетели, эксперты и специалисты относятся к третьей группе участников процесса доказывания, которые не заинтересованы в его ходе и исходе, но являются носителями доказательственной информации. К четвертой группе автор относит иных участников процесса доказывания (например, статистов) [3, л. 30–31].

Поскольку права и обязанности субъектов доказывания широко освещены в законе и литературе [2–5 и др.], представляется целесообразным в контексте данной статьи затронуть лишь спорные вопросы относительно их правомочий, например, связанные с использованием научно-технических средств в ходе фиксации доказательственной информации. Так, С.А. Шейфер не согласен с позицией ряда авторов, которые придерживаются мнения о том, что и обвиняемый, и потерпевший, и защитник участвуют в собирании доказательств [6, с. 115; 7, с. 40–41]. «Ошибка подобных рассуждений, – пишет С.А. Шейфер, – состоит в

том, что сведения, полученные защитником, в том числе изготовленные фотоснимки места происшествия, планы и схемы, не могут считаться доказательствами по уголовному делу. Прежде всего следует помнить, что закон возлагает обязанность собирания доказательств на незаинтересованные в исходе дела государственные органы, т. е. на следователя и суд. Кроме того, средства, которыми могут воспользоваться потерпевший и адвокат, будучи непроцессуальными, не создают достаточно надежных гарантий правильного отображения и сохранения фактических данных» [8, с. 70–71].

Такого же мнения придерживается и В.И. Гончаренко, который разделяет субъектов доказывания на тех, кто «ответственный за дело», и тех, кто имеет свой «собственный законный интерес», причем в аспекте применения научно-технических средств между данными группами субъектов налицо принципиальное отличие. Именно первые, по мнению В.И. Гончаренко, используют научно-технические средства для выявления, фиксации доказательственной информации, исследования и использования доказательств. Автор пишет, что «процессуальными субъектами (под процессуальными субъектами В.И. Гончаренко подразумевает лиц и органы, которые несут ответственность за уголовное дело) использования научно-технических средств в следственной работе могут быть признаны лишь специально уполномоченные законом лица» [9, с. 20].

Таким образом, несмотря на то что по букве закона подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник, законный представитель подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца являются субъектами доказывания, относить данных лиц к полноценным субъектам доказывания, представляется, неверно.

В специальной литературе до сих пор нет единого мнения относительно того, является ли суд субъектом доказывания или нет [2, с. 57–58; 10, с. 31; 11, с. 629 и др.]. Законодатель, в свою очередь, также, возлагая обязанность доказывания наличия оснований уголовной ответственности, вины обвиняемого и других обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, на орган уголовного преследования, а в судебном разбирательстве – на государственного или частного обвинителя, за исключением уголовных дел ускоренного производства, рассматриваемых без участия государственного обвинителя (ч. 2 ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК)), закрепил за судом право на собирание доказательств путем проведения допросов, очных

ставок, предъявления для опознания, выемки, обысков, осмотров, следственных экспериментов, проведения экспертиз и других процессуальных действий, предусмотренных законом (ст. 330, 334, 337, 340, 341 УПК). Кроме того, исследуя доказательства, представленные сторонами, суд также участвует в собирании доказательств, так как, фиксируя в протоколе результаты познавательных действий, формирует новые, которые по своему содержанию могут совпадать с доказательствами, полученными в ходе предварительного расследования, но могут и отличаться от них. Как отмечает И.Б. Михайловская, в этом случае исследование судом доказательств, собранных на предварительном следствии, как бы «надстраивает их процессуальную форму, придает им более высокий юридический статус и этим превращает следственные доказательства в судебные» [12, с. 39].

Из вышеизложенного следует, что суд наделен правом собирания доказательств и, следовательно, может принимать активное участие в процессе доказывания. Вывод об активном участии суда в процессе доказывания логически следует из формулировок законодателя в ряде статей. Так, например, согласно ст. 334 УПК суд по собственной инициативе может назначить экспертизу; согласно ст. 337 УПК также по собственной инициативе суд осуществляет осмотр вещественных доказательств. Естественно, принимая решение о проведении следственных действий по своему усмотрению суд в том числе может не только проверить имеющиеся фактические данные по делу, но и получить новые.

Таким образом, подводя итог рассуждениям по поводу субъектов доказывания в уголовном процессе, можно констатировать, что к такому относятся исключительно орган уголовного преследования и суд. Остальные участники уголовного процесса в контексте рассматриваемого вопроса выполняют лишь опосредованную роль, например, могут заявить ходатайство о проведении того или иного следственного действия, чтобы уже сам субъект доказывания в соответствии с требованиями УПК осуществил собирание, проверку и оценку доказательств по материалам или уголовному делу.

1. Деятельность // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1976. – Т. 25. – С. 180.
2. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. – М. : Норма, 2005. – 527 с.
3. Дегтярь, Т.С. Собирание и формирование доказательств в процессе расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.С. Дегтярь. – М., 2001. – 179 л.
4. Ларин, А.М. Работа следователя с доказательствами / А.М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1966. – 156 с.

5. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – [Перераб. и доп. изд.]. – М. : Наука, 1968–1970. – [Т. 1] : Основные положения науки советского уголовного процесса. – 1968. – 470 с.
6. Стецовский, Ю.И. Адвокат в уголовном судопроизводстве / Ю.И. Стецовский. – М. : Юрид. лит., 1972. – 159 с.
7. Кокорев, Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе / Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. – 138 с.
8. Шейфер, С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – М. : Юрид. лит., 1981. – 128 с.
9. Гончаренко, В.И. Научно-технические средства в следственной практике / В.И. Гончаренко. – Киев : Вища шк., 1984. – 149 с.
10. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М. : Норма, 2008. – 238 с.
11. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев [и др.] ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т по проблемам укрепления законности и правопорядка ; под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М. : Юрид. лит., 1989. – 638 с.
12. Михайловская, И.Б. Соотношение судебных и следственных доказательств / И.Б. Михайловская // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 39–47.

УДК 343.122

И.А. Пикалов

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В 1913 г. известнейший процессуалист, профессор В.К. Случевский отмечал: «Особенно многого оставляет желать лучшего... процессуальное положение потерпевшего. На это обстоятельство обращено было внимание собиравшегося в Париже в 1895 году международного тюремного конгресса, который и предложил ряд мер для облегчения потерпевшему удовлетворения гражданского его иска, ex delicto вытекающего» [1, с. 55].

Прошло более ста лет, но улучшений по фактическому исправлению столь плачевного положения так и не произошло!

За этот период в Конституции Российской Федерации (РФ) нормативно закреплён приоритет ценности человека, его прав и свобод (ст. 2). Государство приняло на себя обязанность соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. В том числе и в первую очередь государство приняло на себя обязанность обеспечить охрану прав потерпевших от преступлений, обеспечение им доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 46, 52 Конституции РФ).

В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) закреплена одна из целей уголовно-процессуальной деятельности: «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений». В соответствии со ст. 44 УПК РФ лицо (как физическое, так и юридическое), понесшее имущественный ущерб от преступления, вправе при производстве по уголовному делу предъявить к обвиняемому или иным лицам, несущим материальную ответственность за его действия, гражданский иск. Основанием для предъявления гражданского иска является причинение имущественного вреда непосредственно преступлением или общественно опасным деянием невменяемого, освобожденного в силу этого от уголовной ответственности, т. е. наличие прямой причинно-следственной связи между преступным деянием и причиненным вредом.

Однако далее этого законодатель не пошел и ограничился декларативным провозглашением возможности возмещения ущерба и восстановления status quo. Каких-либо реальных механизмов возмещения причиненного жертве преступления вреда законодательством не предусмотрено. При неустановлении виновного лица, либо отсутствию у него средств, ущерб остается невозмещенным.

По поводу вышеизложенного Уполномоченный по правам человека в своем докладе отмечает: «Государство, обеспечивая особое внимание к правам потерпевшего от преступления, призвано способствовать скорейшему устранению нарушений его прав и восстановлению достоинства личности» [2, с. 7].

Кроме того, Уполномоченный также отмечает: «Еще одной существенной проблемой, которая проявляется по результатам анализа социологических исследований, являются трудности при возмещении потерпевшим вреда, причиненного преступлением. Как показывают опросы, преобладающее большинство граждан – порядка 70 % – не могут добиться возмещения нанесенного преступлением ущерба» [2, с. 14; 4].

Вместе с тем следует отметить, что изложенное выше относится к уголовным делам с установленным обвиняемым (подозреваемым, подсудимым). Совершенно иное положение с уголовными делами, по которым обвиняемый (подозреваемый, подсудимый) не установлен. По таким делам вред, причиненный преступлением, остается невозмещенным до 100 % случаев (!).

Как указывает Уполномоченный: «В Российской Федерации уже существует практика выплаты компенсаций пострадавшим от стихийных бедствий, техногенных катастроф, авиакатастроф и т. п. С учетом уже имеющейся практики целесообразно инициировать формирование

правовых основ для создания и деятельности фондов помощи пострадавшим и компенсации вреда, причиненного преступлением, а также подготовку поправок в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на укрепление правовых гарантий обеспечения прав пострадавших от преступных посягательств» [2, с. 32].

Учитывая действующую в России континентальную систему права, можно обратиться в данном аспекте к опыту стран Европейского союза, где соответствующие механизмы отработаны на протяжении длительного времени, например во Франции. Во Французской Республике создана эффективная система обеспечения возмещения жертве причиненного ущерба [3]. Возмещение реализуется двумя способами.

Первый способ применяется на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и заключается в том, что если существует способ возмещения ущерба причиненного жертве правонарушителем, прокурор Республики (при суде первой инстанции) вправе предварительно, до начала уголовного преследования, самостоятельно, либо через офицера судебной полиции, делегата или посредника прокурора Республики:

потребовать от лица, совершившего деяние, возместить причиненный им ущерб. Это возмещение может включать, в частности, реституцию, восстановление поврежденных мест или вещей или денежную выплату в пользу жертвы или любого физического или юридического лица, которому пришлось понести расходы на восстановление поврежденных мест или вещей;

по просьбе или с согласия жертвы выполнить посредническую миссию между правонарушителем и жертвой. В случае успешной медиации прокурор Республики или посредник прокурора Республики составляет протокол, который подписывается им самим и сторонами, и копия которого вручается им; если правонарушитель обязался возместить ущерб и проценты жертве, последняя может на основании этого протокола потребовать их взыскания в соответствии с процедурой судебного запрета на выплату в соответствии с правилами, предусмотренными Гражданским процессуальным кодексом.

Данная процедура приостанавливает срок давности публичного иска и в случае невыполнения нарушителем предписанных мер, прокурор при суде первой инстанции квалифицирует содеянное и начинает преследование (ст. 41-1 CPP) [4].

Кроме того, существует возможность возмещения ущерба государством, независимо от факта установления виновного лица. В этом случае возмещение ущерба предоставляется комиссией, создаваемой в округе каждого трибунала большой инстанции. Данная комиссия имеет

характер гражданской юрисдикции, принимающей решение в первой и последней инстанциях.

Комиссия состоит из двух судебных магистратов трибунала большой инстанции и одного совершеннолетнего лица, имеющего французское гражданство и пользующегося гражданскими правами, проявившего интерес к проблемам жертв преступных деяний. Комиссию возглавляет один из магистратов (ст. 706-4 CPP) [4].

Иск о возмещении ущерба, сопровождаемый подтверждающими документами, немедленно передается через канцелярию судебной комиссии по выплате компенсации в Гарантийный фонд для жертв террористических актов и других правонарушений (fonds de garantie des victimes des actes de terrorisme et autres infractions) (далее – Фонд). Данный Фонд обязан в течение двух месяцев с момента получения документов предложить жертве предложение компенсации (ст. 706-5-1 CPP) [4].

После возмещения причиненного преступлением ущерба жертве преступления Фонд приобретает права требования, принадлежавшие жертве преступного деяния, к лицам, несущим ответственность за причинение данным деянием ущерба или обязанным каким-либо способом обеспечить его полное или частичное погашение, по возмещению денежных сумм, выплаченных им в качестве возмещения ущерба или материальной помощи жертве преступного деяния, в тех пределах, в которых указанные лица несут ответственность. При этом Фонд вправе осуществлять свои права любыми необходимыми способами, включая предъявление гражданского иска в уголовную юрисдикцию, причем иск может быть впервые предъявлен даже в процессе апелляционного производства (ст. 706-11 CPP) [4].

Таким образом, принимая во внимание указанный опыт, полагаем возможным внесение в УПК РФ соответствующих изменений, в соответствии с которыми государство гарантировало бы возмещение причиненного преступлением ущерба в любом случае. Это бы полностью соответствовало конституционным гарантиям и целям уголовного процесса РФ.

1. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I: Судостроительство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 400 с.

2. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – М.: Проспект, 2020. – 64 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. Действующая редакция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do>. – Дата доступа: 15.10.2022.

4. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. Всероссийский опрос ВЦИОМ. 2017 г., 1600 респондентов в 82 субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=536> (дата обращения: 15.10.2022).

УДК 343.13

И.П. Попова

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК ВЕКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Сущность понятия «восстановление» этимологически предполагает процесс и результат, позволяющий привести в прежнее состояние [1, с. 424; 2, с. 99]. Представляется, что даже относительно вопросов здоровья не всегда удастся привести организм в прежнее (до заболевания) нормальное состояние, без каких-либо последствий болезни, как для организма, так и для социального положения самого заболевшего, а также его окружения (близких, коллег, родных).

В уголовно-правовом конфликте, возникшем в связи с совершенным преступлением, стороны участвуют, как правило, против их воли, и чаще всего, с несовпадающими, противоположными интересами. Соответственно, если интересы потерпевшего, как участника со стороны обвинения, связаны с потребностью восстановления нарушенных преступлением отношений в состояние «до прежнего», а в случае невозможности – максимальной компенсации этого, то интересы стороны защиты связаны с потребностью минимизировать как степень ответственности, так и связанных с этим материальных затрат. Можно предположить, что в качестве общего интереса конфликтующих сторон выступает временная экономия, поскольку длительное производство по уголовному делу нарушает привычный ритм жизни, который стороны коррелируют с явным преобладанием интересов в пользу разрешения уголовно-правового конфликта, как имеющего наиболее интенсивное воздействие.

Разрешение спора в уголовном процессе обеспечивает и защищает интересы общества и государства, потому особая роль в возможности обеспечить сторонам достижения своих целей принадлежит должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу. Отнесение законодателем суда к самостоятельному участнику процесса, не имеющему собственного процессуального интереса в уголовно-правовом конфликте, обусловлено действием принципа состязательности сторон. Однако, исходя из этого же принципа, участие следователя

на стороне обвинения носит дискуссионный характер, учитывая, что на следователе лежит обязанность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в целом, в том числе, обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния.

Не останавливаясь подробно на дискуссии о функциях следователя, чему дан подробный анализ автором [3], а также существует большое число публикаций [4, 5], полагаем, следует уделить внимание целевым ориентирам в деятельности следователя. Очевидно, что бесцельная деятельность лишена смысла, а понимание назначения уголовного судопроизводства позволит для его достижения использовать арсенал процессуальных средств наиболее эффективно.

Обоснованно отмечая, что «в современном российском уголовном законодательстве имеются базовые нормативные предпосылки для применения программ восстановительного правосудия в уголовных делах», большинство исследователей полагают, что восстановительный подход может быть реализован с помощью суда или посредника [6, с. 49], не упоминая о роли следователя в реализации данного аспекта назначения уголовного судопроизводства. Более того, отдельные авторы полагают, что восстановительные программы применимы только в судебных стадиях [7], тогда как функции следователя рассматриваются на основе закрепленного в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации принципа состязательности сторон и отнесения следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

В качестве направлений гуманизации предварительного расследования, реализации восстановительного подхода можно рассматривать расширение альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта, а также диспозитивных начал при рассмотрении возможности освобождения обвиняемого от уголовной ответственности; создание дополнительных механизмов реализации института гражданского иска и повышение его эффективности, в том числе, за счет расширения исковой формы защиты нарушенных преступлением прав одновременно с разрешением уголовного дела.

При этом следует подчеркнуть, что любые самые передовые идеи и предложения, включающие средства их реализации, могут оказаться очередными «мертворожденными проектами», и не будут востребованы в досудебном производстве по причине ведомственных интересов, которые в данном случае вступают в конфликт как с публичными интересами общества и государства, так и с частными интересами потерпевших и иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Как показывает изучение научной литературы, достижение назначения уголовного судопроизводства в досудебном производстве связано, как правило, с созданием условий для осуществления карательного права государства в качестве реакции на преступление, исходя из чего, задачами досудебного производства рассматриваются раскрытие и расследование уголовного дела, в предусмотренных законом случаях – разрешение его по существу. Между тем, даже при наличии оснований и соблюдении соответствующих условий, часто для принятия итогового решения, например, о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, уголовное дело направляется в суд.

Недооценка значения стадии досудебного производства создает предпосылки для ошибок в последующих стадиях уголовного судопроизводства. Обращаясь к такому направлению уголовно-процессуальной деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, как восстановление нарушенных преступлением правоотношений, обращает на себя внимание, что большинство процессуальных действий в досудебном производстве в этом аспекте связано с производством по гражданскому иску (принятие искового заявления, признанием гражданским истцом, ответчиком), и в редких случаях – выполнением обеспечительных мер, связанных с наложением ареста на имущество.

Вместе с тем вопрос оптимизации функций следователя можно рассматривать изначально с учетом иерархии целей, стоящих перед уголовным правосудием в целом. Следовательно, восстановительный подход вполне может выступить тем вектором, который позволит достичь большей эффективности уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц для достижения назначения уголовного судопроизводства.

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. Т. 1. / В.И. Даль. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 1155 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Попова, И.П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования / И.П. Попова // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2021. – № 4 (99). – С. 123–139.
4. Малахова, Л.И. Процессуальные функции следователя в рамках состязательного уголовного процесса / Л.И. Малахова // Судеб. власть и уголов. процесс. – 2021. – № 2. – С. 22–26.
5. Давлетов, А.А. Проблема функций следователя в уголовном процессе / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок, Р.Ш. Асанов // Рос. юрид. журн. – 2019. – № 4. – С. 56–68.

6. Давыденко, А.В. Перспективы введения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей / А.В. Давыденко // Рос. судья. – 2017. – № 9. – С. 45–49.

7. Махов, В.Н. Элементы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / В.Н. Махов, А.С. Василенко, Л.В. Чебуханова // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2017. – № 1. – С. 107–121.

УДК 343.12

Т.А. Прудникова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Понятие подозреваемого в теории уголовного процесса является дискуссионным. Наиболее верным считаем определение подозреваемого как физического лица, в отношении которого имеется основанное на фактических данных предположение органа уголовного преследования о совершении им преступления и которое вовлечено в производство по материалам и уголовному делу в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (УПК).

Орган уголовного преследования не вправе удерживать задержанного в положении подозреваемого свыше 72 часов, а лицо, к которому применена мера пресечения, – свыше десяти суток с момента объявления подозреваемому постановления о применении меры пресечения, включая срок задержания, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Лицо перестает пребывать в положении подозреваемого с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого либо о прекращении уголовного преследования.

Задержание – мера уголовно-процессуального принуждения, которая: применяется к подозреваемому, обвиняемому и осужденному; производится по непосредственно возникшему подозрению или постановлению (определению) органа, ведущего уголовный процесс; состоит из трех этапов (стадий): захват лица, доставление его в орган уголовного преследования, кратковременное содержание под стражей в местах и условиях, определенных законом; завершается освобождением задержанного, применением к нему другой меры принуждения либо наказания, определенного вступившим в законную силу приговором суда. Целью задержания является обеспечение посредством его пресечения преступной деятельности лица, подозреваемого в совершении преступ-

ления, решение вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, предупреждение побега правонарушителя и обеспечение его участия в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь предусмотрены четыре вида задержания: задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления; задержание обвиняемого для предъявления обвинения; задержание обвиняемого до заключения под стражу; задержание осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочки исполнения наказания или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Задержание должно осуществляться: по непосредственно возникшему подозрению в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом; по постановлению (определению) органа, ведущего уголовный процесс. Для принятия решения о задержании подозреваемого необходимо установить наличие двух видов оснований: основания для подозрения, которые должны подтверждать причастность лица к совершению преступления и давать право на его захват и доставление в орган уголовного преследования, а также основания для задержания лица, т. е. для его кратковременного содержания под стражей в местах и условиях, определенных законом.

При задержании подозреваемого должен соблюдаться принцип законности. О произведенном задержании орган дознания или следователь обязаны письменно сообщить прокурору в течение 24 часов с момента вынесения постановления о задержании. Задержанный имеет право на проверку законности его задержания.

Для обеспечения защиты прав задержанных лиц целесообразно изменить предусмотренный в УПК порядок обжалования: администрация мест содержания задержанных немедленно по ее получении должна направлять жалобу непосредственно в суд. Кроме того, необходимо предусмотреть либо немедленное направление копии постановления судьи лицу, подавшему жалобу на задержание, либо срок для обжалования такого постановления должен исчисляться не с момента его вынесения, а с момента получения его копии лицом.

Поскольку используемое законодателем название задержания по отношению к подозреваемому исключает возможность его применения при отсутствии фактора непосредственности (внезапности) возникновения подозрения, предлагаем использовать более общее наименование – «задержание подозреваемого», с учетом чего следует скорректировать название ст. 108 УПК. Содержащиеся в п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК основания подозрения целесообразно изложить в следующей редакции:

«Имеются другие достаточные основания подозревать лицо в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом». Остальную часть этого пункта – «...пыталось скрыться с места преступления или от органа уголовного преследования, или не имеет постоянного места жительства, или проживает в другой местности, или не установлена его личность» – следует отнести к собственно основаниям задержания и распространить на все случаи подозрения, указанные в ч. 1 ст. 108 УПК.

Гарантии прав подозреваемого закреплены в международно-правовых актах, Конституции Республики Беларусь и уголовно-процессуальном законодательстве. Провозглашая право подозреваемого на защиту, законодатель наделяет подозреваемого конкретными процессуальными правами.

Основным способом получения показаний подозреваемого является допрос. Значение показаний подозреваемого весьма велико для установления истины. В предмете допроса особое место принадлежит данным, явившимся основанием для задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Допрос подозреваемого регламентирован уголовно-процессуальным законодательством. Ход и результаты допроса отражаются в протоколе допроса.

В связи с несовершенством отдельных норм действующего уголовно-процессуального законодательства в большинстве случаев право подозреваемого знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела и признании его подозреваемым носит лишь декларативный характер, момент его реализации зависит от времени уведомления лица об имеющемся в отношении его подозрении и разъяснении принадлежащих ему прав. В качестве одного из вариантов решения обозначенной проблемы видится нормативная регламентация верхней временной границы объявления подозреваемому постановления о признании его таковым по аналогии с предъявлением обвинения. Для этого необходимо законодательно обязать орган уголовного преследования не позднее трех суток после вынесения постановления о признании подозреваемым принять меры к ознакомлению с ним данного участника процесса и разъяснению ему прав и обязанностей, закрепив соответствующую норму в ст. 41 УПК.

Реальную возможность обратиться за помощью к защитнику (защитникам) подозреваемый приобретает только после того, как ему станет известно о существующем в отношении его подозрении и наличии у него права на защиту, обусловленного наделением процессуальным статусом подозреваемого. В этой связи моменты наделения подозреваемого правом иметь защитника (защитников), вступления защитника (защит-

ников) в производство по материалам и уголовному делу и обеспечения обязательного его участия в деле следует связать с объявлением подозреваемому постановления о признании его таковым. Для реализации данного положения необходимо внести изменения и дополнения в п. 1, 2, 6 ч. 2 ст. 41, ч. 4 ст. 44 и ч. 2 ст. 45 УПК.

УДК 343

Н.С. Расулова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Анализ сложившейся практики использования заключения специалиста для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, особенно на примере расследования преступлений в сокращенной форме дознания, позволяет сделать вывод о необходимости определения роли и значения заключения специалиста как средства доказывания.

В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством с 2003 г. заключение специалиста является одной из форм использования специальных знаний, и, как предполагалось, должно существенно расширить арсенал средств доказывания, особенно в современных условиях, когда почти каждое второе преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Однако, как показывает анализ судебной и следственной практики, познавательная деятельность специалиста в виде его заключения до настоящего времени не нашла своего рационального применения и продолжает оставаться предметом острых дискуссий.

В поисках причин, препятствующих использованию заключения специалиста в качестве полноценного средства доказывания, мы проанализировали результаты соответствующих эмпирических материалов, полученные по итогам интервьюирования практических работников, а также в ходе изучения материалов уголовных дел и судебной практики, которые, на наш взгляд, являются весьма интересными. Так, на вопрос, используется ли заключение специалиста в ходе расследования уголовных дел в качестве доказательства, отрицательно ответило абсолютное большинство респондентов (87 %), указав в качестве одной из

причин – отсутствие правовой регламентации формы заключения специалиста. В то же время основная часть следователей, дознавателей и оперативных уполномоченных как бы в противоречие изложенному ими же мнению считают, что заключением специалиста являются: справка об исследовании, акт ревизии, акт судебно-медицинского освидетельствования, акт исследования документов и предметов.

Следует отметить, что в научном сообществе также отсутствует единая позиция по вопросу правовой природы заключения специалиста, например, П.В. Козловский полагает, что оно «должно быть отнесено к такому виду доказательства, как «иные документы», поскольку по своему содержанию не отличается ни от показаний специалиста, ни от любого иного документа, «например, справка о результатах научного исследования» [1, с. 64, 65], а соответственно не нуждается в выработке единых правил оформления. Солидарную позицию занимают и иные авторы, убежденные в том, что специалист проводит свое исследование исключительно в интересах стороны защиты, соответственно, его заключение, как и иные документы, не может являться формализованным доказательством [2, с. 23–28].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что результаты интервьюирования нашли свое подтверждение в материалах уголовных дел. Таким образом, проанализированные ответы респондентов – это не просто мнение рядового следователя (дознавателя) или оперативного уполномоченного по отдельным вопросам, заданным нами в ходе исследования, а это сложившаяся правоприменительная деятельность властного участника, наделенного законом обязанностью устанавливать обстоятельства по уголовному делу, в соответствии с которой он интерпретирует заключение специалиста в познавательном аспекте именно в таком виде, в каком он его себе представляет.

Приведем несколько ярких, на наш взгляд, примеров, подчеркивающих существующую в практике проблему неверного применения заключения специалиста через призму нормы п. 3 ч. 3 ст. 226.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), которая позволяет в ходе расследования уголовного дела в сокращенной форме дознания не назначать судебную экспертизу, если получены ответы на соответствующие вопросы в заключении специалиста по результатам проведенного им исследования при проверке сообщения о преступлении.

Итак, при производстве дознания в сокращенной форме по уголовному делу в отношении М. по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222.1 Уголовного кодекса (УК) РФ, старший дознаватель

одного из подразделений дознания ГУ МВД России по Свердловской области не стал назначать судебную экспертизу, как это предписывает п. 7 постановления Пленума Верховного Суда (ВС) РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [3], а, руководствуясь п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, в качестве доказательства, устанавливающего вид и массу взрывчатого вещества, использовал справку об исследовании от 7 июня 2021 г. № 2402, проведенном в ходе проверки сообщения о преступлении экспертами ЭКЦ ГУ МВД России по Свердловской области, согласно результатам которого установлено, что обнаруженное в квартире М. вещество является бездымным одноосновным нитроцеллюлозным порошком, т. е. взрывчатым веществом. Указанная справка была положена в основу обвинения и приведена в обвинительном постановлении в качестве доказательства, подтверждающего обвинение [4].

Рассмотрим другой пример. При расследовании уголовного дела в отношении В., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б», «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ, дознаватель, очевидно, руководствуясь п. 6 постановления Пленума ВС РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 [5], в целях установления способа массового истребления водных биологических ресурсов и исследования свойств изъятого у подозреваемого В. орудия лова, привлек соответствующего специалиста для проведения ихтиологического исследования, который оформил результаты исследования в виде соответствующей справки и определил, что представленное орудие лова является орудием массового истребления водных животных в виде сети из лески, ставной, жаберной, длиной около 15 м, высотой 1,5 м, с ячейей 70 мм. Завершая расследование, дознаватель, расценив справку об исследовании от 21 июня 2021 г. № 919 в качестве заключения специалиста, применил п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ и без производства судебной экспертизы принял итоговое решение по уголовному делу [6].

Приведенные практические ситуации являются наглядными иллюстрациями сформированной годами [7, с. 16–24] ошибочной правоприменительной практики в толковании правовой природы предварительных исследований и заключения специалиста.

Таким образом, в условиях расследования с применением дознания в сокращенной форме доказывание осуществляется в упрощенном порядке, позволяющем, в том числе, не назначать судебную экспертизу (п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Производство последней представляет собой пол-

ноценное исследование объектов, посредством которого возможно получить новые, неизвестные ранее знания. Однако дознаватели неоправданно отказываются от получения заключения эксперта, и, заблуждаясь в правовой природе заключения специалиста, необоснованно подменяют его результатами предварительного исследования, которое является иной непроцессуальной формой использования специальных знаний.

Сложившаяся ситуация указывает на комплексную проблему, связанную с доказыванием при производстве сокращенного дознания и использованием специальных знаний в виде заключения специалиста, что побуждает задуматься о состоянии законности при расследовании уголовных дел. На наш взгляд, в качестве одного из возможных решений указанной проблемы должно являться правильное определение роли и значения заключения специалиста в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Предполагается, что, в отличие от заключения эксперта, заключение специалиста носит вспомогательный, разъяснительный характер, и используется в случаях, когда субъекту доказывания недостаточно своих знаний для правильного уяснения какого-либо вопроса, возникшего в ходе расследования по уголовному делу.

1. Козловский, П.В. Проблемные аспекты использования заключения специалиста / П.В. Козловский // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович ; ред.: О.И. Андреева, И.В. Чаднова // М-во образования и науки Рос. Федерации, Том. гос. ун-т. – Томск, 2011. – С. 63–65.

2. Вдовцев, П.В. Заключение специалиста как иной документ / П.В. Вдовцев, А.В. Чарыков // Рос. следователь. – 2020. – № 7. – С. 23–28.

3. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 12 марта 2002 г., № 5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.11.2022).

4. Архив Артемовского городского суда Свердловской области. – Уголов. дело № 1-192/2021.

5. О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 23 нояб. 2010 г., № 26 : в ред. от 31.10.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.11.2022).

6. Архив Алапаевского городского суда Свердловской области. – Уголов. дело № 1-236/2021.

7. Зайцева, Е.А. Непроцессуальная форма экспертных исследований / Е.А. Зайцева // Судеб. экспертиза. – 2011. – № 4 (28). – С. 16–24.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В АРСЕНАЛЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Прокурорский надзор выступает одним из важнейших средств обеспечения законности за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование. Изменения положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) в связи с созданием Следственного комитета Республики Беларусь значительно сократили пределы прокурорского надзора и соответствующие полномочия прокурора за деятельностью органов предварительного следствия, отдельные из которых справедливо подвергаются критике со стороны белорусских ученых [1–3], практиков [4], а также автором настоящей статьи [5]. В то же время характер норм, регламентирующих полномочия прокурора в досудебном уголовном производстве, а часто неполнота и неэффективность их применения в практической деятельности приводят к постепенному увеличению объема полномочий прокурора, особенно в части правовых средств по устранению нарушений законности, допускаемых органами предварительного расследования. В данном контексте подчеркнем значимость новаций уголовно-процессуального законодательства 2021 г., к которым относятся:

во-первых, расширение диапазона по вынесению прокурорами требований не только на нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования, но и на этапе приема, регистрации и рассмотрения заявлений (сообщений) о преступлении с указанием на обязательное рассмотрение такого требования в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК);

во-вторых, дополнение ст. 34 УПК новой мерой прокурорского реагирования в виде представления об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного следствия и дознания, причин и условий, способствующих этим нарушениям, с установлением безотлагательности его рассмотрения и письменным уведомлением прокурора в течение одного месяца о мерах, принятых по исполнению представления (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК);

в-третьих, наделение Генерального прокурора Республики Беларусь (его заместителей), прокуроров областей, города Минска (лиц, исполня-

ющих их обязанности) при отмене постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования правом давать обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий (ч. 5¹ ст. 34 УПК).

В поле зрения настоящей статьи – делегирование прокурору полномочия по внесению представления в порядке п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, которое не является предметом широкого обсуждения в отечественной юриспруденции, но вызывает оживленные дискуссии у российских правоведов, формируя тем самым противоположные точки зрения в научной среде: от полного отрицания [6] до признания его права на жизнь [7, 8].

Например, А.Ю. Винокуров указывает на тождественность требования и представления прокурора, которое «заключается в постановке вопроса об устранении вскрытых нарушений, допускаемых в процессуальной деятельности соответствующих органов», настаивая на замене в законе требования на представление [9, с. 319–320]. В качестве возражений отметим, что, в отличие от требования прокурора (оно, как правило, выносится при обнаружении единичного факта нарушения закона, не носящего многочисленный характер), представление вносится при обнаружении прокурором не единичных фактов нарушений законности, т. е. представление направлено на устранение ошибок системного характера, а требование призвано устранять единичные факты ошибок в деятельности органов предварительного расследования. Таким образом, требование и представление имеют право на самостоятельное закрепление в УПК: в пользу возможного их сосуществования свидетельствует удачная апробация представления в прокурорской практике.

Согласно данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2021 г. прокурорами по фактам нарушения законодательства в органы внутренних дел было внесено 320 представлений, за январь–март 2022 г. – 99 представлений. Выборочное изучение нами представлений, вносимых в порядке п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, в разных регионах республики с 2021 по 2022 г., показывает, что они вносились на многочисленные нарушения уголовно-процессуального закона в части:

1) поверхностных доследственных проверок по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, в результате которых органом уголовного преследования выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела;

2) несоблюдения порядка, оснований и условий производства следственных действий (например, производство обыска без санкции прокурора при отсутствии оснований для его неотложного проведения; про-

изводства осмотра жилища без участия всех участников, определенных в ст. 204 УПК);

3) ненадлежащей систематизации и (или) отсутствия в уголовном деле описи процессуальных документов;

4) неполноты проведенного предварительного расследования и необоснованного приостановления (прекращения) производства по уголовному делу;

5) несвоевременного предоставления прокурору копий постановлений о производстве следственных действий и (или) принятии процессуальных решений (нередко с задержкой предоставления таких копий на неделю и больше).

Перечисленные нарушения уголовно-процессуального закона свидетельствуют о невыполнении органом уголовного преследования возложенных на него задач и обязанностей, предусмотренных УПК, об отсутствии должного ведомственного (процессуального) контроля со стороны руководства за порядком возбуждения уголовных дел и ходом их расследования.

Между тем проведенный нами анализ представлений, вносимых в порядке п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, демонстрирует ошибочный подход прокуроров к подтверждению полномочий на право внесения таких представлений. В частности, в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления, как правило, прокуроры ссылаются не на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, а на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона о прокуратуре (к слову, подобное имело широкое распространение и в российской практике еще до появления представления в уголовно-процессуальном законодательстве России [8, с. 211–212]).

Такой подход является неверным по причине того, что ст. 27 Закона о прокуратуре определяет полномочия прокурора в иной сфере общественных отношений – при осуществлении надзора за исполнением законодательства, а ст. 38 цитируемого Закона не может применяться для данного случая, поскольку полномочия прокурора за исполнением закона в ходе досудебного производства закреплены в УПК, о чем в Законе о прокуратуре имеется отсылочная норма. В связи с этим следует признать ошибочным мнение отдельных ученых [7, с. 183], полагающих, что акты прокурорского надзора, предусмотренные в Законе о прокуратуре, могут и должны распространяться на уголовно-процессуальную сферу. Ведь смысл нормативного выделения отраслей прокурорского надзора состоит в разграничении полномочий прокурора с определенной целью: «обеспечить максимально допустимый уровень гарантированности прав

и свобод личности и законности в отдельных сферах правового регулирования с учетом их специфики, а также исходя из собственных предельных, пределов и правовых средств» [10, с. 163], в противном случае все направления прокурорско-надзорной деятельности являлись частью надзора за исполнением законодательства (общего надзора).

Еще одним аспектом, требующим внимания законодателя, на наш взгляд, является уточнение срока рассмотрения и исполнения представления прокурора, который должен определять дифференцированно исходя из сроков предварительного следствия и дознания, поскольку идея внесения данного акта состоит в том, чтобы в ускоренном порядке отреагировать на нарушения уголовно-процессуального закона.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что закрепление за прокурором полномочия по внесению представления – своевременный законодательный шаг, устранивший «правовой вакуум», позволяющий эффективно и оперативно устранять не просто единичные нарушения уголовно-процессуального закона, а многочисленные нарушения системного характера. В то же время необходимо привести к единообразию практику внесения прокурорами представлений на нарушения уголовно-процессуального закона: в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления следует ссылаться исключительно на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, а не на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона о прокуратуре. Считаю целесообразным пересмотреть также в п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК указание на срок рассмотрения представления прокурора, установив безотлагательность его рассмотрения с письменным уведомлением прокурора о мерах, принятых по исполнению представления, в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором.

1. Данько, И.В. Прокурор в контексте реформирования уголовно-процессуального законодательства / И.В. Данько // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В.М. Хомич [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 2 : спец. юбилейн. изд. – С. 82–87.

2. Данько, И.В. О правовом регулировании полномочий прокурора при приостановлении проверки по заявлению, сообщению о преступлении / И.В. Данько // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / Гос. учрежде-

ние «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 84–86.

3. Васько, Н.О. Прокурорский надзор за предварительным следствием: история развития и пути совершенствования процессуального статуса прокурора / Н.О. Васько // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / Гос. учреждение «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 171–174.

4. Конюк, А.В. Некоторые аспекты совершенствования правового регулирования и практики осуществления прокурорского надзора за законностью действий и решений органов дознания и предварительного следствия / А.В. Конюк // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: А.В. Барков [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 13–25.

5. Савчук, Т.А. Расширение диапазона мер прокурорского реагирования в досудебном производстве в свете реформирования уголовно-процессуального законодательства / Т.А. Савчук // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / Гос. учреждение «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 211–213.

6. Вильде, Л.В. Сложности реализации надзорной функции прокурора в досудебной стадии производства по делу / Л.В. Вильде // Уголов. процесс. – 2012. – № 3. – С. 32–34.

7. Богатова, Е.В. К вопросу о процессуальном оформлении итогов проведенной прокурором проверки исполнения законов органами дознания и предварительного следствия / Е.В. Богатова, О.А. Грачева // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2019. – № 4. – С. 182–188.

8. Спиринов, А.В. Представление прокурора об устранении нарушений уголовно-процессуального закона в досудебном производстве / А.В. Спиринов // Проблемы в рос. законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 211–215.

9. Винокуров, А.Ю. Избранные статьи : в 3 т. / А.Ю. Винокуров. – Т. 2. – М., 2017. – 514 с.

10. Бытко, С.Ю. К вопросу о законодательной регламентации мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения уголовно-процессуального законодательства органами предварительного расследования / С.Ю. Бытко, О.А. Грачева // Изв. высш. учеб. заведений. – 2022. – № 2. – С. 159–166.

**НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ
И СУЩНОСТЬ ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИНЦИПА
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Одним из основных критериев развития государства и общества является достижение высокого уровня защищенности прав и свобод человека. Проблема обеспечения личной неприкосновенности личности привлекала внимание ученых, однако понадобилось несколько тысячелетий для осознания ценности любой личности, независимо от ее социальных, имущественных, национальных и других признаков.

Обеспечение личной неприкосновенности приобретает особую значимость в условиях построения правового социального государства и повышения в нем роли гражданского общества. Сегодня личная неприкосновенность является общепризнанной социально-правовой ценностью, что нашло свое закрепление в международных и национальных правовых актах.

Конституция Российской Федерации (РФ) провозглашает неприкосновенность человека в России наивысшей социальной ценностью, положение о личной неприкосновенности содержится в ст. 22 Основного Закона, кроме того, многие конституционные нормы, так или иначе, соотносятся с исследуемым понятием. Вместе с тем содержание личной неприкосновенности Конституция РФ не раскрывает.

Неприкосновенность личности играет важную роль в системе принципов уголовного процесса. В литературе сложились широкая и узкая концепции толкования принципа неприкосновенности личности.

Необходимость каждого человека в личной безопасности обуславливает возникновение права на неприкосновенность, которое является субъективным и реализуется посредством системы нормативно-правовых актов различных отраслей права. Однако следует отметить, что отсутствует общепринятая, установленная на законодательном уровне трактовка понятия «неприкосновенность личности».

Н.С. Манова и Ю.В. Францифоров отмечают, что личная неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве РФ имеет следующие черты:

1) отражает международный стандарт уголовного судопроизводства;

2) может рассматриваться как элемент юридической конструкции «право на свободу и личную неприкосновенность», а также как самостоятельная категория;

3) обладает «негативным» содержанием в значении «свободы от посягательств»;

4) отражает отношения между государством, его органами и гражданами;

5) требует от государства выполнения «положительных» и «отрицательных» обязанностей;

6) имеет компонентную структуру, элементы которой находятся в неразрывной связи с личностью, наделенной неприкосновенностью;

7) распространяется на всех участников уголовного судопроизводства, а не только на подозреваемого или обвиняемого [1, с. 27].

Интересна также позиция А.П. Рыжакова, согласно которой право на свободу и право на личную неприкосновенность, несмотря на тесную взаимосвязь, – это два разных права человека, которые не стоит путать. Право на свободу в современном понимании рассматривается как способность без принуждения, по своему усмотрению добиваться осуществления поставленной перед собой цели, а право на личную неприкосновенность – это свобода человека от незаконных и необоснованных задержаний, арестов или лишения свободы другим путем, а также любых других действий, направленных на ограничение возможности человека свободно распоряжаться собой [2, с. 432].

По нашему мнению, личную неприкосновенность можно определить как свободу человека от незаконных и необоснованных задержаний, арестов или лишений свободы другим путем, а также от любых других действий, направленных на ограничение возможности человека свободно распоряжаться собой.

Права и свободы человека являются одним из важнейших социальных и правовых институтов, ведь именно он в полной мере отражает достижения обществом определенного уровня развития, состояние защищенности личности в целом, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, без опасности и неприкосновенности. Соблюдение прав и свобод личности является главной предпосылкой осуществления любого вида деятельности.

Вместе с тем в ходе уголовного судопроизводства достаточно часто возникают ситуации, когда повлиять на поведение участников производства и скорректировать ее невозможно без определенных временных ограничений их прав и свобод, которые являются результатом применения тех или иных мер обеспечения уголовного судопроизводства.

Заслуживает внимания и позиция Е.Г. Васильевой, которая определяет правовые ограничения как закреплено в праве – воздержание от противоправного деяния, целью которого является создание необходимых условий для удовлетворения интересов уполномоченного субъекта и общественных интересов в целом [3, л. 26]. В.А. Кучинский также отмечает, что правовым ограничением является закрепленное в юридических нормах препятствие для неправомерного поведения, которое создает условия для удовлетворения интересов субъектов права при нормальном функционировании общественных институтов [4, с. 49].

В этом аспекте считаем, что правовое ограничение само по себе является близким к запретам, однако оно все же рассчитано не на полное вытеснение определенного общественного отношения, а на содержание его в определенных жестких рамках. Поэтому, по нашему мнению, наиболее комплексно и основательно правовые ограничения как средство правового воздействия исследовал А.В. Мальков. В частности, ученый акцентирует внимание на многоаспектности понимания самой категории «правовые ограничения» и рассматривает это правовое средство как инструмент обеспечения правового статуса, как условие предоставления правоотношениям определенных границ, как процесс психологического принуждения, как средство воздействия на сознание и волю субъектов, как препятствие неправомерному поведению [5, с. 238–241].

Это объясняется тем, что основой правового ограничения выступает тесная связь между внешними юридическими условиями и внутренней структурой личности. Именно правовое ограничение влияет на интересы субъектов права.

Стоит отметить также, что именно для упорядочения общественных отношений и обеспечения их полноценного функционирования устанавливаются правовые ограничения. Так, правовые ограничения имеют целью сознательное изменение поведения субъектов. Правовые ограничения выступают необходимыми средствами воздействия на интересы общества и интересы определенных контрсубъектов, поскольку направлены на достижение социально полезных целей. В частности, они осуществляют воспитательное и социальное влияние на субъекта.

Считаем целесообразным определить основные признаки правомерности ограничений права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве. Такие ограничения носят процессуальный характер и регулируются уголовно-процессуальным законом, а потому являются составной частью уголовно-процессуальной формы.

Отметим, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве по своей природе являются

мерами обеспечения уголовного судопроизводства, а следовательно, направляются на достижение общей цели – обеспечение надлежащего порядка уголовного судопроизводства, его действительности.

Ограничения права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве носят принудительный характер. По законодательной идее такие ограничения призваны обеспечить действительность уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, обуславливает объективную необходимость в формировании законодательной модели таких ограничений, которая базируется на процессуальном принуждении. Они применяются в случаях, когда другими процессуальными мерами невозможно достичь основных задач уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Стоит отметить, что вопрос о возможности ограничения права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве определяется не столько невозможностью другими способами выполнить задачи уголовного судопроизводства в целом, сколько невозможностью другими способами достичь конкретной цели того или иного мероприятия по обеспечению уголовного судопроизводства без применения такого ограничения.

Субъектом применения ограничений права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве являются, как правило, следователь, судья, суд.

Статья 10 УПК РФ предусматривает, что «никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований». Учитывая это под применением данной нормы следует иметь в виду, что ее действие распространяется как на подозреваемого, обвиняемого, так и на других субъектов уголовного судопроизводства.

С другой стороны, ограничение свободы и неприкосновенности личности может быть определено как результат конкретной уголовной процессуальной деятельности [6, с. 109]. Ограничение в уголовном судопроизводстве носит принудительный характер. Уголовно-процессуальное принуждение – это эффективный инструмент борьбы с преступностью, который используется независимо от того, добровольно ли субъект выполняет свои обязанности.

Итак, для мер процессуального принуждения характерно то, что они применяются во время уголовно-процессуальной деятельности; применяются уполномоченным на то органом или должностным лицом в пределах их компетенции; применяются непосредственно к участникам

уголовного судопроизводства, противоправное поведение которых или реальная возможность такого поведения создает или может создать препятствие производству по делу.

1. Манова, Н. С. Уголовный процесс. Краткий курс лекций / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров. – М. : Юрайт, 2019. – С. 27.
2. Рыжаков, А.П. Уголовный процесс России : курс лекций / А.П. Рыжаков. – СПб. : Питер, 2009. – 432 с.
3. Васильева, Е.Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Г. Васильева. – Уфа : Башкир. гос. ун-т, 2002. – Л. 26.
4. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право / В.А. Кучинский. – М. : Юрид. лит., 1978. – С. 49.
5. Мальков, А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А.В. Мальков // Юрид. техника. – 2018. – № 12. – С. 238–241.
6. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 7-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 752 с.

УДК 343.14 + 343.985

О.А. Слащенин

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «УТЕЧЕК ДАННЫХ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Динамичная цифровизация общественных отношений с их постепенным переходом в глобальную компьютерную сеть Интернет (далее – сеть Интернет) приводит к закономерному расширению международного информационного пространства. Так, переход от традиционных носителей информации (бумага, фотоматериал, пластмасса, магнитная лента) на их электронные аналоги имеет следующие преимущества: 1) сокращение временных и материальных затрат, связанных с поиском, получением, передачей, сбором, обработкой, накоплением, хранением, распространением и предоставлением информации, а также ее использованием и защитой; 2) повышенная доступность «оцифрованной» информации. Но упомянутая доступность информации имеет и свою обратную сторону: высокие риски в сфере кибербезопасности.

Кибербезопасность – это состояние защищенности информационной инфраструктуры (ИИ) и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз согласно ст. 8 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [1]. Основными субъектами угрозы кибер-

безопасности (далее – исполнители) выступают специалисты в сфере высоких технологий, совершающие посредством сети Интернет умышленные противоправные действия против объектов ИИ и обслуживающих их операторов. Среди них можно выделить: хакеров, имеющих корыстную или иную личную заинтересованность, а также хактивистов, преследующих при осуществлении своей деятельности общественные или политические цели. Не имея допуска к информации, содержащейся в ИИ и представляющей интерес для хакеров и хактивистов, последние планируют и проводят целевые кибератаки на тот или иной объект ИИ. Цель проведения указанных атак: нарушение систем защиты объекта ИИ и осуществление к нему несанкционированного доступа с последующим неправомерным завладением содержащейся в ИИ информацией. В результате возникшего киберинцидента исполнители также могут завладеть данными, которые в соответствии со ст. 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон «Об информации, информатизации и защите информации») могут признаваться информацией, распространение и предоставление которой ограничено [2], а также в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон «О защите персональных данных») – персональными данными физических лиц [3]. Наиболее популярными объектами ИИ, которые подвергаются кибератакам, являются базы и банки данных торговых сетей [4, 5], сервисов доставки товаров [6], информационные системы предприятий, организаций и государственных органов [7], банковских и иных коммерческих учреждений [8]. Осуществив несанкционированный доступ к информации, содержащейся в ИИ, исполнители до обнаружения оператором объекта проведенной кибератаки должны успеть ее скопировать. Одним из наиболее популярных и быстрых способов копирования информации при осуществлении кибератаки является создание «дампа» (англ. dump – сбрасывать), представляющего собой полное или частичное содержание компьютерной информации, аккумулируемой в ИИ. Рассмотренный типовой пример киберинцидента, обязательным результатом которого является завладение информацией лицом, не имеющим к ней допуска, квалифицируется в сфере кибербезопасности как «утечка данных» [9].

Факт происшедшей утечки данных может держаться в тайне от общественности как исполнителями проведенных кибератак в целях тайного использования полученной информации, так и операторами объекта ИИ для защиты своей деловой репутации. Часто о возникшей утечке данных хакеры и хактивисты могут сами публично сообщить

в сети Интернет, размещая созданный ими дампы ИИ на специализированных «теневых» интернет-ресурсах. Вышеуказанный дампы могут размещаться в сети Интернет фрагментарно в качестве рекламы для последующей продажи его полной версии всем заинтересованным и готовым за это платить лицам. Информационное содержание дампа той или иной ИИ может анализироваться и использоваться органом уголовного преследования в качестве доказательства по уголовному делу, несмотря на противоправную сущность его создания и размещения. Обнаружение в сети Интернет указанных дампов и их последующий осмотр может иметь существенное значение для установления ранее неизвестных обстоятельств уголовного дела, которые в соответствии со ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь подлежат доказыванию при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства [10]. Информационную значимость дампа ИИ как доказательства для целей уголовно-процессуального доказывания можно оценить лишь при детальном рассмотрении его формы и содержания.

Дампы по своей форме представляют собой электронный файл (далее – файл) или группу файлов, содержащий (-е) в себе преимущественно текстовую или гипертекстовую компьютерную информацию. Содержание файла дампа зависит от типа скопированной ИИ и вида аккумулируемой в ней компьютерной информации. Так, социальные сети, интернет-мессенджеры, сервисы электронной почты, интернет-форумы, интернет-сайты банковских или иных коммерческих учреждений, интернет-магазины, иные интернет-ресурсы и удаленные серверы, а также банки и базы данных внутренних серверов организаций и государственных органов, будут иметь разные системы и виды хранимой компьютерной информации. Но независимо от используемых в дампе систем и видов, интерес для органов уголовного преследования представляют две условные группы сведений: идентификаторы учетных записей, в том числе персональные данные физических лиц, а также внутренние файлы ИИ, в том числе документированная информация (контент).

К первой группе сведений можно отнести следующие компоненты будущей доказательственной базы: логин, пароль, адрес электронной почты, абонентский номер, сетевое имя, регистрационное описание или подпись учетной записи, реквизиты привязанных банковских платежных карточек, электронных счетов или кошельков, секретные ключи или мнемонические фразы восстановления кошелька криптовалюты, IP-адреса и иные маркеры интернет-браузера или компьютерной техники, а также иные персональные данные физических лиц.

Ко второй группе, в свою очередь, можно отнести: списки транзакций, системные логи, содержание публикаций, записей, комментариев, личных сообщений, электронных писем и вложений к ним, а также файлы архива и иной документированной информации органов иностранных государств и организаций.

Ценность и уникальность сведений, содержащихся в дампе той или иной ИИ, подкрепляется возможными проблемами их правового получения без непосредственного взаимодействия с содержанием дампа. Во-первых, оператор ИИ и (или) сам объект ИИ могут располагаться на территории иностранного государства, с которым не заключен международный договор о правовой помощи по уголовным делам, где производство выемки сведений на объекте ИИ не представляется возможным. Во-вторых, сроки получения и исполнения направленного в иностранное государство поручения (просьбы) об оказании правовой помощи могут превышать максимальные сроки хранения запрашиваемой компьютерной информации. В-третьих, в качестве операторов интересующего объекта ИИ могут выступать киберпреступники, а также иные лица, связанные с профессиональной преступностью и не сотрудничающие с правоохранительными органами, например, администраторы «теневых» интернет-форумов и специализированных торговых площадок, серверов обмена файлами и сообщениями. В-четвертых, операторы коммерческих объектов ИИ и органы иностранных государств по направленным запросам могут предоставлять недостоверные сведения или заявлять об их отсутствии. Это может быть связано с их возможной заинтересованностью в исходе уголовного дела или в целях сокрытия запрашиваемых сведений, которые признаются последними коммерческой или государственной тайной.

В случае обнаружения в сети Интернет размещенных дампов ИИ, содержащих фактические данные об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, орган уголовного преследования описывает их в протоколе осмотра компьютерной информации. Далее, в соответствии с ч. 2 ст. 100 УПК Республики Беларусь осмотренные дампы ИИ, в том числе скопированные органом уголовного преследования на электронный носитель информации, могут признаваться такими источниками доказательств, как другие носители информации и (или) вещественные доказательства [10].

Несмотря на то что у органа уголовного преследования отсутствуют какие-либо правовые ограничения на собирание подобных доказательств, не исключена возможность возникновения в процессе уголовно-процессуального доказывания проблем с их последующей проверкой и оценкой. Следует отметить, что на основании ст. 6 Закона «О защите

персональных данных» обработка персональных данных, в том числе содержащихся в обнаруженных дампах ИИ, в целях ведения уголовного процесса может производиться без согласия субъектов этих персональных данных [3]. Однако сам факт обнаружения в открытом доступе в сети Интернет утечки данных в виде дампа ИИ не освобождает органы уголовного преследования от соблюдения ими правового режима осмотра компьютерной информации, распространение и предоставление которой ограничено в соответствии со ст. 17 Закона «Об информации, информатизации и защите информации» [2]. На основании вышеуказанного следует, что рассматриваемые доказательства будут признаваться допустимыми лишь с соблюдением в процессе их собирания требований ч. 2 ст. 204¹ УПК Республики Беларусь, а именно: их осмотр лишь по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или с согласия обладателя информации и в его присутствии [10].

Если вести речь о необходимости проведения всесторонней, полной и объективной проверки обнаруженных утечек данных, следует упомянуть о возможности заинтересованных лиц разместить в сети Интернет подложного (наполненного сходным, но неподлинным содержанием) дампа той или иной ИИ в целях дискредитации ИИ или субъектов, чьи данные содержатся в дампе. В целях признания обнаруженных доказательств достоверными, последние должны быть сопоставлены с другими полученными доказательствами, которые подтвердят или опровергнут проверяемую в «утечках данных» информацию.

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь: Установлен факт «утечки» персональных данных в одной из торговых сетей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cpd.by/ustanovlen-fakt-utechki-personalnyh-dannyh-v-odnoj-iz-torgovyh-setej. – Дата доступа: 09.11.2022.

5. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь: Произошла «утечка» персональных данных клиентов торговой сети «Остров

чистоты и вкуса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cpd.by/proizoshla-utechka-personalnyh-dannyh-klientov-torgovoj-seti-ostrov-chistoty-i-vkusa. – Дата доступа: 09.11.2022.

6. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь: Подтвержден факт «утечки» персональных данных в одном из сервисов доставки еды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cpd.by/podtverzhdenn-fakt-utechki-personalnyh-dannyh-v-odnom-iz-servisov-dostavki-edy. – Дата доступа: 09.11.2022.

7. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь: Из-за несанкционированного доступа к информационным системам организации были распространены персональные данные 55 тысяч граждан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cpd.by/vnimanie-vazhnaja-informacija. – Дата доступа: 09.11.2022.

8. МТБанк признает вину за утечку данных о потенциальных кредитополучателях [Электронный ресурс] / SB.BY / БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ. – Режим доступа: www.sb.by/articles/mtbank-priznaet-vinu-za-utechku-dannykh-o-potentsialnykh-kreditopoluchatelyakh.html. – Дата доступа: 09.11.2022.

9. Лаборатория Касперского: Что такое кража данных и как ее избежать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cpd.by/vnimanie-vazhnaja-informacija. – Дата доступа: 09.11.2022.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.132

А.Ю. Теслёнок

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ ОСМОТРА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО СОВЕРШЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Совершение противоправных деяний на современном этапе, как правило, носит латентный характер, а информация, содержащая следы преступления, в том числе в ходе совершения организации незаконной миграции, может храниться в компьютерных устройствах, автоматизированных информационных системах и сетях, в том числе сети Интернет, которая может быть получена в ходе проведения процессуальных действий и в перспективе может являться доказательством по уголовным делам. Вместе с тем необходимо отметить, что до 2003 г.

уголовно-правовая борьба с незаконной миграцией велась только в рамках установления ответственности за незаконное пересечение государственной границы (ст. 371 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь). И только в 2003 г. появилась ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 371¹ УК Республики Беларусь) [1]. Успешное уголовно-процессуальное закрепление следов совершения организации незаконной миграции с момента ее появления в качестве уголовно наказуемого деяния зиждилось на проведении конкретного комплекса неотложных следственных действий с последующим их отражением в основе предъявления обвинения.

С появлением компьютерных устройств и различного рода носителей информации (персональные компьютеры, ноутбуки, мобильные телефоны, планшеты, смарт-часы, USB-накопители, карты памяти, накопители на жестких магнитных дисках, оптические диски и др.) появляется необходимость в уголовно-процессуальном выделении осмотра компьютерной информации в самостоятельное следственное действие. Изменения уголовно-процессуального законодательства, имевшие место в 2021 г., выделили осмотр компьютерной информации в отдельную ст. 204¹ Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь. Законодателем также предоставлена возможность проводить данный вид осмотра в качестве неотложного следственного действия до возбуждения уголовного дела. Данный подход обеспечивает своевременность и полноту получения информации, интересующей правоохранительные органы еще на этапе проведения проверки по фактам противоправных действий.

Органы пограничной службы в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь уполномочены осуществлять дознание по уголовным делам о преступлениях, совершенных при выполнении возложенных на органы пограничной службы задач, в ходе выполнения которых часто выявляются иностранные граждане и лица без гражданства, незаконно пребывающие в пограничной зоне и следующие в направлении Государственной границы Республики Беларусь, которых в указанную местность доставили водители автомобилей такси, принявшие участие в содействии организации незаконного выезда из Республики Беларусь в иностранные государства [2].

В настоящее время органы пограничной службы выполняют задачи в условиях резкого осложнения миграционной обстановки на границе со странами Европейского союза (ЕС). События, происходившие в течение 2021 г., показали, что Республика Беларусь в полном объеме выполняет работу по предотвращению нелегальной миграции. А ее причины надо ис-

кать в поддержке странами ЕС цветных революций в регионах, где из-за них разрушен привычный уклад жизни или идет война. Это подтверждают и сами беженцы. Многие из них прямо говорят о том, как попадают в Литву, надеясь на помощь незнакомцев и тратя на это едва ли не все свои сбережения. Многие даже не знают, что границу переходить незаконно [3].

Предметами преступления по уголовным делам по ст. 371¹ УК Республики Беларусь, в частности, могут выступать мобильные телефоны и планшеты операционных систем Android и iOS, ноутбуки, работающие под информационными системами Windows, MacOS и Linux, смарт-часы, которые позволяют дистанционно осуществить сброс данных в имеющихся компьютерных устройствах, содержащих следы преступления. Информация со следами совершения организации незаконной миграции также может содержаться в персональных учетных записях в мессенджерах (Viber, Telegram, WhatsApp, Snapchat, Facebook Messenger и др.), социальных сетях («ВКонтакте», Instagram, Facebook, Twitter) и различных интернет-ресурсах, т. е. тех, которые требуют аутентификации пользователя и во многих случаях будут содержать информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Осмотр компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя, т. е. проверки подлинности данных о пользователе сервером (например, доступ к личной странице социальной сети посредством ввода логина и пароля), либо которая содержит информацию о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, в частности персональные данные, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, проводится:

- с согласия обладателя информации и в его присутствии;
- по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя;
- по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора, с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре в случаях, не терпящих отлагательства [4, с. 89].

Например, в ходе несения службы пограничным нарядом в пограничной зоне были выявлены иностранные граждане, следующие в направлении Государственной границы Республики Беларусь, которые в ходе ведения административного процесса за попытку умышленного незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь и нарушение пограничного режима пояснили, что из г. Минска в погра-

ничную зону в промежуток времени с 13.40 по 18.35 1 января 2022 г. их доставил водитель автомобиля такси, который, действуя по предварительному сговору с неустановленными лицами, достоверно зная о том, что указанные иностранные граждане вынашивают намерения незаконно мигрировать в страны ЕС в обход установленного пункта пропуска, за денежное вознаграждение в размере не менее 600 долл. США и 600 р. Национального банка Республики Беларусь оказал им содействие в незаконном выезде из Республики Беларусь. В данном случае необходимо осмотреть мобильные телефоны самих мигрантов. Осмотр компьютерной информации, содержащейся в указанных устройствах, будет проводиться в следующем порядке:

с согласия незаконных мигрантов (обладателей информации) и в их присутствии, а в необходимых случаях и с участием переводчика;

при отсутствии согласия незаконных мигрантов (обладателей информации) на осмотр компьютерной информации, содержащейся в их мобильных телефонах при наличии логина и пароля (могут быть получены в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий) в случаях, не терпящих отлагательства (например, в качестве случаев, не терпящих отлагательства, можно привести нерабочее время, включая выходные и праздничные дни, и др.), выносится постановление о проведении осмотра компьютерной информации (утверждается начальником органа дознания либо его заместителем), после чего проводится осмотр мобильного телефона и компьютерной информации, и в течение 24 часов сообщается об этом прокурору, а в необходимых случаях могут сообщаться и результаты самого осмотра;

по постановлению следователя, органа дознания (утвержденного начальником органа дознания либо его заместителем) о проведении осмотра компьютерной информации, санкционированного прокурором или его заместителем.

В ходе осмотра компьютерной информации, содержащейся в памяти мобильных телефонов незаконных мигрантов, в каждом конкретном случае необходимо особое внимание уделять на присутствие в осматриваемых телефонах программного обеспечения, позволяющего переводить текст и звуковые сообщения с иностранного языка на русский и в обратном порядке. В случае подтверждения наличия таких данных, необходимо их фиксировать в фототаблице, которая будет являться приложением к указанному протоколу осмотра компьютерной информации. Ключевые фразы, связанные с незаконным пересечением государственной границы (содержащиеся в памяти мобильного переводчика), необходимо включать дословно в протокол осмотра компьютерной инфор-

мации, в ходе производства которого владельцу самого мобильного телефона следует задать уточняющие вопросы по поводу ее содержания, с кем конкретно был перевод диалогов, по поводу чего, есть ли контактные данные указанного лица, платил ли кто-либо данному лицу денежное вознаграждение и за какие конкретные действия осуществлялась оплата. Если денежные средства переводились с использованием мобильного телефона, также необходимо зафиксировать факт перевода денежных средств. Кроме указанного выше, следователю, лицу, производящему дознание, следует обращать внимание на мобильное приложение «Галерея», в котором могут содержаться фотоизображения автомобиля, на котором следовали в пограничную зону, адреса места пребывания до момента отбытия к линии государственной границы, а также фотоизображения участников такой противоправной деятельности.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо обратить внимание, что предложенный механизм осмотра компьютерной информации, содержащейся в памяти мобильного телефона при совершении организации незаконной миграции, носит субъективный характер и не является исчерпывающим. В каждом конкретном случае производства предварительного расследования по уголовным делам указанной категории могут возникнуть ситуации высокой организованности преступной деятельности и мобильные телефоны незаконных мигрантов перед их отправкой к линии государственной границы могут изыматься организаторами или соучастниками в целях создания информационного голода для правоохранительных органов.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Нелегальные мигранты [Электронный ресурс] // gpk.gov.by : офиц. сайт Гос. погранич. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.gpk.gov.by/news/na-granitsah-belarusi/106079>. – Дата доступа: 24.10.2022.

4. Пянтковский, Г.Р. Уголовно-процессуальный порядок получения доступа к компьютерной информации / Г.Р. Пянтковский, П.В. Седых // Вестн. Могилев. ин-та МВД. – 2021. – № 2. – С. 86–92.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ЭКСПЕРТА
В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных органов прежде всего направлена на проведение следственных и процессуальных действий для установления и закрепления следов преступления.

Сбор доказательств является одним из основных направлений в данной работе. Ведь при проведении предварительного расследования доказательства, которые получены в соответствии с уголовно-процессуальным законом, позволяют сделать вывод о причастности либо непричастности лица к инкриминируемому деянию, а суду – о виновности либо невиновности. Но всегда ли полученные в ходе предварительного расследования в установленном порядке показания, например, разъяснения, данные экспертом на допросе, могут служить источником доказательств?

В соответствии с ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

Часть 2 этой же нормы УПК Республики Беларусь устанавливает исчерпывающий перечень источников доказательств, к которым относятся: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, в том числе их звуко- и видеозапись; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний, протоколы судебных заседаний, материалы оперативно-розыскной деятельности, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом.

Одним из источников доказательств, как указано выше, является заключение эксперта.

Согласно ч. 1 ст. 95 УПК Республики Беларусь заключение эксперта – это процессуальный документ, удостоверяющий факт и ход исследования экспертом материалов, объектов экспертизы, представленных

органом, ведущим уголовный процесс, и содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, основанные на специальных знаниях эксперта в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности.

Иными словами, эксперт, которому поручено проведение экспертизы, в результате своей профессиональной и процессуальной деятельности должен сделать мотивированные и научно обоснованные выводы по поставленным перед ним на разрешение вопросам. Хотя заключение эксперта и не является обязательным для органов уголовного преследования и суда, однако на практике у участников уголовного процесса часто возникают требующие разъяснения вопросы, касающиеся выводов эксперта. Единственным процессуальным способом получения от эксперта информации, с помощью которой возможно разъяснение данного им заключения, является его допрос.

Так, согласно ч. 1 ст. 237 УПК Республики Беларусь следователь вправе получить объяснение от эксперта в случае проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела или допросить эксперта для разъяснения данного им заключения. Эксперт может изложить свои ответы собственноручно. Протокол допроса эксперта составляется с соблюдением требований ст. 193 и 194 УПК Республики Беларусь.

Вместе с тем указанная норма уголовно-процессуального закона при ее более подробном изучении вызывает ряд вопросов, которые ставят под сомнение ее процессуальное и доказательственное значение.

Анализируя ч. 2 ст. 88 УПК, видно, что показания эксперта, данные в ходе его допроса (объяснения), не относятся к источникам доказательств. Кроме того, допрос эксперта, хоть и предусмотрен ст. 237 УПК Республики Беларусь, однако он не содержится в качестве источника доказательств и в ст. 99 УПК Республики Беларусь, согласно которой таковыми являются составленные в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, протоколы следственных действий, удостоверяющие отдельные обстоятельства и факты. Для чего же тогда его проводить, если он не несет какого-либо доказательственного значения?

Исследовав важность такого источника доказательств, как заключение эксперта, полагаем, что допрос последнего в порядке ст. 237 УПК Республики Беларусь должен проводиться исключительно для разъяснения изложенных им выводов, и являться неотъемлемой частью самого заключения, т. е. иметь доказательственное значение. Ведь когда эксперт изготовил и подписал данное им заключение, он фактически выполнил свои процессуальные обязанности. Все дальнейшие действия эксперта, за исключением дачи им разъяснения в ходе допроса в поряд-

ке, установленном ст. 237 УПК Республики Беларусь, не будут иметь юридической силы, а попытки переписать, изменить, дополнить ранее данное заключение влекут уголовную ответственность.

Обращает на себя внимание тот факт, что эксперт в ходе допроса не дополняет выводы, данные им в заключении, а только разъясняет их. Иными словами, в некотором смысле, делает свои выводы более понятными, не подменяя их, что фактически ставит в один доказательственный ряд заключение эксперта и показания (разъяснения), данные им на допросе.

Например, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (РФ) законодатель урегулировал данный вопрос, поставив в один ряд заключение эксперта и его показания, отнеся их к источнику доказательств с одинаковой доказательственной силой.

Так, согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются заключение и показания эксперта.

Полагаем, такой подход к определению источников доказательств более правильным, поскольку, как уже говорилось ранее, показания эксперта неотъемлемы от данного им заключения, и носят исключительно разъяснительный характер.

Согласно ст. 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» УПК РФ следует, что заключением эксперта являются представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. В свою очередь, показания эксперта – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями ст. 205 и 282 УПК РФ.

Проанализировав нормы УПК Республики Беларусь, дающие сходные понятия терминов «заключение эксперта» и «допрос эксперта», видно, что в целом они согласуются с уголовно-процессуальным законодательством РФ, за небольшими изъятиями, указанными выше.

В этой связи полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о внесении изменений в ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь, предусмотрев в ней в качестве источника доказательств также показания эксперта, полученные при его допросе.

Аналогичным образом необходимо дополнить ст. 95 УПК Республики Беларусь, изложив в ней понятие и пределы допроса эксперта.

Таким образом, отнесение показаний эксперта к источнику доказательств в законодательстве Республики Беларусь, наравне с заключением эксперта, имело бы существенное значение, как по своей сущности, так и по виду и свойствам, упростив процесс доказывания и придав

юридическую силу показаниям (разъяснениям) эксперта, в том числе при использовании показаний эксперта в судебном заседании, которые часто отражаются в приговоре.

УДК 343.13

Е.А. Черкасова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В текущем 2022 г. исполнилось 20 лет со дня вступления в силу Федерального закона, регламентирующего процедуру привлечения к ответственности лица, совершившего преступление, – Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

В данный нормативный акт за время его действия были внесены изменения более чем 300 федеральными законами, что свидетельствует о недостаточной правовой регламентации в первой редакции закона всех практически значимых ситуаций при производстве по уголовному делу.

Действующая редакция уголовно-процессуального закона включает ряд институтов, появившихся в УПК РФ после вступления в силу, – дознание в сокращенной форме, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности. Все эти институты представляют собой процедуры, направленные на упрощение порядка привлечения к уголовной ответственности.

Ряд институтов, включенных в уголовно-процессуальное законодательство, претерпели изменения. Так, например, существенные изменения внесены законодателем в круг полномочий прокурора и руководителя следственного органа на этапе предварительного расследования. В судебном разбирательстве при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей уменьшилось количество присяжных заседателей, а также появилась возможность рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей в районном суде и гарнизонном военном суде. Важные изменения претерпели главы УПК РФ, регламентирующие апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовному делу.

Однако, подводя итоги действия УПК РФ, ученые-процессуалисты высказывают различные точки зрения – либо о необходимости совершен-

ствования действующего уголовно-процессуального законодательства [3, с. 102], либо о подготовке и принятии нового УПК [1, с. 7; 5, с. 62].

Помимо рассмотренных предложений, связанных с совершенствованием действующего УПК РФ, ряд ученых-процессуалистов высказывают точку зрения о необходимости разработки и принятия нового уголовно-процессуального закона, регламентирующего электронное производство по уголовному делу [2, с. 730; 4, с. 95–96].

Нам кажется, что переход к новым цифровым технологиям в уголовном судопроизводстве неизбежен, поскольку информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Пока производство по уголовному делу относится к видам деятельности российского государства, в наименьшей степени подвергшимся цифровизации.

Однако разработка нового уголовно-процессуального законодательства, переход на его основе к электронному уголовному делу должны быть постепенными и последовательными.

В первую очередь требуются значительные усилия ученых-процессуалистов, связанные с подготовкой соответствующих научных работ. Проект нового уголовно-процессуального закона должен быть подготовлен с привлечением ведущих ученых-процессуалистов, а также практиков. Он должен учитывать передовой опыт зарубежных государств, связанный с внедрением в уголовное судопроизводство цифровых технологий. Принятие нового УПК РФ должно сопровождаться подготовкой необходимого программного обеспечения, а также повышением квалификации лиц, ведущих производство по уголовному делу.

1. Балакшин, В.С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / В.С. Балакшин // Вестн. Ур. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 3. – С. 3–7.

2. Вилкова, Т.Ю. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов к электронному уголовному делу / Т.Ю. Вилкова, Л.Н. Масленникова // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2019. – Вып. 46. – С. 728–751.

3. Гаврилов, Б.Я. 15 лет УПК РФ – мифы и реалии досудебного производства / Б.Я. Гаврилов, А.В. Красильников // Акад. мысль. – 2017. – № 1. – С. 100–110.

4. Качалова, О.В. Уголовно-процессуальные проблемы информатизации современного уголовного судопроизводства / О.В. Качалова // Рос. правосудие. – 2019. – № 2. – С. 95–98.

5. Кругликов, А.П. Некоторые проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства и необходимость принятия нового УПК РФ / А.П. Кругликов // Legal Concept. – 2018. – № 2. – С. 59–62.

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В 2018 г. в российском уголовно-процессуальном законодательстве появилась мера пресечения в виде запрета определенных действий. За сравнительно небольшой промежуток времени данная мера показала, что является хорошим и эффективным инструментом воздействия на подозреваемого и обвиняемого.

В настоящее время применение меры пресечения в виде запрета определенных действий предусмотрено ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

В данной статье рассмотрен запрет на управление транспортным средством как один из видов запретов, устанавливаемых судом в качестве меры пресечения. Актуальность выбранной темы обусловливается наличием правовых и практических проблем, возникающих в процессе применения и контроля данного запрета.

Запрет на управление транспортным средством довольно часто используется судом при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения. Так, только в Республике Коми за 2021 г. в отношении 50 лиц был наложен запрет на управление транспортным средством [1].

Рассмотрим правовую основу, регламентирующую меру пресечения, – запрет управлять транспортным средством. Согласно п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством возлагается, если преступление связано с нарушением правил дорожного движения [2]. В ч. 11 данной статьи в также прописано о контроле за соблюдением подозреваемым и обвиняемым запретов, установленных ст. 105.1 УПК РФ. Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства контроль за соблюдением запретов, предусмотренных п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, возлагается на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие правоприменительные функции по надзору в сфере исполнения уголовных наказаний [2], т. е. уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ).

УИИ, в свою очередь, при контроле за указанными запретами руководствуется приказом Министерства юстиции России от 20 мая 2009 г.

№ 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [3].

Регламентация порядка и условия исполнения наказания в виде запрета управления транспортным средством обозначена в указанной Инструкции. Следует не путать наказание с запретом, который возлагается судом в качестве меры пресечения.

При исполнении данного запрета как вида уголовного наказания водительское удостоверение изымается. В качестве контроля за запретом управления транспортным средством проводятся проверки со стороны федеральных органов исполнительной власти. По ежеквартальному запросу в центр видеофиксации ГИБДД инспектор проверяет наличие нарушений дорожного движения и управления транспортным средством, зарегистрированным на обвиняемого. При установлении факта нарушения – берет письменное объяснение с осужденного и не засчитывает в срок наказания время, в которое осужденный нарушил данный запрет.

Запрет управления транспортным средством в качестве меры пресечения контролируется следователем, дознавателем, либо сотрудниками ГИБДД. При задержании лица, управляющим транспортным средством, в отношении которого судом наложен запрет на управление, сотрудниками ГИБДД данное лицо будет привлечено к административной ответственности за управление транспортным средством без водительского удостоверения. При установлении факта нарушения суд по представлению следователя может заменить меру пресечения на более строгую.

Проанализировав контроль за исполнением меры пресечения в виде запрета управления транспортным средством, можно сделать вывод: имеющийся контроль со стороны правоохранительных органов не является эффективным, и установить факт его нарушения является проблематичным. Следует также учитывать, что не всегда полученная информация из центра видеофиксации ГИБДД свидетельствует о том, что управление транспортным средством осуществлялось подозреваемым, обвиняемым, имеют место быть случаи, когда одним транспортным средством могут управлять и другие лица, имеющие на это право.

Предлагаем внести изменения и усовершенствовать ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, в части, касающейся контроля за соблюдением запретов, а именно контроль за соблюдением запрета (и остальных запретов) на управление транспортным средством возложить на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, в целях более эффективного контроля со стороны правоохранительных органов, тем самым систематизировать запреты и отнести их контроль к одному органу.

Таким образом, вывод: меры пресечения, не связанные с лишением свободы, имеют достаточно давнюю историю. Кроме того, они содержат в себе значительный потенциал для контроля поведения лица, привлеченного к уголовной ответственности. Мера пресечения в виде запрета управлять автомобилем или иным транспортным средством является действенным инструментом профилактики преступлений в сфере безопасности дорожного движения.

1. [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=66869844 (дата обращения: 20.10.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. (ред. от 18.02.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921 ; 2020. – № 8. – Ст. 919.

3. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России, 20 мая 2009 г., № 142, № 5 // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2012. – № 4.

УДК 343

В.А. Шиплюк, Д.В. Саяпина

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО «ТРЕТЬИХ» ЛИЦ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В юридической науке существуют межотраслевые институты, находящиеся на стыке частного и публичного права, которые вызывают трудности в правоприменении в связи со сложностью нахождения баланса между публичными и частными интересами [1, с. 144]. В частности, таким институтом является институт гражданского иска в уголовном процессе.

У правоприменителей часто возникают проблемы толкования законодательных норм при решении вопроса о применении в качестве обеспечительной меры по гражданскому иску в уголовном процессе наложения ареста на имущество «третьих» лиц. В данном институте затрагивается частный интерес (защита вещных прав лиц) и публичный (обеспечение интересов правосудия, сохранности вещественных доказательств, обеспечение возможной конфискации имущества) [2, с. 141].

Часть 3 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [3] устанавливает возможность наложения ареста на

имущество, «находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия». Данная норма закрепляет возможность наложения ареста на следующее имущество:

находящееся у других лиц, однако принадлежащее на праве собственности подозреваемому, обвиняемому, гражданскому ответчику;

находящееся у «третьих» лиц и принадлежащее им на законных правах. Для данной ситуации в действующем законодательстве предусмотрено специальное правовое регулирование, в частности ст. 115.1 УПК РФ. В ч. 1 указанной статьи используется такой конкретизирующий термин, как «имущество лиц, указанных в части третьей статьи 115».

Вторая ситуация влечет за собой появление такой проблемы, как неопределенность процессуального статуса «третьих» лиц. Проводя сравнение между гражданским процессом и уголовным, на стыке которых и находится институт гражданского иска, можно прийти к выводу о том, что если в гражданском процессе существует такое понятие, как «третье лицо» (ст. 42–43 Гражданского процессуального кодекса РФ) [4], то в действующем УПК РФ такой процессуальный статус отсутствует. Таким образом, отсутствие нормативного закрепления такого процессуального статуса в уголовном процессе значительно осложняет производство по делу и не позволяет таким лицам полностью реализовать свое право на судебную защиту.

Помимо этого, такая неопределенность процессуального статуса лиц, на чье имущество может быть наложен арест по заявленному гражданскому иску, порождает за собой нарушение конституционных прав гражданина, прежде всего права собственности.

Для защиты прав «третьих» лиц в уголовном процессе суды наделяют таких лиц рядом правомочий. Например, согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 [5] участники судебного разбирательства, чьи интересы затрагиваются гражданским иском, предоставляется возможность выразить по нему свою позицию и представить в случае необходимости относящиеся к иску дополнительные материалы, предоставляется право участвовать в судебном заседании (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ), обладают правом обжаловать решения, принятые в связи с арестом (ч. 8 ст. 115 УПК РФ), и правом на возмещение имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока применения данной меры процессуального принуждения (ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ) [6].

Тем не менее на практике возникает немало вопросов о применении и продлении обеспечительной меры в виде ареста имущества, находя-

щегося у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия в частности. Для разрешения таких вопросов следует обратиться к позициям Конституционного Суда Российской Федерации:

1. Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что изъятие в рамках уголовного дела имущества (в том числе в виде наложения на него ареста или признания его вещественным доказательством с таким определением режима хранения, который ограничивает право владения и пользования имуществом), находящегося у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми может иметь лишь временный характер [7], поскольку сохранение ареста имущества в случаях приостановления предварительного следствия на неопределенный срок не согласуется с принципом презумпции невиновности [8] (в дальнейшем эта правовая позиция была развита в других решениях Конституционного Суда Российской Федерации и в конечном счете получила реализацию в ст. 115.1 УПК РФ).

2. В случае если арест был наложен с публично-правовой целью на имущество лица, которое не является подозреваемым, обвиняемым и не привлекается по уголовному делу в качестве гражданского ответчика, то суд при оценке возможности его продления должен установить следующее: арестованное имущество является вещественным доказательством по делу; ситуация является неотложной, и наложение ареста позволит обеспечить предполагаемую конфискацию имущества или сохранность имущества; наличие достаточных, подтвержденных доказательствами оснований полагать, что имущество было получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования преступной деятельности [9].

3. Наложение ареста на имущество «третьих» лиц, которые не обладают процессуальным статусом, в целях обеспечения гражданского иска не является допустимым и нарушает конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной собственности. В таком случае необходимо привлечь лицо в качестве гражданского ответчика собственника имущества [10].

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях разделяет возможность наложения и продления ареста на имущество «третьих» лиц в зависимости от преследуемой цели и определяет критерии для этого.

Таким образом, судам при разрешении вопросов, связанных с арестом имущества «третьих» лиц, в целях обеспечения гражданского иска

в уголовном деле следует руководствоваться данными позициями Конституционного Суда Российской Федерации, однако в дальнейшем требуется внести соответствующие изменения, регламентирующие такие вопросы, в УПК РФ. В частности, предлагается предусмотреть нового участника уголовного судопроизводства – «Третьи лица, чьи интересы затрагиваются гражданским иском», закрепив в УПК РФ их процессуальные права и обязанности, порядок и основания наделения их соответствующим процессуальным статусом.

1. Лыга, А.П. Соотношение публичных правовых и частных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера / А.П. Лыга // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2022. – № 2. – С. 42–58.

2. Новикова, Ю.Г. Гражданский иск в уголовном процессе как правовой институт, имеющий двойственную юридическую природу / Ю.Г. Новикова // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56). – С. 140–146.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 07.10.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : в ред. от 07.10.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

5. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 13 окт. 2020 г., № 23 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

6. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 30 апр. 2010 г., № 68-ФЗ : в ред. от 11.06.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

7. По жалобе гражданки Немецковой Татьяны Анатольевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом «а» пункта 1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 мая 2015 г., № 1127-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

8. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 31 янв. 2011 г., № 1-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

9. По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 17 апр. 2019 г., № 18-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зеленова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем четвертым статьи 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», частью первой статьи 1, частями первой и второй статьи 7, статьей 389.15, частью первой статьи 401.15 и частью первой статьи 412.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 29 окт. 2020 г., № 2591-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

УДК 343.1

Д.С. Ястреб, Н.В. Анюховская

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВ АДВОКАТА СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Обеспечение прав и свобод граждан является высшей целью каждого государства. Этот принцип имеет закрепление на конституционном уровне и выступает фундаментом для постоянного совершенствования законодательства в сфере реализации данных прав и свобод, в том числе и в уголовном процессе. Уголовно-процессуальная деятельность, в свою очередь, базируется на таком основополагающем положении, как принцип защиты прав и свобод личности. В целях обеспечения прав и свобод граждан, получения правовой помощи, наряду с развитой системой правоохранительных органов и судов, действует специальный институт – адвокатура.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) адвокат выступает в трех статусах: как защитник, как представитель потерпевшего и как адвокат свидетеля.

Статья, предусматривающая участие адвоката в уголовном процессе в качестве свидетеля, не так давно действует, а именно с января 2018 г. Закрепление в УПК Республики Беларусь такой статьи свидетельствует о приверженности государства принципу защите прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Однако, несмотря на положительную оценку подобных изменений с точки зрения гуманизации и развития уголовного процесса, данная статья все еще нуждается в совершенствовании.

Так, п. 1 ч. 1 ст. 60¹ УПК Республики Беларусь предусматривает право адвоката свидетеля «оказывать юридическую помощь свидетелю при производстве процессуальных действий с участием этого свидетеля» [1]. В то же время уголовно-процессуальный закон ни в одной статье не предусматривает определение понятия «юридическая помощь», что не дает четкого перечня полномочий адвоката свидетеля. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» закреплено следующее определение термина «юридическая помощь» – деятельность по оказанию содействия клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, которая направлена на осуществление и защиту прав, свобод и интересов клиентов, а также представительство клиентов в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами [2].

Статья 26 вышеназванного закона устанавливает неисчерпывающий перечень видов юридической помощи, оказываемой адвокатами. Анализ данного перечня приводит к выводу, что адвокат свидетеля наделен таким широким кругом прав, что фактически имеет возможность необоснованно затянуть уголовный процесс. Кроме того, отсутствие четко определенного перечня прав адвоката свидетеля приводит к неоднозначному толкованию норм, закрепляющих полномочия адвоката свидетеля, что, в свою очередь, негативно отражается на правоприменительной практике.

Одним из видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, является дача консультаций и разъяснений по юридическим вопросам. Однако, так как в УПК Республики Беларусь нет четкого перечня прав адвоката свидетеля, можно сделать вывод, что адвокат свидетеля имеет право давать разъяснения по юридическим вопросам непосредственно во время проведения следственного и иного процессуального действия, в случае, если это необходимо самому свидетелю.

Нами уже поднимался вопрос о необходимости наделения подобным правом защитника [3, с. 461]. Однако наделение таким правом адвоката свидетеля является довольно спорным вопросом, ведь проводимое следственное действие может быть неоднократно прервано на неопределенный срок. С одной стороны, исходя из принципа защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, данное право представляется необходимым и для адвоката свидетеля. С другой же – для подозреваемого, обвиняемого, в отличие от свидетеля, дача показаний не является обязанностью, и они в любой момент могут отказаться от дачи показаний и общаться со своим защитником без каких-либо ограничений. Что касается свидетеля, то на него возложена обязанность

дачи правдивых показаний, в противном случае, свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности и в этом контексте наделение адвоката свидетеля правом консультаций и разъяснений правовых вопросов непосредственно при производстве следственного действия видится довольно спорным решением.

Кроме того, по нашему мнению, необходимо расширить полномочия адвоката свидетеля и наделить его правом вносить письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протокол судебного заседания.

На данный момент адвокат свидетеля обладает таким правом только в отношении протоколов следственных и иных процессуальных действий, в отношении же протокола судебного заседания такое право не предусмотрено, адвокат может лишь ознакомиться с указанным протоколом. Регламентация такого права необходима, так как одним из источников доказательств по уголовному делу являются показания свидетелей, которые должны отвечать всем критериям оценки доказательств в уголовном процессе.

На наш взгляд, также необходимо наделить адвоката свидетеля при производстве такого следственного действия, как очная ставка, правом задавать, с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вопросы подозреваемому, потерпевшему, свидетелю. Это способствовало бы устранению имеющихся противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, а это, как известно, и является основной целью производства очной ставки.

Резюмируя изложенное, представляется необходимым внести изменения в п. 1 ч. 1 ст. 60¹ УПК Республики Беларусь, закрепив конкретный перечень видов юридической помощи, оказываемой адвокатом свидетелю при производстве процессуальных действий с участием последнего.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 27 июля 2022 г. № 199-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г. № 113-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Ястреб, Д.С. Особенности участия защитника в допросе подзащитного / Д.С. Ястреб, Н.В. Анюховская // Государственное регулирование общественных отношений в регионе: социально-экономические, правовые и историко-культурные аспекты : сб. науч. ст., Чебоксары, 24 марта 2022 г. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2022. – С. 459–463.

УДК 343.9

Б.М. Бишманов

ОБ ОПЕРАТИВНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ)

Оперативно-криминалистические подразделения Министерства внутренних дел Республики Казахстан (МВД РК) организованы в 1997 г. на основе экспертно-криминалистической службы. Основанием для реорганизации послужило выведение судебной экспертизы из органов уголовного преследования. Тем самым из двух процессуальных форм использования специальных знаний, присущих экспертно-криминалистическим подразделениям МВД РК, доступной формой оказалось привлечение их сотрудников в качестве специалиста.

В уголовно-процессуальном законодательстве дано определение пределов процессуальной компетенции специалиста. Однако в юридической литературе дискуссии о дифференциации деятельности специалиста, о расширении функций специалиста, об изменении правовых форм их реализации остаются наиболее распространенными. С момента официального появления термина «специалист»¹ и внедрения в судопроизводство обсуждения, начиная относительно самого термина и до процессуального статуса, не заканчиваются до сих пор [1–8]. Нами также были посвящены работы по исследованию указанного термина, что позволяет перейти непосредственно к обозначенной теме [9].

Необходимость создания совокупности способов и поиск путей наиболее рационального и эффективного использования в практике раскрытия и расследования преступлений научно-технических дости-

¹ Как известно, в советский период развития государства единственной формой использования специальных знаний на предварительном следствии до 1958 г. была экспертиза (например, ст. 67 УПК РСФСР 1922 г., ст. 63 УПК РСФСР 1923 г., ст. 63 УПК РСФСР 1926 г.). По истечении четырех последующих лет наряду с экспертом признан новый участник уголовно-процессуальной деятельности (после законодательного закрепления его процессуальной фигуры) – специалист (ст. 133.1 УПК РСФСР 1960 г. Ныне существующий институт участия специалиста установлен в УПК стран СНГ в 1966–1968 гг.).

жений криминалистики, а также специальных знаний способствовали разработке теории оперативно-криминалистической деятельности в правоохранительных органах.

Однако с момента создания оперативно-криминалистических подразделений (ОКП) до настоящего времени, по объективным и субъективным причинам, теоретические разработки его деятельности не проводились.

К объективным причинам следует отнести процесс реорганизации судебно-экспертной системы, а также реформы в правоохранительных органах. Если в отношении создания единой судебно-экспертной системы проводились мероприятия, запланированные и утвержденные на государственном уровне, то создание ОКП в органах внутренних дел проходило без каких-либо подготовок. Более того, вообще не стоял вопрос о создании этих подразделений.

В этот период нами подготовлены соответствующие документы по созданию впервые на постсоветском пространстве оперативно-криминалистической службы в органах внутренних дел с определением следующих функций: участие в качестве специалиста в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях; ведение криминалистических учетов и коллекций.

Формулировку названия службы определили исходя из ее задач: «оперативно» – действующий быстро и своевременно, умело направляющий ход дела при изменяющихся обстоятельствах» [10, с. 715], «криминалистическая» – исходя из понятия деятельности технико-криминалистического обеспечения правоохранительных органов.

Технико-криминалистическое обеспечение предполагает деятельность, осуществляемую правоохранительными органами, «...направленную на создание условий их постоянной готовности к применению методов и средств криминалистической техники и реализацию этих условий в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений» [11, с. 67].

Несомненно, в этом аспекте деятельность ОКП представляется доминирующей.

Следует отметить, что имевшиеся теоретические и нормативные материалы невозможно было использовать, так как они касались судебно-экспертной деятельности, и в этой связи при организации работы вновь созданных ОКП проведены теоретические разработки по их деятельности.

Таким образом, выделено понятие «оперативно-криминалистическая деятельность». Проведенный анализ работы ОКП показал состоятельность новой теории оперативно-криминалистической деятельности.

Исходя из целей и приоритетных направлений развития оперативно-криминалистической деятельности в правоохранительных органах, необ-

ходимо сформулировать ее основу, рассмотреть вопросы совершенствования оперативно-криминалистической деятельности, в частности, решения вопросов правового, организационного, научно-методического и кадрового обеспечения оперативно-криминалистической деятельности.

Любая деятельность определяется субъектом, объектом, предметом, целью, средством и результатом, которые придают каждому виду действий конкретное содержание. В этом аспекте оперативно-криминалистическая деятельность не изучена и не определена. С этой целью необходимо ввести понятие «судебный специалист», сформулировать понятие «заключение специалиста» и разработать его структуру и содержание, привести разграничения между «заключением специалиста» и «заключением эксперта».

Целесообразность формирования оперативно-криминалистической деятельности не только как понятия, но и как стоящей за ней самостоятельной области деятельности, устанавливается причинами практического характера, поскольку общеизвестно, что необходимым условием функционирования и дальнейшего развития каждого из институтов в области уголовной юстиции является формирование его основ, носящих комплексный характер и включающих теоретические, правовые и организационные направления.

Содержание оперативно-криминалистической деятельности может включать в себя:

- организационные начала;
- обеспечение специальными знаниями в процессуальных действиях;
- обеспечение криминалистическими знаниями, умениями и навыками в служебных действиях, за пределами рамок процесса;
- научные исследования в области уголовного процесса, теории оперативно-розыскной деятельности (соответствующие фрагменты), криминалистики, судебной экспертизы;
- научно-методическое обеспечение;
- подбор, профессиональную подготовку и повышение квалификации сотрудников ОКП в соответствующей области.

Полагаем, что оперативно-криминалистическая деятельность в правоохранительных органах состоит из процессуальной, служебной, научно-методической и дидактической частей и имеет три направления:

- организационно-правовые вопросы оперативно-криминалистической деятельности в правоохранительных органах;
- организационные вопросы использования научно-технических средств и методов в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности;

научные и научно-методические, дидактические основы оперативно-криминалистической деятельности.

При этом использование специальных и криминалистических знаний оперативно-криминалистической службой должно быть регламентировано и регулируется законодательством, в том числе ведомственными нормативными правовыми актами.

Предлагаем под оперативно-криминалистической деятельностью понимать использование специальных и криминалистических знаний оперативно-криминалистической службой на основе правового, организационного, научно-методического и научно-технического обеспечения в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Указанные направления составляют содержание оперативно-криминалистической деятельности.

1. Божченко, А.П. Привлечение специалиста в уголовном процессе: обязанность, право или возможность стороны защиты / А.П. Божченко, И.М. Никитин // Теория и практика судеб. экспертизы. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 82–89.
2. Бишманов, Б.М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве / Б.М. Бишманов. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. – 223 с.
3. Галлямова, К.Р. Эксперт и специалист в гражданском судопроизводстве: проблемы разграничения процессуального статуса / К.Р. Галлямова // Вопр. рос. юстиции. – 2020. – № 7. – С. 606–617.
4. Глушков, М.Р. К вопросу о различии заключений эксперта и специалиста / М.Р. Глушков // Эксперт-криминалист. – 2020. – № 3. – С. 9–11.
5. Дьяконова, О.Г. Процессуально-правовой статус субъектов применения и использования специальных знаний / О.Г. Дьяконова. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 400 с.
6. Парамонова, Г.В. О соотношении понятий «эксперт» и «специалист», их правовой природе и регламентации / Г.В. Парамонова, К.И. Сотников // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы : сб. науч. тр. II Междунар. форума, приуроч. к 100-летию создания эксперт.-криминалист. службы МВД России (Москва, 4–5 апр. 2019 г.). – М. : МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 281–287.
7. Перепечина, И.О. Компетенция эксперта и специалиста при даче заключений в свете новых задач / И.О. Перепечина // Вестн. экон. безопасности. – 2019. – № 3. – С. 273–277.
8. Сафонова, Т.А. Правовой статус судебного эксперта и специалиста в уголовном процессе / Т.А. Сафонова // Эксперт-криминалист. – 2020. – № 3. – С. 35–37.
9. Бишманов, Б.М. Судебный эксперт и судебный специалист : монография / Б.М. Бишманов. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2022. – 168 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

11. Вольтинский, А.Ф. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек / А.Ф. Вольтинский. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 311 с.

УДК 343.98.065

М.А. Булгакова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННЫМ ЛЕСОЗАГОТОВКАМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ

Р.С. Белкин в своей работе «Ведется следствие» отметил: «Не боясь патетики можно сказать: криминалистика – наука, а ее применение на практике – профессиональное мастерство, своеобразное искусство, которое должен выявлять каждый следователь, каждый оперативный работник милиции, если он не унылый ремесленник, а подлинный мастер своего дела».

Современные трансформации мирового сообщества оказали существенное воздействие на изменения, происходящие почти во всех отраслях знаний. Научное сообщество формирует наиболее значимые направления исследований, в том числе в области экономики, права, медицины, военного дела, промышленности и пр. Вместе с тем особую актуальность приобретают и вопросы экологии, что связано с изменением вектора развития общества: от антропоцентрических представлений и антропогенного воздействия к обеспечению экологической безопасности и устойчивому управлению экосистемами.

Сохранение и рациональное использование национальных ресурсов выступают неотъемлемыми условиями развития в целях обеспечения экономического роста, национальной экономической безопасности. Существенные изменения окружающей среды породили конфликт человека и природы, в основе которого объективные последствия научно-технического прогресса, которые фактически ставят под сомнение продолжение существования человечества, как вида. Российская Федерация обладает значительными запасами природных ресурсов, которые распределены неравномерно, что оказывает существенное воздействие на дифференцирование регионов по природно-климатическим, социально-экономическим, национально-демографическим и иным условиям, способствует формированию проблем обеспечения экономической безопасности [1, л. 4].

На протяжении длительного периода незаконные лесозаготовки оказывают негативное воздействие на состояние эколого-экономической

безопасности различных государств, в том числе и Российской Федерации. Так, по данным ГИАЦ МВД России, сотрудниками органов внутренних дел с 2003 по 2020 г. было выявлено свыше 292 тыс. фактов незаконных рубок лесных насаждений и более 273 тыс. граждан, их совершивших. В среднем ежегодно выявляется порядка 16 тыс. фактов. Этим объясняется повышенный интерес специалистов в различных отраслях знаний к незаконным лесозаготовкам, проведению значительного числа исследований [2, с. 3; 3, с. 142; 4, с. 22], что позволило, вне всяких сомнений, совершенствовать технические, тактические, методологические аспекты криминалистики в целом и судебно-экспертной деятельности в частности.

В ходе расследования преступлений, связанных с незаконной лесозаготовкой, в целях установления размера причиненного собственнику ущерба, породного и возрастного состава деревьев, подтверждения законности происхождения древесины и др. проводится ее верификация. Специалистами экспертно-криминалистических подразделений МВД России по уголовным делам экологической направленности, к которым относится незаконная рубка лесных насаждений, проводятся различные виды экспертиз, включая дендрохронологическую, трасологическую, ботаническую, лесотехническую.

Вместе с тем анализ уголовных дел, направленных с обвинительными заключениями в суд или приостановленных в связи с неустановлением лица, совершившего преступление, свидетельствует о том, что не в полной мере исследованы и применяются возможности одорологической экспертизы при оценке древесины.

По нашему мнению, одорологическая оценка древесины – это процесс использования сотрудниками правоохранительных органов и таможен собак, обученных распознавать конкретные породы деревьев, основанный на природной способности животных осуществлять фитохимический скрининг, т. е. выборочно выделять определенный запах из множества.

В качестве положительного примера приведем публикацию о проведенном в 2010 г. зарубежными специалистами эксперименте: в течение пяти месяцев собак обучали идентифицировать красное дерево, по истечении срока обучения собаки показали положительный результат в 90 % случаев [5, с. 8–13].

При этом отсутствие широкого распространения криминалистической одорологии при расследовании преступлений, связанных с незаконными лесозаготовками, объясняется наличием объективных и субъективных факторов.

К объективным факторам мы относим отсутствие в правоохранительных органах достаточного числа специалистов, обладающих познаниями в области сбора и консервации запахов, а также методик обучения сотрудниками кинологических подразделений собак на поиск определенных пород деревьев.

Ко второй группе факторов, по нашему мнению, относятся весомые доводы противников криминалистической одорологии (как области научного познания с возможностью использования результатов на практике), которые полагают, что применение животного не носит процессуальный характер и не может в полной мере быть использовано в качестве доказательства в судебном заседании. Отчасти согласимся с мнением исследователей, придерживающихся данной позиции [6, с. 196], так как по окончании работы полицейского-кинолога с применением собаки составляется рапорт, а не протокол. Кроме того, судьями принимаются доводы стороны защиты о том, что экспертами при проведении одорологической экспертизы выступают (в том числе) собаки и не исключается «помощь» кинолога.

Между тем история применения ищеек для розыска преступников в России началась больше века назад. Эту идею предложил российский криминалист Василий Иванович Лебедев в начале XX в. 21 июня 1909 г. была открыта первая в России полицейская школа служебного собаководства, а указанная дата считается Днем образования кинологической службы. В системе МВД России имеется одно из старейших учебных заведений – Ростовская школа служебного собаководства – в которой успешно реализуются образовательные программы подготовки (переподготовки) специалистов в области дрессировки собак с использованием современных достижений биологических и химических наук.

Таким образом, в условиях значительного числа ежегодно выявляемых преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, возникает объективная необходимость в освоении, систематизации и адаптации к российским условиям различных методик, применяемых в процессе обучения служебных собак находить ценные и (или) запрещенные к вырубке породы деревьев. Совершенствование процесса противодействия незаконным лесозаготовкам в Российской Федерации, по нашему мнению, заключается в необходимости кооперации сотрудников кинологических подразделений МВД России, образовательных учреждений системы МВД России и специалистов в области одорологии ЭКЦ МВД России в целях совместной разработки новых способов защиты и сбережения «зеленого золота» с использованием возможностей криминалистической одорологии.

1. Булгакова, М.А. Формирование системы обеспечения экономической безопасности лесного комплекса России [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / М.А. Булгакова. – СПб. : СПбГЭУ, 2021. – 356 с. – Режим доступа: <http://unecon.ru/sites/default/files/d07bulgakovama.pdf>. – Дата доступа: 18.05.2022.

2. Булгакова, М.А. Организационно-экономические механизмы обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности лесопромышленного комплекса Северо-Западного региона России : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / М.А. Булгакова ; ФГКОУ ВПО «Акад. упр. МВД России». – М., 2013.

3. Васильева, М.А. Дистанционный мониторинг в расследовании незаконных рубок лесных насаждений / М.А. Васильева // Территория новых возможностей / Вестн. Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. – 2014. – № 3 (26). – С. 142–146.

4. Васильева, М.А. Методика расследования преступлений в сфере экологии : монография / М.А. Васильева. – М., 2021. – Сер. «Б-ка криминалиста». – 184 с.

5. Braun, B. Wildlife Detector Dogs – A Guideline on the Training of Dogs to Detect Wildlife in Trade [Electronic resource] / B. Braun. – WWF, Germany. – Mode of access: <https://www.traffic.org/site/assets/files/2272/wwf-wildlife-detector-dogs-guidelines.pdf>. – Date of access: 09.11.2022.

6. Алмаганбетов, П.А. Проблемы криминалистической одорологии / П.А. Алмаганбетов, К.Б. Брушковский // Вестн. Ин-та законодательства и правовой информ. РК. – 2020. – № 1 (59). – С. 196–202.

УДК 340.6

А.О. Гусенцов

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ОЦЕНКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ОБРАЗОВАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ВОЗНИКШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ РИКОШЕТА КАРТЕЧИ

На современном этапе развития судебно-медицинской баллистики одной из актуальных проблем является разработка диагностических критериев огнестрельных повреждений, образовавшихся в результате рикошета, представляющего большую опасность при стрельбе в условиях города, в помещениях, на охоте, поскольку возникает высокая вероятность случайного поражения как лица, производившего выстрел, так и окружающих [1, с. 179].

Судебно-медицинская оценка огнестрельной травмы, возникшей в результате рикошета, может быть существенно затруднена в связи с изменением первоначальной траектории и скорости полета рикошетирующего огнестрельного снаряда [2, с. 7], а также возможностью об-

разования атипичных по форме и другим признакам огнестрельных повреждений [3, с. 235–263]. Следует признать, что закономерности формирования и возможности судебно-медицинской оценки огнестрельных повреждений, образовавшихся в результате выстрела из гладкоствольного оружия и последующего рикошета, изучены недостаточно и требуют проведения дальнейших исследований [4].

С целью решения указанных вопросов проведены баллистические эксперименты по формированию огнестрельных повреждений, образующихся в результате рикошета картечи: в качестве оружия использовали охотничье ружье модели «ИЖ-27 М» 12 калибра, в качестве боеприпасов – патроны охотничьи 12/70 картечь 8,5 мм 32 г Profi Hunter. В качестве преград использовали кирпич глиняный обыкновенный марки 100, пенобетон марки D600 класса В2,5, бетон марки М350 класса В25, сталь марки Ст45. Небиологическими мишенями являлись фрагменты бязи, биологическими – кожно-мышечные лоскуты, изъятые с ампутированных нижних конечностей человека. Значения до- и запреградного расстояний составляли 100 см и 50 см соответственно, угла встречи с преградой – 10°, 20°, 30°, 40°, 50°.

В общей сложности произведено 186 выстрелов, в результате которых зачетными признано 138 мишеней. В незачетных случаях происходило разрушение преграды, образование слепого или сквозного повреждения преграды без образования рикошета. При выстрелах по пенобетону рикошет картечи возникал только при значении угла встречи с преградой 10°; увеличение значений до 20° и более приводило к вышеописанным повреждениям преграды, что обусловило отсутствие достаточного количества данных для получения статистически значимых результатов с целью проведения судебно-медицинской оценки огнестрельных повреждений, сформированных в результате рикошета от данного вида преграды.

Экспериментальные мишени с огнестрельными повреждениями подвергнуты комплексному исследованию с применением следующих методов: визуальный, измерительный, микроскопический, фотографический, исследование в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, контактно-диффузионный, рентгенографический, гистологический. При проведении исследования входные огнестрельные повреждения были условно разделены на две группы, которым были присвоены условные названия: при наличии одного повреждения либо нескольких, равных или приблизительно равных по размерам, они были названы «Основными повреждениями» (ОП); при наличии нескольких повреждений, из которых одно гораздо больше других по размерам, оно было названо «Основным повреждением», а остальные, гораздо меньшие по размерам – «Дополнительными повреждениями» (ДП).

Результаты комплексного исследования подвергнуты прикладному статистическому анализу с использованием параметрических и непараметрических методов. Для установления значимых предикторов уровней угла встречи снаряда с преградой (10–20° либо 30–50°) был проведен ROC-анализ зависимой переменной состояния «Уровни угла встречи с преградой» при ключевом состоянии «30–50°». При разработке данной модели в качестве ключевого события избран диапазон значений угла встречи «30–50°», поскольку именно для данного диапазона (в сравнении с 10–20°) характерны более высокие показатели качества построенной регрессионной модели.

По результатам исследования установлены три значимых предиктора входных огнестрельных повреждений биологических и небиологических мишеней, образовавшихся в результате рикошета картечи: количество ОП, максимальное расстояние ДП и ОП 1 (наиболее крупного ОП), ориентация ДП в соответствии с условным циферблатом часов (по УЦЧ) относительно ОП 1 или к группе наиболее крупных ОП (максимальное значение) (табл. 1).

Таблица 1

Качество предикторов определения диапазона значений угла встречи картечи с преградой

Предиктор – характеристика ОП и ДП	Площадь под ROC-кривой (AUC)	Нижняя и верхняя границы доверительного интервала для AUC	Значимость оценки AUC
Количество ОП	0,65	0,55–0,74	0,003
Максимальное расстояние ДП и ОП 1	0,67	0,58–0,76	0,001
Ориентация ДП по УЦЧ относительно ОП 1 или к группе наиболее крупных ОП (максимальное значение)	0,66	0,56–0,79	0,005

На основе комбинаций выявленных существенных предикторов с использованием метода логистической регрессии разработана бинарная логистическая модель для вероятностного прогнозирования диапазона значений угла встречи картечи с преградой: 10–20° либо 30–50°:

Регрессионная модель: $P = 1 / (1 + e^{-(B_0 + B_1 X_1 + B_2 X_2 + B_3 X_3)})$, где:

постоянная уравнения регрессии $B_0 = -4,53$, коэффициенты регрессии $B_1 = 0,26$, $B_2 = 0,039$, $B_3 = 0,302$.

Процент верно предсказанных значений (C): 79,7 % (для диапазона угла встречи 10–20°), 59,1 % (для диапазона угла встречи 30–50°).

Качество разработанной модели оценено по критерию хи-квадрат Пирсона с показателями соответствующей статистики и ее значимости ($\chi^2 = 20,0$; $p = 0,0$), а также по критерию максимального правдоподобия с показателем отрицательного удвоенного логарифма функции правдоподобия ($LR = 119,7$). Работоспособность моделей демонстрируют проценты верно предсказанных значений уровней и общий процент (C).

Продемонстрируем вероятностную прогностическую модель определения диапазона значений угла встречи картечи с преградой приведением примера: предположим, что при изучении обстоятельств применения огнестрельного оружия имеется достоверная информация о том, что огнестрельные повреждения образованы в результате рикошета картечи. На разрешение судебно-медицинской экспертизы поставлен вопрос: «Каково было значение (диапазон значений) угла встречи картечи с преградой?» Для ответа на данный вопрос спрогнозируем, что диапазон значений угла встречи картечи с преградой в исследуемом случае составлял 30–50°. С целью проверки результатов прогноза используем вышеуказанную модель с регрессорами:

X_1 – ориентация ДП по УЦЧ относительно ОП 1 или к группе наиболее крупных ОП (максимальное значение), $b_1 = 0,26$;

X_2 – максимальное расстояние между ДП и ОП 1 (см), $b_2 = 0,039$;

X_3 – количество ОП, $b_3 = 0,302$;

и свободным членом $b_0 = -4,53$.

Подставив в расчетную формулу бинарной логистической регрессии следующие значения регрессоров: ориентация ДП по УЦЧ относительно ОП 1 или к группе наиболее крупных ОП (максимальное значение) – 12, максимальное расстояние между ДП и ОП 1 (см) – 26,5, количество ОП – 7, получим вероятность того, что исследуемые огнестрельные повреждения образованы в результате рикошета картечи при выстреле под углом встречи с преградой 30–50° $P = 1 / (1 + e^{-(0,26 \times 12 + 0,039 \times 26,5 + 0,302 \times 7 - 4,53)}) = 0,85$ (или 85 %). Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, судебно-медицинский эксперт может сделать следующий вывод: «Огнестрельные повреждения образовались в результате рикошета картечи под углом встречи с преградой, находящимся в диапазоне значений 30–50°, вероятность чего составляет 0,85 (85 %)».

В базе данных, сформированной по результатам проведения баллистического эксперимента, указанные сочетания значений регрессоров получены при значениях угла встречи 30° – соответственно, предсказанная вероятность реализована. Таким образом, по результатам проведен-

ного баллистического эксперимента разработана регрессионная модель определения диапазона значений угла встречи картечи с преградой: 10–20° либо 30–50°. Указанная модель характеризуется высокими показателями качества, адекватности и работоспособности, в связи с чем может быть использована для формирования объективной и научной основы реконструкции обстоятельств происшествия при проведении судебно-медицинской экспертизы огнестрельных повреждений, возникших в результате рикошета картечи.

Необходимо подчеркнуть, что регрессионная модель разработана на основе экспериментальных данных, полученных нами при определенных входных параметрах и условиях эксперимента: вид огнестрельного оружия, боеприпасов, экспериментальных преград, значений допреградного и запреградного расстояний, угла встречи картечи с преградой. В этой связи полученные результаты не могут быть в полной мере экстраполированы на любые огнестрельные повреждения, образовавшиеся в результате рикошета.

В случае если в ходе изучения материалов дела, результатов судебно-медицинского исследования искомых огнестрельных повреждений установлено, что хотя бы одно из известных условий или параметров выстрела и рикошета в исследуемом случае не совпадает с изученными нами в ходе настоящего экспериментального исследования, необходимо проведение баллистического эксперимента (параметры устанавливаются исходя из известных либо предполагаемых обстоятельств выстрела и рикошета) и разработка регрессионных моделей определения обстоятельств образования искомых огнестрельных повреждений в соответствии с вопросами, поставленными на разрешение судебно-медицинского эксперта.

1. Особенности поражения живых целей в зоне рикошета пуль при стрельбе по твердым преградам / А.В. Денисов [и др.]. // Вестн. Рос. воен.-мед. акад. – 2014. – № 1 (45). – С. 179–183.

2. Погребной, А.А. Пособие криминалиста. Установление обстоятельств происшествия по следам рикошета на преградах и пулях : учеб. пособие для вузов / А.А. Погребной. – М. : Приор-издат, 2004. – 112 с.

3. Попов, В.Л. Судебно-медицинская баллистика / В.Л. Попов, В.Б. Шигеев, Л.Е. Кузнецов. – СПб. : Гиппократ, 2002. – 656 с.

4. Макаров, И.Ю. Возможности экспертной оценки влияния рикошета пуль на характер повреждений от выстрелов из охотничьего оружия / И.Ю. Макаров [и др.]. // Суд.-мед. экспертиза. – 2017. – № 6. – С. 30–36.

РАЗРУШАЮЩИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЕРНОВЫХ МАСС ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ТОВАРОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Классическая методология проведения судебных товароведческих экспертиз подразумевает анализ показателей качества, установленных при помощи органолептических и инструментальных методов исследования, с данными, приводимыми в технических нормативно-правовых актах [1].

Целью данного исследования является обзор разрушающих методов исследования зерновых масс, заимствованные из несудебных сфер профессиональной деятельности, использование которых, при проведении квалитетрических идентификационных исследований, создает условия для формирования категорических выводов, усиливает результативность заключения в целом, и как элемента системы доказательств по делу.

К основным методам исследования, применяемым в отношении зерновых масс, относятся органолептические, физико-химические, бактериологические, токсикологические, радиологические методы исследования. Вышеперечисленные методы позволяют изучить различные товароведческие характеристики зерновых масс – ассортиментные, квалитетрические, количественные и стоимостные [2]. Именно с помощью этих методов эксперт-товаровед дает ответы на поставленные перед ним вопросы.

В настоящее время судебные товароведы-эксперты располагают широким ассортиментом высокоточных инструментальных методов для решения самых разных вопросов – от определения квалитетрической принадлежности партии зерна до установления целевой возможности использования зерновой массы. Благодаря совместным стараниям экспертов, ученых зерноперерабатывающей отрасли, перечень используемых методик контроля качества постоянно расширяется и прирастает новыми, более точными и совершенными методами разрушающего контроля качества зерна. Для их применения разрабатываются специальные способы и приемы, учитывающие не только общеисследовательские возможности инструментальных разрушающих методов, но и особенности конкретного вида зерновых масс (пшеница, ячмень, рожь и т. д.) и конкретные задачи, поставленные перед экспертом. Обобщение таких методов позволяет конкретизировать общие принципы и разрабатывать частные методики. Комплекс методов использования различных разрушающих методов исследования приобретает специфику благодаря

особым задачам, особенностям изучаемых зерновых масс, процессуальным требованиям и условий экспертного исследования.

К разрушающим методам контроля качества зерновых масс следует отнести физико-химические методы (определение влажности зерна, числа падения, зольность и т. д.), токсикологические (содержание солей тяжелых металлов и т. д.), бактериологические методы. Все эти методы подразумевают безвозвратное использование навески зерна определенной массы. Эта особенность данных методов исследования подразумевает отбор исходной пробы зерна в достаточном количестве. Так, например, для исследования зерна на такой показатель, как «число падения», необходима навеска зерна размером 300 г, а для определения содержания белка – 50 г, а для определения зараженности вредителями хлебных запасов – 2 кг [3]. Все эти нюансы необходимо учитывать при отборе проб для исследования. В ГОСТе 13586.3-2015 [3] приводятся правила отбора проб в зависимости от последующих исследований. Как показывает практика, пробы для судебных товароведческих экспертиз желательно отбирать одновременно и в достаточном количестве. Особенности происходящих во времени в зерновых массах биохимических процессов (изменение влажности зерна, увеличение зараженности вредителями хлебных запасов, изменение качества клейковины и т. д.) не позволяют объективно оценивать качество зерновой массы на протяжении длительного периода (особенно если были нарушены условия хранения зерновой массы). В связи с этим на подготовительном периоде судебной товароведческой экспертизы необходимо точно конкретизировать всю требуемую номенклатуру товароведческих характеристик зерновой массы для решения поставленных перед экспертом вопросов. С нашей точки зрения, на данном этапе необходим тесный контакт со специалистами в области качества зерна и продуктов его переработки. Консультации данных специалистов помогут четко определить необходимый объем средней пробы исследуемой зерновой массы и, кроме того, помогут в правильности и объективности непосредственно самого алгоритма отбора проб зерна.

Кроме того, разрушающие методы исследования товароведческих характеристик зерновых масс подразумевают использование современных приборов контроля показателей качества. Такие приборы и аппараты достаточно узкоспециализированы в области качества зерна и могут не использоваться в других лабораториях, специализирующихся на анализе пищевых продуктов. Так, например, прибор определения числа падения ПЧП-7 используется только для определения активности альфа-амилазы в зерне и муке. Данный показатель в зерне важен для

конкретизации квалитетической принадлежности партии зерна – продовольственное или фуражное. В связи с этим, если необходимо решить вопрос о целевом назначении зерновой массы, нам необходимо включить данный показатель качества в номенклатуру определяемых показателей качества зерна и предусмотреть возможность определения данного показателя качества в выбранной экспертной организации.

Таким образом, на подготовительной стадии экспертного исследования необходимо точно конкретизировать номенклатуру определяемых показателей качества зерновой массы, с целью оптимизации объема отбираемой средней пробы. Кроме того, использование разрушающих методов определения товароведческих характеристик зерновой массы подразумевает и привлечение узкоспециализированных экспертных учреждений для производства судебных товароведческих экспертиз зерновых масс.

1. Евдохова, Л.Н. Товарная экспертиза : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров» / Л.Н. Евдохова, С.Л. Масанский. – Минск : Выш. шк., 2013. – 332 с.

2. Евдохова, Л.Н. Теоретические основы товароведения : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров» / Л.Н. Евдохова, Ю.М. Пинчукова, А.Ю. Болотко. – Минск : Выш. шк., 2016. – 262 с.

3. Зерно. Правила приемки и методы отбора проб : ГОСТ 13586.3-2015 : введ. 1 июня 2017 г. – Минск : Гос. ком. по стандартизации Респ. Беларусь, 2017. – 18 с.

УДК 343.98

Д.С. Зинченко

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАРЕЗНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПО ПУЛЯМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОБЪЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Во все времена оружие, в частности огнестрельное, имело особый статус и вызывало интерес публики. Меняющийся нестабильный характер общественных отношений на протяжении нескольких десятков лет вызвал изменения в использовании оружия, с чем и связан рост преступности. Если раньше при совершении преступлений представителями криминальных структур использовались преимущественно физическая

сила и подручные средства, то в настоящее время наблюдается увеличение числа преступных деяний, связанных с использованием огнестрельного оружия. Данный факт не мог не отразиться на криминальной обстановке в стране. Согласно статистическим данным Росгвардии, в 2020 г. более 6,6 млн человек имеют гражданское оружие. По данным ведомства, владельцев легального оружия около 3,9 млн, за которыми зарегистрировано более 6,6 млн единиц [1]. Эти цифры однозначно говорят о росте владельцев оружия и огромном спросе на право владеть оружием.

В то же время, согласно официальным данным за 2020 г., с использованием оружия совершено 5,2 тыс. преступлений [2]. В первой половине 2022 г. зафиксировано 180 случаев хищения и вымогательства оружия, что на 6,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [3]. Приведенная статистика совершения преступлений с использованием оружия подчеркивает значимость производства судебно-баллистических экспертиз.

На сегодня имеется большое количество видов огнестрельного оружия, одним из которых является нарезное огнестрельное оружие. Для успешного расследования и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием рассматриваемого вида оружия, часто возникает необходимость в криминалистическом исследовании нарезного огнестрельного оружия по пулям.

В случае обнаружения на месте происшествия или извлечения из тела потерпевшего пуля и изъятия затем у подозреваемого оружия органы следствия и суд стремятся выяснить важнейший для установления истины по делу вопрос: из данного ли экземпляра оружия выстрелены пули? Решение этого вопроса достигается производством идентификационной криминалистической экспертизы с помощью специальных приемов судебно-баллистического исследования и с соблюдением определенной методики. Идентификация в рассматриваемом виде экспертизы нацелена на установление тождества конкретного экземпляра оружия, из которого выстрелена обнаруженная на месте происшествия пуля.

Одним из условий криминалистической идентификации является деление объектов на неизменяемые и изменяемые. Суть его совершенно ясна: объекты отождествления в зависимости от различных условий подвержены изменениям, поэтому в любом из видов идентификации нужно учитывать степень изменчивости объектов, т. е. их идентификационный период.

Особенно важно учитывать изменчивость объектов идентификации оружия по пулям, на которые оказывают влияние разные причины. Кроме того, необходимо помнить о всевозможных умышленных изменени-

ях, например, повреждения преступниками поверхности канала ствола после выстрела [4, с. 121].

Говоря об изменяемости оружия и пуль, нужно учитывать и их скорость, которая определяется исходя из влияния всех факторов. Несмотря на относительный характер устойчивости объектов идентификации, общепринятой является классификация объектов по степени устойчивости, предложенная А.И. Винбергом [5, с. 77]: 1) объекты высокой степени устойчивости; 2) объекты более устойчивые; 3) объекты менее устойчивые; 4) объекты, не имеющие устойчивого строения (изменяемые).

Устойчивость – понятие относительное применительно к одному и тому же объекту, поскольку она зависит от многих факторов. В одном месте (или в определенный промежуток времени) изменения могут наступить быстро, а в другом – они наступают очень медленно. Кроме того, для идентификации оружия по пулям важно учитывать изменимость как отождествляемых, так и отождествляющих объектов (от устойчивости объектов нужно отличать устойчивость следообразования).

Изменения упомянутых объектов идентификации происходят постепенно. Сначала изменяются или исчезают отдельные признаки, затем значительное число признаков. Более глубокие изменения приводят к существенному искажению целого комплекса частных признаков, что может исключить возможность идентификации.

Что касается огнестрельного оружия, то изменение его свойств зависит всецело от условий хранения и интенсивности эксплуатации. Если оружие не эксплуатировать и хранить в хороших условиях, то с течением времени существенных изменений не наступит. Экспертной практике известно много случаев отождествления оружия по выстреленным пулям спустя 2–4 года, а иногда и более 10 лет после совершения преступления.

В части объектов криминалистической идентификации необходимо упомянуть предложенную С.М. Потаповым классификацию этих объектов на отождествляемые и отождествляющие [6, с. 205]. В идентификации нарезного огнестрельного оружия по выстреленным пулям идентифицируемым объектом будет огнестрельное оружие, точнее, его ствол, а идентифицирующим – признаки канала ствола, выраженные в виде следов на пуле.

Отождествляемыми объектами этого вида исследований чаще всего бывают пистолеты, револьверы, автоматы, карабины и винтовки. Имеется несколько классификаций ручного огнестрельного оружия в зависимости от различных оснований деления, например, короткоствольное, среднествольное и длинноствольное.

На отстрелянных пулях чаще всего остаются следы от канала ствола, иногда встречаются следы от магазина, затвора и патронника оружия. Но в практике почти не встречается отождествление оружия по следам магазина, затвора и патронника на пулях. Таким образом, ствол можно считать основной деталью огнестрельного оружия, оставляющей следы на пулях.

Для целей идентификации первостепенное значение имеют нарезы, форма которых в поперечном сечении (профиль) бывает прямоугольной, трапециевидной, округленной и сегментной. Все отечественные образцы стрелкового оружия имеют нарезы прямоугольной формы.

Образование нарезов в канале ствола считается наиболее ответственной операцией. После нее канал приобретает окончательный диаметр, профиль и чистоту поверхности. В настоящее время нарезы в канале ствола образуются двумя способами: строганием и выдавливанием. Для строгания нарезов применяется шпалер, или брошь. Образование нарезов в канале ствола путем выдавливания осуществляется с помощью инструмента, называемого пуансоном или дорном. Как наиболее производительный и экономичный, сейчас применяется второй способ [7, с. 284].

Отождествляющими объектами являются выстреленные пули с отобразившимися на них признаками канала ствола. Кроме свойств ствола на образование следов на пулях, значит, и идентификацию, оказывают влияние и свойства пули.

По общему устройству пули делятся на оболочечные, полуболочечные и сплошные. Оболочка пули имеет толщину от 0,3 до 1,0 мм. Она изготавливается из пластичного и стойкого к коррозии металла. Оболочки пуль патронов к современному отечественному оружию делаются в основном из биметалла, т. е. плакированной (покрытой) томпаком стали.

В момент прохождения пулей канала ствола ее оболочка воспринимает, помимо формы поперечного сечения, и неровности поверхности стенок (мелкое строение) на всем протяжении ствола, и поэтому деформация пули отображает мелкие признаки стенок канала ствола.

В следах скольжения признаки следообразующего объекта отображаются в преобразованном виде, а общая форма поверхности отождествляемого объекта в них не воспроизводится. Следы состоят из множества мелких бороздок и валиков, особенно хорошо выраженных в следах полей нарезов, т. е. на участках, где происходит наибольший контакт с поверхностью оболочки пули. Бороздки образуются неровностями поверхности канала ствола.

Глубина и ширина бороздки зависит не только от строения выступа, но и от многих других причин (диаметра пули, материала оболочки, скорости движения, наличия или отсутствия смазки и др.). Выступы на

поверхности стенок располагаются в различных местах на всем протяжении ствола, поэтому бороздки накладываются одна на другую или располагаются рядом, а между ними остаются валики. Помимо линейного отображения, признаки поверхности канала ствола приобретают негативное по отношению к рельефу и зеркальное отображение.

Идентификация нарезного огнестрельного оружия представляет собой актуальную задачу современной практики расследования преступлений. Основные предпосылки, признаки и свойства объектов идентификации имеют важнейшее идентификационное значение, поскольку они в различных экземплярах оружия составляют индивидуальную совокупность.

Таким образом, исследование практики и решение проблем криминалистической идентификации нарезного огнестрельного оружия по пулям не теряет своей актуальности. И в целях совершенствования методики криминалистической идентификации нарезного огнестрельного оружия по пулям и решения имеющихся проблем предлагается реализовать внедрение автоматизированных баллистических идентификационных систем во все экспертно-криминалистические центры, а также внедрить и активно использовать в процессе идентификации огнестрельного оружия тренажера-симулятора, который дает возможность манипуляции с частями и механизмами различных моделей огнестрельного оружия, изучения их взаимодействия, устройства и особенностей слеодообразования.

1. Росгвардия: на руках у россиян находится более 6,6 млн единиц зарегистрированного оружия [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7474587> (дата обращения: 10.09.2022).

2. Состояние преступности в России за период январь – декабрь 2020 г.: статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> (дата обращения: 25.01.2022).

3. МВД: Преступлений с применением оружия и взрывчатки стало меньше на 8,6 процента [Электронный ресурс]. – URL: <https://tg.ru/2022/05/03/mvd-prestuplenij-s-primeneniem-oruzhiia-i-vzryvchatki-stalo-menshe-na-86-procenta.html> (дата обращения: 03.05.2022).

4. Кокин, А.В. К вопросу об идентификационных признаках в судебной баллистике / А.В. Кокин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. – Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2015. – С. 119–123.

5. Винберг, А.И. Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы / А.И. Винберг // Совет. государство и право. – 1961. – № 6. – С. 77.

6. Потапов, С.М. Принципы криминалистической идентификации / С.М. Потапов // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12. – С. 200–211.

7. Владимиров, В.Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения / В.Ю. Владимиров. – СПб. : Фонд «Ун-т», 2003. – 400 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА СУДЕБНЫХ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Судебная пожарно-техническая экспертиза относится к одному из наиболее сложных видов экспертиз. Для ее производства судебный эксперт должен обладать широким кругом компетенций в области теории горения, электротехники, химии и иных отраслей науки. В связи с этим перед экспертом нередко встает актуальный вопрос поиска необходимой для производства экспертизы информации, автоматизации отдельных действий, этапов производства экспертизы для снижения трудозатрат и увеличения качества подготавливаемых заключений.

Для информационной поддержки судебных пожарно-технических экспертов в Российской Федерации при участии Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России и Санкт-Петербургского филиала ВНИИПО МЧС России разработан информационный комплекс (база данных) «Экспотех». Данный комплекс включает в себя три основных блока: информационный блок (справочник, содержащий техническую информацию, информацию по свойствам веществ и материалов, нормативные документы), блок инженерных расчетов и блок для работы с материалами [1].

Информационный комплекс «Экспотех» устанавливается на персональный компьютер, для судебных экспертов МЧС России имеется доступ клиент-серверный способ доступа к базе данных.

Проблемным вопросом остается информационная поддержка следователей, специалистов и экспертов на месте происшествия, связанном с пожаром. Данный вопрос может быть решен путем разработки и внедрения в практическую деятельность мобильных приложений.

Использование в современной жизни мобильных устройств стало нормой. За последние несколько лет мобильные технологии быстро развивались. Теперь современные устройства обладают функциями компаса, акселерометра, гироскопа и еще множеством полезных функций, которые могут использоваться в экспертной деятельности.

Литературный обзор иностранных источников (в основном интернет-источников) позволил выявить отсутствие в рецензируемых научных журналах, а также в материалах конференций, отчетах, публикациях или презентациях информации использования мобильных устройств и

их приложений для осмотра места преступления. Немногочисленные источники указывают на применение мобильных устройств и их приложений в областях криминалистики и судебной экспертизы [2, 3].

В работе С. Баехлера [4] рассмотрено несколько приложений для мобильных устройств, которые могут использоваться экспертами при проведении осмотра места происшествия и оформлении материалов по ним.

Например, приложения CrimePad и MagicPlan CSI предназначены для помощи экспертам в оформлении протоколов осмотра места происшествия и потенциально могут использоваться в комбинации друг с другом.

Приложение CrimePad чаще всего упоминается при его использовании при производстве такого следственного действия, как обыск. Приложение содержит функции, которые могут помочь при документировании визуальной информации, полученной с помощью датчиков мобильного устройства (микрофон, видеокамера), а также объединить информацию, полученную от внешних источников. Однако приложение может быть использовано не только для документирования результатов осмотра места происшествия, но и других следственных действий (например, допрос), и может быть полезно при расследовании уголовных дел в целом. Приложение призвано заменить традиционное рукописное оформление информации и может в режиме реального времени обмениваться информацией между членами оперативно-следственной группы. Данный продукт, разработанный Visionations TM, используется различными специалистами полицейских служб в нескольких штатах США [5, 6].

Интерфейс приложения состоит из нескольких вкладок, связанных с описанием места преступления. Имеется возможность структурировать информацию путем объединения письменных заметок, фотографий, а также видео- и аудиозаписей.

Использование встроенного диктофона поможет записать информацию, которая дополнит деталями целостность картины осмотра места происшествия. Возможность вставки фотографий поможет иллюстрировать документацию. Качество изображения зависит от характеристик встроенной в мобильное устройство камеры. В связи с этим возникает необходимость использования фотосъемки с помощью приложения CrimePad и дублирование фотосъемки на качественную зеркальную фотокамеру. Помимо необходимости дублировать данную работу, ввод и размещение изображений в каждой из соответствующих вкладок занимает очень много времени.

При возбуждении дела на первой странице интерфейса можно выбрать номер дела, время создания файла и тип рассматриваемого собы-

тия (правонарушения), который можно выбрать из списка, содержащего более 60 сценариев, а именно «поджог», «убийство» и т. д.

Как только документация будет сделана с помощью CrimePad, ее можно перенести на компьютер, что предотвращает дублирование ввода данных и экономит время на составление отчетов. Приложение позволяет одновременное и синхронизированное использование на планшетах, принадлежащих разным исследователям через облачные сервисы, что упрощает обмен собранной информацией о месте преступления в режиме реального времени. Хотя эта возможность интересна и обеспечена высокими стандартами защиты согласно VisionationsTM, это также может вызвать вопросы в отношении возможных недостатков, связанных с использованием облачных сервисов.

Следующее приложение MagicPlan CSI – это приложение, разработанное Sensoria Inc.TM, компанией из Монреаля, Канада [7]. Изначально приложение MagicPlan не было предназначено для осмотра места происшествия. Цель создания MagicPlan – облегчение процесса планирования, прибегая к помощи несложной программы, способной в считанные секунды генерировать план комнаты. Для этого необходимо совершить несколько простых действий: открытие приложения, фотографирование углов комнаты и видеообвод помещения по кругу. После этого на экране появится профессиональный набросок. Погрешность эскиза составляет не более 15 см. Аналогичным способом фиксируем размеры каждой комнаты, а программа составляет архитектурную концепцию готового дома. В дальнейшем это привело к созданию версии для экспертов-криминалистов.

Сейчас MagicPlan CSI – это приложение для создания масштабных схем места преступления. Программа захватывает размеры помещения с камеры, для этого требуется поворачивать аппарат, как при создании панорамных снимков с круговым обзором, попутно указывая углы, двери и т. п. На основе «снимков» происходит перерасчет размеров и составляется план измеряемой комнаты. Возможна ручная коррекция размеров и ошибок на чертежах, а также экспорт результатов в PDF, JPG, DXF. Общий план здания можно создать, перемещая каждую измеренную комнату на основной чертеж.

Конечно, у программы есть погрешности, поскольку человек поворачивает аппарат при сканировании, немного перемещая его в пространстве, т. е. пирамида получается со «смазанной» вершиной, точнее она будет выглядеть как усеченный конус с пустой сердцевинкой. Но программе помогают «архитектурные закономерности», как правило, все стены в строениях перпендикулярны или параллельны по отношению

друг к другу, т. е. между смежными стенами в 99 % случаев угол 90 градусов. Так что даже слегка «смазанные» замеры легко корректируются, а в готовый чертеж можно вносить корректировки, используя для более точных измерений рулетку.

В любом случае, даже с погрешностью эта программа незаменима, так как план не нужно набрасывать вручную, она значительно экономит время. Получаемый ею эскиз очень близок к оригиналу, внесенные корректировки моментально отражаются на всех элементах чертежа. Это позволяет производить меньше замеров, чем при создании его вручную, например, не нужно измерять длину всей комнаты, а измерить только окна и пролеты между ними. Программа автоматически увеличит длину комнаты в масштабе, скорректировав общую длину, получаемую от сложения всех замеренных величин.

Значимость программы трудно переоценить, ее коммерческое использование намечено на профессиональную сферу, чем могут «похвастать» приложения (небольшое их количество) для смартфонов и планшетов. Показателем тому служит выпуск специальной адаптированной версии MagicPlan CSI для следователей и экспертов-криминалистов из службы CSI.

Таким образом, применение специализированных программных продуктов позволяет осуществлять поиск необходимой для производства экспертизы информации, автоматизировать отдельные действия при осмотре месте происшествия, производстве экспертизы. Определены возможные направления развития отечественного информационного комплекса «Экспотех», включая разработку мобильной версии приложения, которую можно применять при осмотре места происшествия, связанного с пожаром.

1. Тумановский, А.А. Использование баз данных в судебной пожарно-технической экспертизе / А.А. Тумановский, Т.П. Сысоева, П.М. Агеев // Вестн. С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России. – 2021. – № 1. – С. 69–75.

2. Mobile technology for crime scene examination / C Baber [et al.] // Intern. Journ. of Human-Computer Studies. – № 67(5). – 2009. – P. 464–474.

3. An ontology framework for recommendation about a crime scene investigation / B. Onnoom [et al.] // 14th International Symposium on Communications and Information Technologies ; 2014 Sept 24–26 ; Incheon, South Korea. Piscataway. – NJ : IEEE, 2014. – P. 176–80.

4. Smartphone and Tablet Applications for Crime Scene Investigation: State of the Art, Typology, and Assessment Criteria / S. Baechler [et al.] // Forensic Science. – 2017. – Vol. 62 (4). – P. 1043–1053.

5. CrimePad, the future of criminal investigation [Electronic recourse]. – Mode of access: <http://www.visionations.com>. – Data of access: 15.10.2022.

6. Visionations, company advertisement booklet [Electronic recourse]. – Mode of access: <http://www.visionations.com>. – Data of access: 15.10.2022.

7. MagicPlan CSI [Electronic recourse]. – Mode of access: <http://www.sensopia.com/english/producteur.html>. – Data of access: 15.10.2022.

УДК 340.69

И.А. Лапина, К.Д. Тагунова

ЭТИКО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основополагающие идеи любого вида юридической деятельности берут свое начало в сфере общественной морали. Понимание и разграничение основных этических категорий – добра и зла, блага, долга и справедливости и других – позволяют сформировать профессиональную среду, адекватную общечеловеческим ценностям. Для сферы юриспруденции это особенно важно, ведь само слово «юстиция» в переводе с древнеримского означает справедливость. Основная цель судебной экспертизы в качестве социально-правового института – служение делу правосудия и справедливости.

Принципы судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь рассмотрены в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон о СЭД), а именно: «законность; соблюдение интересов государства, прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица; независимость судебного эксперта; объективность, всесторонность и полнота проведения судебных экспертиз, допустимость и достоверность методов, применяемых при их проведении» [1]. В ч. 1 ст. 8 Закона о СЭД также отражен принцип независимости судебного эксперта, который при проведении судебной экспертизы подчиняется только закону [1]. Законность в заключении эксперта означает, что экспертиза проведена в соответствии с требованиями Закона о СЭД и процессуального законодательства. Принцип независимости выступает наиболее важным принципом судебно-экспертной деятельности, так как только независимый эксперт, проводя экспертизу вправе вынести объективное заключение, оказывая содействие правосудию.

В ч. 1 ст. 9 Закона о СЭД также указаны такие важнейшие процессуальные принципы, как объективность, всесторонность, полнота проведения судебных экспертиз, допустимость и достоверность методов, применяемых при их проведении.

Говоря о регулировании непосредственно вопросов этики судебного эксперта, необходимо отметить, что они нашли отражение и в Правилах профессиональной этики судебного эксперта от 9 ноября 2020 г. № 2 (далее – Правила), где в основных положениях указано, что «Правила основаны на законодательстве, критериях нравственности и традициях судебно-экспертной деятельности, а также на общепринятых нормах этики и морали и содержат общие нормы профессиональной этики с учетом специфики судебно-экспертной деятельности» [2].

Согласно п. 8 Правил «Судебный эксперт в своей профессиональной деятельности должен руководствоваться следующими принципами: независимости, объективности и беспристрастности; порядочности; профессиональной компетентности; безупречного поведения; конфиденциальности» [2].

Н.С. Колесникова отмечает: «объективный эксперт должен быть свободен от всяких стереотипов, шаблонов при проведении экспертизы, поскольку каждое исследование в какой бы то ни было степени индивидуально, оригинально. Разумеется, недопустимо, чтобы эксперт заранее настраивался на желаемый результат. Эксперт должен учитывать все значимые для проведения исследования факторы, а также использовать необходимые методы и методики» [3, с. 37]. Говоря о принципе беспристрастности, следует отметить, что «Судебный эксперт должен избегать любых предпочтений, предубеждений или предвзятости при проведении исследования и должен вести себя так, чтобы не возникало сомнений в его беспристрастности. Судебный эксперт должен отказаться от проведения экспертизы, если имеются основания для его отвода, предусмотренные соответствующими статьями процессуальных кодексов» [3, с. 39].

Рассматривая следующую группу принципов: «порядочности; профессиональной компетентности; безупречного поведения; конфиденциальности», необходимо отметить, что от эксперта требуется проявление таких личностных качеств, как доброжелательность, чувство такта, терпение, выдержка, честность, добросовестность. Недопустимо проявление дискриминации по отношению к кому-либо по религиозным, расовым, половым, национальным и другим мотивам. Безупречное поведение эксперта – под ним подразумевается недопущение совершения экспертом правонарушений и участия в компрометирующей его деятельности [2].

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить следующее: вопросы этики судебного эксперта имеют существенное значение в виду того, что судебно-экспертная этика имеет межотраслевой характер, существуя на стыке теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) и процессуального права. Часто от проведенной экспертизы, ее

результатов и выводов зависит дальнейший ход правосудия и даже судьба человека, его деловая репутация и социально-статусное положение. Учитывая эти факторы, судебный эксперт, как лицо, обладающее специальными знаниями, должен одновременно обладать высоконравственными профессионально-личностными качествами.

1. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 281-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 93-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об утверждении Правил профессиональной этики судебного эксперта [Электронный ресурс] : приказ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 9 нояб. 2020 г., № 2 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Колесникова, Н.С. Основные начала профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности / Н.С. Колесникова // Актуал. проблемы рос. права. – 2018. – № 5 (90). – С. 36–43.

УДК 343.98

Е.Л. Лужинская

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время, как во всем мире, так и в Республике Беларусь, в различных сферах человеческой жизнедеятельности все более широкое применение находят информационные технологии с массовой цифровизацией и компьютеризацией. Они используются в моделировании различных процессов банковского, издательского дела, медицины, образования и других сфер, в том числе и сферы бытовых услуг.

В процессе своего жизненного цикла компьютерные средства и системы, а также содержащаяся в них «цифровая» информация часто становятся объектами судебных экспертиз. Данный факт касается в том числе и изображений внешнего облика человека, содержащихся на цифровых носителях информации, и являющихся относительно «новыми» объектами судебной портретной экспертизы. Исследование «цифровых» изображений внешнего облика человека, по нашему мнению, должно отличаться от классической методики проведения портретных экспертиз по аналоговым фотоснимкам, так как в настоящее время изображения внешнего облика часто претерпевают изменения, внесенные такими программными продуктами, как: «морфинг лица», фильтры различных

приложений типа Instagram, Face App, программы, создающие «дипфейки», и др. Вышеуказанная информация обуславливает необходимость установления достоверности, т. е. «верификацию» изображений, поступающих в качестве объектов портретной экспертизы. Данный факт влечет за собой включение комплекса методов «верификации», трансформированных из кибернетики, в процесс исследования цифровых изображений внешности человека. В настоящее время вектор развития судебной экспертной деятельности в целом нацелен на использование комплексного подхода почти во всех видах исследований, представляющего собой суммирование специальных знаний из различных областей наук для достижения единого результата.

Рассмотрим наиболее часто встречаемые в экспертной практике варианты внесения изменений в полученные цифровые изображения. В первом случае изменение вносится в само изображение либо изображение создается из нескольких других изображений при помощи графических редакторов и других программ, во втором случае изменение вносится в сам файл, содержащий изображения.

Среди методов «верификации» цифровых изображений выделяют формальные (которые используют математический аппарат программного обеспечения), аналитические (анализ содержащихся данных в файлах) и эмпирические (визуальный анализ изображений внешнего облика).

Процесс «верификации» цифрового изображения в рамках судебной портретной экспертизы предлагается начинать с аналитического метода, включающего изучение определенных характеристик, которые изначально прописаны в устройстве цифровых камер. К данным характеристикам относят:

структуру данных EXIF – стандарт, позволяющий добавлять к изображениям дополнительную информацию (метаданные), которая может включать в себя модель цифровой камеры, характеристики изображения, дату и время съемки, GPRS-данные и др.;

таблицу Хаффмана, которая определяется заранее производителем цифровых камер (для каждой модели свои значения таблицы) и представляет собой алгоритм сжатия, применяемый в формате JPEG. Суть данного алгоритма заключается в том, что чем чаще встречается символ в сообщении (байт в потоке), тем короче должен быть код этого символа. Таблица представляет собой систему, в которой короткие коды присваиваются часто встречаемым байтам (2–3 бита), а длинные коды – редко встречающимся (15–16 бит) [1, с. 70];

таблицу квантования (устанавливается также производителем). Несжатое изображение изначально представляет собой набор точек, каждая

из которых имеет свои значения для цветов RGB. Согласно стандарту JPEG цветовая гамма переводится YCrCb (Y – яркость точки, CrCb – координаты цвета) [1, с. 71]. Приведенные таким образом значения цветов индивидуальны для каждой конкретной модели цифровой камеры;

размеры эскиза. Для каждой конкретной марки и модели цифровой камеры характерен определенный размер эскиза. При этом эскиз сохраняется также в формате JPEG;

ширина и высота итогового изображения.

Таким образом, фотоизображение, созданное фотокамерой определенной марки и модели, должно соответствовать характерным для этой фотокамеры размеру изображения, структуре EXIF, таблице Хаффмана, таблице квантования и др. Несоответствие изображения какому-либо из вышеперечисленных параметров свидетельствует о внесении в него изменений. Если указанный набор параметров в каждом из исследуемых файлов совпадает с соответствующим набором, характерным для фотокамеры, модели и марки, указанной в EXIF, то в изображение не вносилось изменение. Информация о вышеуказанных параметрах располагается на общедоступных ресурсах сети Интернет (поисковые сервисы Google, Yandex) [1, с. 72].

Далее применяется математический метод, к которому можно отнести подсчет контрольной суммы (хэш-суммы) [2, с. 200]. Данная операция актуальна, когда на исследование предоставляется оригинал файла, а также его копии.

После изучения файла при помощи эмпирического метода исследуется само изображение на предмет наличия признаков, свидетельствующих о его изменении. Способы внесения изменений в изображение делятся на внесение дополнительных элементов (монтаж) и использование различных фильтров (стилизация, цифровая ретушь). Каждый способ характеризуется определенными признаками.

Проведя верификацию вышеизложенными методами, в случае наличия изменений необходимо оценить, насколько они существенны для последующего сравнительного этапа идентификации личности и при необходимости привлечь экспертов в области фототехнической либо компьютерно-технической экспертизы.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что современный этап развития криминалистического исследования внешнего облика человека в рамках портретной экспертизы характеризуется внедрениями новейших технологий. Данное положение подтверждается не только расширением вышеуказанной методологической базы, но и разработкой теоретических основ с последующим внедрением в практику нетрадици-

онных подходов к объективизации результатов экспертной деятельности посредством обращения к принципам логики, моделирования, формализации, алгоритмизации, а также иным познавательным процессам.

1. Хатунцев, Н.А. Метод доказывания неизменности фотоизображений в рамках компьютерно-технической экспертизы / Н.А. Хатунцев, А.М. Лизоркин // Теория и практика судеб. экспертизы. – 2014. – № 3 (35). – С. 69–73.

2. Ефременко, А.А. Цифровое изображение как объект судебно-портретной экспертизы / А.А. Ефременко // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – Тула, 2013. – С. 200.

УДК 343.985.4

О.В. Павлють

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕТОДИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Судебное почерковедение изначально формировалось как теория судебно-почерковедческой идентификации, а проводимые в его рамках неидентификационные исследования достаточно долго имели вспомогательный характер. Огромный вклад в развитие и укрепление научных основ судебно-почерковедческой диагностической экспертизы внесли такие ученые, как А.В. Смирнов, Ю.Н. Погибко, И.П. Верник, С.Г. Михайленко, А.И. Манцетова, В.Ф. Орлова, В.М. Козина, М.В. Бобовкин, В.А. Ручкин, А.А. Куприянова, Р.Х. Панова и др. Ученые пришли к мнению, что современным базисом судебно-почерковедческой экспертизы является теория судебно-почерковедческих диагностических исследований вместе с теорией судебно-почерковедческой идентификации. Бесспорно, на сегодня судебная почерковедческая экспертиза в части своей разработанности позволяет решать широкий круг идентификационных и диагностических задач на практике [1, с. 22], однако в теории судебного почерковедения еще имеются вопросы, требующие более детальной проработки и уточнения.

Теоретическую базу судебно-почерковедческой диагностики составляют ее научная и методическая основы [2]. Научную основу, в свою очередь, образуют два вида знаний: о почерке как объекте судебно-экспертного исследования; о диагностических признаках.

Методическая основа судебно-почерковедческой диагностики включает в себя: методы, методики, используемые в практике производства судебно-почерковедческих экспертиз; общие принципы построения про-

цесса решения диагностических задач; схему (структуру) диагностического исследования; правила формулирования выводов и составления заключений экспертов, оформляющих диагностические исследования как в качестве самостоятельных, так и входящих в процесс решения идентификационных задач; особенности назначения и подготовки материала для судебно-почерковедческой диагностической экспертизы; специфику оценки заключений, отражающих диагностические исследования [3, с. 22].

Анализ практики проведения судебных почерковедческих экспертиз свидетельствует об увеличении процента диагностических исследований, связанных с необходимостью установления факта выполнения рукописей под воздействием определенного вида, группы (подгруппы) или конкретного сбивающего фактора. При этом почерковеды довольно часто испытывают некоторые сложности не только с выявлением диагностических признаков в исследуемой рукописи, сравнением их проявления в образцах и последующей оценкой, но и с описанием этих признаков в заключении эксперта. В этой связи актуальным является дальнейшая разработка, обобщение и систематизация знаний о проявлении диагностических признаков и обеспечение единого подхода как к выявлению, сравнению, оценке и описанию этих признаков, так и уточнению общей концепции определения ключевых этапов диагностических исследований.

Представляется, что для устранения вышеуказанных сложностей необходимо более подробно исследовать некоторые аспекты методической основы судебно-почерковедческой диагностики в теории, так и доводить основные ее постулаты экспертам-почерковедам, например, в рамках занятий по повышению квалификации.

Диагностическое исследование основывается на общих принципах судебно-почерковедческого исследования:

уровневый принцип (обязательное предварительное исследование);
промежуточная и заключительная оценка на каждом этапе процесса решения задачи.

Диагностическое исследование проводится в соответствии со следующей структурой (этапы):

установление факта выполнения рукописи в обычных (отсутствие основных и сопутствующих диагностических признаков) или необычных (наличие основных и сопутствующих диагностических признаков (равномерность либо неравномерность их проявления и сочетания)) условиях;

при установлении факта необычного выполнения – дифференциация факторов: постоянных и временных;

при установлении факта необычного выполнения постоянного характера – дифференциация возможных причин: возрастные изменения (пожилой, старческий возраст), хронические заболевания;

при установлении факта необычного выполнения временного характера – дифференциация условий, связанных и не связанных с намеренным изменением почерка;

при установлении условий, связанных с намеренным изменением – дифференциация изменения своего почерка и подражания почерку другого лица;

при установлении факта намеренного изменения – конкретизация его способа (умышленное искажение своего почерка в пределах скорописных форм букв (скорописный способ), подражание буквам печатного шрифта, исполнение рукописи непривычной к письму рукой; подражание);

при установлении условий, не связанных с намеренным изменением – дифференциация факторов: обстановочных – внешние (необычная поза, необычные материал, подложка, необычный способ держания пишущего прибора, письмо на холоде, темное помещение, движущийся транспорт, письмо без очков и т. д.) и функциональных – внутренние (физическая усталость, стресс, алкогольное либо наркотическое опьянение, воздействие лекарственных средств и др.) [4, с. 68].

Конечная цель решения диагностической задачи – распознавание конкретных сбивающих факторов или определенной их группы.

Данные задачи реализуются на практике путем использования уровня принципа. Почерковед циклически реализует главные этапы решения, последовательно углубляя и детализируя исследование. Выделяются два основных уровня: предварительное исследование; развернутое исследование. Остановимся подробнее на указанных уровнях исследования.

Предварительное исследование (первый уровень) состоит из этапов:

- 1) ознакомление с поступившими материалами;
- 2) осмотр (анализ) исследуемой рукописи;
- 3) осмотр (анализ) сравнительного материала;
- 4) предварительное сравнение;
- 5) предварительная оценка. Формирование общих и частных версий;
- 6) планирование предстоящего исследования.

В результате реализации этапов первого уровня эксперт выдвигает версии, планирует дальнейший ход исследования, останавливается на конкретном выборе частной методики.

Развернутое исследование (второй уровень) состоит из этапов:

- 1) определение условий выполнения исследуемой рукописи;

- 2) исследование общих и частных признаков;
- 3) решение идентификационной задачи;
- 4) формирование признаков в комплексы;
- 5) заключительная оценка всех результатов исследования: комплексная оценка результатов исследования, признаков, условий выполнения; комплексная оценка результатов исследования общих и частных признаков. Формирование выводов.

Таким образом, на данном уровне эксперт решает промежуточные задачи, проводит оценку всех полученных результатов, формулирует выводы.

Раскроем некоторые аспекты второго уровня. Самым важным этапом здесь является определение условий выполнения исследуемой рукописи. Основная цель заключается в проведении всестороннего исследования почеркового объекта с соблюдением следующих стадий:

1. Раздельное изучение информативных признаков в исследуемой рукописи.
2. Раздельное изучение информативных признаков в образцах.
3. Сравнительное исследование признаков.
4. Оценка результатов сравнения.
5. Формулирование вывода об условиях выполнения исследуемой рукописи.

Установление условий выполнения рукописи можно обозначить как процесс последовательного решения следующих подзадач:

- 1) установление факта выполнения рукописи в обычных или необычных условиях;
- 2) установление постоянного или временного характера необычного выполнения исследуемой рукописи;
- 3) установление возможной причины постоянного характера, обусловившего необычное выполнение исследуемой рукописи;
- 4) дифференциация условий временного характера, связанных и не связанных с намеренным изменением почерка.

Таким образом, диагностические исследования являются актуальной проблемой в судебной почерковедческой экспертизе, остаются одними из самых сложных и нуждаются в дальнейшей научной разработке (в частности, уточнения методической основы) в целях повышения эффективности экспертной деятельности.

1. Бобовкин, М.В. Современное состояние и тенденции развития судебно-почерковедческой экспертизы в Российской Федерации / М.В. Бобовкин, В.А. Ручкин // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2018. – № 4. – С. 21–22.

2. Куприянова, А.А. Теоретические основы и методика судебно-почерковедческих диагностических исследований : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Куприянова. – М., 1982. – 20 с.

3. Орлова, В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие / В.Ф. Орлова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 160 с.

4. Подполухо, М.М. Альбом диагностических признаков почерка : справ.-метод. пособие / М.М. Подполухо, Е.П. Сысоева. – Минск : Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – 2018. – 100 с.

УДК 343.98

Д.Н. Панченя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ВОССТАНОВЛЕНИЯ (РЕСТАВРАЦИИ) ПОВРЕЖДЕНИЯ ТКАНИ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО ЦЕЛОГО ПО ЕГО ОТДЕЛИВШЕЙСЯ ЧАСТИ

Одной из идентификационных задач судебной трасологической экспертизы является отождествление целого того или иного разделенного объекта по его части (частям). Решение указанной задачи имеет большое значение, поскольку дает возможность получения важнейшей криминалистической информации по расследуемому преступлению: установление связи лица или объекта с событием преступления; установление факта пребывания лица (объекта) на месте преступления; определение характера действий лица до и после совершения преступления; обстоятельства, в том числе относящиеся к обстановке места преступления, и др. При невозможности решения идентификационной задачи рекомендуется установление общей родовой (групповой) принадлежности материалов, подлежащих сравнению объектов.

Среди множества предметов, поступающих на трасологическое исследование, определенная доля их приходится на текстильные материалы и изделия из них (предметы одежды, обуви, быта, крученые и плетеные изделия и др.). Связь данных объектов с событием преступления довольно различна и многообразна, они могут быть: 1) предметами преступного посягательства; 2) элементами вещной обстановки места преступления; 3) орудиями совершения преступления или вспомогательными средствами; 4) средствами связывания, удержания, упаковки и транспортировки.

Состояние и вид объектов волокнистой природы также разнообразен: целые, видоизмененные в ходе преступления изделия и отделенные от них части. Необходимо отметить, что процесс разделения целого

текстильного изделия на части может происходить на любом из этапов преступления: на стадии подготовки, в ходе совершения или сокрытия следов преступной деятельности.

Текстильные изделия со следами разделения и их фрагменты чаще всего обнаруживают при осмотре участка местности, помещения или транспортного средства. Изъятие текстильных изделий (фрагментов) возможно в ходе осмотра одежды потерпевшего или подозреваемого, орудий и инструментов, с преград и мест проникновения. После соответствующего процессуального оформления они признаются вещественными доказательствами и подлежат исследованию в рамках проведения различных видов судебных экспертиз, чаще всего – судебной трасологической экспертизы и судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них. На разрешение экспертизы в случае решения задачи отождествления целого того или иного разделенного объекта по его части (частям) ставятся следующие вопросы: «Не составляли ли ранее единое целое предоставленные объекты?» и «Не имеют ли общую родовую (групповую) принадлежность предоставленные объекты?» соответственно. Необходимо отметить, что первый вопрос решается экспертами указанных выше специальностей комплексно или единолично экспертом-трасологом, тогда как установление общей либо разной родовой (групповой) принадлежности объектов волокнистой природы проводится только в рамках судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них и рекомендуется при невозможности отождествления методами судебной трасологии.

Нередко при проведении трасологических экспертиз возникают сложности при исследовании текстильных изделий, связанные с установлением единого целого по его частям. Это обусловлено особенностями технологии их изготовления и зависит от внешнего и внутреннего строения таких материалов. В подобных случаях целесообразно привлечение эксперта, обладающего познаниями в области исследования объектов волокнистой природы и изделий из них и применяющего более широкий спектр современных аналитических методов исследования, включая новый из них – метод восстановления (реставрации) поврежденного участка ткани. Использование данного метода позволяет категорически положительно решить задачу отождествления целого разделенного объекта волокнистой природы по его отдельным частям (фрагментам): при незначительных размерах повреждения (фрагмента) ткани; при наличии минуса материала; при отсутствии комплекса необходимых индивидуализирующих признаков, расположенных по линии разделения ткани.

Метод основан на сопоставлении предварительно высвобождаемых отдельных нитей поврежденного участка ткани (ПУТ) с нитями сравни-

ваемого фрагмента ткани (СФТ) по размерным характеристикам, структуре, следам отделения нитей и другим технологическим особенностям их изготовления.

При использовании метода восстановления (реставрации) поврежденного участка ткани на первом его этапе производится локализация ПУТ путем вырезания фрагмента ткани прямоугольной или квадратной формы произвольных размеров (но не превышающей размеры повреждения более чем на 1–2 см от его края). Края вырезаемого фрагмента должны быть ровными, прямолинейными, ориентация краев вырезки – параллельно по отношению к нитям основы и утка. Угол между примыкающими сторонами равен 90°. Краевые нити противоположных сторон фрагмента должны совпадать между собой по длине. Соблюдение на данном этапе вышеперечисленных условий позволит исключить допущение неточностей на стадиях сравнительного исследования и сопоставления.

На втором этапе осуществляется разделение вырезки ПУТ и СФТ на отдельные нити. Это возможно благодаря тому, что ткань состоит из двух систем взаимно переплетающихся нитей (основы и утка), достаточно легко высвобождающихся из ткани. Эксперт, поочередно высвобождая краевые нити основы и утка из ткани, переносит их на отдельные отрезки специальной липкой пленки (например, Intercoat, Ogalal и т. п.) раскладывает на расстоянии около 5 мм друг от друга, соблюдая при этом ориентацию и взаимное расположение нитей относительно наружных краев фрагмента ПУТ и СФТ. Для удобства описания и исследования рекомендуется нумерация или условные обозначения разбираемых нитей. Нити с минусом материала располагают таким образом, чтобы можно было определить размеры отсутствующих участков.

Далее, на третьем этапе, производится раздельное детальное изучение перенесенных на отрезки липкой пленки нитей вырезки ПУТ и СФТ в поле зрения микроскопа «ЛОМО МСП-2» (увеличение 7×–45×, свет отраженный). При этом особое внимание уделяют свободным концам поврежденных нитей в местах с минусом материала, подлежащих сопоставлению на последующих этапах.

В связи с тем что в состав ткани могут входить различные по технологическим особенностям изготовления нити сравнительному исследованию подлежат следующие параметры: размерные характеристики, цвет, оттенок, структура всех нитей в составе вырезки ПУТ и СФТ. С помощью измерительных приборов (например, линейка металлическая ГОСТ 427-75 с ценой деления 1 мм, длиной 30 см) на четвертом этапе определяют длины нитей двух систем, длины отсутствующих участков нитей основы и нитей утка ПУТ и СФТ. После установления размерных характеристик производится сопоставление нитей между со-

бой путем неполного и полного совмещений. Стоит учесть, что в ходе исследования возможно установление других совпадающих общих признаков (цвет, структура нитей, взаимное расположение нитей в ткани, вторичная извитость и т. п.). Немаловажными при формировании выводов также являются признаки, установленные экспертом-волокноведом при определении общей родовой (групповой) принадлежности сравниваемых объектов: волокнистый состав (природа, цвет, оттенок, наличие (отсутствие) матирующих включений, толщина волокон), способ крашения, химический класс и марка красителей волокон. Рассматриваемые признаки оцениваются комплексно, а их наличие должно учитываться при формировании вывода.

Совпадение сравниваемых нитей основы и утка СФТ с соответствующим «минусом» нитей ПУТ признаются экспертом устойчивыми, индивидуальными и в своей совокупности достаточными для вывода о том, что исследуемые ткань и фрагмент ткани ранее составляли единое целое.

С положительной стороны необходимо также отметить то, что при использовании метода восстановления (реставрации) поврежденного участка ткани у эксперта имеется возможность детального изучения высвобожденных нитей и их последующего раздельного сопоставления. Недостатком же является необратимое разрушение первоначального вида исследуемых объектов.

В данной статье рассматривается возможность использования при проведении комплекса судебных экспертиз (судебной трасологической экспертизы и судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них) нового метода – восстановления поврежденного участка ткани. Данный метод позволяет решать задачу установления единого целого ткани с «минусом» материала и отделенного от нее фрагмента при их незначительных размерах и отсутствии индивидуализирующих признаков, расположенных по линии разделения ткани.

УДК 343.98

Н.Н. Пилипёнок

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Стремительное развитие информационных технологий и их проникновение во все без исключения сферы человеческой деятельности способствует поиску новых подходов к решению задач, стоящих перед

судебной экспертизой. Используемые несколько десятилетий назад методы при проведении экспертиз и исследований идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств (ИМО ТС) в настоящее время, в условиях постоянного «совершенствования» криминальной деятельности, во многих случаях оказываются неэффективными. Так, если в конце XX и начале XXI в. первичная (заводская) маркировка (ПМ) подвергалась преимущественно частичному изменению и могла быть восстановлена, например, методом химического травления, то теперь в подавляющем большинстве случаев (80–85 %) заводская маркировка уничтожается полностью. При этом все известные исполнителям элементы комплектации с дополнительной и производственной маркировкой демонтируются, а наносимая вторичная – часто соответствует маркировке другого, реально существующего ТС. Применение при таких обстоятельствах традиционных методов установления ПМ становится нецелесообразным. Все это заставляет искать принципиально новые подходы к проведению экспертиз и исследований ИМО ТС. Закрепленные в белорусском законодательстве принципы государственной судебно-экспертной деятельности (СЭД) определяют необходимость ее осуществления «с использованием современных достижений науки и техники». Одной из форм внедрения современных научных достижений в экспертную практику является создание и развитие системы информационно-компьютерного обеспечения рабочих процессов проведения экспертиз. СЭД, находясь на передовых рубежах борьбы с преступностью, в настоящий момент, с точки зрения использования научных знаний, как никогда нуждается в информации, отвечающей всем современным требованиям.

Актуальность проблемы информационно-компьютерного обеспечения судебной экспертизы ИМО ТС на сегодня определяется, с одной стороны, постоянным ростом объема информации, использование которой необходимо для решения практических задач, а с другой – отсутствием систематизированных баз данных, позволяющих оперативно решать эти задачи, либо невозможностью использования в полной мере существующих, что обусловлено трудностями как технического, так и нормативно-организационного характера. Проблемы информационно-компьютерного обеспечения актуальны для всех экспертных специальностей, однако в судебной экспертизе ИМО ТС этот вопрос стоит особо остро. Уже в 1990-х гг. ведущие белорусские криминалисты, такие как В.М. Хомич, А.В. Барков, указывали, что расследование и раскрытие преступлений, связанных с незаконным завладением ТС, во многих случаях затруднено из-за отсутствия сформированных на научной основе

источников информации, позволяющих экспертам более эффективно осуществлять свою деятельность по проведению исследований ИМО ТС, в которых концентрировались бы сведения о местах нанесения маркировочных данных и о признаках их подделки. Отсутствие информационных массивов о методах проведения исследований по выявлению ТС с измененными ИМО также негативно сказывается на криминогенной обстановке в этой области. Увеличение объема информации, которая потенциально может быть использована при проведении экспертиз и исследований ИМО ТС, происходит стремительными темпами, и эти темпы, пожалуй, выше, чем в каком-либо другом виде экспертизы.

В подтверждение этого можно привести следующие цифры: каждые два года производители легковых автомобилей обновляют модельный ряд, выпускаемой ими продукции. Растет и их количество. Так, если на 1 января 2019 г. в нашей стране было зарегистрировано 3 031 тыс. автомобилей, то на 1 января 2020 г., по данным аналитических агентств, – 3 094,6 тыс., а это, в свою очередь, только около 63,6 тыс. новых производственных карточек ТС с различными производственными данными и ИМО деталей и агрегатов. Из анализа динамики процесса автомобилизации в нашей стране видно, что периодов стагнации или снижения этих процессов за последние десять лет не наблюдалось, поэтому с большой долей вероятности можно и в дальнейшем прогнозировать увеличение парка автотранспортных средств, а следовательно, и увеличение информационных потоков в этом направлении.

Между тем проблема отсутствия обобщенных информационных систем, в том числе информационно-справочного характера, необходимых для решения задач судебной экспертизы ИМО ТС, до сих пор остается нерешенной. Сейчас, как и 20 лет назад, непосредственный доступ к базам данных заводов-изготовителей остается закрытым. За это время значительных шагов к устранению этой проблемы, являющейся крайне актуальной, не сделано.

Судебная экспертиза ИМО ТС представляет собой один из самостоятельных видов судебно-криминалистической экспертизы. В качестве самостоятельного вида эта экспертиза была выделена не так давно – в 2018 г. При проведении этого вида экспертизы эксперту постоянно приходится обращаться к источникам, относящимся к различным областям знаний, входящим в круг как криминалистических, так и других дисциплин:

во-первых, это знания, касающиеся непосредственно маркировочных обозначений, их структуры, содержания и способов нанесе-

ния, особенностей маркирования конкретных моделей транспортных средств и пр.;

во-вторых, – знания в области конструкции автомобиля, его деталей и агрегатов, их назначения и пр., и наконец – знание курса общей трасологии, имеющего немаловажное значение.

По мнению Н.П. Майлис, трасология как источник методической информации для многих видов судебных экспертиз является не только определенным фундаментом, на котором базируется их методологическая база, но может иметь и общенаучный характер, и «руководящую роль в процессе интеграции в области судебных экспертиз». Кроме этого эксперт должен обладать знаниями в таких областях, как технико-криминалистическая экспертиза документов, металловедение, экспертиза материалов, веществ и изделий, компьютерно-техническая экспертиза. Как указывала Т.В. Аверьянова, при проведении экспертиз и исследований ИМО ТС «используется комплексный подход» [1, с. 249], поэтому любая из вышеперечисленных областей знаний играет важную роль для решения задач, стоящих перед экспертом в процессе проведения каждой конкретной экспертизы.

Такого же мнения придерживаются и другие ученые. Но для того, чтобы такие разные по содержанию знания оперативно и в полном объеме могли быть использованы при проведении экспертных исследований, их необходимо систематизировать и сохранить в удобном для конечного пользователя виде. Иными словами, создать структурно организованную, научно обоснованную систему информационно-компьютерного обеспечения и провести ряд мероприятий (операций) технического, правового и организационно-методического характера в целях эффективного использования информации и цифровых технологий в поисковых процессах для решения задач, стоящих перед судебной экспертизой ИМО ТС. На важность решения этих проблем указывали многие белорусские и русские ученые еще несколько десятилетий назад. В частности, Л.В. Спицкая писала, что информационное обеспечение деятельности судебно-экспертных учреждений – важный фактор повышения эффективности и качества их работы, улучшения организации экспертных исследований [2, с. 14]. Отмечая необходимость использования в экспертной деятельности достижений науки и техники, А.Р. Шляхов подчеркивал, что роль науки и технического прогресса состоит в первую очередь в создании условий, которые бы позволили бы «облегчить деятельность прежде всего судов, органов прокуратуры и судебной экспертизы» [3, с. 29].

С одной стороны, внедрение компьютерных технологий в СЭД на настоящий момент является необходимым условием дальнейшего повышения объективности, всесторонности и полноты проводимых исследований, с другой – это средство повышения эффективности информационного обеспечения проведения экспертиз и исследований. Информационное обеспечение и компьютеризация СЭД теснейшим образом связаны между собой, поэтому рассматривать отдельно эти две составляющие единого процесса нецелесообразно. Накопление большого объема информации неизбежно влечет за собой необходимость применения на практике компьютерных систем для поиска и получения необходимых данных, их передачи, при проведении расчетных операций и пр. Немаловажным фактором, повышающим значение компьютеризации, является необходимость сокращения временных затрат и исключение из рабочих процессов трудоемких и рутинных операций. Внедрение в экспертную практику компьютерных технологий позволяет решать многие из этих проблем. Однако нерешенных вопросов, связанных с информационно-компьютерным обеспечением СЭД, остается еще достаточно большое количество.

Как ни горько это констатировать, но и на сегодня справедливыми остаются слова А.Р. Шляхова, высказанные им более 30 лет назад, о том, что в информационном обеспечении многих видов судебных экспертиз присутствуют значительные недостатки, заключающиеся в отсутствии разработанности «теоретических, методических и организационных принципов сбора, накопления, систематизации, переработки, передачи информации в разных ее формах...». Создание системы информационно-компьютерного обеспечения судебной экспертизы ИМО ТС, которая свяжет воедино экспертные учреждения, заводы-изготовители ТС, информационные базы различных учреждений и организаций, а также другие ее элементы, позволит более эффективно решать возникающие проблемы, повысит производительность труда и выведет экспертную деятельность этого направления на более совершенный уровень.

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]. – М. : НОР-МА, 2000. – 990 с.

2. Спицкая, Л.В. Организация информационного обеспечения экспертной и научно-исследовательской деятельности ленинградской ЦНИЛСЭ / Л.В. Спицкая // Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований. – М., 1984. – С. 39.

3. Шляхов, А.Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. Теория и практика криминалистической экспертизы / А.Р. Шляхов. – Вып. 9–10. – М. : Госюриздат РСФСР, 1964. – С. 28–29.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

В настоящее время ведутся активные научные дискуссии на тему возможностей использования нейросетевых технологий и искусственного интеллекта в различных сферах юридической деятельности, в частности, рассматриваются возможности их применения в уголовном процессе на стадии предварительного следствия, судебного разбирательства; в криминалистике проанализирован потенциал данных технологий с точки зрения их применения в организационно-тактической деятельности следователя, построении версий, а также в деятельности экспертов.

В основном приводятся аргументы в пользу использования нейросетей в практической деятельности по расследованию преступлений, заключающиеся в способности нейросети одновременно анализировать большой объем справочной информации (Bigdata), высокой скорости получения итогового результата от момента ввода данных по сравнению с человеческим мышлением, возможности самообучения на основании верно принятых решений и отсутствия фактора субъективности при их принятии.

Человеческое мышление отвечает за автоматизацию таких действий, как: принятие решений, решение задач, обучение и получение новых результатов, не содержащихся в памяти. В нем используются базы фактов и базы знаний, поэтому мышление – познающая система, которая способна думать рационально. В основе искусственного интеллекта лежит противопоставление мыслительных операций поведению в реальном мире.

Некоторые авторы полагают, что искусственный интеллект представляет опасность для цивилизованного мира [1, с. 48], так как способен выходить за пределы программного обеспечения, созданного человеком, при этом создавая и совершенствуя свое программное обеспечение. Учитывая такие возможности, механизм его саморазвития не всегда понятен.

На сегодня существуют различные технологии, основанные на искусственном интеллекте: компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальная поддержка принятия решений, создание дата-сетов.

С середины 90-х гг. прошлого века по настоящее время продолжает совершенствоваться автоматизация систем криминалистической регистрации. Так, например, в настоящее время АДИС «Папилон» обладает возможностями не просто ведения базы данных отпечатков пальцев

и ладоней рук и осуществления поиска по ней, но и возможностями мультибиометрической идентификации (по папиллярным узорам пальцев и ладоней рук, изображениям лица и радужных оболочек глаз) [2]; информационно-поисковая система «Портрет-поиск» позволяет организовывать работу по занесению и поиску габитоскопической информации, с возможностями графического распознавания, автоматизированная баллистическая идентификационная система «Арсенал» с функцией электронной пулегильзотеки неограниченного объема.

Кроме этого нейросетевые технологии, основанные на биометрической идентификации, используются в системе «Безопасный город» с функцией распознавания лиц, запечатленных камерами видеонаблюдения.

Использование искусственного интеллекта на основе нейронных сетей для поддержки принятия решений в ходе производства почерковедческой экспертизы рассматривались Д.В. Бахтеевым. В ходе диссертационного исследования им проведен эксперимент по выявлению признаков подлога подписи методами технологии искусственного интеллекта, в результате чего установлено, что правильность определения подлинности/подложности подписи находится на значении 80,2 %, точность составила 92,84 %. Это привело автора к выводу, что «искусственный интеллект на основе искусственных нейронных сетей к настоящему моменту вполне способен разрешать узкоспециализированные задачи» [3, л. 393].

Несмотря на попытки внедрения автоматизации и алгоритмизации в экспертно-криминалистическую деятельность, говорить о возможности ее повсеместного использования в ходе производства экспертиз слишком преждевременно. Учитывая, что одним из критериев допустимости методов судебной экспертизы является их научная обоснованность, повсеместному внедрению технологий искусственного интеллекта в производство экспертиз должна предшествовать процедура пересмотра методик их производства.

Внедрение нейросетевых технологий в методику производства судебных экспертиз на текущем этапе развития науки и техники видится недостаточно обоснованным. Учитывая структуру нейронных сетей, характеризующуюся многослойностью и вариативностью взаимодействия слоев, невозможно объективно оценить, по каким признакам или параметрам система приходит к тому или иному выводу. Можно согласиться с мнением А.В. Журавлевой, что масштабные искусственные нейронные сети глубокого обучения, в которых невозможно прописать детальный алгоритм работы, представляют определенную угрозу [4, с. 144].

Действия нейронной сети, хотя и характеризуются способностью к самообучению, осуществляются в рамках заданного Датасета. Оцен-

ка результатов нейросетью происходит по принципу: «истина» или «ложь». Иногда ошибочный результат может быть принят как истинный, в результате чего в аналогичных последующих случаях ошибка будет повторяться. В отличие от деятельности человеческого интеллекта, являющейся по сути своей иррациональной и творческой, нейронная сеть вне зависимости от своей сложности действует согласно заданному алгоритму, она может его усложнять, но не отступать от него. Любое новое исследование проводится ею путем сравнения имеющихся данных с ранее полученными результатами.

Исходя из вышеизложенного, применение нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз даже в качестве сетей, исключительно анализирующих поступающую информацию и дающих выборку из возможных вариантов, способно не только оказать эксперту практическую помощь, но и ввести его в заблуждение. Так, например, эксперту с высокой квалификацией и большим практическим опытом работа нейросети не потребуется, а начинающему эксперту использование аналитической деятельности нейросети нежелательно в виду ограничения возможностей собственной мыслительной деятельности.

1. Искусственный интеллект в механизме развития человеческой цивилизации / С.И. Захарцев [и др.] // Юрид. наука: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 47–73.

2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.papillon.ru/products/programs/adis/?ysclid=19563p2uzw206993036>. – Дата доступа: 14.11.2022.

3. Бахтеев, Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург, 2022. – 504 л.

4. Журавлева, А.В. Этические вопросы искусственного интеллекта: мост между человеком и технологиями / А.В. Журавлева // Теория права и межгос. отношений. – 2021. – Т. 1. – № 1 (13). – С. 143–152.

УДК 343.98

Б.А. Усовский, В.Н. Смоленчук

ОБ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Экспертиза идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств на современном этапе развития интегрирует знания из

разных научных областей. Подобное объединение влечет за собой трансформацию существующих объектов, методов и предмета экспертного исследования.

В Республике Беларусь процесс дифференциации экспертных исследований, который является следствием таких изменений, привел сначала к существенным различиям между исследованием идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств и судебной трасологической экспертизой по установлению уничтоженных (измененных) рельефных знаков, а затем к выделению в самостоятельный вид исследования в рамках экспертизы идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств.

На современном этапе такие экспертные исследования являются одними из самых востребованных, конкурируя с автотехническими и компьютерно-техническими экспертизами.

Объектом исследования являются непосредственно идентификационные маркировочные обозначения, нанесенные на кузов либо раму транспортного средства, а также на другие его узлы и агрегаты [1, с. 5].

Процесс исследования заключается в установлении и оценке соответствия комплекса признаков исследуемого объекта комплексу признаков заводских (первоначальных) идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств. В рамках данного вида экспертного исследования решаются вопросы диагностического характера в части установления факта изменения либо уничтожения первоначальных идентификационных маркировок и установлению содержания первоначальных идентификационных маркировочных обозначений:

изменялось ли идентификационное маркировочное обозначение предоставленного на исследование транспортного средства, либо его агрегата?

если да, то каким способом?

каково содержание первоначального идентификационного маркировочного обозначения транспортного средства (узла, агрегата)? [2, с. 336]. Вышеуказанные вопросы относятся к основным, однако стоит отметить, что пределы данного исследования гораздо шире. Помимо вышеперечисленных задач, экспертом может быть установлен факт замены отдельных деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, произведен поиск дополнительных источников информации, позволяющих идентифицировать автомобиль.

Вопросы, лежащие в плоскости идентификации орудий и инструментов, которыми наносились вторичные маркировки, решаются в рамках традиционной трасологической экспертизы по установлению уничтоженных (измененных) рельефных знаков.

Такие исследования должны проводиться квалифицированными специалистами, прошедшими соответствующую подготовку.

Подготовкой специалистов в области исследования идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств осуществляется в Государственном учреждении образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» в соответствии с утвержденным Министерством образования Республики Беларусь образовательным стандартом по специальности 9-09-1037-18 «Судебная экспертиза идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств» с присвоением квалификации «Судебный эксперт в области идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств» [3].

Срок обучения составляет от 4,5 до 6 месяцев в зависимости от формы обучения. В рамках освоения вышеуказанной образовательной программы изучаются следующие дисциплины специальности: «Судебная экспертиза идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств»; «Методы и технические средства исследования идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств».

В Республике Беларусь экспертные исследования проводятся только в Государственном комитете судебных экспертиз, в частном порядке такой вид исследований не проводится.

Инициатором, как правило, выступают правоохранительные органы, в пределах компетенции которых разрешаются материалы, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь.

Процесс исследования предусматривает применение неразрушающих и разрушающих методов, как с использованием приборов диагностического контроля, так и с применением химического травления номерной площадки.

Применение неразрушающих методов предполагает использование таких технических средств, как дефектоскопы «Константа ВД-1», толщиномеры лакокрасочного покрытия «Константа К-5». Специалистами также используются и магнитооптические приборы для контроля подлинности VIN-номеров автомобилей «Регула 7505М».

Исследование имеющихся дополнительных источников информации проводится в объеме, определяемом экспертом с учетом их идентификационной значимости с применением диагностических автомобильных сканеров и специализированных лаунч-сканеров.

Как показывает анализ экспертной практики, определение факта изменения маркировочных обозначений чаще всего не вызывает суще-

ственных затруднений. Однако при решении вопроса об установлении содержания первичного идентификационного маркировочного обозначения в большинстве случаев применения традиционных физических и химических методов не всегда достаточно.

Исследование идентификационных маркировочных обозначений отличает расширенный подход. Он проявляется в том, что для установления первичного маркировочного обозначения, а по сути первичного идентификационного номера, исследуется комплекс объектов, которые составляют как непосредственно само транспортное средство, так и заимствуются из других источников информации об автомобиле, например, регистрационных документов транспортного средства, внутриводских баз данных предприятий-изготовителей, сведений, полученных от официальных дилеров.

Доступ к информации из производственных баз данных предприятий-изготовителей – это путь решения задачи, основанный на необходимости поиска информации о предоставленном автомобиле. Такая информация может либо непосредственно свидетельствовать о содержании заводских маркировочных обозначений, либо содействовать в их установлении.

Вместе с тем такая норма не предусмотрена в Законе Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» [4], что часто приводит к выводам о невозможности решения поставленных вопросов, а следовательно, к неполному исследованию транспортных средств.

В то время как, например, Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» напрямую указывает на возможность использования экспертами справочной информации в рамках своего исследования. Согласно ст. 39 данного закона «...организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности обязаны безвозмездно предоставлять по запросам руководителей государственных судебно-экспертных учреждений образцы или каталоги своей продукции, техническую и технологическую документацию и другие информационные материалы, необходимые для производства судебной экспертизы» [5]. При этом «...государственные судебно-экспертные учреждения обеспечивают неразглашение полученных сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну».

Как видим, возможность использования справочной информации урегулирована на законодательном уровне, что не только облегчает работу эксперта, но и напрямую влияет на глубину и качество проведенного исследования и, как следствие, позволяет выявлять угнанные и похищенные транспортные средства.

Однако криминальные схемы легализации ТС весьма многогранны. На сегодня крайне актуальной проблемой является исследование так называемых автомобилей-двойников, зарегистрированных либо в разных регионах одного государства, либо в разных странах.

Часто результаты исследования непосредственно маркированного элемента кузова объективно не позволяют эксперту определить признаки видоизменения, однако справочная информация завода-изготовителя однозначно указывает на то, что внешний вид, технические характеристики, комплектация транспортного средства не соответствуют автомобилю с данным конкретным идентификационным номером.

Таким образом, для обеспечения полного и достоверного исследования на предмет установления первичных идентификационных маркировочных обозначений эксперту необходим доступ не только к информационным данным предприятия-изготовителя, но и к информации электронных блоков управления, что, безусловно, является одним из путей решения проблемы.

Представляется целесообразным идти по пути решения поставленных задач либо с привлечением специалистов смежных областей знаний, например, экспертов-автотехников, автотовароведов в рамках комплексного исследования, либо стоит рассматривать вопрос о расширении компетенции эксперта в области идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств, что объективно повлечет изменение методических подходов при проведении данного вида исследований.

1. Нагайцев, А.А. Исследование маркировочных обозначений легковых автомобилей зарубежного производства : учеб. пособие / А.А. Нагайцев. – М. : ЭКЦ МВД России, БИНОМ, 1999. – 263 с.

2. Трасология и судебная трасологическая экспертиза : учеб. пособие / И.А. Анищенко [и др.] ; под общ. ред. В.Н. Смоленчука ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2019. – 346 с.

3. Перечень видов и подвидов судебных трасологических экспертиз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudexpert.gov.by/ru/tras.html>. – Дата доступа: 08.11.2022.

4. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 281-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2021 г. № 93-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 31 мая 2001 г., № 73-ФЗ (с изм. и доп.). – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123142/>. – Дата доступа: 08.11.2022.

ТЕРМИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННАЯ ДРЕВЕСИНА: ВЫЯВЛЕНИЕ ФАКТОВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ С ПОМОЩЬЮ БИК-СПЕКТРОСКОПИИ (НА ПРИМЕРЕ СОСНЫ ОБЫКНОВЕННОЙ)

Несмотря на то что древесина – это природный конструкционный материал, получивший широкое применение в строительстве, в последние годы все более актуальным становится поиск эффективных способов, позволяющих повысить эксплуатационную стойкость и долговечность строительных лесоматериалов и изделий (СЛиИ). Одним из таких является термическая модификация, в основе которой лежит сушка древесины при высоких температурах.

Еще с древних времен люди пытались улучшить свойства древесины путем воздействия на ее поверхность открытым огнем [1, р. 171], однако первые научно обоснованные работы соответствующей направленности были опубликованы только в первой половине XX в. в Германии и США практически одновременно и независимо друг от друга [2, р. 6581; 3, р. 895]. Согласно проведенным исследованиям было установлено, что основные компоненты древесины при термообработке разрушаются по-разному. Так, лигнин и целлюлоза разрушаются медленнее и при более высокой температуре, в отличие от гемицеллюлозы; легче всего разрушаются экстрактивные вещества, поэтому именно эти компоненты и испаряются из древесины во время термообработки.

Термическая модификация позволяет существенно улучшить качество, повысить эксплуатационную стойкость (увеличить срок службы), а также расширить области применения СЛиИ, вместе с тем происходит и увеличение их стоимости, и, как следствие, увеличение рисков фальсификации из-за несоблюдения условий проведения того или иного этапа термообработки. При этом доказать факт нарушения температурных режимов значительно проще, поскольку в настоящее время разработаны методы измерения неоднородности цветовых характеристик древесины после высокотемпературного воздействия [4]. В то же самое время установить несоответствие реального времени процесса модификации заявленному значительно труднее, поскольку в таком случае цвет древесины может практически не меняться, а вот прочностные характеристики заметно снижаются, поскольку глубина термической деструкции зависит от продолжительности нагрева, что приводит к появлению «скрытой» бракованной продукции.

Для таких случаев требуется использование других аналитических методов, одним из которых является спектроскопия ближней инфракрасной области (далее – БИК-спектроскопия). Отметим, что данный метод уже нашел применение в экспертных исследованиях СЛиИ в Республике Беларусь, например, для установления (подтверждения) породы древесины [5, с. 161], а также идентификации целого по частям [6, с. 135].

В данной работе показана возможность дифференциации образцов древесины сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.), которые прошли термообработку в течение 4 и 8 часов для 120 °С (группа № 1) и для 220 °С (группа № 2) соответственно. Выбор древесной породы обусловлен тем, что сосновые СЛиИ являются широко используемыми в подавляющем большинстве отраслей производства, где возможно применение древесины.

Термическая модификация проводилась в муфельной печи; всего использовано 240 образцов (заболонная часть, по 60 для каждого из четырех возможных вариантов термообработки) размером 13,5–15 × 72–80 × 90 мм (вдоль волокон) без видимых пороков, которые были предварительно плотно завернуты в алюминиевую фольгу, чтобы максимально ограничить возможность окисления. На рис. 1 показан внешний вид образцов после термообработки.

Рис. 1. Образцы древесины сосны обыкновенной при воздействии температуры 120 °С и 220 °С в течение 4 и 8 часов

Как можно видеть из представленного рисунка, температура оказывает существенное влияние на цвет древесины в отличие от времени воздействия.

БИК-спектры термообработанных образцов регистрировались способом, описанным в работе А.Н. Хох, В.Б. Звягинцева [7, с. 52]. Классификационные модели строились по данным вторых производных отдельно для группы № 1 и группы № 2 с использованием формального независимого моделирования аналогий классов (далее – SIMCA, Soft Independent Modeling of Class Analogy) в пакете программ The Unscrambler X v.10.4.1 (CAMO, США; активационный ключ: MKCNDKKAQBN RZSMNTSNSKFBMMZRKK).

Для этого из четырех выборок (120 °С, 4 часа; 120 °С, 8 часов; 220 °С, 4 часа; 220 °С, 8 часов) формировалось два набора данных, один из ко-

торых служил для обучения модели (градуировочный набор: 40 спектров в выборке), второй использовался для ее проверки (валидационный набор: 20 спектров в выборке).

Прежде всего для каждого градуировочного набора строились предварительные классификационные модели методом главных компонент (РСА) для каждого из четырех исследованных вариантов термообработки. Целью РСА являлось выделение из заданных массивов данных полезной и шумовой составляющей.

Далее на основании рассчитанных доверительных интервалов строились окончательные классификационные модели для группы № 1 и группы № 2, которые обладали 100%-ной точностью предсказаний в пределах градуировочного набора. Расстояние между РСА-моделью (120 °С, 4 часа) и РСА-моделью (120 °С, 8 часов) составило 345,14; между РСА-моделью (220 °С, 4 часа) и РСА-моделью (220 °С, 8 часов) – 65,91.

Практические возможности использования полученных классификационных моделей были проверены на 80 образцах валидационных наборов. Для визуализации результатов классифицирования использовался график Кумана, на котором отклонение новых объектов от ранее построенных моделей отображается в виде геометрического расстояния между ними. Считали, что новый объект принадлежит группе (классу), если он визуально совпадает или отклоняется от построенного пространства главных компонент не более других объектов этой группы. В результате установлено, что точность классификационной модели на валидационных наборах составляет 97,5 % для температуры 120 °С и 95,8 % – для температуры 220 °С. При этом не был классифицирован для выборки (120 °С, 4 часа) один образец из 20 исследованных, два образца для выборки (220 °С, 4 часа) было отнесено к выборке (220 °С, 8 часов).

Таким образом, в результате проведенных исследований получены новые экспериментальные данные и доказана принципиальная возможность проведения дифференциации образцов древесины (на примере сосны обыкновенной), которые прошли различную по интенсивности термообработку на основании анализа спектральных характеристик. Метод SIMCA позволил создать модели с достаточно высокой точностью классификации (> 95 %). Полученные на данный момент результаты носят предварительный характер, однако открывают новые перспективы для дальнейшего изучения. В дальнейшем предлагаемый алгоритм за счет своей экспрессности может быть востребован при проведении экспертных исследований СЛиИ, связанных с установлением (подтверждением) сведений о заявленном варианте термической модификации, в том числе установлением принадлежности конкретной партии.

1. Shaikhutdinova, A.R. Thermal modification of wood in production of finishing materials / A.R. Shaikhutdinova, R.R. Safin, F.V. Nazipova // *Solid State Phenomena*. – Trans Tech Publications Ltd, 2017. – V. 265. – P. 171–176.
2. Hill, C. Thermal modification of wood – A review: Chemical changes and hygroscopicity / C. Hill, M. Altgen, L. Rautkari // *Journal of Materials Science*. – 2021. – V. 56. – № 11. – P. 6581–6614.
3. Sandberg, D. Wood modification technologies-a review / D. Sandberg, A. Kutnar, G. Mantanis // *Iforest-Biogeoeciences and forestry*. – 2017. – V. 10. – № 6. – P. 895.
4. Yan, L. Kinetic color analysis for assessing the effects of borate and glycerol on thermal modification of wood / L. Yan, J.J. Morrell // *Wood Science and Technology*. – 2019. – V. 53. – № 1. – P. 263–274.
5. Хох, А.Н. Установление видовой принадлежности древесины хвойных пород с помощью спектроскопии в ближней инфракрасной области / А.Н. Хох, В.Б. Звягинцев // *Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы*. – 2020. – № 1. – С. 161–167.
6. Хох, А.Н. Исследование клеточных структур и химического состава хвои сосны обыкновенной для установления целого по частям при отсутствии общей линии разделения / А.Н. Хох // *Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы*. – 2021. – Т. 50. – № 20. – С. 135–141.
7. Хох, А.Н. Установление породы древесины по спектрам диффузного отражения в ближней инфракрасной области с применением линейного дискриминантного анализа / А.Н. Хох, В.Б. Звягинцев // *Теория и практика судеб. экспертизы*. – 2022. – Т. 17. – № 1. – С. 50–57.

УДК 343.982.3

В.А. Чванкин

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОТСУТСТВИЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ ПАПИЛЛЯРНОГО УЗОРА

В последние 10–15 лет в Республике Беларусь наметился значительный прорыв в судебно-экспертной деятельности, в том числе и в области дактилоскопии и судебной дактилоскопической экспертизы. Создана и актуализирована методика проведения дактилоскопической экспертизы, издано несколько учебников и учебных пособий по данной тематике, написано большое количество научных статей в области дактилоскопии и судебной дактилоскопической экспертизы, постоянно совершенствуется практика проведения осмотров мест происшествия с использованием различных методов для обнаружения, выявления и изъятия дактилоскопических следов и т. д.

На сегодня одно из направлений совершенствования в данной области связано с проведением судебной дактилоскопической экспертизы, оценкой установленных признаков и формулированием обоснованных выводов. При проведении экспертизы одной из задач для эксперта является не только установление имеющихся особенностей в следе, но и оценка и объяснение их. Для этого эксперт должен знать не только процесс формирования папиллярного узора, механизм образования следа, признаки негативного и позитивного отображения следа, но и ряд иных факторов, которые могут влиять на отображение папиллярного узора в следе.

В настоящее время установлено, что существует ряд факторов, не связанных с механизмом образования следа, которые влияют на отображение папиллярного узора в следе.

К таким факторам можно отнести:

наличие у человека редких генетических мутаций, которые могут привести к частичному изменению или отсутствию папиллярного узора. Например, у людей с формами эктодермальной дисплазии (синдром Оберста Лена Хаусса, или дерматопатия пигментной ретикулярной формы) может отсутствовать папиллярный узор. При адерматоглифии единственным проявлением этой генетической мутации является отсутствие папиллярного рисунка на пальцах рук и ног, на ладонях и подошвах ног. У этой мутации нет никаких сопутствующих проявлений, выраженных в нарушении его нормальной жизнедеятельности или снижении продолжительности жизни. Это означает, что адерматоглифия не является заболеванием, а по исследованиям 2011 г. установлено, что это неправильная экспрессия белка;

изменение папиллярного узора с помощью технологий редактирования генома. Вероятно, это станет возможным уже в ближайшем будущем, и может быть использовано для внесения изменений в те участки ДНК, которые отвечают за формирование папиллярного узора. В США в 2017 г. был проведен ряд действий, направленных на возможное изменение генома в будущем. Например, была проведена операция по редактированию генома прямо в теле человека, и американское управление по контролю за продуктами питания и лекарствами также одобрило генную терапию для лечения лимфобластного лейкоза;

изменение папиллярного узора в результате потребления лекарственных препаратов. Может привести к исчезновению или изменению папиллярного узора в результате побочных эффектов от приема отдельных лекарственных препаратов. К таким препаратам, например, можно отнести капецитобин («Кселода»);

косметико-хирургические изменения папиллярного узора. Например, в результате пластической операции (трансплантации собственной кожи

на ногтевую фалангу, со стопы). Следует отметить, что в результате проведенной пластической операции могут остаться элементы «старого» папиллярного узора, например, по краям пальца, отображение которых в следе может указывать на проведенную трансплантацию. В отдельных случаях по таким следам возможно проведение идентификации;

изменение папиллярного узора в результате воздействия на него химическими реагентами. Например, кислота или щелочь. Однако следует отметить, что применение химических реагентов не полностью уничтожает папиллярный узор, а изменяет его на значительное время, после которого все равно папиллярный узор восстанавливается и будет возможно проведение идентификации;

изменение папиллярного узора в результате его физического (механического) повреждения. Связан с кратковременным повреждением папиллярного узора, который восстанавливается через определенное время. При этом, если удаление происходило с помощью ножа, наблюдаются обширные порезы;

возрастные изменения папиллярного узора. Ряд авторов выделяют и эти изменения, происходящие во всей площади кожи человека, в том числе и на ногтевых фалангах пальцев, уменьшаются эластичность кожи и высота гребней папиллярного узора, и др. Однако степень возрастных изменений слишком незначительна, чтобы затруднить идентификацию, об этом свидетельствует ряд научных исследований разных лет. Возрастные изменения также не представляют проблем для большинства современных автоматизированных средств сбора и обработки дактилоскопических следов.

Знание данных факторов, грамотное владение ими и умение правильно их устанавливать и оценивать позволит судебному эксперту сформулировать обоснованные выводы в заключении эксперта, а сотрудникам иных правоохранительных органов грамотно оценить и использовать заключение эксперта для раскрытия и расследования уголовных дел, установления виновных лиц.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

А.В. Балиткин

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМ

На современном этапе развития общества одной из наиболее актуальных проблем для любого государства является распространение наркомании, которая, будучи социально-негативным феноменом, влечет за собой не только причинение вреда здоровью наркопотребителей, но и криминализацию самых разнообразных областей социального пространства, обуславливает появление новых свойств современной преступности. Наиболее эффективно противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров (далее – наркотики) осуществляется применением оперативно-розыскных мер. В свою очередь, решение задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД), как и любой социально полезной деятельности, представляется возможным лишь при совместных усилиях заинтересованных субъектов. Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) определяются содержание и отдельные условия взаимодействия [1], что предопределяет значимость такой деятельности для противодействия преступности.

Отдельные проблемные аспекты взаимодействия нашли свое отражение в работах Т.В. Аверьяновой, О.Я. Баева, А.Р. Белкина, Р.С. Белкина, А.В. Башана, И.И. Басецкого, Г.А. Корнилова, В.А. Жбанкова, А.С. Самоделькина, А.Н. Тукало и других, трудами которых, несомненно, внесен существенный вклад в разработку теоретических основ взаимодействия в ОРД. Вместе с тем разработанные ими рекомендации не отражают всего многообразия особенностей организации и правового обеспечения совместной деятельности оперативных и следственных подразделений.

Принимая во внимание, что определение изучаемого явления служит методологическим инструментом познания, представляет интерес исследование сущности взаимодействия в теоретическом аспекте. Ретроспективное исследование литературы позволяет сделать вывод, что попытки сформулировать определение взаимодействия предпринимались практически с момента появления науки ОРД. Полагаем нецелесообразным детально останавливаться на взглядах советских ученых, так как в данный период исследования проблемы взаимодействия характеризуются наличием лишь двух органов, осуществляющих ОРД, – Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, а сама деятельность рассматривалась, в первую очередь, как средство обеспечения уголовного процесса.

В постсоветский период, с формированием правовой регламентации ОРД, продолжились изыскания, однако до настоящего момента этот вопрос остается дискуссионным. Н.П. Голядин определяет взаимодействие как основанную на законодательных и подзаконных нормативных актах деятельность ограниченного круга субъектов в режиме строгого соблюдения секретности и конспирации по согласованию и осуществлению мер, направленных на получение информации о группе внешних объектов, требующих последующего правового воздействия [2, с. 14]. Безусловно, этот подход представляет определенный научный интерес, однако, полагаем, отражение «секретности» и «конспирации» в качестве признаков взаимодействия не всегда целесообразно, так как данные категории относятся к ОРД в целом.

Изучив различные научные взгляды, считаем обоснованным подход к пониманию взаимодействия, с учетом разграничения компетенции его субъектов, предложенный С.Д. Назаровым. Взаимодействие понимается автором как основанная на законе и осуществляемая в пределах своей компетенции согласованная деятельность, направленная на обеспечение задач борьбы с преступностью на основе комплексного подхода и наиболее эффективного использования имеющихся в распоряжении сил, средств и методов [3, с. 12–13]. Данное определение создает научную основу системного подхода к решению задач ОРД взаимодействующими субъектами. Примечательно, что ведомственная компетенция как фактор взаимодействия в дальнейшем нашла отражение в работах других авторов [4, с. 14]. Более того, отдельные исследователи отмечают, что «в основе взаимодействия лежит строгое распределение обязанностей с учетом специализации каждого из взаимодействующих подразделений» [5, с. 114], т. е. определяют разделение компетенций как принцип, лежащий в основе взаимодействия, что, на наш взгляд, является

ся вполне оправданным и достаточно аргументированным. Применение изложенного подхода к пониманию сущности взаимодействия позволяет все многообразие его организационных форм классифицировать по родовому признаку организационной принадлежности субъектов на внутриведомственное и межведомственное, к которому, в частности, относится взаимодействие оперативных и следственных подразделений, осуществляемое в совместном производстве следственных действий, предоставления и представления материалов ОРД, исполнении отдельных поручений, участии в проведении процессуальных действий.

В настоящий момент сформирован эффективный механизм взаимодействия между следователями и оперативными сотрудниками, в связи с чем проблемные аспекты возникают локально и не носят системного характера, за исключением применения нормы о даче следственным подразделением поручения органу дознания. Изучением состояния взаимодействия выявлена тенденция направления следователями в порядке ст. 184 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) [6] абстрактных и однотипных поручений, которые часто не содержат указаний о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и производстве процессуальных действий в отношении конкретных лиц, возможная причастность которых к совершению преступления установлена в ходе расследования. Более того, во многих случаях вовсе поручение ограничивается фразами общего содержания как-то отработать ранее судимых лиц и лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за незаконный оборот наркотиков, и т. п. Отсутствие персонифицированного круга лиц, в отношении которых необходимо проведение ОРМ, конкретных указаний об их проведении существенно снижает эффективность работы оперативного сотрудника, необоснованно увеличивая документооборот.

Решением данной проблемы является создание практики направления поручений, содержащих конкретные действия, которые необходимо выполнить, как правило, в отношении указанных в поручении лиц. В свою очередь, создание такой практики представляется возможным путем принятия соответствующих организационных мер либо нормативного закрепления прав и обязанностей взаимодействующих субъектов. В связи с чем ч. 4 ст. 184 УПК предлагается дополнить следующими словами: «Поручение дается в письменной форме с указанием конкретных действий (мероприятий) и лиц, в отношении которых их необходимо произвести (провести)». Создание подобной практики позволит повысить качество взаимодействия органов внутренних дел и Следственного комитета при расследовании наркопреступлений.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Голяндин, Н.П. Взаимодействие оперативно-поисковых подразделений с другими оперативными подразделениями органов внутренних дел в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Н.П. Голяндин ; Акад. МВД России. – М., 1997. – 19 с.

3. Назаров, С.Д. Взаимодействие аппаратов по борьбе с организованной преступностью с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / С.Д. Назаров ; Волгоград. юрид. ин-т МВД России. – Волгоград, 1997. – 22 с.

4. Баландин, Д.А. Взаимодействие оперативных подразделений исправительных колоний Минюста России и органов внутренних дел в борьбе с экономическими преступлениями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Д.А. Баландин ; Акад. упр. МВД России. – М., 2004. – 27 с.

5. Галахов, С.С. Правовые и организационные основы деятельности подразделений специальных технических мероприятий органов внутренних дел и перспективы их развития / С.С. Галахов, В.Н. Копытин ; ВНИИ МВД России. – М., 2003. – 288 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.985

Д.В. Гриб

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШАЕМОЕ ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сегодня информация представляет собой один из важнейших ресурсов, способствующих обеспечению функционирования организаций, а также является основой процесса глобализации общественных отношений. Вместе с тем цифровизация общества и государства оказала негативное влияние на рост преступлений в сфере информационных технологий.

В этой связи своевременной реакцией белорусских законодателей стало введение 9 июля 1999 г. в Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) ст. 212 «Хищение путем использования компьютерной техники», которая установила новую форму хищения – использование компьютерной техники. Кроме того, 26 мая 2021 г. внесены изменения в диспози-

цию ст. 212 «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации».

Вместе с тем в ближайшей перспективе аналитики прогнозируют значительный рост числа таких преступлений. В подтверждение данной позиции следует отразить тот факт, что удельный вес регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 212 УК, в структуре преступлений против собственности имеет тенденцию к неизменному росту и составляет уже не менее $\frac{2}{3}$. В частности, рост числа преступлений, предусмотренных ст. 212 УК, в 2019 г. по отношению к 2012 г. составил более 400 %. Более того, ущерб от таких преступлений превысил в разы объем похищенных средств другими преступными способами. Вместе с тем количество возбуждаемых уголовных дел по ст. 212 УК существенно больше, чем направлено в суд. Указанные факты свидетельствуют о возрастающей общественной опасности таких преступных деяний в информационном обществе.

В этой связи в современной науке особую остроту приобретает тема, касающаяся необходимости криминализации данного способа хищений. В узком смысле криминализация представляет собой признание в уголовном законе деяния общественно опасным и объявление его уголовно наказуемым [1, с. 75]. В качестве общего основания криминализации деяний выступает переоценка степени их общественной опасности в силу воздействия на волю законодателя объективных факторов развития общества и государства, в то время как причинами криминализации деяний является, как правило, отсутствие закрепления в уголовном законе новых, относительно недавно возникших угроз объектам (обособленным сферам общественных отношений), находящимся под уголовно-правовой охраной [2, с. 271]. Нельзя не согласиться с мнением Е.В. Епифановой, которая указала, что общественная опасность выступает в роли признака, который позволяет отграничить преступление от иных правонарушений: административные правонарушения, гражданско-правовые деликты являются вредными для общества или конкретного лица, асоциальными, но не общественно опасными [3, с. 47].

Кроме того, криминализация хищений имущества путем модификации компьютерной информации прежде всего обусловлена тем, что возрасла их общественная опасность. В связи с чем следует указать, что информационные технологии широко применяются в преступных посягательствах виновных лиц, которые в подавляющих случаях друг друга не знают, и их взаимодействие осуществляется с помощью виртуальных средств идентификации [4, с. 18].

Более того, повышенная общественная опасность таких хищений обусловлена транснациональным характером их совершения, как пра-

вило, преступники совершают деяния, находясь на территории другого государства, с которым отсутствует международное соглашение в сфере оказания правовой помощи в их выявлении и раскрытии.

Как видим, с одной стороны, широкое распространение рассматриваемого хищения обусловлено тем, что благодаря сети Интернет преступники обладают возможностью доступа к значительному числу потенциальных потерпевших, а также доступа к информационным ресурсам организаций, а также финансовых учреждений.

В связи с чем законодателями при введении специальной нормы, предусмотренной ст. 212 УК, соблюден принцип системности, справедливости уголовного закона, так как преступления, совершаемые в сфере информационных технологий, являются более общественно опасными по сравнению с традиционными преступлениями в сфере собственности, предусмотренными ст. 205 «Кража», ст. 209 «Мошенничество» УК.

Обобщая вышеизложенное, следует констатировать тот факт, что необходимость установления уголовной ответственности за хищение имущества путем модификации компьютерной информации связана со спецификой способов и средств совершения таких преступных посягательств против собственности. Кроме того, о повышенной общественной опасности рассматриваемой разновидности хищений свидетельствуют следующие факторы: высокая латентность данных преступлений, транснациональный характер их совершения и объективная сложность доказывания. В связи с чем указанные факты свидетельствуют о необходимости дальнейшего конструирования диспозиции, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков рассматриваемой уголовно-правовой нормы с целью эффективного противодействия преступлениям, совершаемым в данной сфере.

1. Гриб, Д.В. Социальная обусловленность норм уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий / Д.В. Гриб // Евраз. адвокатура. – 2019. – № 2 (39). – С. 74–78.

2. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика : монография / Н.А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – С. 579.

3. Епифанова, Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность : монография / Е.В. Епифанова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – С. 189.

4. Дмитренко, А.П. О нетипичных аспектах соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий / А.П. Дмитренко, Е.А. Русскевич // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – 2017. – № 5 (61). – С. 18–22.

ПРОБЛЕМЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА

Интернет активно используется каждым пользователем. Данная среда служит для обеспечения доступа к различным информационным ресурсам и системам. С каждым годом интернет все больше проникает в жизнь обычных людей, и это неудивительно. Ведь с помощью него можно обмениваться сообщениями с людьми, которые находятся на дальнем расстоянии от вас, можно найти необходимую информацию, решать производственные вопросы и приобретать необходимые товары и услуги.

Но есть и обратная сторона. Чем больше интернет проникает в нашу жизнь, тем больше появляется интернет-мошенничества, способов их совершения, и тем больше они становятся разносторонними. Стоит также отметить, что данный вид мошенничества является латентным, т. е. скрытым. Ведь он исключает непосредственный контакт с жертвой, данные о преступнике неизвестны, его место расположения, ник-нейм. Учитывая эти факторы, мошенники создают свой бизнес, основанный на обмане, и получают в дальнейшем огромные доходы с доверчивых граждан [1, с. 55].

В ходе раскрытия и расследования уголовных дел, которые связаны с использованием сети Интернет, возникают различные трудности, а именно:

- установление личности преступника;
- неизвестность его местонахождения;
- использование скрытых айпи-адресов;
- использование данных другого человека, не причастного к совершению преступления.

Исходя из этого, анализ правоприменительной практики показывает, что чаще всего совершаются следующие преступления:

- хищение информации путем использования вирусов, которые ломают систему и позволяют изъять необходимую для преступника информацию;
- неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, в том числе базы данных правоохранительных органов;

- использование внушения и злоупотребления доверием со стороны граждан и получение от них необходимой информации о банковских счетах, денежных средствах, и даже личной информации.

Как видим, преступники используют различные способы мошенничества и схемы обмана, что приводит к внесению корректировок в уголовный закон. Так, Федеральный закон Российской Федерации от 23 апреля 2018 г. № 111 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» внесены изменения в ст. 159.3 и 159.6, связанные с противоправными действиями преступников с электронными денежными средствами граждан [2].

У данных противоправных действий также есть свои распространенные способы, такие как:

рассылка различных спам-SMS, таких как о выигрыше автомобиля, от банковских служб, якобы о противоправно взятом кредите на имя лица, также использование социальных сетей. Взламывая аккаунты, начинают писать от имени друзей, что произошла тяжелая жизненная ситуация и необходимы срочно денежные средства;

создание интернет-сайтов, интернет-магазинов. При осуществлении заказа и после оплаты сайт блокируется и уже нельзя обнаружить его или написать в службу поддержки, банковский счет, на который были отправлены денежные средства, уже не существует, либо был использован интернет-кошелек. Примером такого рода мошенничества служит продажа товара через сайты «Авито», «Юла»;

звонки и представление от лица сотрудников банка, которые под предлогом проверки или убеждения лица, что на него был взят кредит мошенниками, далее просят перевести денежные средства таким способом, что лицо самостоятельно диктует данные своего банковского счета, говорит ключевые фразы «ДА», «СОГЛАСЕН» и переводит денежные средства под предлогом закрытия кредита и после возврата этих же денежных средств.

Мошенничество в глобальной компьютерной сети Интернет может производиться и другими способами. Так, мошенники могут создавать интернет-банки или же специальные мнимые вклады, затем обещают, что при минимальном взносе и за короткий срок вам удастся удвоить, или даже утроить вносимую сумму. Услуга интернет-казино может также предоставляться. За минимальную сумму вам могут предоставить большой шанс выиграть. За минимальную сумму вам могут предоставить большой шанс выиграть, но в итоге вы вовсе останетесь без денежных средств [3, с. 156].

Процесс сокрытия следов в данном случае проявляется в том, что мошенники изначально не оставляют никаких данных о себе, ни номер технической поддержки, ни факс, ни адреса электронной почты. Все сделки совершаются исключительно по предварительной оплате, если мошеннический сайт получает большую сумму денег, он и вовсе перестает существовать.

Данные способы совершения преступления в сети Интернет имеют свои особенности механизма слеодообразования. Этот механизм прояв-

ляется в том, что при совершении мошенничества в сети Интернет почти отсутствуют следы идеального характера. Это обусловлено тем, что потерпевший не контактирует со злоумышленником в реале, а весь процесс обмена информацией происходит через интернет. Исключением может служить только заказ какой-либо продукции через мошеннические интернет-магазины, в этом случае потерпевший может запомнить внешний вид курьера и сможет описать его внешность. Будет также объект преступления – посылка. Можно увидеть кем она отправлялась, адрес отправки, дату [4, с. 54–62].

Исходя из перечисленной выше информации, можно сделать вывод, что из-за постоянного развития интернет-ресурсов будут появляться различные способы интернет-мошенничеств. Но, несмотря на это, ведется и активное изучение данной проблемы с правоприменительной стороны. Создаются дополнительные ресурсы для изобличения лиц, совершающих подобного рода преступления, вносятся корректировки в законодательство. Именно поэтому представители закона, как и сеть Интернет, делают все возможное для изобличения преступников.

1. Харламов, Д.Д. Уголовная ответственность за компьютерное мошенничество по УК Российской Федерации и ФРГ / Д.Д. Харламов // Бизнес в законе. – 2021. – С. 55–59.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 23 апр. 2018 г., № 111-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/. – Дата доступа: 14.10.2022.

3. Журавлева, Г.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: спорные вопросы теории и практики / Г.В. Журавлева, Н.А. Карпова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2017. – № 5. – С. 153–158.

4. Александрова, И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве / И.А. Александрова // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2013. – № 21. – С. 54–62.

УДК 343.98

Е.Г. Котова

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Актуальность данной темы вызвана прежде всего тем, что за последние 35 лет участились случаи вооруженных конфликтов в непосредственной близости от территориальных границ Российской Федерации, а в

2022 г. Россия стала участником вооруженного конфликта на Украине.

Стоит отметить, что 20 октября 2022 г. Президент издал Указ «О введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей», которые вошли в состав Российской Федерации.

Современные вооруженные конфликты представляют ряд правовых особенностей, среди которых следует отметить: активную вовлеченность гражданского населения в незаконные военные формирования, беспрепятственное распространение автоматического и стрелкового оружия, приостановку функционирования гражданской инфраструктуры, рост социального напряжения из-за потери работы местным населением, отсутствие наличия средств к существованию, что совокупно влияет на рост преступности.

С.А. Торопов, А.Н. Васильев, С.Л. Никонович и другие ученые исследовали данные вопросы в своих трудах.

Ключевыми условиями для качественного и результативного осмотра места происшествия (ОМП) являются: оперативность реагирования с момента поступления сигнала о необходимости выезда следственно-оперативной группы (СОГ) до прибытия ее на место; подготовка группы со стороны руководителя до выезда на место происшествия; координация и включение в СОГ представителей правоохранительных органов и военизированных формирований, обеспечивающих безопасность группы в районе предполагаемого осмотра; оперативность при составлении протокола, обеспечение сохранности следов.

Следственное действие, предполагающее ОМП в условиях военных действий, имеет ряд особенностей. Первой особенностью является незамедлительность реагирования СОГ. Постоянная угроза возможных изменений обстановки места происшествия, вплоть до полного уничтожения материальных следов, ввиду различных неблагоприятных природных факторов, обстрелов со стороны расположения военизированных формирований противника, требует максимально быстрой реакции со стороны СОГ.

Второй особенностью является формирование следователем СОГ. В условиях военного конфликта она действует в интересах безопасности группы, руководитель СОГ может включить в ее состав, помимо оперативных и иных работников органов дознания, служащих со стороны военизированного формирования, ответственного за определенный участок территории.

Третьей особенностью является предварительная материально-техническая подготовка группы. Необходимо учитывать тот факт, что СОГ осуществляет следственные действия на первой и второй линии оборо-

ны, что предполагает тактическую угрозу столкновения с диверсионно-разведывательной группой противника. Наличие данной угрозы предполагает, что СОГ должна быть ориентирована на свою защиту и обеспечена необходимыми средствами индивидуальной защиты в качестве бронежилетов, специальных средств, автоматов, разгрузок. СОГ должна иметь психологическую и техническую готовность к встрече с противником. Участники группы могут быть снабжены боевыми орудиями для ближнего боя (2–3 км) в виде минометов или ручных пулеметов.

Прежде чем приступить к организации выезда на место происшествия, руководителю СОГ необходимо собрать информацию о количестве участников вооруженных формирований, стадии конфликта (активная/неактивная), наличия различного вида вооружения, расположение минного заграждения по пути следования в зону осмотра, а также на самой территории осмотра.

Доставить СОГ на место можно либо вертолетом, либо автотранспортом. Наземный транспорт выдвигается в составе колонны из легковых (грузовых) машин, усиленной двумя-тремя единицами бронетехники для обеспечения безопасности.

По прибытии на место происшествия следователь осуществляет предварительный осмотр места происшествия. Предпринимая осмотр, руководитель СОГ должен руководствоваться вопросами, которые необходимо выявить: что произошло и механизм происшествия; время происшествия; сколько лиц участвовало и данные об этих лицах: характер и мотивы их действий; характер связи между преступниками и потерпевшим [1]. Немаловажным фактором является поиск свидетелей, которых необходимо опросить в кратчайшие сроки. Это обусловлено тем, что гражданское население в первые часы конфликта пытается покинуть небезопасную территорию, а военнослужащие могут быть передислоцированы вместе со своими подразделениями, что повлечет потерю ценных сведений [2].

По прибытии на место происшествия следователь должен убедиться, что неотложные меры по ликвидации последствий происшествия приняты, потерпевшему (если он есть) оказана помощь, место происшествия охраняется, удалены с места происшествия посторонние. Руководителю СОГ необходимо кратко побеседовать с очевидцами происшествия или лицами, обнаружившими его.

На начальном этапе осмотра следователь использует следующие тактические приемы: выясняет общую характеристику места происшествия, его размеры, расположение, фиксирует весь ход следственного действия при помощи фото- и видеосъемки. Учитывая особенности

военной обстановки, целесообразно будет использовать аналоговые квадрокоптеры отечественного производства, которые способны осуществлять работу в условиях радиоэлектронной борьбы. Беспилотный летательный аппарат позволяет произвести осмотр отдельных участков местности, потенциально опасных для непосредственного осмотра участниками СОГ [3].

При проведении ОМП необходимо учитывать особенности местности, включающие в себя природный ландшафт, ограниченность дорожной сети, пересеченность местности. Руководитель СОГ определяет начальную точку осмотра и его способ, который будет зависеть от предмета осмотра. Способы пространственного осмотра подразделяются: на концентрический – от периферии к центру, где происходили основные действия преступника; эксцентрический – от центра события к периферии; фронтальный (линейный) – по параллельным или соседним участкам; по секторам – когда следователь мысленно делит все место происшествия на участки (сектора) и осуществляет осмотр, последовательно передвигаясь от одного сектора к другому [4].

По прибытии на место происшествия необходимо произвести быстрый поиск вещественных доказательств. Учитывая, что в современных военных конфликтах массово используются дальнобойная реактивная артиллерия и другие поражающие средства, имеющие высокую дальность, маневренность, скорость, защитные характеристики против средств противовоздушной обороны, комнаты вещественных доказательств следственных органов прифронтовой зоны подвергаются опасности. Противник несет прямую угрозу уничтожения соответствующих органов, что ведет к риску утраты вещественных доказательств. В связи с этим, чтобы сохранить такие вещественные доказательства, как документы, цифровые носители, иные предметы, сотрудникам следственных органов рекомендуется незамедлительно переправить изъятые доказательства в соответствующие органы, которые находятся удаленно от линии поражения высокоточными артиллерийскими системами.

В прифронтовой зоне также следует использовать засекреченные каналы связи с помощью выведенных спутников на орбиту.

Осуществляя осмотр места происшествия, следователь должен оперативно заполнить процессуальные документы. В условиях боевых действий данную процедуру нужно осуществить незамедлительно и максимально детально, так как в случае обстрела может возникнуть необходимость в кратчайшие сроки покинуть место осмотра. При составлении протокола осмотра места происшествия необходимо соблюсти все предписанные требования [5].

В условиях активизации или временного прекращения боевых действий при работе с источником следовой информации надлежит учитывать все обстоятельства. В условиях соприкосновения с линией огня сотрудникам СОГ не представляется возможным осуществлять мероприятия по выявлению и изъятию материальных следов. В данной ситуации основной задачей СОГ является охрана места обнаружения источников следовой информации, которые в дальнейшем при обеспечении безопасности подлежат изъятию.

Таким образом, при ОМП в ходе боевых действий рекомендуется учитывать особенности в организации работы и снабжения техническими средствами СОГ, а также обеспечение сохранности вещественных доказательств и безопасности всех членов группы.

1. Кадатенко, Е.П. Принципы осмотра места происшествия как основополагающие требования при его производстве / Е.П. Кадатенко // Вестн. Акад. экон. безопасности МВД России. – 2011. – № 8.

2. Торопов, С.А. Особенности организации проведения осмотра места происшествия в условиях локального военного конфликта [Электронный ресурс] / С.А. Торопов, Д.А. Сафонов // Тавр. науч. обозреватель. – 2016. – № 12. – Ч. I. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-provedeniya-osmotra-mesta-proisshествiya-v-usloviyah-lokalnogo-voennogo-konflikta> (дата обращения: 14.10.2022).

3. Гирийчук, В.В. Использование специальных технических средств в правоприменительной деятельности / В.В. Гирийчук // Науч. портал МВД России. – 2009. – № 3.

4. Васильев, А.Н. Пособие для прокурорско-следственных работников / А.Н. Васильев, И.В. Виноградов, А.Р. Рагинов. – М. : Госюриздат, 1960.

5. Никонович, С.Л. Осмотр места происшествия: особенности проведения, фотофиксации, описания следов, орудий и предметов, назначения судебных экспертиз / С.Л. Никонович, В.А. Бекетов, А.Я. Авдальян. – Тамбов : Першина, 2016.

УДК 343.985

В.В. Кравец

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Экстремизм в последние несколько лет, как на территории Республики Беларусь, так и за рубежом, превратился в одну из главных угроз государственного и общественного строя. Преступления и правонарушения экстремистской направленности достаточно разнообразны – от прове-

дения несанкционированных массовых мероприятий, направленных на смену государственной власти, до функционирования незаконных вооруженных формирований и осуществления террористических актов.

В 2020 г. в Республике Беларусь, на фоне происходящих выборов Президента страны, мы наблюдали огромный рост преступлений экстремистской направленности, и можно с уверенностью сказать, что все государственные органы были проверены на прочность. Когда противоправная деятельность развивалась спланированно и быстро, с оказываемой поддержкой из-за границы, правоохранные органы первыми дали отпор подобным антигосударственным проявлениям. На тот момент правоохранный аппарат впервые столкнулся с масштабной угрозой государству и обществу. В своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь от 28 января 2022 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко сказал: «Подготовка мятежа 2020 года осуществлялась на порядок мощнее – с учетом прежних неудач. Мы однозначно расцениваем происшедшие события как многоэтапную скоординированную технологию. Реализовалась она одновременно по нескольким направлениям» [1].

Всплеск преступлений экстремистской направленности можно наблюдать не только на территории Республики Беларусь, но и по всему миру, что ставит перед мировым сообществом важнейшую проблему по обеспечению противодействия этому явлению. Антиэкстремистская деятельность направлена на обеспечение безопасного и стабильного развития государств и общества. Особая опасность угроз экстремизма и противодействие экстремизму как одно из ведущих направлений государственной правоохранный деятельности уже неоднократно признавались на высшем государственном уровне [2].

Сегодня экстремизм представляет собой усиливающийся в своей остроте и динамике фактор общественно-политической жизни страны. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 «О противодействии экстремизму» дано четкое понятие экстремизма (экстремистской деятельности) [3]. Данное понятие охватывает большой перечень способов совершения противоправных действий, которые носят масштабный насильственный характер и угрожают многим сферам безопасности государства (общественной, экономической, внутривнутриполитической, социальной и др.)

Следует отметить, что рост экстремизма чреват особо тяжелыми и разрушительными последствиями для всего конституционного строя нашей страны, ее территориальной целостности и политической стабильности. Сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что экстре-

мистские формирования хорошо обеспечены не только материально, но и информационно. В связи с происходящими процессами глобализации по всему миру почти каждый человек, где бы он не находился, имеет доступ к сети Интернет и при этом является участником разнообразных социальных сетей, мессенджеров и новостных каналов. Данный факт сыграл большую роль для экстремистских организованных групп, так как до начала активных противоправных действий экстремистские организации набирали собственную аудиторию в экстремистских Telegram-каналах и чатах, где экстремистская деятельность преподносилась обывателям как законная деятельность по борьбе с угнетателями. Под предлогами «ложного патриотизма», возможности заработать, скрыться от правосудия за ранее совершенные преступления оправдывались многие противоправные деяния. Людей, проживающих на территории нашей страны, подталкивали к активным антиобщественным действиям (забастовки, неповиновение и активное сопротивление сотрудникам милиции, несанкционированные массовые мероприятия и др.).

В указанных условиях можно говорить о том, что перед нами стоит острая необходимость совершенствования как законодательства, так и механизма противодействия экстремизму в Республике Беларусь. Что касается механизма противодействия, то перед правоохранными органами следует выделить ряд направлений антиэкстремистской деятельности:

- четкое определение ближайших и среднесрочных целей и задач в сфере противодействия экстремизму;

- выявление, пресечение и нейтрализация экстремистских формирований, которые подготавливают, финансируют, склоняют людей к осуществлению экстремистской деятельности на территории Республики Беларусь;

- выявление потенциальных субъектов экстремистской деятельности, которые в большей мере подвергнуты вербовке со стороны экстремистских формирований (молодежь, футбольные фанаты, националистически настроенные лица), и проведение с ними профилактической работы с целью отказа от насильственных способов доказывания своих убеждений;

- ведение оперативно-профилактических учетов в отношении лиц, совершивших различные правонарушения экстремистской направленности;
- разработка и реализация программ патриотического воспитания для всех возрастных групп;

- определение системы мер, направленных на профилактику экстремизма, где будут задействованы все государственные органы;

- информационное противодействие национализму, расизму и религиозному экстремизму;

создание единой информационной площадки в виде интернет-портала, с возможностью размещения информации во всех популярных социальных сетях (Facebook, YouTube, WhatsApp, Instagram) и мессенджерах (WhatsApp, Viber и Telegram), для постоянного и оперативного размещения актуальной новостной программы.

При этом ежедневно повышается уровень готовности, слаженности и оперативности правоохранительных подразделений для борьбы с любыми вызовами и проявлениями экстремистского характера. Стоит отметить, что, как показывает практика антиэкстремистской деятельности, используя только запретительные методы, решить проблему экстремизма невозможно. Для преодоления этого негативного элемента необходимо сплотить общество, принять меры по совершенствованию социальной, политической, экономической и идеологической обстановки в белорусском государстве.

1. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Заседание Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti>. – Дата доступа: 13.11.2022.

3. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.985

В.С. Красиков

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) – это сбалансированная правовая и организационная система проведения поисковых, разведывательных, достоверительных, в том числе и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), осуществляемых гласно и негласно для решения законодательно установленных задач. ОРД включает в себя: научный, правовой, организационный и тактический компоненты; закономерности

взаимодействия с физическими лицами, оказывающими содействие государственным органам, в том числе и на конфиденциальной основе; материально-техническое обеспечение.

С точки зрения права ОРД – это особая система регламентированных законодательством отношений по поводу: деятельности оперативных подразделений государственных органов; участия граждан в проведении ОРМ; содействия граждан на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД; получения информации, дающей основания для проведения ОРМ; процедуры проведения ОРМ оперативными подразделениями государственных органов гласно и негласно; использования результатов и материалов ОРД в целях решения установленных задач.

Однако эта деятельность имеет значение не только сама по себе, но и во взаимодействии с действующим законодательством, особенно с уголовным процессом. И здесь есть особенность. Так, в ходе ОРД при соблюдении предусмотренных законодательством процедур, отдельные протоколы ОРМ (о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания – ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь) имеют прямое доказательственное значение, а иные материалы ОРД, полученные в ходе ОРД, подлежат следственной проверке и оценке (ст. 101 УПК Республики Беларусь), после чего могут использоваться в процессе доказывания.

В этой связи перспектива совершенствования оперативно-розыскного законодательства относительно целей, задач ОРД, формулировок и содержания ОРМ видится в их корреляции с аналогичными позициями в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах [1, 2]. Это предполагает, например: гармонизацию оперативно-розыскного законодательства в части согласования формулировок ОРМ и гипотезы правовой нормы уголовного закона; внесение в УПК Республики Беларусь положений, в соответствии с которыми материалы ОРД стали бы процессуальным средством доказывания с последующей проверкой и оценкой их результатов судом; формирование в УПК Республики Беларусь главы либо групп статей, или частей конкретных статей, относительно порядка, правил и условий проведения (производства) ОРМ субъектами ОРД; согласование понятий, применяемых в ОРД и УПК Республики Беларусь относительно ОРМ и следственных действий, а также процедуры их осуществления. Этот подход предполагает комплексное и системное решение в целях гармонизации законодательства.

Есть иная перспектива. Так, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство Украины согласуются через нормативную регламентацию в гл. 21 УПК Украины следственных (розыскных) действий, обладающих доказательственным значением, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (например, ч. 1 ст. 246 УПК Украины), что образует логичную связь уголовного процесса и ОРД. Одновременно негласные следственные (розыскные) действия в оперативно-розыском законодательстве (по ч. 1 и 2 ст. 8 Закона Украины об ОРД) согласуются с положениями УПК, что определяет их преемственность и доказательственное значение в рамках уголовного процесса. На основании положений ч. 6 ст. 246 УПК Украины проводить негласные следственные (розыскные) действия также имеет право следователь, осуществляющий досудебное расследование уголовного правонарушения, или по его поручению – уполномоченные оперативные подразделения государственных органов, а также другие лица. Эти решения свидетельствуют о научной и практической проработке правовых решений в рамках унификации законодательства, а также о согласовании изменений в структуре правоохранительных органов.

Относительно иной позиции в современных научных исследованиях в сфере ОРД в Беларуси следует отметить работу А.М. Шинкевича [3], который предлагает: 1) реструктуризацию ОРМ в сфере оперативно-розыскного законодательства, признание за этим названием только тех действий, которые проводятся негласно, с применением специальных технических средств, на что требуется санкция прокурора; 2) действия оперативных работников (например: оперативный опрос, наведение справок, исследование предметов и документов и др.), на которые не требуется санкция прокурора, назвать поисково-проверочными мероприятиями (ППМ), в результате чего будет достигнута экономия времени, сил, средств и методов выявления правонарушений; 3) такие ОРМ, как «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» следует объединить и рассматривать в качестве оперативно-розыскной операции «имитация преступной деятельности», цели которой могут быть различными, например, задержание лица с поличным за преступление, установление соучастников преступления, масштабов преступной деятельности и другой информации, представляющей оперативный интерес.

Этот подход к решению научной и практической проблемы совершенствования законодательства не лишен дискуссионности. Во-первых, ППМ в такой трактовке теряют процессуальное значение в действиях по задержанию «с поличным», например, при пресечении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в ходе которого в настоящее

время проводится оперативный осмотр предмета преступления, оперативный осмотр местности и наблюдение, что может осложнить процесс доказывания по уголовному делу. Во-вторых, ППМ остаются мероприятиями, которым потребуются локальный правовой акт, регламентирующий оперативно-служебную деятельность в этом направлении и, следовательно, отчетность, а также делопроизводство. В этой связи экономии времени, сил, средств и методов выявления правонарушений может и не получиться. В-третьих, предлагаемый термин «имитация преступной деятельности» входит в противоречие с элементом конструкции «имитация» в рамках тактического построения «оперативная комбинация», что нелогично и может создать сложности не только в теории, но и правоприменительной деятельности.

Рассуждения о дискуссионности предлагаемых решений можно продолжить, однако это не отменяет проработку вариантов предложений с учетом изменения законодательства в будущем и системного подхода. По мнению автора, проблемы ОРД и ОРМ должны разрабатываться комплексно в рамках существующей парадигмы правовых отношений, где отсутствуют конфликтные противоречия в сфере действующего законодательства; практики правоохранительной деятельности; судебной перспективы предлагаемых законодательных решений и др. В любом случае необходимо исходить из следующих обстоятельств:

1) протоколы и материалы ОРД должны являться процессуальными источниками доказательств, если получены в соответствии с установленными законодательством процедурами. Такая постановка вопроса предполагает гармонизацию уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, и именно это избавляет от излишней траты времени, сил и средств в сфере прикладной деятельности правоохранительных органов;

2) значимость результатов ОРД может быть достигнута и расширением круга субъектов правоохранительных органов, вовлеченных в эту деятельность. По крайней мере, противоречий в том, что следователь станет субъектом ОРД и получит возможность не только взаимодействовать, но и планировать и координировать работу оперуполномоченных в рамках ОРМ при непосредственном пресечении преступлений с задержанием с поличным – не наблюдается;

3) ОРМ с точки зрения права – это юридический акт, направленный на решение задач ОРД и уголовного процесса, именно в этом видится основная цель правовых преобразований. В этой связи научная разработка может вестись в рамках гармонизации законодательства и преемственности позиций как с точки зрения ОРД, так уголовного права и процесса.

1. Красиков, В.С. Актуальная перспектива совершенствования норм оперативно-розыскного законодательства относительно оперативно-розыскных мероприятий / В.С. Красиков // II Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 10 дек. 2020 г.) : Ч. 2 ; редкол.: Р.М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2020. – С. 219–222.

2. Красиков, В.С. Актуальные перспективы совершенствования оперативно-розыскного законодательства / В.С. Красиков // Государство и право в XXI веке : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, 26–27 нояб. 2020 г., Минск / БГУ, Юрид. фак. ; редкол.: Т.Н. Михалева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 753–760.

3. Шинкевич, А.М. О совершенствовании перечня оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в Республике Беларусь / А.М. Шинкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – Минск : НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – 2021. – № 1 (49). – С. 78–83.

УДК 343.985

Д.М. Кудра

ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ежегодно в органы внутренних дел (ОВД) поступает более 40 тыс. заявлений и сообщений о безвестном исчезновении несовершеннолетних¹. Нередко исчезновение несовершеннолетнего сопряжено с совершением насильственных преступлений в его отношении, при этом не всегда бывают очевидны криминальный характер и обстоятельства безвестного исчезновения. Каждый год более 100 разыскиваемых, безвестно исчезнувших лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, становятся жертвами совершенного в отношении их преступления, и такое же количество погибает по иным причинам (несчастный случай, суицид и др.) в период их безвестного отсутствия.

В настоящее время серьезную озабоченность общества и государства вызывает проблема самовольных уходов несовершеннолетних, их последующая безнадзорность и беспризорность. Безвестное исчезновение ребенка или его самовольный уход всегда вызывает тревогу у его близких. Успешное выполнение правоохранительными органами задач по розыску без вести пропавших и самовольно ушедших несовершеннолетних невозможно без наличия у них достаточного количества надлежащих сведений, позволяющих провести глубокий и всесторон-

¹ Форма статистической отчетности «18» ЦСИ ФКУ ГИАЦ МВД России 10.5.0.16/csi.

ний анализ оперативной обстановки, объективно ее оценить, принять на этой основе обоснованные решения, изучить и обобщить передовой опыт, внедрить его в практику других подразделений, усовершенствовать методы работы, приемы и способы руководства и т. д. [1, с. 44]. Существенное значение при этом имеет своевременность получения нужных сведений, характеризующих безвестное исчезновение несовершеннолетнего, и грамотное их использование.

Пропавший без вести – юридический термин, определяющий положение человека, о местонахождении которого нет достоверной информации [5].

Необходимо отметить, что ни один действующий законодательный нормативный правовой акт Российской Федерации (РФ) не дает четкого определения термина «лицо, пропавшее без вести», хотя отдельные нормы, при совокупности их положений, позволяют получить представление о том, кто в соответствии с законом может быть им признан.

Сегодня указанный термин используется в различных интерпретациях в международных конвенциях, межгосударственных договорах и соглашениях РФ, в законах, многочисленных межведомственных (ведомственных) приказах, инструкциях и положениях правоохранительных и иных государственных органов. В сложившейся правоприменительной практике под ним подразумевается лицо, которое пропало неожиданно для окружающих, при неизвестных обстоятельствах и без видимых причин.

По нашему мнению, содержание понятия «лицо, пропавшее без вести» не должно ограничиваться факторами внезапности и беспричинности исчезновения, фактически, исключая из круга лиц, подлежащих незамедлительному розыску, несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений, очередной уход которых внезапным и беспричинным назвать нельзя [2, с. 74]. Во-вторых, в ситуациях, в которых человек пропадает, могут носить и смешанный характер (самовольный уход несовершеннолетнего и совершение в отношении его преступления), а их количество, по которым граждане исчезают, увеличивается с каждым днем.

Считаем, что статус несовершеннолетнего как «лица, пропавшего без вести», должен определяться по совокупности факторов, оказавших влияние на его безвестное исчезновение, и ограничивать содержание понятия обстоятельствами внезапности пропажи и отсутствием видимых причин случившегося, в настоящее время не совсем актуально. В контексте изложенного будет целесообразным на первоначальном этапе розыска несовершеннолетнего, во всех случаях считать его «лицом, пропавшим без вести», пусть даже при очевидности причин его исчезновения и отсутствия внезапности его пропажи для окружающих.

Применительно к правоохранительной практике оперативных подразделений ОВД, несовершеннолетним, пропавшим без вести, считается «лицо, не достигшее 18-летнего возраста, в отношении которого в ОВД поступило заявление или сообщение о его безвестном исчезновении».

Характеристика безвестного исчезновения несовершеннолетних содержит в себе общую информационную модель, позволяющую помочь сотрудникам оперативных подразделений ОВД на ее основе определить наиболее типичные источники получения информации о том или ином событии безвестного исчезновения несовершеннолетнего, а также выявить вероятные места их обнаружения (нахождения).

Одним из основных элементов характеристики безвестного исчезновения несовершеннолетних, который позволяет получить представление о возможных причинах и обстоятельствах исчезновения, является личность самого пропавшего. Личностные характеристики пропавшего несовершеннолетнего могут включать в себя: демографические данные; информацию о признаках внешности; физические, биологические, психологические особенности личности пропавшего ребенка; элементы виктимности в его поведении и др.

Проведенный анализ отдельных особенностей пропавших несовершеннолетних позволяет привести следующие их характеристики:

среди несовершеннолетних, заявленных в розыск, большинство составляют несовершеннолетние мужского пола – 60 %;

чаще исчезают несовершеннолетние в возрасте 15–17 лет – 57,5 %, в возрасте до 10 лет – 6,2 %, 11–14 лет – 33,7 %, пропавшие в возрасте до 7 лет – менее 3 %. В то же время возраст без вести пропавших несовершеннолетних, в отношении которых были совершены преступления, и разыскиваемых в рамках возбужденных уголовных дел составлял 7–11 лет (32,8 %), 15–18 лет (26,3 %) [3, с. 447];

из пропавших несовершеннолетних 79,3 % это «домашние дети», 20,7 % – воспитанники специализированных государственных учреждений;

на период подачи в розыск 48,4 % несовершеннолетних уже состояли на различных профилактических учетах в ОВД, при этом более 75 % – за бродяжничество и самовольные уходы. Это, как правило, несовершеннолетние из неблагополучных семей, проживающие с одним из родителей, состоящие на профилактических учетах, имеющие проблемы не только с учебой, но и законом;

подростки, впервые заявленные в розыск как пропавшие без вести или самовольно ушедшие, составляют не более 10–15 %, остальные уже имели «опыт» ухода из дома или государственного учреждения.

Приведенные данные позволяют составить типичный портрет без вести пропавшего несовершеннолетнего – это лицо мужского пола в

возрасте 15–17 лет, состоящее на профилактическом учете в ОВД, причиной исчезновения которого является его самовольный уход из дома, при этом несовершеннолетний уже ранее пропадал (уходил).

Ежегодно каждым четвертым безвестно исчезнувшим, заявленным в розыск, является лицо, не достигшее совершеннолетнего возраста. В 65 % случаях причиной безвестного исчезновения несовершеннолетнего является его самовольный уход из дома или государственного учреждения.

Существующие классификации обстоятельств и причин безвестного исчезновения нацелены прежде всего на разделение огромного количества фактов на более мелкие группы, обладающие специфическими особенностями, определяющими направление дальнейшей работы по розыску пропавшего несовершеннолетнего [4, с. 11].

По данным ведомственной статистики, местонахождение более 60 % заявленных в розыск несовершеннолетних удается установить в течение первых суток, 15 % – в срок до трех суток, еще 9 % детей обнаруживают до истечения 10 суток. Свыше 10 суток в розыске остаются около 5 % несовершеннолетних. Около 40 % несовершеннолетних возвращаются самостоятельно¹.

Для организации и выбора направления розыска безвестно исчезнувших несовершеннолетних важное значение приобретают полученные сведения о местах, связанных с несовершеннолетним (места: уходов (побегов), учебы, отдыха, времяпрепровождения и притяжения несовершеннолетнего), а также территории их обнаружения (установления).

Места самовольных уходов (побегов) и связанные с ними до их исчезновения – это дом, специализированные государственные учреждения для содержания несовершеннолетних (социально-реабилитационные центры, центры помощи детям), образовательные учреждения (школы, гимназии, техникумы, вузы), медицинские учреждения, места отдыха несовершеннолетних (детские оздоровительные лагеря), территории вероятного времяпровождения и притяжения несовершеннолетних (торговые центры, детские площадки и др.).

Характеристика фактов безвестного исчезновения несовершеннолетних является базовой основой для выдвижения оперативно-розыскных версий (о причинах, обстоятельствах) исчезновения несовершеннолетних и определяет необходимость использования тех или иных сил, средств и методов розыскной работы.

Наличие сведений о разыскиваемом, его образе жизни, поведении накануне исчезновения позволяет понять суть происшедших событий, установить причины исчезновения несовершеннолетнего, которые в по-

¹ Форма статистической отчетности «18». ЦСИ «ГИАЦ МВД России» 10.5.0.16/csi.

следующем могут служить основанием для выдвижения версий о его вероятном местонахождении.

Таким образом, полученные оперативно-розыскные данные о личности пропавшего, его образе жизни, событиях, предшествовавших пропаже, местах, возможно связанных с его исчезновением, выступают информационной основой характеристики безвестного исчезновения несовершеннолетних, знание которой будет способствовать эффективному решению организационно-тактических задач по их розыску.

1. Дьяков, Н.В. Из опыта розыска несовершеннолетних в Белгородской области / Н.В. Дьяков, А.Б. Свистильников, С.А. Темненко // Проблемы правоохран. деятельности. – 2019. – № 1. – С. 43–49.

2. Шишкина, Е.В. О некоторых проблемах розыска несовершеннолетних, самовольно покинувших учреждения государственного содержания / Е.В. Шишкина, И.Ф. Гаскаров // Рос. право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 73–79.

3. Котязов, А.В. История формирования научных основ деятельности следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести / А.В. Котязов // Российская полиция: три века служения Отечеству : сб. ст. юбил. Междунар. науч. конф. : в 2 ч., Москва, 21 дек. 2018 г. / под ред. В.Л. Кубышко. – М. : Акад. упр. М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2019. – Ч. 1. – С. 441–451.

4. Тамбовцев, А.И. Классификация обстоятельств безвестного исчезновения лиц: сравнительный анализ современных точек зрения / А.И. Тамбовцев // Науч. вестн. Ом. акад. МВД России. – 2013. – № 4 (51). – С. 7–12.

5. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Missing_person. – Дата доступа: 02.11.2022.

УДК 343

О.С. Кучин

ЛЕГАЛЬНОЕ ОТЛИЧИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОНЯТИЯ «ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ОТ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД), разведывательная и контрразведывательная уходят своими корнями в далекое прошлое. Интересы безопасности рода, племени, а впоследствии и государства, традиционно предполагали выведывание намерений своего окружения в целях защиты от вторжения чужеземцев, обеспечения собственных интересов. История мировой цивилизации, включая отечественную историю, со всей убедительностью подтверждает это.

В одном из первых археологических источников – обожженной дощечке с древними письменами, найденной на территории Сирии и датированной XIII в. до н. э., – «правитель одного города-государства жалуется правителю другого, что он отпустил его согладатаев согласно уговору, но выкупа за них до сих пор не получил» [1, с. 1].

Инстинкт самозащиты рода, племени и государственной общности выделил тех, кого в Библии называют «соглыдатаями», относя к ним лиц, исполняющих тайное, скрытое выведывание, высматривание и розыск [2, с. 167].

В известном древнекитайском трактате «Искусство войны», написанном более чем 2 500 лет тому назад, таинственным воином того времени Сунь Цзы в разделе «О пользе шпионов», довольно убедительно и наглядно описана роль конфиденентов в разрешении военных конфликтов [3, с. 219–223].

Правовое (легальное) регулирование ОРД, разведывательной и контрразведывательной деятельности непрерывно связано с развитием государственности. На различных исторических этапах становления и развития этих видов деятельности они регулировались как едиными, так и разными правовыми источниками.

Вместе с тем следует отметить, что ни одно современное государство мира не обходится без эффективной работы органов, которые являются субъектами ОРД, разведывательной или контрразведывательной деятельности. Эти виды деятельности должны постоянно совершенствоваться, развиваться. Для этого необходимо использовать все лучшие достижения науки и техники, а также изучать всемирный опыт и перенимать лучшие достижения мировой практики.

Еще в советский период развития нашего общества такой предмет, как ОРД, не говоря уже о таких, как разведывательная или контрразведывательная деятельность, преподавался только в закрытых ведомственных учебных заведениях КГБ СССР, МВД СССР, МО СССР. В последнее время на юридических факультетах гражданских высших учебных заведений стали активно преподавать основы или правовые основы ОРД. Одновременно в плане реализации разработок учебных магистерских программ в гражданских высших учебных заведениях успешно преподают курсы, которые затрагивают некоторые научные положения в сфере разведывательной и контрразведывательной деятельности. При преподавании таких спецкурсов, как «Бизнес-разведка», «Борьба с промышленным шпионажем», «Корпоративная защита бизнес-структур» и других, некоторые преподаватели используют информацию и материалы, полученные из открытых источников, о методах разведки и контрразведки, как отечественных спецслужб, так и зарубежных.

В связи с этим в ходе преподавания курса «Оперативно-розыскная деятельность» и некоторых иных сходных учебных дисциплин в гражданских (неспециализированных) высших учебных заведениях (вуз) Российской Федерации (РФ) у многих слушателей возникает обоснованный вопрос о том, чем же отличается ОРД от таких видов специальной деятельности, как разведывательная и контрразведывательная.

Как показывает преподавательский и научный опыт автора этой статьи, многие преподаватели вузов, не имеющие опыта работы в указанных видах специальной деятельности, не совсем верно понимают различия в ОРД, разведывательной и контрразведывательной деятельности, не разъясняют слушателям те фундаментальные правовые положения, которые отличают их друг от друга и не позволяют им смешиваться в единое целое.

Прежде всего следует отметить, что в РФ ОРД, разведывательная и контрразведывательная деятельность хоть и получила некое легальное определение и возможность ее открытого научного обсуждения и исследования, но все-таки основные ее положения носят, несомненно, закрытый (секретный) характер и общественному обсуждению априори не подлежат.

Вместе с тем согласно ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ № 144-ФЗ) ОРД – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Дальнейшее определение ОРД однозначно может быть расширено через исследование задач этой деятельности, которые изложены в ст. 2 ФЗ № 144-ФЗ. Так, к данным задачам законодатель относит:

1. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2. Осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

3. Добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ.

Как видно из вышеизложенного, ОРД в основном направлена на решение задач в области уголовного судопроизводства и борьбы с преступностью, хотя решение третьей задачи направлено и на получение информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности, что указывает на некоторые признаки задач, решение которых предназначено только органам разведки и контрразведки.

В связи с этим можно с уверенностью сказать, что с помощью сил и средств ОРД можно, в частности, решать задачи как разведывательного, так и контрразведывательного характера.

В РФ государственная разведывательная деятельность осуществляется органами внешней разведки в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (ФЗ № 5-ФЗ). Анализируя нормы ФЗ № 5-ФЗ, можно сделать вывод: разведывательная деятельность в РФ осуществляется только за ее пределами или же на территории страны, но с целью получения информации о деятельности иностранных объектов, интересующих разведку.

Согласно ст. 1 ФЗ № 5-ФЗ внешняя разведка РФ – это совокупность специально создаваемых государством органов (органов внешней разведки РФ) является составной частью сил обеспечения безопасности РФ и призвана защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных Федеральным законом разведывательных методов и средств.

В силу положений ст. 11 ФЗ № 5-ФЗ в РФ разведывательная деятельность осуществляется:

1. Службой внешней разведки РФ – в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической и экологической сферах, в сфере шифрованной, засекреченной и иных видов специальной связи с использованием радиоэлектронных средств и методов за пределами РФ, а также в сфере обеспечения безопасности учреждений РФ, находящихся за пределами территории РФ, и командированных за пределы территории граждан, имеющих по роду своей деятельности доступ к сведениям, составляющим государственную тайну;

2. Органами внешней разведки Министерства обороны РФ – в военной, военно-политической, военно-технической, военно-экономической и экологической сферах;

3. Разведывательными подразделениями федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ во взаимодействии с органами внешней разведки РФ и в соответствии с федеральным законодательством. При этом ФСБ РФ имеет право осуществлять внешнюю разведывательную деятель-

ность самостоятельно с территории страны (ст. 8, 12 и 13 Федерального закона Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности») (ФЗ № 40-ФЗ).

Из вышеизложенного видно, что количество субъектов разведывательной деятельности значительно меньше, чем субъектов ОРД. Так, согласно ст. 13 ФЗ № 144-ФЗ органов, осуществляющих ОРД, в ней указано всего 8, а органов, осуществляющих разведывательную деятельность согласно ФЗ № 5-ФЗ, – всего 3. Причем органы, осуществляющие разведывательную деятельность, имеют полное право осуществлять ОРД в полном объеме своих полномочий.

К сожалению, в российском федеральном законодательстве нет точного и единообразного определения разведывательной деятельности, как, например, определение ОРД в ст. 1 ФЗ № 144-ФЗ.

Анализируя же нормативные положения, указанные в ст. 1–13 ФЗ № 5-ФЗ, можно с уверенностью сказать, что разведывательная деятельность – это самостоятельная деятельность, осуществляемая специально созданными государственными органами (спецслужбами), осуществляемая в основном за пределами РФ, гласно и негласно, посредством добывания и обработки информации о затрагивающих жизненно важные интересы РФ и потенциальных возможностях, действиях, планах и намерениях иностранных государств, организаций и лиц; оказания содействия в реализации мер, осуществляемых государством в интересах обеспечения безопасности РФ и в целях обеспечения Президента РФ, Федерального Собрания и Правительства РФ разведывательной информацией, необходимой им для принятия решений в политической, экономической, оборонной, научно-технической и экологической областях; обеспечение условий, способствующих успешной реализации политики РФ в сфере безопасности; содействие экономическому развитию, научно-техническому прогрессу страны и военно-техническому обеспечению безопасности РФ.

Из вышеизложенного видно, что основная цель разведывательной деятельности – добывание информации для руководства государства.

Контрразведывательная деятельность в РФ осуществляется только органами ФСБ РФ в соответствии со ст. 8 ФЗ № 40-ФЗ.

Получается, что контрразведывательной деятельностью, кроме ФСБ РФ, никто заниматься не вправе, а вот ФСФ РФ вправе заниматься также и ОРД, и разведывательной деятельностью.

Вместе с тем данное положение, на наш взгляд, довольно спорное, так как органы внешней разведки СВР РФ и военная разведка МО РФ, исходя из нормативных положений ряда федеральных законов, могут

осуществлять мероприятия по обеспечению своей собственной безопасности, что, наверное, имеет сходные моменты и аспекты с контрразведывательной деятельностью ФСБ РФ, но может не совпадать по применению средств и методов.

Нормативное определение контрразведывательной деятельности дается в ст. 9 ФЗ № 40-ФЗ и понимает под ней деятельность, осуществляемую органами ФСБ и их подразделениями (органы контрразведки), а также должностными лицами указанных органов и подразделений посредством проведения контрразведывательных мероприятий в целях выявления, предупреждения, пресечения разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на нанесение ущерба безопасности РФ.

В ходе контрразведывательной деятельности используются специальные методы и средства (ст. 13 ФЗ № 40-ФЗ).

Так же, как и ОРД, разведывательная и контрразведывательная деятельность осуществляются гласно и негласно. Их особый характер определяется условиями этой деятельности. Порядок проведения контрразведывательных мероприятий устанавливается нормативными правовыми актами ФСБ РФ. Из изложенного видно, что фактически субъектом контрразведывательной деятельности являются только подразделения ФСБ РФ. Цели контрразведывательной деятельности также указаны в ФЗ № 40-ФЗ.

Полагаем, анализируя изложенное выше, можно сделать следующие выводы:

1. Основные положения ОРД, разведывательной и контрразведывательной деятельности частично регулируются соответствующим и различным по содержанию федеральным законодательством, а тактика и методика их проведения является государственной тайной и открытому опубликованию не подлежат.

2. ОРД, разведывательная и контрразведывательная деятельность имеют некоторые сходные черты и решают сходные задачи, но разными методами и способами.

3. Основными и одинаковыми принципами ОРД, разведывательной и контрразведывательной деятельности являются конспирация и сохранение государственной и служебной тайн.

4. В отличие от ОРД, осуществляемой перечисленными в ст. 6 ФЗ № 144-ФЗ оперативно-розыскными мероприятиями, разведывательная и контрразведывательная деятельность осуществляются специальными средствами и методами (разведывательными и контрразведывательными мероприятиями), которые официально не разглашаются и не регламентируются.

5. Органы, осуществляющие ОРД, разведывательную и контрразведывательную деятельность, имеют право привлекать граждан к конфиденциальному негласному сотрудничеству.

В связи с этим можно сделать однозначный вывод: ОРД, разведывательная и контрразведывательная деятельность являются отдельными, самостоятельными видами деятельности, осуществляемой гласно и негласно, специально уполномоченными на это государственными органами, и в юридической науке подлежат разделному изучению.

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2009. – С. 1.

2. Илларионов, В.П. Синедрион и кесарь против Иисуса Христа / В.П. Илларионов. – М. : Academia, 2003. – С. 167.

3. Сунь-Цзы Искусство войны / под ред. Томаса Клири ; пер. с англ. – М. : София, 2009. – 224 с.

УДК 343.102

К.С. Малышев

ПРАВОВЫЕ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ СПОСОБАМ БАНКРОТСТВА

В последние годы существования экономических систем все большее место имеет тенденция активного развития рыночной экономики. Рыночная экономика, в свою очередь, создает условия для осуществления преступной деятельности, связанной, в частности, с таким направлением, как банкротство.

Направление «противодействие криминальному банкротству» в настоящее время является одним из малоизученных в уголовно-правовой и криминологической науке. Обусловлено это в первую очередь тем, что преступления, связанные с данным феноменом, все больше и больше начинают набирать оборот. Преступления, связанные с банкротством, имеют высокую степень латентности, что дает возможность использования новых изощренных способов совершения рассматриваемых явлений.

Криминальное банкротство представляет серьезную угрозу национальной экономике, что находит свое подтверждение в положениях Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года (п. 22) [1].

В связи с этим считаем, что рассмотрение правовых и оперативно-розыскных средств противодействия криминальных способов банкротства подтверждается актуальными статистическими сведениями.

Криминальное банкротство – это категория, включающая в себя ст. 195, 196, 197 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Наиболее опасными можно считать «преднамеренное банкротство» (ст. 196 УК РФ) и «фиктивное банкротство» (ст. 197 УК РФ).

Под противодействием криминальному банкротству понимается деятельность компетентных органов и должностных лиц, организаций и граждан по предупреждению, в том числе по выявлению и последующему устранению причин криминальных банкротств; по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере банкротства; по минимизации отрицательных последствий преступлений в сфере банкротства.

Основные направления противодействия криминального банкротства: уголовно-правовая борьба с криминальными банкротствами, предупреждение криминального банкротства и минимизация отрицательных последствий криминального банкротства.

Одним из затруднительных аспектов в части выявления рассматриваемых преступлений выступает сопоставление нормативно-правовой базы, регулирующей процедуру банкротства и уголовного законодательства.

Выявление банкротства должно исходить из правильной квалификации преступных деяний, так как именно квалификация влияет на ход и результаты расследования и раскрытия преступлений.

Одними из наиболее действенных средств получения значимой информации выступает проведение оперативно-розыскных мероприятий, закрепленные в Федеральном законе РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. В ст. 6 указанного закона выделен исчерпывающий перечень из 15 ОРМ. Рассмотрим такие ОРМ, как «сбор образцов для сравнительного исследования» и «исследование предметов и документов», так как ключевая задача при раскрытии криминального банкротства – выявление и изъятие предметов, веществ и других объектов, которые имеют значение для расследования и раскрытия преступления. На практике часто объектом ОРМ выступает документация, содержащая подтверждающую информацию о преступных деяниях.

Для того чтобы установить незаконный факт необходимо произвести сбор сведений, характеризующих время, место и иную значимую информацию, установление причин совершения преступления, а также личности преступника, чем он руководствовался при совершении преступления. Изучение личности криминального банкрота также является средством противодействия криминальному банкротству, имеющим зна-

чение. Исходя из криминологических исследований [3], а также данных Судебного департамента Верховного Суда РФ, можно сделать вывод, что в большей степени это лица мужского пола, зрелого возраста, с высшим образованием, имеющие место жительства и постоянный доход.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, отметим важность изучения вопроса, связанного с криминальным банкротством в современных условиях, что обусловлено рядом факторов. Банкротство – это процедура, которая часто используется как кредиторами, так и должниками в противоправных целях.

В ходе исследования было обращено внимание на недостаточность внедрения опыта практической составляющей, используемом оперативными подразделениями органов внутренних дел. Это, в свою очередь, влияет на выработку новых методов борьбы с данной категорией преступлений, особенно уделяется внимание контролю и анализу за движением финансовых средств и оценке состояния финансово-хозяйственной деятельности предприятий и организаций.

Проявлять особый интерес также следует тактическим приемам при осмотре помещений, предметов и документов предприятий, организаций, выступающих объектом проверки, необходимости получения и изъятия основных финансово-хозяйственных документов, которые необходимы для документирования преступных действий лиц и проведения по ним различных документальных проверок, ревизий и экспертиз.

Значительное место в процессе предотвращения данных преступлений должны занимать такие направления, как непрерывный анализ судебной практики по ст. 195–197 УК РФ и выявление объективных факторов, которые могут повлиять на снижение уровня их совершения, прогнозирование новых способов реализации криминального банкротства. Кроме того, отдельное внимание необходимо уделять законодательному регулированию в части устранения коллизий и пробелов в законодательстве.

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 13 мая 2017 г., № 208. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.2022).

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 15.10.2022).

3. Пивоварова, Н.Н. Криминологическая характеристика лиц, совершающих криминальные банкротства / Н.Н. Пивоварова // Общество и право. – 2017. – № 4. – С. 193–199.

КОНСУЛЬТАЦИОННО-СПРАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА КАК ФОРМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Толковый словарь русского языка определяет консультацию как совет, даваемый специалистом [1, с. 291]. Ряд авторов под консультацией понимают научно обоснованный профессиональный совет в части применения определенных научно-технических приемов и средств с целью решения возникающих задач [2, с. 443]. Считаем, что применительно к деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), консультационная деятельность предполагает высказывание специалистом определенного мнения по поводу интересующих оперативного сотрудника обстоятельств.

Результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь (ОВД) свидетельствуют, что консультации могут осуществляться при проведении всех оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), указанных в ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), однако наиболее часто они используются при проведении таких ОРМ, как «оперативный опрос» (указали 84 % респондентов), «исследование предметов и документов, компьютерной информации» (77 %), «сбор образцов» (54 %). При проведении указанных ОРМ советы, даваемые специалистом, используются для получения различных сведений, в том числе о времени и месте проведения ОРМ, составе его участников; технических средствах, которые целесообразно использовать для достижения наибольшей эффективности проведения ОРМ; современных возможностях применения научно-технических средств; методиках, способах, приемах сбора образцов и т. д. Значение консультирования состоит в том, что должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, оперативно получает квалифицированную помощь по специальным вопросам. Однако сведения, полученные в результате консультации, представляют собой предварительную (ориентирующую) информацию, ввиду чего их не следует отождествлять с заключением, сделанным на основе проведенного специалистом исследования.

Респонденты также отмечают, что при проведении ОРМ консультация может быть облечена как в письменную, так и в устную форму, при этом последняя используется на практике чаще (отметили 89 % респондентов). Письменные консультации проводятся по экономическим, финансовым, правовым, техническим, медицинским и другим вопросам, для решения которых необходимо использование специальных знаний. При этом должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, формулирует интересующие его вопросы в письменной форме, на которые получает ответ, как правило, в виде справки или ответа на запрос. Устные консультации могут быть получены посредством общения со специалистом в той или иной сфере деятельности.

Некоторые авторы считают, что информация, полученная в ходе устной консультации специалиста, «никогда не может быть облечена в процессуальную форму ввиду отсутствия материального носителя» [3, с. 32]. По нашему мнению, выбор формы консультации специалиста целесообразно определять исходя из цели использования полученных фактических данных. Так, если сведения, полученные от специалиста, в последующем могут рассматриваться в качестве доказательств, то целесообразно получить консультацию в письменной форме или закрепить их в виде протокола оперативного опроса специалиста; если же консультирование обусловлено тактическими целями (планирование производства по делам оперативного учета, подготовка или проведение ОРМ, выдвижение версий и т. д.), то в ряде случаев возможно ограничиться консультацией в устной форме.

Консультацию специалиста можно получить на любой стадии оперативно-розыскного производства. Изучение практики оперативных подразделений свидетельствует, что наиболее часто мнение специалиста имеет значение для проверки полученной оперативной информации, принятия решения о заведении дел оперативного учета, подготовки и проведения ОРМ.

Ряд авторов в качестве своеобразной разновидности консультирования выделяют совместный (оперативного сотрудника и специалиста) анализ конкретной оперативно-розыскной ситуации. В таком случае обмен информацией позволяет правильно понимать причинно-следственные связи, специфику поведения отдельных лиц, выработать комплекс дальнейших, в том числе совместных, действий. Так, в результате интервьюирования сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями ОВД установлены случаи консультирования последних с бухгалтерами различных организаций с целью изучения особенностей производственно-хозяйственной деятельности пред-

приятий, нормативных актов в области бухгалтерского учета, правил, положений, инструкций, документов, регламентирующих движение и учет товарно-материальных ценностей. Безусловно, оперативный сотрудник, владеющий основами бухгалтерского учета, способен самостоятельно оценить показания ревизоров, членов инвентаризационной комиссии, исследовать необходимую документацию. В то же время предварительный обмен мнениями с бухгалтером, выступающим в качестве специалиста, в ряде случаев способствует формированию убеждения в правильном анализе поступившей информации, выдвижению оперативно-розыскных версий, определению дальнейшего плана оперативно-розыскного производства и др.

Отдельной разновидностью дачи консультаций в научной литературе называют справочную деятельность специалиста. В частности, Ю.К. Орлов выделяет две разновидности таких справок. К первым автор относит справки, вопросы в которых уже исследованы, установлены, например справка из поликлиники о нахождении лица на излечении с каким-либо диагнозом, а ко вторым – справки по вопросам, известным только специалистам, например о технических данных какой-либо системы оружия или модели транспортных средств [4, с. 19–20]. На важность использования рассматриваемой формы консультации в целях борьбы с преступностью указывает Е.П. Гришина, которая полагает, что «бессмысленно отрицать, что информация, содержащаяся в справках и иных документах справочного характера, выдаваемых специалистом, может оказаться весьма ценной и даже незаменимой» [5, с. 12]. На наш взгляд, справки, выдаваемые сведущими лицами, следует отличать от других информационных и справочных документов, приобщаемых к делам оперативного учета (справок из медицинских организаций, архивов, характеристик и т. д.). Справочная деятельность организаций выражается в выдаче органам, осуществляющим ОРД, по письменному запросу справок или иных документов, удостоверяющих какие-либо обстоятельства, в то время как справочная деятельность специалиста предполагает использование имеющихся у него специальных знаний.

Таким образом, консультационно-справочная деятельность специалиста предполагает высказывание лицом, обладающим специальными знаниями, определенного мнения по поводу интересующих оперативно-го сотрудника обстоятельств. Значение консультации состоит в том, что оперативный сотрудник быстро получает квалифицированную помощь по необходимым вопросам. Выбор формы консультирования (устная или письменная) целесообразно осуществлять исходя из цели использования полученных фактических данных.

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 939 с.
2. Криминалистика : учеб. для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. – М. : Юрайт, 2013. – 831 с.
3. Гришина, Е.П. Консультативно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в производстве по уголовным делам / Е.П. Гришина // Рос. судья. – 2006. – № 6. – С. 31–32.
4. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам : учеб. пособие / Ю.К. Орлов. – М. : Юрист, 1995. – 64 с.
5. Гришина, Е.П. Совершенствование нормативно-правового регулирования вопросов участия специалиста в уголовном судопроизводстве России / Е.П. Гришина // Рос. следователь. – 2005. – № 10. – С. 11–13.

УДК 343.35:341.4

А.П. Стефаненко

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ: ВЫЕМКА

Научная организация труда сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и следователей предполагает четкую организацию их взаимодействия, а именно согласованность действий по цели и месту, направленности на эффективное использование имеющихся в распоряжении каждого сил и средств. Относительно деятельности, связанной с раскрытием и расследованием преступлений, разделение труда производится по функциональному признаку, который подразумевает распределение обязанностей между указанными субъектами.

Оперативно-розыскная деятельность и предварительное следствие представляют собой две самостоятельные функции в деятельности правоохранительных органов и органов уголовного преследования, предусмотренные нормами уголовно-процессуального и иного законодательства. При этом перед органами предварительного следствия, как и перед органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, стоят общие задачи борьбы с преступностью. Их решение может быть обеспечено четко организованным непрерывным и регламентированным нормами закона оперативно-розыскным сопровождением расследования уголовного дела.

Сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и следователь решают стоящие перед ними задачи с помощью различных средств и методов. Следователь производит следственные и иные процессуальные действия, а оперативный сотрудник прово-

дит оперативно-розыскные и иные проверочные мероприятия, которые позволяют проникнуть в замыслы преступника, предупредить преступление, установить существенные обстоятельства по уголовному делу. Общность цели и различие в методах работы предполагают координацию усилий следственных и оперативных органов. Раскрыть потенциал каждого из взаимодействующих субъектов и повысить результативность оперативно-служебной деятельности можно посредством осуществления качественного и своевременного оперативно-розыскного сопровождения производства следственных действий по уголовному делу.

Одним из следственных действий, успешное производство которого обусловлено своевременным и эффективным оперативно-розыскным сопровождением, является выемка, которая представляет собой следственное действие, направленное на изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, проводимое при наличии достаточных данных полагать, что эти предметы и документы находятся в конкретно определенном месте или у конкретного лица.

О проведении выемки следователем, органом дознания выносится постановление. Проведение выемки документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, должно быть санкционировано прокурором или его заместителем, за исключением случаев их проведения по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности. Выемка не является частью обыска, а представляет собой самостоятельное следственное действие.

Как представляется, результативность проведения выемки во многом зависит от своевременного планирования, подготовки и проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, предшествующих и сопровождающих проведение данного следственного действия.

Так, например, в ходе предварительно проведенного оперативно-го осмотра помещения, в котором планируется производство выемки, можно осуществить его обследование в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности и имеющих значение для расследования уголовного дела. В процессе проведения наблюдения можно заблаговременно установить лиц, посещающих адрес производства выемки, а также проверить информацию о возможных попытках скрыться подозреваемым или обвиняемым лицам или скрыть похищенное имущество.

Кроме того, видится целесообразным проводить и другие оперативно-розыскные мероприятия, сопровождающие производство выемки, не-

обходимость проведения которых может быть вызвана изменениями складывающейся обстановки. К таким мероприятиям можно отнести: «оперативный опрос», «наведение справок», «сбор образцов», «исследование предметов и документов», «оперативное отождествление», «слуховой контроль», «контроль в сетях электросвязи», «контроль почтовых отправлений».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что оперативно-розыскное сопровождение проведения выемки обусловлено сложностью и значимостью производства данного следственного действия, в результате которого можно получить сведения и документы, имеющие значение для расследования уголовного дела. Проводимые заблаговременно и параллельно с ним оперативно-розыскные мероприятия позволяют обеспечить эффективное решение совместных задач уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности.

УДК 343.985.8

А.Н. Тукало, М.М. Якубель

НЕПРЕДОСТАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРЕДМЕТНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Современные реалии деятельности правоохранительных органов таковы, что без активного использования материалов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) осуществлять эффективное противодействие преступности крайне затруднительно, а порой и невозможно. Одним из направлений использования материалов ОРД, согласно ст. 49 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон) [1] является их использование для подготовки и проведения следственных, иных процессуальных действий, доказывания в уголовном процессе. Следует отметить, что ОРД и уголовный процесс, находясь в объективной взаимосвязи, имеют смежные проблемы научного характера. В частности, исследование проблем использования материалов ОРД в уголовном процессе не может быть проведено в одностороннем порядке, а предполагает учет как оперативно-розыскных, так и процессуальных аспектов. До настоящего времени возникают определенные сложности в представлении, предоставлении материалов ОРД в орган уголовного преследования, а также затруднения при решении вопроса о возможности их непредоставления,

особенно когда речь идет о безопасности источника информации (соблюдении его прав, свобод и законных интересов).

Согласно ч. 1 ст. 50 Закона материалы ОРД предоставляются для использования в другой орган, осуществляющий ОРД, орган уголовного преследования или суд, международную организацию, правоохранительный орган и специальную службу иностранного государства в соответствии с Законом и иными актами законодательства. Порядок оформления оперативно-служебных документов (ОСД) и порядок предоставления, представления материалов ОРД должностными лицами, осуществляющими ОРД, определен в межведомственном нормативном правовом акте.

Наряду с этим ч. 3 ст. 50 Закона закрепляет альтернативную возможность органа, осуществляющего ОРД, в отдельных случаях не предоставлять материалы ОРД.

Условием корректной реализации указанной нормы является правильное понимание правоприменителем двух ее аспектов: какие материалы могут не предоставляться; в каких случаях принимается соответствующее решение.

Раскрывая первый аспект, необходимо отметить следующее. Под материалами ОРД понимаются ОСД и материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), и сведения, полученные при их проведении, а также иные сведения и документы, полученные при осуществлении ОРД (абз. 7 ч. 1 ст. 2 Закона).

К ОСД, в свою очередь, относятся: постановление о проведении ОРМ, специальное задание, протокол ОРМ, справка, рапорт, акт, письменный запрос и (или) запрос в электронном виде (далее – письменный запрос) органа, осуществляющего ОРД, письменное уведомление прокурора или его заместителя и иные документы, образующиеся при осуществлении ОРД (абз. 9 ч. 1 ст. 2 Закона).

Если в ходе проведения ОРМ были получены документы, компьютерная информация, а также предметы (в том числе изъятые из оборота и ограничено оборотоспособные), то они прилагаются к ОСД, составляемому после проведения, приостановления или прекращения ОРМ (ст. 20 Закона), являются его неотъемлемой частью и в случае принятия органом, осуществляющим ОРД, решения о непредоставлении материалов ОРД также не предоставляются.

Рассматривая второй аспект, отметим следующее. В соответствии с ч. 3 ст. 50 Закона закреплен широкий перечень оснований для принятия

решения о непредоставлении материалов ОРД. К ним относятся случаи, когда использование материалов ОРД создает угрозу:

сохранению в тайне сведений о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, должностных лицах органов, осуществляющих ОРД, которые участвуют или участвовали в оперативном внедрении, штатных негласных сотрудников;

разглашения сведений об организации и тактике проведения ОРМ, содержащих государственные секреты, кроме случаев, когда сведения об указанных гражданах предаются гласности в соответствии с настоящим Законом и иными законодательными актами;

сохранению в тайне сведений о факте проведения ОРМ, проводимых негласно, до выполнения задач ОРД.

Таким образом, установление органом, осуществляющим ОРД, в полученных им материалах ОРД, одного или нескольких оснований, перечисленных в ч. 3 ст. 50 Закона, предопределяет возможность принятия решения о непредоставлении таких материалов, о чем составляется соответствующее постановление.

В случае если запрос на предоставление исходил от конкретного органа уголовного преследования или суда, то о принятом решении соответствующие органы должны быть уведомлены в течение 24 часов (абз. 2 ч. 5 ст. 50 Закона).

Если вынесение постановления о непредоставлении материалов ОРД носило инициативный характер и было составлено органом, осуществляющим ОРД, в результате рассмотрения материалов ОРД, полученных в ходе осуществления ОРД, – законность и обоснованность принятого решения подвергается оценке соответствующим руководителем в ходе ведомственного контроля и прокурором, осуществляющим надзор за исполнением законодательства при осуществлении ОРД (ст. 69, 70 Закона, ст. 29 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» [2]).

Концептуальные теоретические предпосылки закрепления в Законе возможности непредоставления материалов ОРД основаны на том, что органы, осуществляющие ОРД, реализуя задачи ОРД, должны руководствоваться такими приоритетными принципами ОРД, как конспирация (ст. 8 Закона) и соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан... (ст. 7 Закона) и др.).

Конспирация предполагает среди прочего (ст. 8, п. 8 ч. 1 ст. 14 Закона) сохранение в тайне сведений:

об организации, тактике, силах, средствах, методах, планах ОРД, применяемых при выполнении задач ОРД органами, осуществляющими ОРД; об оказании гражданами содействия органам, осуществляющим ОРД; о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, и др.

Принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД (ст. 7 Закона) реализуется посредством соблюдения прав граждан, одним из которых является право на сохранение в тайне сведений об оказании ими содействия органам, осуществляющим ОРД (п. 7 ч. 3 ст. 10 Закона).

Закон не обязывает органы, осуществляющие ОРД, руководствоваться в своей деятельности принципом публичности, присущим работе органов, ведущих уголовный процесс, и не наделяет их обязанностью осуществления уголовного преследования при выполнении задач ОРД (ст. 1, 3 Закона; ст. 15, 27 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [3]).

Считаем также необходимым обратить внимание на то, что ОРМ проводятся не только с целью последующего предоставления, представления образующихся по результатам их проведения материалов ОРД в орган уголовного преследования в качестве оснований к возбуждению уголовного дела, доказывания в уголовном процессе (ст. 49 Закона), но и для выполнения задач ОРД (ст. 3 Закона).

На основании изложенного считаем, что действующая нормативная регламентация дает основания говорить о превалировании, в отдельных случаях, задач ОРД над обязанностью реагировать (путем безусловного предоставления материалов ОРД) на каждый факт обнаружения признаков преступления, а также о необходимости соблюдения принципа конспирации, для защиты прав, свобод и законных интересов граждан, предоставивших информацию в оперативные подразделения. Этим, как представляется, и обусловлено закрепление в ч. 3 ст. 50 Закона возможности непредоставления материалов ОРД.

1. Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : принят Палатой представителей 26 июня 2015 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 88-З. – Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

2. Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : принят Палатой представителей 11 апр. 2007 г. : одобр. Советом Респ. 20 апр. 2007 г. : в ред.

Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. № 171-З . – Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022. – Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

УДК 343.985.8

Д.Л. Харевич

О ВИДАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПОИСКА

Оперативно-розыскной поиск (далее – поиск) является важным институтом оперативно-розыскной деятельности (ОРД), который может рассматриваться как ее оперативно-тактическая форма, форма оперативно-розыскного процесса, совокупность однородных тактических приемов, направление деятельности оперативных сотрудников. Не исключено придание ему и иного смыслового наполнения. На наш взгляд, это обусловлено важной ролью, которую играет поиск.

Согласно традиционным воззрениям в науке ОРД поиск осуществляется на начальной стадии оперативно-розыскного производства (при выявлении латентных, раскрытии фактовых неочевидных преступлений, розыске преступников) [1, с. 445]. Полагаем, что поиск можно трактовать более широко как совокупность тактических приемов на его иных, в том числе более поздних стадиях: при изобличении лица, подготавливающего, совершающего, совершившего преступление, выполнении поручений следователя об установлении имущества, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе, выявлении ранее неизвестных эпизодов преступной деятельности и т. д.

Возможно говорить о поиске сведений об оперативной обстановке (состоянии латентной преступности, характеристике территории, объекта), что играет важную роль при осуществлении оперативного обслуживания. Как показано нами ранее, в этом случае обеспечивается получение информации, носящей обобщенный характер и не конкретизированной относительно отдельных лиц и фактов [2, с. 176–177].

Дальнейший поиск направлен на получение конкретно-определенных сведений, представляющих оперативный интерес. Ими могут являться данные о лицах (замышляющих, подготавливающих, совершающих, совершивших преступление или причастных к нему, их связях, его очевидцах; о разыскиваемых преступниках и гражданах, осведомленных

об их местонахождении; о лицах, от которых можно ожидать совершение преступления; лицах, которые могут оказывать конфиденциальное содействие); действиях (по подготовке, совершению, сокрытию преступления, противодействию расследованию); предметах материального характера (добытом преступным путем или разыскиваемом имуществе, предметах преступного посягательства, орудиях (средствах) совершения преступления, его материальных следах, предметах и документах, являющихся их носителями); причинах и условиях совершения преступлений; обстоятельствах (взаимосвязях / взаимоотношениях / между перечисленными лицами, действиями, предметами (объектами); особенностях личности профилактируемых и др).

Такой подход позволяет выделить несколько видов поиска в зависимости от различных оснований. Поиск может осуществляться вне связи с известными сведениями о лицах, фактах и т. д. В специальной литературе данный вид поиска называется общим поиском. Он ведется даже тогда, когда не совершаются преступления или отсутствуют сведения о лицах, их подготавливающих, что выступает залогом успешного выявления латентных преступлений, реализации упреждающего характера ОРД [1, с. 446].

Для получения информации при наличии первичных сведений осуществляется специальный поиск. Предметы специального поиска более определены, чем при общем поиске, ими являются конкретные лица, предметы, документы, обстоятельства.

В соответствии с этим выделяют такие направления специального поиска, как поиск от лица или признака (факта) преступления [3, с. 458–463; 4, с. 144–148].

Изначально поиск рассматривался представителями оперативно-розыскной науки как совокупность тактических приемов. В то же время увеличение объемов используемой оперативно-розыскной информации, частое использование злоумышленниками возможностей сети Интернет, различных новых технологий при подготовке, совершении и сокрытии преступлений повлек за собой необходимость применения адекватных мер со стороны органов, осуществляющих ОРД. В этой связи уместно говорить о применении приемов (мер, способов) иного рода (информационных, аналитических, технических). В соответствии с этим можно говорить о выделении таких видов поиска, как тактический, информационный, аналитический, оперативно-технический.

Например, информационный поиск [1, с. 446, 447; 4, с. 135] представляет собой совокупность поисковых действий в различных информационных ресурсах (учетах и базах данных, сети Интернет) и их обработки. В ходе аналитического поиска сведения добываются путем

совершения логико-аналитических действий с информацией (в том числе оперативно-экономического анализа). Определенной спецификой обладает оперативно-технический поиск, который часто осуществляется с привлечением отдельных лиц и специальных подразделений, обладающих необходимыми для этого средствами и навыками.

В специальной литературе можно также встретить использование понятий «разведка» в отношении некоторых из указанных видов деятельности: «компьютерная разведка», «аналитическая разведка» и т. д. Отдавая должное сложившемуся словоупотреблению, отметим, что такой подход смешивает два различных по юридической сущности и правовым последствиям вида деятельности: разведывательной и оперативно-розыскной. Несмотря на сходство используемых приемов, эти виды деятельности все же существенно разнятся друг от друга, и поэтому их отождествление, на наш взгляд, некорректно.

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Голяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 832 с.

2. Харевич, Д.Л. О соотношении оперативного обслуживания и выявления первичной информации (оперативного поиска) / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 175–178.

3. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. для юрид. вузов / под ред. В.Б. Рушайло. – 4-е изд., стер. – СПб. : Лань, 2002. – 720 с.

4. Софронов, В.Н. Оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступлениями против собственности : монография / В.Н. Софронов. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 232 с.

УДК 343.98

А.М. Шинкевич

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ «ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА» И «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

В Республике Беларусь оперативно-розыскная деятельность осуществляется с проведением оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), которые на законодательном уровне регулируются с 1992 г. В ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) закреплено 14 видов ОРМ [1]. Все они проводятся с одной целью – получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД.

В Российской Федерации перечень ОРМ состоит из 15 видов. В 2016 г. в России появилось новое ОРМ «получение компьютерной информации» [2]. Республика Беларусь по-иному подошла к проблеме получения компьютерной информации при проведении ОРМ. В Закон об ОРД в ст. 24 «исследование предметов и документов, компьютерной информации», ст. 26 «оперативный осмотр», ст. 28 «проверочная закупка», ст. 31 «контроль в сетях электросвязи» и некоторые другие статьи были внесены соответствующие изменения, позволившие получать компьютерную информацию, не вводя новый вид ОРМ. В Российской Федерации, в отличие от Республики Беларусь, сущность и содержание ОРМ раскрывается в секретных ведомственных актах органов, осуществляющих ОРД, что значительно ограничивает контроль за их проведением. Должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации, не имеющие доступа к государственной тайне и поддерживающие государственное обвинение в суде, а также сторона защиты фактически лишены возможности обосновать (оспорить) допустимость результатов ОРД. В Республике Беларусь такой проблемы не существует, потому как сущность каждого ОРМ раскрывается в Законе об ОРД.

Анализ публикаций научной электронной библиотеки eLibrary.ru за 2019–2022 гг. показал, что наиболее обсуждаемыми среди российских ученых являются два ОРМ «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент». Проведение ОРМ «проверочная закупка» в основном ассоциируется с выявлением наркопреступлений, «оперативный эксперимент» – с выявлением коррупционных преступлений (преимущественно взяточничества). Условия их проведения по российскому законодательству отличаются от белорусского. По российскому законодательству на их проведение не нужно получать санкцию прокурора или суда. В Республике Беларусь «проверочная закупка», проводимая повторно, и «оперативный эксперимент» осуществляются с санкции прокурора. Это указывает на более высокий уровень контроля и надзора со стороны государства за законностью проведения ОРМ, обеспечения защиты конституционных прав и законных интересов граждан.

Дискуссии среди российских ученых ведутся в основном относительно сущности [3], законодательного закрепления [4], необходимости их санкционирования [5–7], допустимости правомерного воздействия (провокации) [7–11], организации и тактики проведения ОРМ [12, 13]. В Республике Беларусь внимание ученых сосредоточено на законодательном регулировании ОРМ [14, 15].

Анализ проведенных органами внутренних дел Республики Беларусь в 2021 г. указанных ОРМ показал, что 93 % проверочных закупок

и 63 % оперативных экспериментов проведены подразделениями по наркоконтролю и противодействию торговле людьми (далее – подразделения НиПТЛ). Оставшиеся 7 % проверочных закупок и 36 % оперативных экспериментов провели подразделения по борьбе с экономическими преступлениями (далее – подразделения БЭП). При этом 54 % проверочных закупок и 78 % оперативных экспериментов подразделения НиПТЛ провели в отношении неустановленных лиц, распространяющих на территории Республики Беларусь с использованием сети Интернет наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры (далее – наркотики). В подразделениях БЭП проведение указанных ОРМ осуществлялось исключительно в отношении лиц, персональные данные которых были заранее установлены.

В большинстве случаев при проведении проверочной закупки и оперативного эксперимента документировалась противоправная сделка, предметом которой выступали товары, работы или услуги, в том числе запрещенные законодательством. Заказчиком этих услуг всегда выступали лица, действующие под контролем органов, осуществляющих ОРД, или должностные лица органов, осуществляющих ОРД, а исполнителем – предполагаемые преступники. Проведение такой сделки часто было вызвано необходимостью документирования субъективной и объективной сторон одного или нескольких взаимосвязанных преступлений, в том числе совершаемых неустановленными лицами. Реализуемые действия заказчика по выполнению условий этих сделок в основном имитировали противоправную деятельность (приобретение наркотиков, дача взятки и т. п.). Предметом сделок выступали наркотики, товарно-материальные ценности, права на получение выгод имущественного характера. В процессе их проведения лицо, преследующее интересы органа, осуществляющего ОРД, обсуждало (непосредственно или опосредованно) с проверяемым лицом, в том числе неустановленным, обстоятельства, связанные с исполнением противоправной сделки. При этом исполнитель во время обсуждения воспринимал заказчика товаров, работ или услуг в качестве лица, осуществляющего преступную деятельность, что, в свою очередь, вызывало симпатию и желание реализовать преступные намерения. Должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, до начала проведения ОРМ оценивало допустимые пределы имитации противоправной деятельности и целенаправленного воздействия на проверяемое лицо, чтобы исключить подстрекательство к совершению преступления и обеспечить возможность проверяемому лицу добровольно отказаться от совершения преступления.

Таким образом, уровень законодательного регулирования ОРМ в Республике Беларусь по сравнению с Российской Федерацией значительно выше. Белорусские ученые отдают предпочтение совершенствованию законодательного регулирования ОРМ, тем самым повышая гарантии защиты конституционных прав граждан. Анализ проведенных в 2021 г. проверочных закупок и оперативных экспериментов указывает на общие закономерности организации и тактики их проведения. Полагаем, стоит рассмотреть вопрос об объединении указанных выше ОРМ.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. Закон Рос. Федерации, 12 авг. 1995 г., № 144-3 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
3. Помелов, А.А. К вопросу о сущности проверочной закупки наркотических средств / А.А. Помелов // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. – 2020. – № 3 (40). – С. 79–86.
4. Помелов, А.А. К вопросу о необходимости законодательного закрепления понятий оперативно-розыскных мероприятий / А.А. Помелов // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. семинара. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. – С. 36–42.
5. Кольцов, Д.В. Проверочная закупка и оперативный эксперимент в легальной предпринимательской деятельности. Правовые позиции Европейского Суда / Д.В. Кольцов // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2022. – № 1 (61). – С. 81–89.
6. Калентьева, Т.А. Проблемы правового регулирования проведения оперативно-розыскных мероприятий в свете решений ЕСПЧ / Т.А. Калентьева, А.В. Загаринский // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 15 апр. 2022 г. – М. : ИП Овчинников Михаил Артурович (Тип. «Алеф»), 2022. – С. 194–198.
7. Курченко, В.Н. Судебная санкция при проведении проверочных закупок наркотиков: быть или не быть / В.Н. Курченко // Уголов. судопроизводство. – 2022. – № 1. – С. 13–16.
8. Кольцов, Д.В. Агентурная провокация. Определение термина / Д.В. Кольцов // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2021. – № 4 (60). – С. 120–128.
9. Федюнин, А.Е. К вопросу о правовой природе провокации преступления / А.Е. Федюнин, В.Ю. Алферов // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2019. – № 3 (128). – С. 152–160.
10. Алферов, В.Ю. Проблема исключения провокации при выявлении и раскрытии коррупционных преступлений с использованием оперативного эксперимента / В.Ю. Алферов, Н.М. Перетясько, А.Е. Федюнин // Современные проблемы

криминалистики и судебной экспертизы : материалы X Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 23 марта 2022 г. – Саратов : Саратов. источник, 2022. – С. 6–12.

11. Динека, В.И. Провокация и оперативный эксперимент: границы законного и противоправного поведения / В.И. Динека // Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования : материалы V межведомств. науч.-практ. конф. (Москва, 15 нояб. 2019 г.) / отв. ред. В.П. Кувалдин. – М. : Изд. дом «Юриспруденция», 2020. – С. 45–54.

12. Омелин, В.Н. Об этапах подготовки и проведения оперативного эксперимента / В.Н. Омелин // Закон и право. – 2021. – № 8. – С. 172–174.

13. Чечетин, А.Е. Правовые и организационно-тактические проблемы применения оперативного эксперимента в оперативно-розыскной деятельности / А.Е. Чечетин // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 11 дек. 2015 г. / Краснодар. ун-т МВД России. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2016. – С. 115–120.

14. Харевич, Д.Л. Отдельные аспекты законодательной регламентации проверочной закупки / Д.Л. Харевич, А.В. Скоробогатый // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного процесса : респ. науч.-практ. конф. (Минск, 7 июня 2019 г.) : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2019. – С. 110–112.

15. Башан, А.В. Оперативный эксперимент: законодательное решение актуальных прикладных проблем / А.В. Башан, А.Н. Дедковский // Законность и правопорядок. – 2013. – № 1. – С. 45–50.

УДК 343.9

И.А. Яцкина

СУЩНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ

На сегодня актуальной темой для исследования является значение и содержание оперативно-розыскного обеспечения раскрытия различных категорий преступлений. Как правило, оперативно-розыскное обеспечение раскрытия преступлений – это деятельность, основанная на совместной работе органов предварительного следствия и оперативных подразделений органов внутренних дел, использующих определенный спектр оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, целью которых является достижение конечного результата в раскрытии и расследовании преступлений. Успешность результатов раскрытия и расследования преступлений, совершенных рассматриваемой катего-

рией лиц, зависит от эффективной и целенаправленной деятельности оперативных подразделений, которые являются основным органом, занимающимся борьбой с преступностью. В их полномочия входит проведение предварительного расследования и использование всех имеющихся в их распоряжении сил и средств [1, с. 4].

Оперативно-розыскное обеспечение по раскрытию преступлений, совершаемых несовершеннолетними, нацелено решать конкретные самостоятельные задачи, которые ставятся перед подразделениями уголовного розыска [2, с. 78].

Самостоятельность данной деятельности обеспечивается следующими факторами:

1) задачами, поставленными перед подразделениями уголовного розыска и органами предварительного следствия, для решения которых необходимо использовать меры оперативно-розыскного характера, посредством привлечения совокупности методов, сил и средств, имеющихся в наличии и используемых в деятельности уголовного розыска;

2) возможности достижения ожидаемых результатов в условиях специальной организации деятельности различных подразделений в данной области.

Следует обратиться и к более узкому определению оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста. Под ним понимается совокупность мероприятий, осуществляемых оперативными подразделениями, а также самостоятельная тактическая форма деятельности оперуполномоченных сотрудников органов внутренних дел. Кроме того, это комплексная система мероприятий по раскрытию преступлений, осуществляемых сотрудниками подразделений уголовного розыска в соответствии с ведомственными нормативными актами и законами. Оперативно-розыскные мероприятия осуществляются оперативными подразделениями, в центре внимания которых находятся полное раскрытие преступлений и установление личности виновного, а также своевременное предоставление всей информации о расследовании, включая набор фактических данных о криминогенной обстановке. Нельзя не отметить также факт существования необходимости совершенствования оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста. Необходимость обусловлена некоторыми причинами:

1. Усовершенствование влияния человеческого фактора при внедрении в среду несовершеннолетних правонарушителей.

2. Улучшение поисковой и технической реализации в среде несовершеннолетних преступников с целью поиска, идентификации и фикса-

ции информации, которая может стать доказательством в расследуемом уголовном деле.

Целями оперативно-розыскного обеспечения являются:

- 1) формирование наилучших условий для осуществления объективного и полного процесса доказывания;
- 2) сведение к минимуму и подавление воздействия криминальной среды на правоохранные функции государства;
- 3) необходимость осуществления принципа, согласно которому ответственность за преступные деяния, совершенные несовершеннолетними правонарушителями, неотвратима;
- 4) обеспечение безопасности субъектов уголовного процесса.

Целью оперативно-розыскных мероприятий является установление фактов и лиц, имеющих отношение к расследуемому уголовному делу. Не совсем правильно соглашаться с мнением исследователей, которые считают, что оперативно-розыскное обеспечение – это набор оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых сотрудниками уголовного розыска, по сбору данных, подлежащих доказыванию, а также источников информации о них, с целью установления истины по принятию законодательных мер регулирования в отношении несовершеннолетних, виновных в совершении преступлений.

С целью оперативного решения задач, возложенных на оперативные подразделения уголовного розыска, достижения целей оперативно-розыскного обеспечения, существует необходимость в разработке действенных приемов, средств и методов, базирующихся на глубоком и всестороннем понимании содержания и характера преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами [1, с. 211]. Поскольку существует множество способов реализации преступлений, совершаемых несовершеннолетними, с течением времени возникает необходимость в создании новых тактических и организационных стандартов следственной и оперативно-розыскной практики. К тому же целесообразно выделить, что научные исследования и выработка новых рекомендаций будут являться базой для дальнейшего прогресса и использования объективных методов и форм воздействия на социум, формирующих преступное сообщество.

В целях выявления и розыска несовершеннолетних подозреваемых в совершении преступлений подразделения уголовного розыска должны сотрудничать со следственными подразделениями и оказывать им посильную помощь в проведении некоторых следственных действий, а также информировать их о новых полученных данных, имеющих значение для уголовного дела. Специфические особенности методов, применяемых в процессе оперативно-розыскного обеспечения, обусловлены следующими факторами [1, с. 127]:

- 1) неоднократное применение несовершеннолетними участниками организованных преступных образований специфических способов сокрытия своих планов и действий;
- 2) планирование действий преступников перед совершением противоправных деяний;
- 3) проведение действий, направленных на сокрытие преступления;
- 4) вероятность утраты и расшифровки информации в результате раскрытия конфиденциально значимых данных.

Оперативно-розыскное обеспечение – это система исследовательских, поисковых и иных мероприятий, основанная на нормативных актах, законах и рекомендациях. Целью такого обеспечения является: получение различного рода информации и идентификация лиц, а также получение данных о девиантном поведении лиц на объектах проверки и материальных объектах; создание лучших условий для обеспечения подготовки сил и средств правоохранных органов; эффективное реагирование на чрезвычайные ситуации, инциденты и реальные угрозы в процессе ликвидации их последствий.

Итак, современное оперативно-розыскное обеспечение раскрытия преступлений существует в качестве деятельности, основанной на совместной работе органов предварительного следствия и оперативных подразделений органов внутренних дел. Необходимо акцентировать внимание на проблеме совершенствования тактических и организационных стандартов следственной и оперативно-розыскной практики, а также еще раз подчеркнуть значение выработки новых рекомендаций, которые бы выступили в роли крепкой базы для дальнейшего прогресса и использования объективных методов и форм воздействия на социум, формирующих преступное сообщество. В процессе поиска конкретных несовершеннолетних лиц, совершивших противоправное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом Республики Беларусь, оперативные подразделения должны оказывать содействие следственным органам в проведении определенных следственных действий, по их поручению и принимать меры оперативно-розыскного характера, чтобы предоставить им новую информацию, имеющую значение для уголовного дела.

1. Алферов, В.Ю. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие для студентов / В.Ю. Алферов, А.И. Гришин, Н.И. Ильин ; под общ. ред. В.В. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов : Сарат. соц.-экон. ин-т (фил.) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 296 с.

2. Ургалкин, А.С. Допустимость результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств / А.С. Ургалкин // Закон и право. – 2010. – № 8. – С. 78–80.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврамчик Наталья Викторовна – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

Алекперов Руслан Ракбер оглы – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

Анюховская Наталья Владимировна – преподаватель-стажер кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Ахмедова Гузалхон Уткуровна – преподаватель кафедры криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент.

Ачилов Алишер Темирович – доцент кафедры Университета Общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам, доцент.

Балиткин Александр Валерьевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Белов Денис Николаевич – магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета.

Беломытцев Николай Николаевич – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

Бишманов Букенбай Муратжанович – профессор Института судебной экспертизы Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Булгакова Марина Александровна – профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, доктор экономических наук.

Буравова Евгения Владимировна – консультант отдела обеспечения судопроизводства по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции.

Вергей Никита Дмитриевич – курсант 3-го курса Академии МВД Республики Беларусь.

Вильмак Дмитрий Геннадьевич – заместитель начальника кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Виноградова Ольга Павловна – доцент кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Вольский Валерий Антонович – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

Гаврилов Борис Яковлевич – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Гаркуша Юлия Николаевна – магистрант Академии МВД Республики Беларусь.

Гончаров Владимир Александрович – медиатор ООО «Юркомпас».

Гончаров Дмитрий Константинович – старший оперуполномоченный отдела экономической безопасности и противодействия коррупции Управления МВД России по г. Керчи.

Горбачева Елена Васильевна – доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Горошко Елена Юрьевна – доцент кафедры надзорной и профилактической деятельности Университета гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Гриб Денис Вячеславович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Григорович Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Гусенцов Александр Олегович – заместитель начальника кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат медицинских наук, доцент.

Данькова Татьяна Николаевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Делов Никита Сергеевич – старший преподаватель Ростовского юридического института МВД России.

Дерюгин Роман Александрович – начальник кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Дронова Ольга Борисовна – профессор кафедры криминалистической техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Дылевская Диана Андреевна – студентка 5-го курса юридического факультета Белорусского государственного университета.

Евдохова Людмила Николаевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат технических наук, доцент.

Евстифеева Екатерина Петровна – старший преподаватель Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Жаркевич Илья Леонидович – преподаватель Академии МВД Республики Беларусь.

Жижина Марина Владимировна – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент.

Зайцев Владимир Петрович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

Зинченко Дмитрий Сергеевич – научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина.

Зырянов Вадим Семенович – начальник кафедры Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат технических наук.

Кириллюк Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Климова Яна Александровна – доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Климович Юрий Сергеевич – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Кокушев Азамат Бекетович – адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Корсаков Константин Александрович – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент.

Костевич Руслан Васильевич – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

Костюкевич Денис Викторович – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

Котова Екатерина Геннадьевна – студент магистратуры Российского нового университета.

Кравец Владислав Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Краинская Галина Сергеевна – преподаватель кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России.

Красиков Владимир Сергеевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кудра Дмитрий Михайлович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России.

Кухарьков Юрий Владимирович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Кучин Олег Стасьевич – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕ.

Лагун Надежда Ивановна – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, магистр юридических наук.

Лапина Ирена Александровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Левченкова Анастасия Юрьевна – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

Лемешевский Олег Олегович – старший преподаватель кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, магистр военных наук.

Логвин Вячеслав Михайлович – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Лозовский Денис Николаевич – профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Лосева Виктория Геннадьевна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Лузинская Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Лузгин Иван Иванович – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, магистр юридических наук.

Маилян Ани Варужановна – старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Макаренко Максим Анатольевич – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Малышев Константин Сергеевич – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург).

Мартынов Артём Олегович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Мартынов Юрий Анатольевич – старший преподаватель учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий».

Масюк Вадим Иванович – следователь по особо важным делам главного следственного управления центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Масюк Марина Игоревна – главный специалист группы по работе с обращениями граждан управления Следственного комитета Республики Беларусь по городу Минску.

Матлак Антон Николаевич – заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Матюк Алексей Викторович – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Мелешко Валерий Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Миронов Герман Юрьевич – преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Михайлова Юлия Николаевна – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Мороз Игорь Анатольевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук.

Мытник Петр Васильевич – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Набатова Анна Эдуардовна – доцент кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины, кандидат юридических наук, доцент.

Нестер Иван Сергеевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Новикова Марина Викторовна – доцент Курганского государственного университета России, кандидат юридических наук, доцент.

Нугаева Эльвира Дамировна – начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Нуждин Андрей Александрович – начальник кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Орехова Екатерина Петровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Орлова Анастасия Сергеевна – студентка 2-го курса магистратуры юридического факультета Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург).

Павловец Галина Александровна – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Павлють Ольга Вячеславовна – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Панченя Дмитрий Николаевич – начальник отдела исследования и учетов объектов животного происхождения и волокнистой природы управления генотипоскопического учета главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Пацкевич Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Пашута Игорь Владимирович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Пашута Наталья Николаевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Петлицкий Сергей Викторович – иностранный адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Пикалов Игорь Алексеевич – доцент кафедры уголовного права Курганского государственного университета России, кандидат юридических наук, доцент.

Пилипёнок Николай Николаевич – заместитель начальника экспертно-криминалистического отдела по Центральному району Первомайского (г. Минска) межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Поляк Наталья Сидоровна – заместитель начальника кафедры управления органами предварительного следствия Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

Попова Ирина Павловна – доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, кандидат юридических наук, доцент.

Попова Надежда Владимировна – доцент кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Примаков Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Могилевского института МВД Республики Беларусь.

Прудникова Татьяна Анатольевна – доцент кафедры юридических дисциплин учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», Могилевский филиал.

Пшеничных Сергей Николаевич – научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина.

Расулова Наталья Сергеевна – начальник кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Ржанникова Светлана Сергеевна – старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России.

Ропот Руслан Михайлович – начальник кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Рудько Михаил Владимирович – курсант 4-го курса Академии МВД Республики Беларусь.

Савченко Майя Михайловна – доцент кафедры экономической безопасности Калининградского государственного технического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Савчук Татьяна Анатольевна – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Саяпина Дарья Витальевна – магистрант юридического факультета Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург).

Седых Павел Валерьевич – старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

Седых Татьяна Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат политических наук.

Сенькевич Сергей Сергеевич – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

Серета Александр Евгеньевич – ведущий специалист учебной лаборатории криминалистической техники и судебных экспертиз кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Слащинин Олег Андреевич – следователь ГСУ Следственного комитета Республики Беларусь.

Слесарева Полина Александровна – преподаватель-стажер кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Смоленчук Владимир Никитович – заведующий кафедры судебных криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Сретенцев Андрей Николаевич – старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук.

Стефаненко Алексей Петрович – старший преподаватель кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

Тагунова Ксения Дмитриевна – старший преподаватель кафедры судебных криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, магистр юридических наук.

Талалаев Владимир Алексеевич – начальник кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Теслёнок Александр Юрьевич – преподаватель кафедры правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

Точилкина Анастасия Андреевна – преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Трикоза Владислав Васильевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

Трофименко Александр Михайлович – следователь по особо важным делам главного управления процессуального контроля центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Тукало Алексей Николаевич – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Усовский Борис Анатольевич – старший преподаватель кафедры судебных криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Харевич Дмитрий Людвигович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Харисова Зарина Ирековна – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат технических наук.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ходасевич Анна Вячеславовна – старший следователь Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь, магистр права.

Хох Анна Николаевна – заведующий лабораторией исследования материалов, веществ и изделий научного отдела технических, криминалистических и специальных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Чванкин Вадим Аркадьевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Черкасова Елена Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), кандидат юридических наук.

Чжу Вэнь – аспирантка кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Чиненов Евгений Владимирович – начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, кандидат экономических наук, доцент.

Чурносков Александр Иванович – старший преподаватель кафедры правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Ахмедова Г.У.</i> Особенности тактики проведения допроса по делам о торговле людьми	3
<i>Ачилов А.Т.</i> Некоторые особенности криминалистической классификации преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности	6
<i>Белов Д.Н.</i> О повышении эффективности расследования мошенничества в отношении личного имущества граждан на его первоначальном этапе	15
<i>Беломытцев Н.Н.</i> О некоторых особенностях планирования расследования хищений имущества путем модификации компьютерной информации	17
<i>Вильмак Д.Г., Рудько М.В.</i> Выявление признаков преступной деятельности в сфере консалтинговых услуг: криминалистические аспекты	22
<i>Виноградова О.П., Дерюгин Р.А.</i> Об алгоритмизации процесса расследования	25
<i>Вольский В.А.</i> Изучение личности преступника как одного из основных элементов криминалистической характеристики преступлений	29
<i>Гаркуша Ю.Н.</i> Способы хищений горюче-смазочных материалов	31
<i>Гончаров Д.К.</i> Современные проблемы криминалистического обеспечения борьбы с незаконными организацией и проведением азартных игр	36
<i>Григорович В.Л., Ходасевич А.В.</i> Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации	41
<i>Данькова Т.Н.</i> Следовая картина злоупотребления властью или служебными полномочиями как элемент криминалистической характеристики	45
<i>Дронова О.Б.</i> Современный подход к информационно-аналитическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений	49
<i>Евстифеева Е.П.</i> Тактические особенности производства личного обыска при расследовании дел в сфере незаконного оборота наркотиков	54
<i>Жаркевич И.Л.</i> Отдельные проблемы взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и Государственного комитета судебных экспертиз при осуществлении государственной дактилоскопической регистрации	57
<i>Жижина М.В.</i> Технология судебного доказывания как частная теория криминалистики	59
<i>Кирилюк Е.В.</i> Расследование преступлений в компьютерной сфере	64
<i>Климова Я.А.</i> Личность несовершеннолетнего преступника как элемент криминалистической характеристики: негативные факторы формирования	68

Шелайкина Елизавета Сергеевна – преподаватель Воронежского института ФСИН России.

Шинкевич Андрей Михайлович – заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Шиплюк Владимир Анатольевич – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент.

Юбко Юрий Михайлович – профессор кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Якимович Наталья Валерьевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Якубель Мария Михайловна – начальник кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Ястреб Денис Станиславович – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Яцкина Инна Александровна – старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Яшков Сергей Александрович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Екатеринбургский филиал), кандидат юридических наук, доцент.

Кокушев А.Б. Перспективные направления повышения эффективности использования информационных баз данных, ведущихся оперативно-криминалистическими подразделениями Республики Казахстан	70
Корсаков К.А. Значение моделирования в уголовном судопроизводстве ..	74
Костевич Р.В., Вергей Н.Д. Использование систем видеонаблюдения в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений	77
Костюкевич Д.В. Формы и виды взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел	80
Краинская Г.С. Следы преступления в сфере незаконного оборота наркотиков	84
Кухарков Ю.В. Установление обстоятельств медицинских вмешательств, повлекших телесные повреждения у пациента	87
Лагун Н.И. Механизм преступления, предусмотренного ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь, и закономерности его отражения в следовой информации	92
Логвин В.М. Отдельные аспекты противодействия лжесвидетельству	97
Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	101
Лосева В.Г. Отдельные вопросы проведения осмотра места происшествия в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь	105
Маилян А.В. Особенности расследования преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации	107
Матлак А.Н. Детальный осмотр огнестрельного оружия на месте происшествия	111
Матюк А.В. Возможности судебных экспертиз в выявлении и преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений	114
Миронов Г.Ю. Проблемы при расследовании преступлений в сфере кражи компьютерной информации	118
Михайлова Ю.Н. О структуре криминалистического учения о потерпевшем	121
Мороз И.А., Чжу В. Научно-аналитическое сопровождение технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь: организационный аспект	125
Набатова А.Э., Горошко Е.Ю. Использование технологий цифрового мира в противодействии преступности: криминалистический аспект	129
Нестер И.С. Актуальные проблемы привлечения специалиста для участия в осмотре места происшествия	134
Нугаева Э.Д., Харисова З.И. О практике применения алгоритмического комплекса процессуальных действий «АКПД ДИСТАНТ»	137
Нуждин А.А. Криминалистическое обеспечение предупреждения пенициарных преступлений: постановка проблемы	141

Орехова Е.П. Сотрудничество и взаимодействие государственных органов, осуществляющих уголовное преследование по делам о контрабанде	144
Пацкевич А.П. Тактические особенности подготовительного этапа производства обыска участков местности	149
Пащута И.В. Некоторые аспекты классификации цифровых следов в криминалистике	153
Пащута Н.Н. О соотношении понятий «криминалистическая деятельность» и «криминалистическое обеспечение»	157
Петлицкий С.В. О повышении эффективности взаимодействия белорусских субъектов правоохранительной деятельности в организации раскрытия и расследования преступлений	161
Поляк Н.С., Седых П.В. Допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: отдельные проблемные аспекты	165
Попова Н.В. Актуальные вопросы применения полиграфа в борьбе с преступностью	169
Примаков А.Н. Организация взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы	173
Пиеничных С.Н. Методологические основы расследования мошенничества при получении выплат физическими лицами	176
Ропот Р.М. Криминалистические аспекты осмотра места взрыва	180
Савченко М.М. Криминалистическая характеристика способов совершения хищений денежных средств с банковских счетов	184
Сенькевич С.С. Возможности использования цифровой криминалистики при раскрытии и расследовании уголовных дел о незаконной охоте ..	188
Середа А.Е., Лузгин И.И. Искусственный интеллект в профилактике преступлений	191
Слесарева П.А. Об определении и видах механистических следов человека	196
Сретенцев А.Н. Перспективные направления развития биометрических систем и возможности их использования в криминалистических целях	200
Талалаев В.А., Лемешевский О.О. О некоторых вопросах использования информационно-коммуникационных технологий в изучении криминалистики	203
Точилкина А.А. Проблемные аспекты организации процесса расследования киберпреступлений в условиях современных социально-правовых реалий	206
Трофименко А.М. Подготовка к допросу подозреваемого (обвиняемого) при расследовании ненадлежащего исполнения медицинским работником профессиональных обязанностей	210
Хлус А.М. Познание материальных элементов преступлений как основа построения и совершенствования их частной методики расследования	212
Чиненов Е.В. Процессуальные формы использования специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых	

на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры	217
Чурносов А.И. Особенности криминалистического исследования цифровых следов при производстве дознания по преступлениям против пограничной безопасности	222
Юбка Ю.М. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по материалам и уголовным делам о преступлениях против компьютерной безопасности	225
Якимович Н.В. Понятие криминалистического обеспечения выявления преступлений, совершенных с использованием информационных технологий	229
Яшков С.А. Выявление и доказывание «опасности» при расследовании преступлений, связанных с оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности	233

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Аврамчик Н.В. Свидетельский иммунитет как первичное право свидетеля в уголовном процессе	238
Алекперов Р.Р. О доказывании наличия оснований для применения мер пресечения	241
Буравова Е.В. Срок обжалования судебных решений по уголовным делам в порядке сплошной и выборочной кассации	244
Гаврилов Б.Я. Российское уголовное судопроизводство – соответствует ли оно современным реалиям борьбы с преступностью?	247
Гончаров В.А., Дылевская Д.А. Актуальные проблемы института медиации в уголовном процессе	253
Горбачева Е.В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете современного регулирования предварительного расследования	258
Зайцев В.П. Об отмене наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь	260
Климович Ю.С. О праве органов дознания приостанавливать проверку в рамках производства по уголовному делу частного обвинения	263
Левченко А.Ю. Об оценке сведений, полученных у несовершеннолетнего пострадавшего, в дружественной детской комнате, с точки зрения доказательственного права	265
Макаренко М.А. Реформы института процессуального руководства, контроля и надзора в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Беларусь	267
Мартынов Ю.А. Процессуальный порядок окончания предварительного расследования требует изменений	272
Масюк В.И., Масюк М.И. Отдельные проблемы информатизации уголовного процесса	277
Мелешико В.В. Запрет определенных действий в системе мер уголовно-процессуального принуждения	283

Мытник П.В. О «показаниях от первого лица об имеющих значение для дела обстоятельствах»	288
Новикова М.В. Использование объяснений в процессе доказывания по уголовным делам	292
Орлова А.С. «Тайный свидетель» как участник уголовного судопроизводства	294
Павловец Г.А. Кто является субъектом доказывания в уголовном процессе?	297
Пикалов И.А. Проблемы возмещения ущерба в уголовном процессе России	301
Попова И.П. Восстановительный подход как вектор оптимизации функций следователя	305
Прудникова Т.А. Актуальные проблемы обеспечения прав подозреваемого в уголовном процессе	308
Расулова Н.С. Использование заключения специалиста в качестве доказательства на примере расследования преступлений в сокращенной форме дознания	311
Савчук Т.А. Представление в арсенале правовых средств прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовным делам	315
Седых Т.В. Неприкосновенность личности и сущность ее ограничения с точки зрения принципа уголовного судопроизводства	320
Слацинин О.А. Проблема использования «утечек данных» в уголовно-процессуальном доказывании	324
Теслёнок А.Ю. Уголовно-процессуальный порядок оформления осмотра компьютерной информации при расследовании уголовных дел по совершению организации незаконной миграции	329
Трикоза В.В. Проблемные вопросы использования показаний эксперта в качестве источника доказательств	334
Черкасова Е.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: перспективы совершенствования	337
Шелайкина Е.С. Мера пресечения в виде запрета определенных действий по уголовным делам в сфере нарушения правил дорожного движения	339
Шиплюк В.А., Саяпина Д.В. Наложение ареста на имущество «третьих» лиц в целях обеспечения гражданского иска в уголовном судопроизводстве	341
Ястреб Д.С., Анюховская Н.В. Проблемы законодательной регламентации прав адвоката свидетеля в уголовном процессе	345

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бишманов Б.М. Об оперативно-криминалистической деятельности (понятие и содержание)	348
Булгакова М.А. Противодействие незаконным лесозаготовкам с использованием возможностей криминалистической одорологии	352

<i>Гусеницов А.О.</i> Возможности судебно-медицинской оценки обстоятельств образования огнестрельных повреждений, возникших в результате рикошета картечи	355
<i>Евдохова Л.Н.</i> Разрушающие методы исследования зерновых масс при производстве судебных товароведческих экспертиз	360
<i>Зинченко Д.С.</i> Криминалистическое исследование нарезного огнестрельного оружия по пулям: теоретические предпосылки и объекты идентификации	362
<i>Зырянов В.С.</i> Информационная поддержка судебных пожарно-технических экспертов в России и за рубежом	367
<i>Липина И.А., Тагунова К.Д.</i> Этико-правовое содержание принципов судебно-экспертной деятельности	371
<i>Лужинская Е.Л.</i> Особенности комплексного исследования цифровых изображений внешнего облика человека	373
<i>Павлють О.В.</i> О некоторых аспектах методической основы судебно-почерковедческой диагностики	376
<i>Панченя Д.Н.</i> Использование метода восстановления (реставрации) повреждения ткани при решении задачи установления единого целого по его отделившейся части	380
<i>Пилипёнок Н.Н.</i> Криминалистическое исследование идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств	383
<i>Ржанникова С.С.</i> О целесообразности внедрения нейросетевых технологий в производство судебных экспертиз	388
<i>Усовский Б.А., Смоленчук В.Н.</i> Об экспертных исследованиях идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств	390
<i>Хох А.Н.</i> Термически модифицированная древесина: выявление фактов фальсификации с помощью БИК-спектроскопии (на примере сосны обыкновенной)	395
<i>Чванкин В.А.</i> Факторы, влияющие на отсутствие или изменение папиллярного узора	398

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Балиткин А.В.</i> Перспективы совершенствования взаимодействия оперативных и следственных подразделений при противодействии наркопреступлениям	401
<i>Гриб Д.В.</i> Криминализация уголовной ответственности за хищение, совершаемое путем модификации компьютерной информации	404
<i>Делов Н.С.</i> Проблемы при расследовании преступлений в сфере интернет-мошенничества	407
<i>Котова Е.Г.</i> Особенности осмотра места происшествия в ходе боевых действий	409
<i>Кравец В.В.</i> Отдельные вопросы противодействия экстремистской деятельности в Республике Беларусь	413

<i>Красиков В.С.</i> Дискуссионные вопросы совершенствования законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса	416
<i>Кудра Д.М.</i> Характеристика безвестного исчезновения несовершеннолетних	420
<i>Кучин О.С.</i> Легальное отличие современного понятия «оперативно-розыскная деятельность» от разведывательной деятельности и контрразведывательной	424
<i>Мальшев К.С.</i> Правовые и оперативно-розыскные средства противодействия криминальным способам банкротства	430
<i>Мартынов А.О.</i> Консультационно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности	433
<i>Стефаненко А.П.</i> Оперативно-розыскное сопровождение следственного действия: выемка	436
<i>Тукало А.Н., Якубель М.М.</i> Непредоставление материалов оперативно-розыскной деятельности: предметно-правовой анализ	438
<i>Харевич Д.Л.</i> О видах оперативно-розыскного поиска	442
<i>Шинкевич А.М.</i> О законодательном регулировании оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент»	444
<i>Яцкина И.А.</i> Сущность оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами	448
Сведения об авторах	452

Научное издание

**III Минские
криминалистические
чтения**

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 15 декабря 2022 г.)

Подписано в печать 15.06.2023. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 27,20. Уч.-изд. л. 27,58.
Тираж 40 экз. Заказ 127.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.